
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЬ В 200 ЛЕТ

Сборник статей, посвященный 200-летию
кафедры политической экономии
(экономической теории) СПбГУ

Под редакцией *В. Т. Рязанова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 330
ББК 65.01
Э40

*Рекомендовано к публикации
Научной комиссией в области экономики
Санкт-Петербургского государственного университета*

Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете:
Э40 Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. — 352 с.
ISBN 978-5-288-05895-0

Сборник статей посвящен двухсотлетию создания кафедры политической экономии (экономической теории) в Санкт-Петербургском университете: истории становления и развития теории экономики, педагогической и научной деятельности сотрудников кафедры, их вкладу в формирование российской экономической школы. Особое внимание уделено современному состоянию научных исследований, проводимых на кафедре экономической теории СПбГУ. Разрабатываемые научные направления нашли отражение в статьях сотрудников кафедры, в которых исследуются теоретико-методологические вопросы и проблемы социально-экономического развития России.

Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и всех, кто интересуется историей экономической науки и современными проблемами развития экономики.

**УДК 330
ББК 65.01**

ISBN 978-5-288-05895-0 © Санкт-Петербургский государственный университет, 2019
© Коллектив авторов, 2019

Содержание

Предисловие (В. Т. Рязанов)	5
Раздел 1. Кафедра политической экономии: история в лицах и событиях	9
<i>Широкопад Л. Д.</i> Политическая экономия в Санкт-Петербургском университете (начало XIX в. — 1939 г.)	9
<i>Марков М. В.</i> Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете (1819–1917): организация, содержание и политика правительства	32
<i>Рязанов В. Т.</i> Кафедра экономической теории: страницы новой истории	53
<i>Дубянский А. Н.</i> Михаил Андреевич Балугьянский как ученый-экономист и политик	67
<i>Вознесенский Л. А.</i> Александр Алексеевич Вознесенский. Человек, ученый и педагог, государственный и общественный деятель	77
<i>Лукичева Т. А.</i> Роль бизнес-сообщества в совершенствовании образовательного процесса на экономическом факультете СПбГУ: опыт двух десятилетий	97
Раздел 2. Экономическая теория: исторический вектор	107
<i>Расков Д. Е.</i> Антонио Дженовези — основатель первой кафедры политической экономии?	107
<i>Ушанков В. А.</i> Экономическая теория К. Маркса в России: проблема перевода понятия «Wert»	123
<i>Дроздов О. А.</i> Развитие теории денег в российской экономической науке второй половины XIX века	137
<i>Яковлева Е. Б.</i> История и теории миграционных процессов	148
<i>Семенович Н. С.</i> Экономические кризисы и особенности теоретических подходов к их характеристике	154

Раздел 3. Современная экономическая теория:	
 взгляд из Петербурга	165
<i>Рязанов В. Т.</i> Политическая экономия после К. Маркса и современный капитализм	165
<i>Румянцев М. А.</i> Трансграничные процессы в экономике современного капитализма: природа, логика, формы	185
<i>Пахомова Н. В.</i> Современная конкурентная политика: вызовы времени и новые ориентиры	202
<i>Протасов А. Ю.</i> Циклически-волновая динамика инфляции: российские и мировые тенденции	220
<i>Румянцева С. Ю.</i> Специфика современной фазы длинной волны экономического развития Н. Д. Кондратьева.....	237
<i>Остапенко В. М.</i> Макроэкономическая теория фискальной политики после Великой рецессии	267
<i>Акинин А. А., Шевелев А. А.</i> Социальный капитал и культура доверия: концептуальные рамки исследования	285
<i>Батистова О. И.</i> Основные направления деофшоризации российской экономики	300
<i>Вередюк О. В.</i> Безработица: риски и социальная поддержка в России	315
<i>Базжина В. А.</i> Развитие института посредничества на рынке труда	342

Предисловие

В Санкт-Петербургском университете активная научно-образовательная деятельность в сфере экономики началась с его возрождением в 1819 г. Тогда кафедра политической экономии в числе первых вошла в состав университета под названием «кафедра энциклопедии юридических и политических наук и политической экономии». К тому времени она уже имела свою предысторию в Педагогическом институте, учрежденном в 1804 г. и переименованном в 1816 г. в Главный педагогический институт, на базе которого с привлечением его преподавателей создавался Императорский Санкт-Петербургский университет.

Последующее развитие экономического образования в университете было связано с двумя началами в экономической науке — политической экономией и статистикой. Такое их исходное сочетание вполне оправданно и объяснимо. Оно определяет главное содержание и предназначение экономической науки — служить раскрытию природы и особенностей хозяйственной деятельности людей в соединении ее качественной и количественной сторон, теоретического и практического значения. Обществу всегда важно знать о том, почему и как осуществляется хозяйственная деятельность людей, что ими движет и что определяет их интересы. Не менее существенны и те реальные результаты, которыми она сопровождается и по которым можно судить об ее успешности, а это требует умения оценивать и сопоставлять.

Чем сложнее и многообразнее становилось народное хозяйство, тем сильнее происходила дифференциация научных направлений и тем чаще возникали новые экономические школы, посредством которых развивалась наука об экономике. Все это находило отражение в сфере преподавания, способствуя расширению набора учебных дисциплин по экономике, необходимых для ее освоения. Именно так продвигалась экономическая наука в Санкт-Петербургском университете, отражая общую тенденцию. Постепенно появлялись новые кафедры, рождались новые научные дисциплины и возникали новые специальности. Такой процесс развития науки закономерен и имеет свое продолжение.

Политическая экономия и статистика как учебные дисциплины на этапе своего становления находились в тесной взаимосвязи и даже в неразрывном единстве. Не случайно многие профессора и преподаватели двух кафедр параллельно читали курсы по политической экономии и статистике, нередко в их научных интересах органично сочетались эти два направления. Многие преподаватели внесли свой творческий вклад в становление политической экономии как науки и в разработку теории статистики. Своеобразным апогеем единения стало возникновение общей кафедры политической экономии и статистики в 1835 г., когда после очередной реорганизации ее сотрудники оказались вначале на философском, а затем на юридическом факультете университета. В объединенном составе они просуществовали до 1917 г. Так что у двух кафедр общая история, но неодинаковые результаты.

История кафедры политической экономии, начавшаяся 200 лет назад, была непростой, со взлетами, падениями и трагическими страницами. Тогда в стране свершались эпохальные перемены, радикально преобразующие облик страны и устройство ее экономики. Достаточно напомнить о революционных событиях 1917 и 1991 гг. Россия стала полигоном для грандиозных социально-экономических экспериментов, что отражалось на работе кафедры. Кафедра не стояла в стороне от экспериментов, активно в них участвуя. Безусловно, все это не могло не влиять на место и роль политической экономии, а в более широком плане на место и роль и самой экономической науки в университетской научно-образовательной деятельности.

Политическая экономия в данном отношении особенно уязвима и подвержена административному давлению, поскольку ее предназначение не ограничивается абстрактно понимаемой научно-практической ролью. Сама нацеленность науки на поиск истины требует раскрытия экономических интересов и противоречий, содержащихся в хозяйственных процессах, поэтому политическая экономия, обладая потенциалом содержательной критики, способна оппонировать власти. Ведь власть по своей природе заинтересована в использовании науки для своих прагматичных целей, а они в немалой степени связаны с идеологическим подкреплением проводимой политики и поддержанием ее авторитета. Этим определяется значение политического и идеологического векторов в развитии политэкономического знания в сфере экономики, с которым связан жесткий контроль за ее представителями, так же как и стремление заместить одни научные школы другими, менее опасными для власти. Не случайно уже первая «чистка» на кафедре политической экономии произошла через два года после ее образования (в 1821 г.), когда были уволены неугодные преподаватели. В ее истории подобные эпизоды, к сожалению, случались неоднократно и по разным поводам.

Возможность экономической теории определяется не только собственной логикой развития науки. Она зависит от того, какой получит статус и в каком

качестве, как будет сформулирован общественный заказ, насколько она окажется подверженной административному влиянию.

Становление кафедры политической экономии происходило параллельно с формированием университетской школы экономической науки в России. Можно считать, что первые 100 лет в ее истории проходили под влиянием ведущих экономических школ, появлявшихся в Европе. Вначале была английская школа классической политической экономии, затем наступил черед немецкой исторической школы. Значительным было воздействие экономического учения К. Маркса, но и у него были свои оппоненты, и уже обнаруживались истоки зарождающейся неоклассической школы. Такая смена теоретических парадигм не являлась простым следованием научной моде, продиктованной зарубежной экономической мыслью. Это был поиск своего места в науке с ориентацией на практическое применение в условиях российской специфики, и в некоторых ее областях он характеризовался достижениями отечественной экономической школы. В конце XIX в. в университете работали выдающиеся российские экономисты А. А. Кауфман, Ю. Э. Янсон, М. И. Туган-Барановский, С. И. Солнцев, А. И. Буковецкий и др. Их последователи и ученики достойно продолжили восхождение экономической науки России. Достаточно привести имена В. В. Леонтьева, ставшего лауреатом Нобелевской премии по экономике, и Н. Д. Кондратьева, разработавшего теории больших циклов в экономике.

Если звездный час в развитии политической экономии как науки пришелся на предреволюционный период, то в организационном отношении ее ведущая роль проявилась при создании факультета в составе Ленинградского государственного университета. Хорошо известно, что в 1940 г. он образовался фактически на основании кафедры политической экономии и до 1949 г. назывался политико-экономическим факультетом. Так сложилось, что первый заведующий кафедрой политической экономии М. А. Балутьянский и первый декан политико-экономического факультета А. А. Вознесенский впоследствии стали ректорами нашего университета.

Политическая экономия не только получила новую жизнь, но и смогла сохранить преемственность во многом за счет того, что инициатор возникновения факультета и первый его декан А. А. Вознесенский пригласил известных экономистов-теоретиков. Некоторые из них снискали известность еще в дореволюционной России.

В советский период значение марксистской политической экономии как теоретической базы в подготовке экономистов было решающим. При этом данная дисциплина в стране была обязательной во всех направлениях образовательной деятельности.

Конечно, такой статус политической экономии, опирающийся на административную поддержку, был не безупречен и таил в себе риски и угрозы. В полной мере они проявились в 1990-х гг., когда произошла смена политического режима в стране и необходимость в данной версии теоретического

знания отпала. Хотя сама потребность в экономико-теоретическом знании не исчезла, ее ведущая роль заметно ослабла и сузилась, что особенно отразилось на падении в образовательном процессе интереса к теоретическому знанию. Наступило непростое время для экономической теории и экономистов-теоретиков. Сегодня это реальность, с которой приходится считаться.

Данное издание не является полноценным описанием истории развития политэкономического (теоретического) знания в университете. Историю становления и развития политической экономии в Санкт-Петербургском университете в разных ее версиях во всей полноте и неоднозначности еще предстоит создать. Тем более что уже есть достойные работы наших коллег из школы статистики и финансовой школы, подобную задачу уже успешно осуществивших, а их публикации могут служить примером¹. Что касается предпринятой нами работы, то ее результатом стал сборник, посвященный двухсотлетию кафедры политической экономии (экономической теории), соединивший материалы, обращенные к некоторым страницам из жизни кафедры, и статьи ее нынешних преподавателей по актуальным экономическим проблемам.

История всегда поучительна, даже когда она ничему не учит. Ее надо знать и применительно к истории экономической науки в нашем университете, чтобы лучше понимать то, свидетелями чего мы становимся. Когда вникаешь в историю, еще больше осознаешь, что многое из ныне происходящего уже было. Осмысление исторического опыта важно как для того, чтобы отдать должное нашим предшественникам, продолжая и развивая заложенные ими научные традиции; так и для того, чтобы понимать противоречивость происходивших событий и неоднозначность их участников, а это, вполне вероятно, поможет нам извлечь из прошлого надлежащие уроки.

В. Т. Рязанов

¹ Статистика в Санкт-Петербургском университете / под ред. Я. В. Соколова, Д. А. Львовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010; Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет / под ред. В. В. Ковалева. М.: Проспект, 2009.

Раздел 1

КАФЕДРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И СОБЫТИЯХ

Л. Д. Широкопад

Политическая экономия в Санкт-Петербургском университете (начало XIX в. — 1939 г.)¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Широкопад Л. Д.* Политическая экономия в Санкт-Петербургском университете (начало XIX в. — 1939 г.) // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 9–31.

В статье анализируются особенности процесса становления и развития политической экономии в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете до начала Великой Отечественной войны. Выделяются основные этапы этого процесса, характеризуется влияние на развитие политической экономии в вузе особенностей политической и экономической ситуации в стране и европейской экономической науки, рассматривается кадровая политика царского правительства, отношение профессорско-преподавательского корпуса и студенчества к марксизму.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, М. А. Балугьянский, камеральное отделение юридического факультета, Дерптский университет, И. Я. Горлов, В. С. Порошин, Э. Р. Вреден, П. И. Георгиевский, М. И. Туган-Барановский, экономическое отделение факультета общественных наук, Н. Д. Кондратьев, А. А. Вознесенский.

¹ При написании данной статьи использованы материалы публикаций: *Широкопад Л. Д.*: 1) Преподавание политической экономии: начальный этап // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 3. С. 49–55; 2) Научная и педагогическая деятельность М. И. Туган-Барановского в С.-Петербурге (1893–1917) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 1. С. 48–66.

Политическая экономия преподавалась в отдельных учебных заведениях России еще в конце XVIII — начале XIX в. Однако включение этого курса в учебный план столичного Императорского Санкт-Петербургского университета создавало новые, более широкие возможности для развития данной науки, так как именно этот университет находился под особым патронатом верховной власти. Впрочем, указанное обстоятельство зачастую оборачивалось бóльшим ограничением университетской автономии и, соответственно, творческой свободы университетских ученых, нежели в других вузах. Попробуем рассмотреть влияние каждого из этих двух факторов на развитие политэкономии в Санкт-Петербургском университете, охарактеризовать теоретические взгляды ведущих ученых, их вклад в политэкономия и возникавшие между ними дискуссии. Особое внимание уделим при этом анализу коренных, принципиальных изменений в постановке преподавания политэкономии в Петроградском (Ленинградском) университете после революционного 1917 г.

Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете в первой половине XIX в. имеет не только свою историю, но и предысторию. Идея создания Санкт-Петербургского университета родилась задолго до ее оглашения министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным в 1819 г. и воплощалась в жизнь поэтапно. В «Похвальном слове Петру Великому...», прочитанном в торжественном собрании в день открытия Санкт-Петербургского университета 25 марта 1838 г. экстраординарным профессором А. Никитенко, который, кстати, первые 19 лет своей жизни был крепостным графа Шереметева, отмечалось, что «первый русский университет существовал уже в уме Петра. До времени он слил две формы высшего образования в одну, потому что того требовали современные ему нужды государственные» [Слова и речи..., 1838, с. 9–10].

Активное продвижение в решении выдвинутой Петром I задачи создания университета в столице началось после восшествия на престол Александра I. Государство в то время остро нуждалось в высококвалифицированных кадрах управленцев, хозяйственников, ученых, без активного участия которых осуществить реформы, намеченные в различных сферах общественной жизни, было бы невозможно. Однако для образования полноценного университета в начале XIX в. необходимых условий еще не было, поэтому начали с преобразования в апреле 1804 г. существовавшей в Петербурге учительской гимназии в Педагогический институт.

В утвержденных 16 апреля 1804 г. «Предварительных правилах народного просвещения» указывалось, что Педагогический институт следует рассматривать как «отделение имеющего учредить в Санкт-Петербурге университета» (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. IX]). Профессор Е. Ф. Зябловский, сменивший 31 октября 1821 г. М. А. Балугьянского на посту ректора Санкт-Петербургского университета, отмечал, что в то время в России педагогические институты должны были существовать при каждом российском университете

(см.: [Зябловский, 1833, с. 38]). Указанные «Правила» предполагали, в частности, что в педагогическом институте должна изучаться политическая экономия (см.: [Рождественский (ред.), 1919, с. IX]). Поскольку преподавать в учебном заведении университетского типа в России было практически некому, многие профессора были приглашены из-за границы. В Санкт-Петербургский пединститут были приглашены «карпато-россы» из Австрии. Среди них был и М. А. Балугьянский, который приехал в столицу 4 февраля 1804 г. Еще 1 августа 1803 г. он был назначен ординарным профессором по кафедре политической экономии в учительской гимназии. В должности ординарного профессора он оставался и после ее преобразования в Педагогический институт (16 апреля 1804 г.), а затем в Главный педагогический институт (23 декабря 1816 г.). Интересно, что в официальных бумагах, подписанных министром духовных дел и народного просвещения в 1819 г., говорилось о «бывшем Главном педагогическом институте, что ныне Санкт-Петербургский университет» [О дозволении студентам..., 1822, с. 26].

Михаил Андреевич Балугьянский был воспитан на работах немецких представителей теории естественного права С. Пуфендорфа, Г. В. Лейбница, Х. Вольфа и Х. Томазия, а в области политической экономии — на идеях А. Смита. В России, будучи профессором столичного Педагогического института, он не только выступил талантливейшим пропагандистом этих идей, но и перенес их «в организацию финансов русского государства» [Фатеев, 1931, с. 14].

М. А. Балугьянский не заботился о публикации своих работ. В основном это было связано с тем, что у него просто не было времени на это. «Лишь в последние месяцы своей жизни он собирался пересмотреть и привести в порядок свои сочинения о финансах и свои лекции по предметам прав и политической экономии» [Старчевский (ред.), 1849, с. 86–87]. Осуществить это намерение Михаил Андреевич не успел, поэтому из его огромного творческого наследия мало что сохранилось.

Некоторые современники Балугьянского были знакомы с его рукописями. Относительно сочинения «Изображение различных хозяйственных систем» бытовало мнение, что именно оно «создало существующую в нашей литературе терминологию политической экономии» [Д. Б., 1890, с. 80–83]. С уверенностью можно сказать и то, что именно М. А. Балугьянский заложил основы преподавания политической экономии в Педагогическом институте,

Балугьянский
Михаил Андреевич
(1769–1847)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1198-balugjanskiy-balugjanski-mikhail-andreyevich.html>

а следовательно и в Санкт-Петербургском университете. Отмечая особую роль Балугьянского в формировании лучших университетских традиций, один из авторов писал в 1891 г., что он «проводил приемы чисто академические просвещенного германского ученого, посеял ту простоту и товарищеские отношения, которые шли вразрез с политикою Магницких» [Первое двадцатипятилетие..., 1844, с. 833]. Интересен тот факт, что в Педагогическом институте М. А. Балугьянский читал лекции не только по политической экономии, но получал жалование он исключительно за этот курс. Можно предполагать поэтому, что преподаванию политэкономии он уделял особое внимание (см.: [Баранов, 1882, с. 12]).

Михаил Андреевич был, пожалуй, самой яркой и совершенно незаурядной фигурой не только среди профессоров Педагогического института. Его уникальные, всеобъемлющие знания, благодаря которым в России его называли кладезем наук (см.: [Фатеев, 1931, с. 16]), высокий профессионализм, огромное трудолюбие сразу обратили внимание российских реформаторов во главе с Александром I. «Созидательное направление, охватившее наших юных русских преобразователей, — писал директор сенатского архива П. И. Баранов, — заставляло их, пользуясь появлением такой энциклопедической личности, черпать в М. А. Балугьянском все те глубоко научные сведения, которые столь тщательно были уже разработаны европейской цивилизацией... Сколько русских государственных деятелей прошло... школу этого учнейшего наставника» [Баранов, 1882, с. 6, 8]. В частности, Михаил Андреевич был ближайшим сотрудником М. М. Сперанского и министра финансов Д. А. Гурьева. Небезынтересно отметить и то, что именно Балугьянский был избран императрицей Марией Федоровной для преподавания политической экономии великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. Один из учеников М. А. Балугьянского Иван Петрович Шульгин, учившийся в Петербургском педагогическом институте в 1810–1813 гг., а в 1834 г. ставший ректором Санкт-Петербургского университета, отмечал, что в составление полного свода российских законов огромный вклад внесли бывшие студенты Педагогического института, которые выполняли эту работу под руководством Михаила Андреевича. «С каким прежде жадным вниманием и любопытством теснились они вместе с бывшими товарищами вокруг кафедры, с которой раздавался светлый и увлекательный глагол профессора Балугьянского, с такою же тогда готовностью и усердием окружили они своего прежнего любимого наставника; были верными товарищами и соучастниками его трудов и бдений» [Слова и речи..., 1838, с. 22].

В своей записке на имя министра финансов Д. А. Гурьева от 22 ноября 1816 г. М. А. Балугьянский отметил: «Под моим руководством образовано и выпущено до 300 воспитанников, из числа которых многие заняли уже профессорские кафедры в различных учебных заведениях Министерства народного просвещения» [цит. по: Д. Б., 1890, с. 12]. Это было написано за восемь лет до конца профессорской карьеры Михаила Андреевича.

В 1808 г. состоялся первый выпуск студентов Педагогического института. 12 лучших выпускников были отправлены за границу для приготовления к профессорскому званию (см.: [Рождественский (ред.), 1919, с. XIII]). Среди них был ученик Балугьянского Плисов.

В 1816 г. Педагогический институт был преобразован в Главный педагогический институт. Различие состояло не только в названии: Главный педагогический институт был наделен целым рядом прав и обязанностей, которыми ранее могли пользоваться лишь университеты (например, право возведения в ученые степени и звания, обязанность готовить профессоров для высшей школы и др.). При этом «на содержание преобразованного института назначалась сумма вдвое больше определенной на первоначальное образование Педагогического института» [Рождественский (ред.), 1919, с. X–XI]. В 1844 г. тогдашний ректор Санкт-Петербургского университета профессор П. А. Плетнев отмечал, что Главный педагогический институт, существовавший всего два года, представлял «в себе полноту и гармонию университета» [Первое двадцатипятилетие..., 1844, с. 11].

И все же Главный педагогический институт еще не был полноценным университетом. Например, он не выполнял функцию центра по управлению Санкт-Петербургским учебным округом и некоторые другие функции, которые могли быть прерогативой лишь университета. Как отмечал в своем докладе Александру I в феврале 1821 г. министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын, «многолетние опыты показали необходимость учреждения в здешней столице университета вместо Главного педагогического института...» [Об открытии Санкт-Петербургского университета, 1821, с. 428].

В феврале 1819 г. Главный педагогический институт был преобразован в Санкт-Петербургский университет. Сюда перешли студенты и весь личный состав преподавателей Главного педагогического института (см.: [Рождественский (ред.), 1919, с. XIV]). Число преподававшихся дисциплин и деление на три факультета также были оставлены без изменения (см.: [Первое двадцатипятилетие..., 1844, с. 15]).

Вначале университетский курс был рассчитан на три года. Политэкономии изучали на втором курсе философско-юридического факультета, деканом которого с 1817 г., когда это был еще факультет Главного педагогического института, был Балугьянский. Вскоре он был назначен ректором университета, поэтому чтение курса политической экономии с мая 1820 г. было закреплено за М. Г. Плисовым (см.: [Давидович, 1905, с. 122]).

В первой половине царствования Александра I, когда формировался профессорский корпус Педагогического института, его внутривузовский курс был весьма либеральным. Профессорами института стали действительно выдающиеся ученые. В 1819 г. именно они автоматически стали профессорами Санкт-Петербургского университета. Однако, как известно, пожар Москвы в 1812 г. потряс императора настолько, что у него произошел серьезный ду-

шевный перелом. Он все глубже проникался религиозно-мистическими настроениями и окружал себя такими мистиками, как Жозеф де Местр, с которым любил беседовать, в частности, об ордене иезуитов, а также баронесса Крюденель, прославившаяся своими экзотическими пророчествами и, как некоторые полагали, внушившая Александру I идею Священного Союза. Мистическая литература, которой зачитывался император, вдохновляемый своими новыми друзьями, побуждала его направить усилия на то, чтобы жить и править в строгом соответствии со Священным Писанием, игнорируя при этом существующие церкви. Естественно, эти увлечения самодержца не могли не оказать сильнейшего влияния на политику в области народного просвещения. Уже в 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения. Изменилось не только название министерства, но и общее направление его политики. Суть этого изменения состояла в том, чтобы «сорвать едва окрепшую систему высшего образования, утвержденную университетскими уставами 1804 г., с глубоких корней философского Просвещения XVIII века и перестроить ее на началах политической реакции и мистического обскурантизма» [Рождественский (ред.), 1919, с. XXXVII].

Чтобы создать благоприятные условия для реализации этого курса, новый министр князь А. Н. Голицын, по словам историка А. А. Корнилова, «окружил себя подходящим личным составом “Главного правления училищ”, при котором открыт был еще “Ученый комитет”, а в него попали лица вроде известного Стурдзы, издавшего за границей памфлет против германских университетов, послуживший там в 1818 г. сигналом гонения на них. Рядом со Стурдзой введены были ханжи и изуверы, вроде Магницкого и Рунича, которые сделались попечителями учебных округов и произвели полный погром только что пущенного в ход при помощи иностранных профессоров дела просвещения» [Корнилов, 1993, с. 115].

К чести тогдашнего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Уварова, он не поддержал новый курс министерской политики. В письме к своему другу Карлу фон Штейну — прусскому государственному деятелю и советнику Александра I, осуществившему глубокие реформы в различных сферах общественной жизни Германии, в частности отменившему крепостное право в этой стране, Уваров писал: «Состояние умов теперь таково, что путаница мысли не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, то есть огня, который бы не жег; другие (а их всего более) кидают в одну кучу Наполеона и Монтескье, французские армии и французские книги... бредни Шишкова и открытия Лейбница; словом, это такой хаос криков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо; религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, франкмасон, фанатик и т. п.; словом — полное безумие. Каждую минуту рискуешь

компрометироваться или сделаться исполнительным орудием самых преувеличенных страстей» (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. XXXVIII]).

Жизнь показала, что Уваров шел против течения и потому терпел одно поражение за другим. Именно он открыто выступил против нового попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, осуществившего разгром Казанского университета. В этой борьбе, однако, победил М. Л. Магницкий. Его идея о закрытии Казанского университета была поддержана министром Голицыным, но Александр I все же не решился утвердить этот план. В свою очередь, проект нового устава Санкт-Петербургского университета, разработанный Уваровым в 1820 г. без учета нового курса политики министерства, был заблокирован стараниями Магницкого, а также архиепископа Филарета и Рунича. В результате Устав Санкт-Петербургского университета так и не был утвержден.

В начале 1821 г. директор Санкт-Петербургского университета Д. А. Кавелин, отец известного публициста и общественного деятеля К. Д. Кавелина, воспользовался тем, что учащиеся Благородного пансиона при Санкт-Петербургском университете совершили небольшое нарушение дисциплины и написал письмо Уварову, в котором утверждал, что данный инцидент свидетельствует о грубых просчетах в организации учебного процесса и в преподавании общественных наук. В частности, в письме указывалось на необходимость составить для пансиона такие курсы философии, естественного права, истории и политической экономии, «кои бы не только не противоречили учению Откровения, но, не закрывая мраком лжемудрия, по истине его подтверждали», а «всех ненадежных по совести в сем смысле преподавателей» он предлагал заменить другими по выбору директора, то есть его самого (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. XLI]).

Уваров весьма критически отнесся к этим предложениям. В частности, он писал министру Голицыну: «Что же касается до того, чтобы основать политическую экономию на Откровении, то я сию мысль не постигаю» (цит. по: [Рождественский (ред.), 1919, с. XLII]).

В этом противостоянии Голицын принял сторону противников Уварова, и последний вынужден был уйти в отставку в июле 1821 г. Кавелин же, одержавший победу, начал искоренять сложившийся в университете порядок и систему образования. Как отмечал один из лучших знатоков истории Санкт-Петербургского университета профессор С. В. Рождественский, «построенный на началах рационалистической философии XVIII века, этот порядок изображался теперь руководителями Министерства духовных дел и народного просвещения как воплощение самого князя тьмы, “с трактатами философии и с хартиями конституции в руке поставившего престол свой на Западе и желающего быть равным Богу”. Такого порядка нельзя было преобразовывать; его надлежало вырвать с корнем» [Рождественский (ред.), 1919, с. XLIII].

После отставки графа Уварова исполняющим должность попечителя Санкт-Петербургского университета и Петербургского учебного округа был

назначен член Главного правления училищ Д. П. Рунич. Вскоре после вступления в должность он поручил директору Петербургского университета и состоявшего при нем Благородного пансиона Д. А. Кавелину взять тайно у отдельных студентов конспекты лекций некоторых профессоров и преподавателей. Конспекты поступили в Главное правление училищ, которое, как уже отмечалось, было укомплектовано соответствующими кадрами. Это Правление обвинило профессоров университета Германа, Раупаха, Галича и адъюнкт-профессора Арсеньева в атеизме, маратизме и робеспьеризме и отстранило их от чтения лекций. В ноябре 1821 г. состоялось три заседания университетского суда, на которых председательствовал тот же Рунич и где присутствовали Кавелин и Балугьянский. Вся четверка ведущих ученых была признана виновной и уволена из университета. Вслед за ними добровольно ушли из университета некоторые другие профессора. Балугьянскому пришлось подать в отставку с ректорского поста, а в 1824 г. он уволился и с должности профессора.

Эта катастрофа, конечно, была бы невозможна без молчаливой поддержки Александра I. Великий князь и будущий император Николай Павлович, видимо, хорошо понимал всю нелепость этой истории и вред, который она принесла. В феврале 1824 г., встретив Рунича, он не без сарказма стал благодарить его от себя, от матери и от великого князя Михаила Павловича за то, что в результате травли, организованной Руничем, уволенных профессоров приняли на службу в патронлируемые августейшими особами учебные заведения. «Сделайте одолжение, — заявил он ему, — нам очень нужны такие люди, — пожалуйста, выгоняйте их побольше из университета, у нас для всех найдутся места» (цит. по: [Корсакова, 1918, с. 598]).

История с университетским судом сделала Рунича притчей во языцех. Издевался над ним не только Николай Павлович, но и литераторы. Так, А. Ф. Воейков, в своей знаменитой сатире «Дом сумасшедших» писал:

Други, признаюсь: из кельи,
Уши я, зажав, бежал...
Рядом с ней на новосельи
Рунич бегло бормотал:
«Вижу бесов пред собою;
От ученья сгинул свет...
Этой тьме Ньютон виною
И безбожник Боссюэт!
Локк запутал ум наш в сети,
Геллерт сердце обольстил;
Кантом бредят даже дети,
Дрекслер нравы развратил!»

(цит. по: [Корсакова, 1918, с. 596]).

За свои заслуги в борьбе с инакомыслием Рунич был назначен попечителем Петербургского учебного округа, но проявил себя как совершенно бездарный администратор. Решения, которые он принимал единолично, без консультаций с профессорским корпусом, были весьма непопулярными и в конечном счете привели университет к тяжелому финансовому кризису. Одно из таких решений, на реализацию которого ушло много средств, состояло в том, что в 1822 г. университет был переведен из здания Двенадцати коллегий на Семеновский плац (напротив казарм Семеновского полка), куда было тяжело добираться и студентам, и профессорам, жившим на Васильевском острове. В 1826 г. Николай I отстраняет Рунича от должности попечителя и отдает распоряжение о начале следствия над ним. В «Обозрении состояния Императорского Санкт-Петербургского университета и его округа по хозяйственной и учебной части за 1826 г.» указывалось, что в результате деятельности Рунича на посту попечителя «университет лишился одиннадцати профессоров, из коих одни, принужденные обстоятельствами, сами оставили оный, а другие были отставлены» [Рождественский (ред.), 1919, с. 603].

Разгром университета в 1821 г. наряду с некоторыми другими причинами, как отмечается в «Отчете по Санкт-Петербургскому университету и его округу за 1826 г.», воспрепятствовали ему «возвыситься до такой же степени, на которой находятся другие того же названия учебные заведения в России» [Рождественский (ред.), 1919, с. 597]. Разрушить всегда легче, чем создать. По словам П. Н. Милюкова, «последствием грозы... была замена лучших профессоров поколением совершенных ничтожностей» [Милюков, 1994, с. 287]. Оценивая в целом историческое значение того поворота в политике Министерства народного просвещения, который произошел в последний период царствования Александра I, А. А. Корнилов писал: «...народное... просвещение, сильно движущееся было вперед в начале царствования, теперь было подавлено, искажено и изуродовано обскурантскими и реакционными мерами клерикалов и изуверов-мистиков» [Корнилов, 1993, с. 130].

Восстановление университета после разгрома 1821 г. происходило долго и болезненно, но, как отмечал профессор С. В. Рождественский, «труднее всего было восстановить... философско-исторический факультет, гнездо вредоносных наук — философии и естественного права», он оказался «наиболее отсталым из всех» [Рождественский (ред.), 1919, с. LXXXIII, LXXXV]. После ухода Балугьянского, а вслед за ним его ученика М. Г. Плисова, который был уволен в 1822 г. за поддержку профессоров, подвергшихся опале, политэкономия в университете вплоть до 1835 г. стали преподавать непрофессионалы типа Н. И. Бутырского и А. Н. Никитенко. При этом Бутырский особенно отличался верноподданническими настроениями. Политэкономия он читал с 1821 г. по А. Смит с прибавлениями из Ж.-Б. Сэя и других авторов, но в конечном счете вернулся к преподаванию словесности, причем делал это «в духе стародавней схоластической традиции, лишенной уже всякой научности» [Рождественский

(ред.), 1919, с. LXXXVI]. Как отмечал еще в 1870 г. профессор В. В. Григорьев, этот курс он «читал небрежно, и его лекции, доставляя слушателям существенного и полезного весьма немного, весьма много приучали к напыщенности и переливанию из пустого в порожнее» [Григорьев, 1870, с. 73]. Можно предположить, что если таким образом Н. И. Бутырский проявил себя в преподавании науки, где он считался профессионалом, то преподавание совершенно чуждой ему политэкономии было поставлено по крайней мере не лучше.

В 1835 г. утвердили новый университетский устав, который фактически отменял права «университетской автономии», закрепленные общеуниверситетским уставом 1804 г. И не случайно он был назван П. Н. Милюковым авторитарным (см.: [Милюков, 1994, с. 300]). В соответствии с уставом 1835 г. университет стал рассматриваться в основном как учебное, а не учебно-научное учреждение. Это был серьезный шаг назад по сравнению с общеуниверситетским уставом 1804 г., который требовал обеспечения органического единства учебного процесса и научных исследований. Что касается кафедры политэкономии и статистики, то она была переведена с юридического факультета на историко-филологическое отделение философского факультета, что отражало стремление власть имущих в максимальной степени удалить указанную кафедру от исследования актуальных теоретико-экономических проблем, имевших ярко выраженное политическое звучание, направить научные исследования российских экономистов в русло академизма.

В новых условиях российские университеты оказались слишком слабыми, чтобы самостоятельно воспроизводить кадры профессоров и преподавателей. Для их подготовки приходилось направлять выпускников российских университетов на своеобразную стажировку в иностранные, в основном германские, университеты, а также в специально для этой цели созданный Профессорский институт при Дерптском университете. Прошедшие столь серьезную подготовку молодые профессора, как правило, владели знаниями в соответствующих науках на европейском уровне, что, конечно, способствовало повышению качества преподавания. Некоторые из них пользовались особой популярностью в студенческой среде. Например, В. С. Порошин, сменивший в 1835 г. Н. И. Бутырского в должности профессора кафедры политэкономии и статистики, по словам его биографа, «официально... читал политическую экономию по сочинению Шторха... Но... при своей обширной начитанности, знакомил слушателей со множеством других вопросов, соприкасавшихся с главным содержанием его лекций, и обращал внимание студентов на возникавшие в то время в Западной Европе учения социалистических школ в сфере политической экономии. Несмотря на полное отсутствие красноречия, Порошин сделался скоро любимейшим из профессоров, благодаря разнообразности его образования, гуманистическим тенденциям, а главное — благородству своего характера. По словам П. А. Плетнева (ректор университета с 1840 по 1861 г. — Л. Ш.), студенты привыкли приходить в аудиторию Порошина с приятным ожиданием

услышать что-нибудь научно-любопытное и выходить оттуда с новыми мыслями, каждый раз глубоко обдуманнми и полными многообразного приложения к общественной жизни» [Майков, 1905, с. 578].

В 1843 г. на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета открывается так называемое «камеральное отделение», призванное готовить чиновников и хозяйственников. В блоке экономических дисциплин основное внимание теперь уделялось изучению государственных финансов, форм государственного регулирования экономики, экономике отдельных отраслей. Впрочем, здесь преподавалась и политическая экономия. Все же в Николаевскую эпоху эта наука, как и философия, была не в чести у власть имущих, которые очень опасались (и не без оснований), что ее изучение будет способствовать росту вольнодумства и оппозиционных настроений в среде студенческой молодежи. Преподавание политэкономии было обставлено особенно суровыми ограничениями в 1848 г., когда многие европейские страны захлестнула волна революций. Министерство народного просвещения исходило из того, что изучение этой науки чревато различного рода злоупотреблениями.

С воцарением Александра II в 1855 г. начался период реформ, которые коснулись и университетского образования. В соответствии с новым уставом, принятым в 1863 г., университетам была предоставлена автономия. Профессорам стало легче публиковать свои сочинения. В 1847 г., после неожиданного ухода из университета В. С. Порошина, для преподавания политэкономии в Санкт-Петербургском университете был приглашен казанский профессор Иван Яковлевич Горлов. Тот факт, что в столице не нашлось ни одного человека, которому можно было бы поручить чтение лекций по политэкономии в университете, свидетельствует о весьма серьезном отставании в этой сфере научных исследований, что было следствием той политики, которую проводило министерство в эпоху царствования Николая I.

И. Я. Горлов был первым профессором Санкт-Петербургского университета, написавшим учебник под названием «Начала политической экономии». В качестве эпиграфа он избрал высказывание Монтескье: «Je n'ai point tiré mes principes de mes préjugés, mais de la nature des choses» («Я не вывожу мои принципы из моих предположений, но из природы вещей») [Горлов, 1859, титульный лист]. Действительно, предметом исследования в двухтомном трактате были, как писал сам ученый, «естественные законы экономии народов» [Горлов, 1859, с. II]. К числу этих законов он относил прежде всего принцип невмешательства. Правда, как справедливо отмечал профессор Н. К. Каратаев, «если во

Горлов Иван Яковлевич
(1814–1890)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1466-gorlov-ivan-yakovlevich-2.html>

Франции XVIII в. этот лозунг имел определенное антифеодальное содержание, то в России середины XIX в. он использовался либеральными экономистами для охраны феодальной земельной собственности, для невмешательства в земельные дела помещиков и предоставления им свободы при определении своих взаимоотношений с крепостным крестьянином» [Каратаев, 1958, с. 421–422]. Хотя экономические воззрения И. Я. Горлова и претерпели определенную эволюцию, особенно под воздействием реформ, которые проводил Александр II, в целом он неизменно защищал интересы помещиков, за что был подвергнут суровой критике Н. Г. Чернышевским. В то же время он выступил как идеолог буржуазных реформ в области промышленности, транспорта, финансов. Горлов признавал хозяйственные особенности России и считал совершенно необходимым для теоретика использовать экономическую теорию для решения практических задач хозяйственного развития страны. Он хорошо знал как современную ему европейскую экономическую мысль, так и экономику России, хорошо читал лекции, и студенты это ценили. По словам Ф. Н. Устрялова, одного из студентов Горлова, «читал <лекции> достаточно интересно и обладал даром слова. Но все желания его придать более общий смысл преподаваемому предмету разбивались о тесные рамки, в которые в то время была поставлена “Политическая экономия” как наука. Она подвергалась такому строгому преследованию, что некоторые отделы ее были или совершенно исключены, или же преподавались в кратких, отрывочных заметках. Не только было запрещено говорить о новейших теориях и системах, не только строжайшему ostracismu подпали доктрины Фурье и Сен-Симона, но даже о Мальтусе и Росси следовало выражаться крайне осторожно» [Устрялов, 1884, с. 125].

В 1880 г. ординарным профессором по кафедре политэкономии в Санкт-Петербургском университете становится Э. Р. Вреден, хотя лекции по политэкономии он начал здесь читать еще в 1873 г. В университете он проработал почти четверть века. Он относился «крайне отрицательно как к “необузданному индивидуализму” либеральной школы, так и к протекционизму, даже в листовской интерпретации» [Л. Л., 1913, с. 829]. В отличие от И. Я. Горлова он занимал четко выраженную критическую позицию по отношению к помещикам и придавал важное значение необходимости активного участия государства в защите интересов рабочих, в частности настаивал на целесообразности введения системы участия рабочих в прибылях предпринимателей при гарантии определенного уровня минимальной заработной платы, а также на организации принудительного страхования рабочих при половинном участии в расходах рабочих и предпринимателей. Он защищал народническую идею о необходимости организации артелей при отказе от использования наемного труда. Можно сказать, что взгляды Вредена, если сравнить их с позицией Горлова, учитывали новые экономические и политические реальности и были более взвешенными.

Основной политэкономической работой Э. Р. Вредена является «Курс политической экономии» (первое издание — в 1874 г., второе — в 1880 г.). Эта объемная книга написана на основе изучения прежде всего немецкой экономической литературы, которую автор «Курса» хорошо знал. Изложение экономической теории сопровождается у него критическим разбором существующих точек зрения по тому или иному вопросу. Например, он доказывает неосновательность представлений о том, что политическая экономия — это учение о ценности, или, как утверждали другие исследователи, наука о народном хозяйстве; критикует взгляды В. Г. Ф. Рошера, И. В. Вернадского и других по этому вопросу. Опираясь на труды А. Э. Ф. Шеффле, он развивает «учение о морфологии хозяйственных процессов», предлагая даже заменить понятие «учение о распределении» понятием «учение о морфологической законосообразности деяний и явлений в области хозяйства» [Вреден, 1874, с. 42, 48]. Необходимо отметить, что такая постановка вопроса не получила поддержки в российской экономической литературе. То же можно сказать и об отрицании Э. Р. Вреденом существования школ в политической экономии. Некоторые разделы «Курса» были особенно хорошо разработаны, например учение о страховании (этот раздел экономической науки в то время еще не полностью обособился от политической экономии), где автор был специалистом.

В 1890 г. ординарным профессором по кафедре политической экономии и статистики в Санкт-Петербургском университете становится Павел Иванович Георгиевский. В том же году он публикует учебник «Политическая экономия», выдержавший четыре прижизненных издания (пятое издание — в 2016 г.). Как и многие российские авторы курсов по политэкономии, опубликованных в XIX в. (И. Я. Горлов, Н. Х. Бунге, Э. Р. Вреден, Л. В. Ходский, А. А. Исаев и др.), он опирался прежде всего на современную ему немецкую экономическую литературу. В предисловии к первому изданию учебника он сам признал, что во многих его разделах он следовал «главнейшим образом изложению науки, даваемому лучшими представителями историко-этического направления, как Рошер, Книс, Шмоллер, А. Вагнер, Кон и др.» [Георгиевский, 2016, с. IX]. Компилятивность изложения многих теоретико-экономических проблем в курсе Георгиевского, фетишизация им работ крупных немецких экономистов были подвергнуты весьма острой критике в журнале «Русское Богатство». Так, один из рецензентов в своем отзыве на второе издание указанного учебника писал, что его содержание «приносит соблазнившемуся им читателю горькое разочарование», что при изложении «общего учения о распределении доходов... автор не идет далее слов Д. С. Милля и других давнишних экономистов», а его рассуждения по вопросу о национализации земли «поражают... своей детской наивностью» [А-нко, 1895, с. 1–5]. Что касается рабочего вопроса и современной системы хозяйства вообще, то Георгиевский «ни на шаг» не ушел «далее того, что давным-давно высказывалось экономистами вроде Сэя, Бастиа и в особенности Мальтуса» [А-нко, 1895, с. 7]. Другой рецензент

писал, что «4/5 курса <Георгиевского> составляет сплошное заимствование... местами же почтенный профессор входит в такой азарт, что уже сплошь списывает у Бём-Баверка целыми страницами до мельчайших и смешных примеров включительно... Все это делается уж слишком бесцеремонно: не только не ставятся кавычки, но очень часто не делается даже простых ссылок на авторов, которые обираются с такой безжалостностью» [Б.Э., 1896, с. 28].

В соответствии с провозглашенной в августе 1905 г. частичной автономией университетов профессора получили самоуправление. В результате, как отмечалось в запросе правой фракции Государственной думы «О положении дел в высшей школе» (1910 г.), «уже с 1905 г. кадетские течения, возобладавшие в профессуре, последовательно, систематически пользуются своим правом для осуществления партийной тенденции, стараясь провести в состав профессорских коллегий и на должности младших преподавателей исключительно политических единомышленников... Само правительство, отказываясь легализовать конституционно-демократическую партию, тем признает ее противогосударственной, но одновременно оно смотрит с полным безучастием на вышеописанные явления, ведущие к гибели нашу молодежь» [Запрос..., 1910, с. 21–22].

В университеты вернулись многие крупнейшие русские ученые, среди них и Михаил Иванович Туган-Барановский. Он состоял приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, хотя и с перерывами, еще в 1890-х гг.; однако, опасаясь его растущего влияния на находящуюся в оппозиции интеллигенцию и радикальную молодежь в условиях быстрого созревания революционной ситуации в стране, в марте 1901 г. власти запретили ему находиться в столице. Несколько лет он жил в своем имении в Лохвице Полтавской губернии. Вернуться в Петербург он смог лишь после революции 1905 г. На должность приват-доцента Санкт-Петербургского университета М.И. Туган-Барановский вновь был зачислен с 1 января 1906 г. На этот раз он проработал в Санкт-Петербургском университете ровно семь лет. Он читал здесь лекции и вел практические занятия по политэкономии, которая изучалась на первом курсе юридического факультета. Кроме него, лекции по политэкономии читали ординарный профессор П. И. Георгиевский и иногда приват-доценты В. В. Святловский и В. Г. Яроцкий.

Основным лектором считался П. И. Георгиевский. Это был человек консервативных убеждений, входивший в различные властные структуры, обласканный властями. Он был убежденным противником социализма и марксизма. Что же касается М. И. Туган-Барановского, то он был сторонником социалистической организации общества. В наиболее развернутой и завершенной форме свои взгляды по этому вопросу он представил в одной из последних своих монографий «Социализм как положительное учение» (Пг., 1918). Конечно, социализм Туган-Барановского был бесконечно далек от социализма Ленина. Это был этический социализм, подчеркивавший общечеловеческие

ценности и критиковавший капитализм за его антигуманность, за то, что он является источником фетишизма и отчуждения. Положение о неизбежной гибели капитализма в результате действия стихийных экономических сил он считал ненаучным. В 1910 г. П. Б. Струве писал: «Туган-Барановский, быть может, самый замечательный из теоретиков, продолжающих Маркса». Он называл его «сознательным апологетом социализма», «самым видным в Европе экономистом-теоретиком, который в то же время является социалистом» [Струве, 1910, с. 127].

Помимо несомненного таланта ученого, более радикальная направленность лекций М. И. Туган-Барановского, учитывая популярность социалистических идей в студенческой среде в начале XX в., во многом предопределила их несравненно больший успех по сравнению с лекциями П. И. Георгиевского. По словам учившегося в 1910–1914 гг. на юридическом факультете Питирима Сорокина, впоследствии всемирно известного социолога, «оба они читали параллельные курсы по политэкономии, но число студентов, записывавшихся на курс Туган-Барановского, было во много раз больше, чем у Георгиевского. Их доходы также разнились соответственно» [Сорокин, 1992, с. 65].

Интересно, что сам П. И. Георгиевский критиковал систему, в соответствии с которой приват-доцент мог читать параллельный (читаемому профессором) обязательный курс, по которому необходимо сдавать экзамен. «Устав 1884 г., — писал он, — очевидно, не предусмотрел невыгодных последствий от поощрявшихся им конкурентных курсов приват-доцентов... Вообще устав 1884 г. весь проникнут началом недоверия к профессорам и наивного... доверия к приват-доцентам. В этом мы видим чрезвычайно важный недостаток устава...» [Георгиевский, 1909, с. 13].

Одно из важных следствий определенного расширения университетской автономии в начале XX в., особенно после революции 1905 г., состояло в легализации деятельности студенческих научно-литературных кружков. После своего возвращения в Санкт-Петербургский университет в 1906 г. М. И. Туган-Барановский с большим энтузиазмом и интересом принимается за организацию и руководство деятельностью такого рода кружков. Подобная форма работы со студентами по сравнению с лекциями давала гораздо большие возможности для свободного дискуссионного обсуждения актуальных вопросов теории и политики, для выявления творческого потенциала наиболее перспективных студентов, для формирования будущих ученых. М. И. Туган-Баранов-

Туган-Барановский
Михаил Иванович
(1865–1919)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/606-tugan-baranovskiy-mikhail-ivanovich.html>

скому все это было чрезвычайно важно и интересно, тем более что он любил работать с молодежью и, будучи одним из крупнейших экономистов своего времени, чутко улавливал пульс движения мировой экономической мысли. Студенты все это хорошо понимали и высоко ценили.

В семинарии (групповое практическое занятие под руководством преподавателя в вузе), просеминарии (практическое занятие в вузе, предшествующее более сложному занятию семинарского типа) и кружке по политэкономии, которыми руководил М.И. Туган-Барановский, царила совершенно особая атмосфера научного поиска, студенты вовлекались в борьбу различных научных школ и направлений, что способствовало усвоению ими высокой культуры научных исследований, привлечению их к большой науке. Лучшие студенческие научные работы после тщательной доработки с учетом результатов их обсуждения публиковались. Так, в 1909 г. была напечатана работа студента В.Гиршфельда «Теорема о пропорциональности предельных полезностей благ их трудовым стоимостям». Она возникла под влиянием лекций и учебника М.И. Туган-Барановского по политэкономии, где идея пропорциональности предельных полезностей благ их трудовым стоимостям получила обстоятельное и глубокое обоснование. Именно эта идея придавала совершенно своеобразное и неповторимое методологическое звучание «Основам политической экономии» Туган-Барановского по сравнению с другими учебниками по политэкономии, написанными русскими экономистами — современниками Михаила Ивановича. Данная концепция уже тогда вызывала критику и неприятие ряда крупных экономистов, прежде всего со стороны недавнего соратника М.И. Туган-Барановского по борьбе с народничеством П.Б. Струве. Тем не менее Туган-Барановский активно ее пропагандировал, в том числе и в студенческой среде. Статья В.Гиршфельда отражает интерес студентов к данной проблеме в начале XX века.

В первом выпуске «Вопросов обществоведения», в редактировании которого принимал участие М.И. Туган-Барановский, была опубликована статья его студента Л.И. Форберта «Учение Бем-Баверка о происхождении дохода на капитал». Примечательно, что автор, видимо не без влияния М.И. Туган-Барановского, отнюдь не считает теорию прибыли на капитал Е. Бём-Баверка последним словом экономической науки, как это делал Георгиевский. Он приходит к выводу, что, являясь «не чем иным, как эклектической смесью элементов теорий воздержания и производительности», эта теория «несостоятельна» и «не представляет собой никакой новой попытки объяснения дохода на капитал... под новой формой, новыми словами скрываются старые ошибки» [Форберт, 1908, с. 222–223, 241].

В 1912 г. начали издаваться «Труды экономического семинария под руководством Туган-Барановского при юридическом факультете Санкт-Петербургского университета», в которых публиковались лучшие работы его студентов, обсуждавшиеся на семинарии.

Туган-Барановский, как магнит, притягивал к себе студентов. По словам самого талантливого из его учеников Н. Д. Кондратьева, «студенчество теснилось к его кафедре. М. И. находился с ним в очень тесной духовной связи. Этому способствовали в особенности кружки и семинарии, которые работали под его руководством. Можно с уверенностью сказать, что многие и многие, вспоминая свою студенческую жизнь в Петрограде, с большим вниманием и любовью вспомнят и ту напряженную умственную работу, интеллектуальный подъем и волнение, которые пережили в упомянутых кружках. Достоинством этих кружков было то, что М. И. давал почти неограниченную свободу умственному творчеству молодежи. Он менее всего склонен был подавлять ее своим авторитетом и ученостью. Как правило, свободный выбор тем, свободная трактовка их, свободная критика господствовали в кружках М. И. Вот почему там можно было слышать доклады и о теории ренты, и наряду с этим — доклады о природе социологии как науки, о понятиях равенства и свободы, о социологии славы и т. д. Там можно было наблюдать напряженную борьбу направлений» [Кондратьев, 1923, с. 117–118].

Своим любимым учителем называл М. И. Туган-Барановского Н. Д. Кондратьев. Уже на первом курсе, работая под его непосредственным руководством, он попал под обаяние его личности. Характеристике его личности и творческого пути он посвятил две специальные работы. В одной из них он прямо писал, что «считает себя одним из ближайших учеников» М. И. Туган-Барановского [Кондратьев, 1923, с. 6].

С 1911/12 учебного года П. И. Георгиевский прекращает чтение лекций на юридическом факультете, и курс политэкономии закрепляется за М. И. Туган-Барановским. Такое его выдвижение было совершенно неприемлемо для министерских властей. 20 июля 1912 г. товарищ министра народного просвещения барон М. А. Таубе известил попечителя Санкт-Петербургского учебного округа о том, что поручение чтения общего обязательного курса по политэкономии М. И. Туган-Барановскому утверждается только на осеннее полугодие 1912 г. ввиду предполагаемого замещения этой кафедры. Действительно, с 1913 г. курс «Политическая экономия (общий курс теории и истории)» на юридическом факультете университета читает ординарный профессор И. И. Чистяков, ранее преподававший в Новороссийском университете. Для М. И. Туган-Барановского же было запланировано лишь проведение практических занятий. По существу, это был шаг, направленный на то, чтобы вынудить его уйти из университета. И расчет оправдался. По словам Н. Д. Кондратьева,

Кондратьев
Николай Дмитриевич
(1892–1938)

Источник: http://www.promved.ru/images/PV5_6p1r2.JPG

«Михаил Иванович с болью в душе покидает университет» [Кондратьев, 1923, с. 115] и переходит на работу в Петроградский политехнический институт императора Петра Великого.

Причины, препятствовавшие М.И.Туган-Барановскому занять должность профессора Санкт-Петербургского (Петроградского) университета, исчезли лишь после свержения царского режима. Почти сразу же после Февральской революции, 20 марта 1917 г., Совет Петроградского университета избрал его ординарным профессором по кафедре политической экономии и статистики. Избрание вскоре было утверждено Министерством народного просвещения. Однако М.И.Туган-Барановскому не суждено уже было вернуться в университет. 7 сентября 1917 г. Временное правительство утвердило его генеральным секретарем по ведомству финансов Украинского генерального секретариата. На Украине начался последний, весьма непродолжительный этап научной и политической деятельности выдающегося экономиста.

Важно отметить, что влияние государственной власти на уровень и характер преподавания политической экономии в Санкт-Петербургском университете в дореволюционный период было весьма противоречивым. С одной стороны, именно государство, заинтересованное в повышении общего уровня высшего образования в стране для преодоления отставания России от передовых европейских государств, и особенно в повышении уровня экономического и юридического образования будущих чиновников, инициировало изучение политической экономии в университетах и создавало для этого минимально необходимые условия. С другой стороны, понимая, сколь опасной в идеологическом и политическом отношении является эта наука для самодержавного режима, оно резко ограничивало свободу в преподавании политической экономии всякий раз, когда обострялась внутренняя или международная обстановка. В течение всего дореволюционного периода университетская политическая экономия находилась как бы под колпаком у царизма, что, конечно, обуславливало ее отставание от европейской экономической науки, зависимость от нее, слабость и недостаточную оригинальность ее теоретического ядра, нацеленность на решение прежде всего задач идеологического характера.

Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война наносили удар за ударом по университетской науке, в том числе и экономической: многие ученые погибли, другие эмигрировали, не желая сотрудничать с новыми властями или опасаясь репрессий. В университетах продолжали работать в основном лояльно относившиеся к властям экономисты. Марксизм постепенно утверждался в качестве государственной идеологии, отступление от которой допускалось все в меньшей степени. При этом лишь государство и его идеологические органы вправе были решать, какая интерпретация марксизма является истинной. Всякие отступления от идеологического стандарта рассматривались как ревизия марксизма и все более жестоко преследовались,

что вынуждало многих выдающихся экономистов прекращать исследования в области экономической теории и переходить к изучению более отдаленных от идеологии проблем экономической науки или даже вообще покидать эту сферу научной деятельности. Именно так произошло, например, с В. М. Штейном и Е. Е. Слуцким.

В 1919 г. юридические факультеты университетов, в рамках которых существовали кафедры политической экономии и сформировались традиции российской экономической науки, позволившие ей выйти на европейскую арену, были упразднены. Вместо них были образованы факультеты общественных наук (ФОН), где преподавание, в том числе и политэкономии, оказывалось в прокрустовом ложе марксизма. Все же на ФОН еще работали весьма известные экономисты. На ФОН Петроградского университета, например, читали лекции профессора С. И. Солнцев (будущий академик), А. И. Буковецкий, В. В. Святловский, К. А. Пажитнов (позже член-корреспондент АН СССР) и др. Его социально-экономическое отделение фактически возглавлял профессор Антоний Иосифович Буковецкий. Двое из его учеников — А. А. Вознесенский и В. В. Рейхардт — позже стали первыми деканами политико-экономического факультета Ленинградского университета, а А. И. Буковецкий — одним из ведущих его профессоров. Именно на факультете общественных наук впервые проявился организаторский талант А. А. Вознесенского. Не случайно в 1922 г. его приглашают на должность секретаря Президиума ФОН. В течение двух с половиной лет он вместе с профессором А. И. Буковецким руководил социально-экономическим отделением ФОН.

В середине 1920-х гг. ФОН были упразднены. Профессора и студенты экономического отделения ФОН Ленинградского университета были переведены в основном на экономический факультет Политехнического института. На рубеже 1920-х и 1930-х гг. был провозглашен позже признанный ошибочным лозунг: «Науку надо до конца ввинтить в производство», в соответствии с которым, например, в мае 1930 г. в Ленинградском университете были ликвидированы все гуманитарные факультеты. В 1931 г. в совместном письме Президиума Ленинградского областного совета профсоюзов и Директора ЛГУ с гордостью объявлялось, что ЛГУ «представляет собою естественно-научный, физико-математический и химический комбинат» [Письмо Президиума..., 1931, с. 2]. На практике это приводило к дальнейшей деградации и атрофии фундаментальной теории во всех общественных науках, включая политэкономию.

Буковецкий
Антоний Иосифович
(1881–1972)
Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/172-bukovetskiy-antonii-iosifovich.html>

К концу 1920-х гг. до предела обострившаяся внутрипартийная борьба и победа в конечном счете сталинской группировки оказали катастрофическое воздействие на развитие самой марксистской экономической науки. Крупнейшие советские марксологи (Д. Б. Рязанов, И. И. Рубин, Н. И. Бухарин и др.) были ошельмованы и репрессированы. Это подорвало возможность творческого развития в СССР даже марксистского экономического учения.

В 1930-х гг. во многих советских университетах крупные экономисты-теоретики просто отсутствовали. В Ленинградском университете, например, даже общеуниверситетскими кафедрами политической экономии и теории советского хозяйства тогда руководили случайные люди, далекие от науки (Н. Я. Пиллявин, А. И. Бланкштейн и др.). Пожалуй, единственным исключением в этом ряду был И. С. Плотников, возглавлявший кафедру политэкономии ЛГУ короткое время в 1931 г.

В конце 1930-х гг. на кафедре политэкономии ЛГУ не было ни одного профессора и даже доцента, а в университетском ученом совете, в состав которого входил 101 человек, не было ни одного экономиста. В декабре 1939 г. студент пятого курса экономического отделения исторического факультета ЛГУ Э. Юдовин писал, имея в виду старую общеуниверситетскую кафедру политэкономии: «Несколько больше года тому назад университетская кафедра политэкономии не была центром ни научной, ни методической работы. Ряд курсов читался на низком уровне. Студенты были недовольны постановкой преподавания политэкономии» [Юдовин, 1939, с. 3].

В 1938 г. в СССР не хватало 300 преподавателей политэкономии и философии. В то же время к началу этого года по всей стране при кафедрах социально-экономических наук имелось всего 7 аспирантов по политэкономии и 25 — по философии. Руководство партии, политика которой довела до подобного кризиса, обвинила в этом и других провалах системы высшего образования так называемых врагов народа. К ним были причислены, в частности, назначенные совсем недавно, в мае 1936 г., председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР И. И. Межлаук и его заместитель, видный советский экономист Ш. М. Дволайцкий а также многие ректоры вузов, в том числе и ректор ЛГУ М. С. Лазуркин. Все они были расстреляны.

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» партийное руководство страны ставит вопрос о необходимости резкого усиления идеологической работы. В резолюции Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР, состоявшегося в 1938 г., указывалось на необходимость «уделить особое внимание преподаванию социально-экономических дисциплин, как одному из основных условий овладения большевизмом. Организовать подготовку и повышение квалификации преподавательских кадров по политэкономии, философии и ленинизму» [Резолюция..., 1938, с. 5]. Таким образом, необходимость открытия политэкономических факультетов для подготовки преподавателей политэкономии обосновывалась потребностями

идеологического характера. Задача ставилась так: «...советскому специалисту надо знать основы политэкономии... в такой же мере, как сопротивление материалов» [Первое Всесоюзное совещание..., 1938, с. 64]. В этой обстановке партком ЛГУ поставил вопрос о восстановлении и укреплении кафедры политэкономии. В сентябре 1939 г. заведующим кафедрой был назначен А. А. Вознесенский.

К началу XX в. политическая экономия в России достигла столь высокого уровня зрелости, что впервые обратила на себя внимание европейских экономистов. Немалая заслуга в этом принадлежит экономистам Санкт-Петербургского университета, прежде всего М. И. Туган-Барановскому. Характеризуя историческое место Туган-Барановского в истории русской экономической мысли, Н. Д. Кондратьев писал: «Можно смело утверждать, что М. И. в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьезно прислушаться к движению ее на востоке Европы, в России... это увеличивает национальное значение М. И. Он стал не только вровень с эпохой, не только вровень с научно-экономической мыслью передовых стран, но он мог содействовать прогрессу ее, и в силу этого он больше, чем кто-либо, способствовал тому, чтобы поставить русскую экономическую мысль в ряд с европейскими» [Кондратьев, 1923, с. 112].

Несмотря на кадровую политику царского правительства, направленную на вытеснение оппозиционно настроенных ученых из столичного университета, к 1917 г. Санкт-Петербургский университет продолжал оставаться одним из крупнейших центров экономической науки в стране. 1920–1930-е гг. оказались самыми тяжелыми в истории кафедры политической экономии Санкт-Петербургского университета. Потенциал теоретических исследований, накопленный в дореволюционный период, к сожалению, востребован не был. В результате бесконечных перестроек и репрессий экономическая наука в университете в конечном счете была обескровлена. Насильственно внедряемая сверху монополия утвержденной властями концепции марксизма, использование ее в качестве инструмента в идеологическом арсенале правящей партии выхолостили живую душу великого учения, дискредитировали его, парализовали возможность его эффективного использования в практике экономического строительства и политической борьбы.

Вознесенский
Александр Алексеевич
(1898–1950)

Источник: <http://www.econ.spbu.ru/fakultet/istoriya-fakulteta>

Список литературы

- А-нко. Кусочек курса политической экономии. Рец. на: П.И.Георгиевский. Политическая экономия. Второе издание. Часть II. Выпуск I // Русское богатство. 1895. № 10. С. 1–11.
- Баранов П. И. Михаил Андреевич Балугьянский. Статс-секретарь, Сенатор, тайный советник (1769–1847). Биографический очерк. СПб., 1882.
- Б. Э. Новый курс политической экономии // Русское богатство. 1896. № 5.
- Вреден Э. Р. Курс политической экономии. Составил Э. Вреден, на основании лекций, читанных в Императорском Санкт-Петербургском университете в 1873–1874 г. СПб., 1874.
- Георгиевский П. И. О реформе университетов в России. СПб., 1909.
- Георгиевский П. И. Политическая экономия. Изд. 5-е. М., 2016.
- Горлов И. Я. Начала политической экономии: в 2 т. Т. 1. СПб., 1859.
- Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
- Д. Б. Балугьянский Михаил Андреевич // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: в 6 т. Т. II, вып. 23. СПб., 1890. С. 80–83.
- Давидович И. Плисов Моисей Гордеевич // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 122–124.
- Запрос. О положении дел в высшей школе (внесенный правой фракцией Государственной Думы) // Вестник студенческой жизни. 1910, сент. Вып. I (IV). С. 20–22.
- Зябловский Е. Ф. Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования сего в Санкт-Петербургский университет, с присоединением некоторых из предшествовавших учреждений по части народного просвещения. СПб., 1833.
- Каратаев Н. К. Эволюция И. Я. Горлова от крепостничества к дворянскому либерализму // История русской экономической мысли: в 3 т. / под ред. А. И. Пашкова. Т. I, ч. 2. М., 1958. С. 577–580.
- Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923.
- Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993.
- Корсакова В. Рунич Дмитрий Павлович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 17. Пг., 1918. С. 592–601.
- Л. Л. Вреден Эдмунд Романович // Новый энциклопедический словарь: в 29 т. / [под общ. ред. К. К. Арсеньева]. Т. 11. СПб., 1913. С. 827–828.
- Майков П. Порошин Виктор Степанович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 577–580.
- Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2, ч. 2. М., 1994.
- О дозволении студентам, кончившим курс учения в бывшем Главном Педагогическом институте, представляться к испытанию прямо на степень магистра // Журнал Департамента народного просвещения. 1822. Ч. 4, янв. С. 26–33.
- Об открытии Санкт-Петербургского университета // Журнал Департамента народного просвещения. 1821. Ч. 1, апр. С. 428–443.

- Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы // Высшая школа. 1938. № 6–7.
- Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского Совета читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844.
- Письмо Президиума Облпрофсовета и Директора ЛГУ о массовой технической пропаганде // Ленинградский государственный университет. Бюллетень. 1931. № 7. С. 1–4.
- Резолюция Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР // Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1938. № 6–7.
- Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. I / сост. И. Л. Маяковский и А. С. Николаев; под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919.
- Слова и речи, читанные ректором и профессорами Санкт-Петербургского университета в день открытия его в бывшем здании Двенадцати коллегий 12 марта 1838 г. СПб., 1838. С. 1–30.
- Сорокин П. Дальняя дорога. М., 1992.
- Справочный энциклопедический словарь: в 12 т / под ред. А. Старчевского. Т. 2. СПб., 1849.
- Струве П. Экономическая система М. И. Туган-Барановского // Русская мысль. 1910. № 1.
- Устрялов Ф. Н. Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Т. XVII. С. 112–134.
- Фатеев А. Н. Академическая и государственная деятельность М. А. Балутьянского (Балудьянского) в России. Ужгород, 1931.
- Форберт Л. Учение Бэм-Баверка о происхождении дохода на капитал // Вопросы обществоведения: в 3 вып. Вып. I. СПб., 1908. С. 213–242.
- Юдовин Э. О работе кафедры политической экономии // Ленинградский университет. 1939. 31 дек. № 48. С. 3.

М. В. Марков

Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете (1819–1917): организация, содержание и политика правительства

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Марков М. В.* Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете (1819–1917): организация, содержание и политика правительства // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 32–52.

В статье представлено развитие преподавания политической экономии в Санкт-Петербургском университете и воздействие на него нормативно-правовых актов Российской империи. Реконструируется хронология и содержание преподавания политической экономии в рамках организационных структур, задаваемых общими уставами Императорских российских университетов и другими документами.

Ключевые слова: Императорский Санкт-Петербургский университет, кафедра политической экономии, Педагогический институт, Главный педагогический институт, университетский устав в Российской империи.

Введение. Цель нашей работы состоит в том, чтобы проследить основные этапы преподавания политической экономии в Санкт-Петербургском университете в XIX — начале XX в., рассмотрев регулирующие его деятельность нормативные акты. Разумеется, прежде всего характер преподавания определялся личностями, занимавшими профессорскую кафедру политической экономии (табл. 1). Вместе с тем в данный период преподавание вообще, а в политической экономии особенно было тесно связано с государственной политикой в области науки и образования. Правительство ставило противоречивые задачи: с одной стороны, оно стремилось обеспечить условия для развития в России науки мирового уровня, с другой — препятствовало распространению тех идей, которые представлялись разрушительными для государства. Как показала история, выполнена была только первая задача, а торжество революционных идей привело к крушению не только империи, но и Императорского университета.

Предыстория политической экономии в Санкт-Петербурге (1803–1819). Преподавание политической экономии как самостоятельной науки начинается в России в царствование Александра I (1801–1825), когда эта наука приобретает особую популярность и в правительственных кругах, и в светском обществе. Первое упоминание политической экономии в документах,

Таблица 1. Список ординарных профессоров кафедры политической экономии (с 1835 г. — кафедры политической экономии и статистики) Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917)

Фамилия, имя и отчество	Годы жизни	Годы службы в университете	
		Всего	Штатным профессором
Балугьянский Михаил Андреевич	1769–1847	1819–1824	1819–1821
Бутырский Никита Иванович	1783–1848	1819–1835	1821–1835
Порошин Виктор Степанович	1811–1868	1835–1847	1835–1847
Горлов Иван Яковлевич	1814–1890	1847–1873	1847–1873
Янсон Юлий Эдуардович	1835–1893	1865–1893	1873–1890
Вреден Эдмунд Романович	1835–1891	1866–1891	1880–1891
Георгиевский Павел Иванович	1857–1938	1882–1919	1890–1912
Кауфман Илларион Игнатьевич	1848–1915	1889–1915	1901–1915
Чистяков Иван Иванович	1873 — ?	1912–1917	1912–1917

связанных с образовательной реформой александровского царствования, появляется в «Предварительных правилах народного просвещения» (24 января 1803 г.), заложивших основу этой реформы. «Предварительные правила» предполагают, что «основания политической экономии» должны преподаваться уже в гимназиях¹.

Затем, 25 июля 1803 г., был утвержден новый устав Санкт-Петербургской академии наук. В уставе в числе наук, «коих усовершенствованием Академия должна заниматься», впервые упоминается «экономия политическая» и вводится должность ординарного академика в области политической экономии². Первым академиком по разряду политической экономии был избран в 1804 г. Андрей Карлович Шторх (Heinrich Friedrich von Storch, 1766–1835), который сыграл впоследствии важную роль в развитии экономического образования в России. Уроженец Риги, Шторх получил образование в Йенском и Гейдельбергском университетах. Рано привлек к себе внимание работами в области статистики. В 1788 г., заручившись покровительством русского вельможи Николая Петровича Румянцева (1754–1826), вернулся в Российскую империю, где началась его академическая, чиновническая и придворная карьера. В 1813 г. Шторху поручают чтение курса политической экономии младшим братьям

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. I. Т. 27, № 20597, гл. II. 35.

² ПСЗРИ. Собр. I. Т. 27, № 20863.

императора — великим князьям Николаю и Михаилу. На основе прочитанных лекций в 1815 г. в Санкт-Петербурге Шторх издает на французском языке курс политэкономии под названием «Cours d'économie politique ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations». В 1819 г. Карл Рай публикует сокращенный немецкий перевод этой книги со своими комментариями. Также в 1823 г. книга Шторха была перепечатана в Париже Жаном Батистом Сэем, который дополнил ее примечаниями и критикой. Благодаря изданию своего курса Шторх стал наиболее известным русским экономистом XIX века в европейской науке. Хотя книга Шторха оказала существенное влияние на развитие русской экономической науки, ее частичный перевод на русский язык, как исторического памятника, вышел только в 1881 г., а полный уже в наше время — в 2008 г. — под названием «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышления о природе национального дохода». Причина этого заключается в том, что в своих лекциях Шторх, обращаясь к великим князьям, откровенно рассказывает об экономических проблемах Российской империи и критикует крепостное право, что сделало невозможным, по цензурным соображениям, публикацию книги Шторха в царствование (1825–1855) его ученика, императора Николая I. Несмотря на отсутствие русского перевода, в первой половине XIX в. курс Шторха часто использовался в качестве основного учебника политической экономии в русских университетах.

Еще одной составляющей реформы Александра I стало создание университетской системы — уже существовавшие высшие учебные заведения были преобразованы, а также были учреждены новые. 18 мая 1803 г. был принят устав Виленского университета, 12 сентября 1803 г. — Дерптского, а 5 ноября 1804 г. — уставы русских университетов: Московского и учреждаемых Харьковского и Казанского. В Москве, Харькове и Казани на отделении нравственных и политических наук создавались кафедры дипломатики и политической экономии (см.: [Жарова, 2011]).

Одновременно начался процесс образования (воссоздания) университета в Санкт-Петербурге, который проходил в несколько этапов. Прежде всего, в правительственных кругах не существовало единого мнения о необходимости университета в столице, ведь европейский опыт показывал, что университеты лучше развиваются в провинции (см.: [Жуковская, 2013]). Кроме того, хотя основанный в 1724 г. Академический университет фактически прекратил существование в конце XVIII в., Академия продолжала деятельность в сфере высшего образования. Также в Санкт-Петербурге существовала учрежденная в 1783 г. учительская семинария, преобразованная в 1803 г. в гимназию. Очевидно, что учительская гимназия изначально создавалась как учреждение высшего, а не среднего образования. Об этом свидетельствует приглашение для преподавания в ней ряда иностранных профессоров, в числе которых был М. А. Балутьянский (1769–1847), ставший основоположником преподавания

политической экономии в Санкт-Петербурге и профессором кафедры политической экономии до 1821 г. (о Балугьянском см. статьи Л. Д. Широкограда и А. Н. Дубянского в настоящем издании).

Следующим этапом стало учреждение в 1804 г. на основе учительской гимназии Педагогического института. Поскольку институт должен был готовить учителей для губернских гимназий, «Правила для Педагогического института» предполагали создание ряда профессорских кафедр для «преподавания в оном положенные в губернских гимназиях науки с возможною обширностью»³. В числе должностей действительных профессоров была и должность профессора экономии политической и коммерческих наук. Таким образом, кафедра политической экономии в Санкт-Петербурге возникла раньше университета, днем ее рождения можно считать 16 апреля (28 апреля по новому стилю) 1804 г., когда были утверждены «Правила». Более того, поскольку «Правила для Педагогического института» были приняты раньше, чем предполагавшие создание кафедр политической экономии уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов, кафедра политической экономии Санкт-Петербургского университета может по праву считаться первой кафедрой политической экономии в Российской империи.

В § 66 «Правил» подробно перечисляются обязанности профессора политической экономии. Протицируем его полностью, поскольку можно с большой вероятностью предположить, что этот параграф был подготовлен при участии самого Балугьянского (его не могли составить чиновники Министерства просвещения), а значит, позволяет нам познакомиться с системой его преподавания. «Профессор политической экономии, следуя в своих преподаваниях порядку Зонненфельса, в 1-й части будет читать о родах гражданских обществ, покажет начала политических, гражданских и уголовных законов и объяснит о гражданском благоустройстве. Во 2-й части о существе народного богатства и источнике оного по правилам Шмита, Рюйша, Герреншванда и Канара, разбирая и других авторов, известных по сей материи; потом предложит способы к распространению земледелия, фабрик, коммерции и мореплавания; будет говорить о обращении денег, доверии в торговле, о банкирских векселях и равновесии коммерции. В 3-й — о государственных доходах и способах, как привести оные в лучшее состояние, о обыкновенных доходах и как можно увеличить оные, и объяснит о управлении помещичьих и государственных волостей. Потом, дошедши до податей, покажет, какие могут быть сборы с недвижимых имений, с домов, с приема и раздачи сумм в процент; наконец о доверии самого гражданства, банковых и гербовых листах и других источниках государственной казны»⁴.

³ ПСЗРИ. Собр. I. Т. 28, № 21265.

⁴ ПСЗРИ. Собр. I. Т. 28, № 21265.

Прокомментируем имена авторов, на труды которых, по мысли составителя правил, должен опираться профессор политической экономии. Прежде всего, это Йозеф Зонненфельс (1732–1817) — австрийский ученый, литератор и государственный деятель, профессор Венского университета и учитель Балугьянского, в области экономической науки — представитель камерализма. Его основная работа «Основы политики, торговли и финансовой науки» (*Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft*) впервые вышла в 1765–1767 гг., выдержала восемь изданий и, по свидетельству Й. Шумпетера, оставалась официальным учебником в Австро-Венгрии вплоть до 1848 г. [Шумпетер, 2001, с. 218]. В 1787 г. эта книга вышла в русском переводе под названием «Начальные основания полиции или благочиния». К сожалению, нам не удалось установить, кто имеется в виду под фамилиями Рюйш и Шмит (было бы логично предположить, что «Шмит» — это Адам Смит в немецкой транскрипции). Швейцарский физиократ Жан Херреншванд (1728–1812) был достаточно популярен в свое время, а его учебник «*De l' économie politique moderne*» (1786 г.) был опубликован в 1807 г. на русском языке под названием «О новейшем государственном хозяйстве». Наконец, французский экономист и математик Николя-Франсуа Канар (1754–1833) наиболее известен вкладом в теорию налогообложения, его «*Principes d' économie politique*» вышли в 1801 г. Итак, мы видим, что преподавание политической экономии предполагалось на самом высоком уровне.

В 1811 г. политическую экономию стал также преподавать один из первых выпускников Педагогического института М.Г.Плисов (1783–1853), сначала в должности преподавателя, затем адъюнкта (1812–1817 гг.) и экстраординарного профессора (1817–1823 гг.). После увольнения из университета Плисов поступил на государственную службу, где добился определенного успеха, был произведен в чин тайного советника и стал сенатором (1852 г.). К сожалению, Плисов не оставил печатных работ по политической экономии, поэтому судить о его вкладе в науку мы не можем.

23 декабря 1816 г. произошла еще одна перемена в жизни Педагогического института — был принят нормативно-правовой акт, получивший название «Новое образование Главного педагогического института», согласно которому Педагогический институт был переименован в Главный педагогический институт и его задачей стала подготовка не только учителей, но и магистров, адъюнктов и профессоров для всех училищ империи⁵. Курс высших наук в этом учебном заведении делился на три отделения (впоследствии три факультета): 1) наук философических и юридических; 2) наук физических и математических; 3) наук исторических и словесных, при этом кафедра политической экономии относилась к первому отделению. В документе «Новое образование Главного педагогического института» появляется также кафедра статистики, которая относится к третьему отделению.

⁵ ПСЗРИ. Собр. I. Т. 33, № 26573.

Преподавание политической экономии в Санкт-Петербургском университете в первый период его существования (1819–1847). После ряда описанных выше экспериментов в правительстве возобладало мнение о необходимости учреждения в столице университета и 8 (20) февраля 1818 г. был принят документ «Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета», переименовывающий Главный педагогический институт в университет⁶. Этот документ явился вехой, которая определила начало работы кафедр в рамках университета, но с точки зрения преподавания ничего не изменил, сохранив действие устава Главного педагогического института (с 1824 г. на управление Санкт-Петербургским университетом был распространен устав Московского университета).

Следует заметить, что формальный список кафедр, предполагавшийся уставами, по которым работал университет (Главного педагогического института и Московского университета 1804 г.) описывал желаемое, а вовсе не реальное положение дел. Так, Балугьянский читал не только политическую экономию, но и энциклопедию политических и юридических наук, а Плисов — также естественное и римское право (см.: [Григорьев, 1870, с. 14, 32]). Впрочем, очень скоро Балугьянскому и Плисову пришлось оставить преподавание — новый статус не стал защитой против разгрома университета в условиях усиления клерикальных и полицейских тенденций в государственном управлении.

После разгрома университета в 1821 г. в преподавании политической экономии начался странный период — ею занялись филологи. Профессором политической экономии стал Н. И. Бутырский (1783–1848), занимавший также кафедру российской словесности (возможно, это не так удивительно, если вспомнить, что и Адам Смит читал лекции по истории английской литературы). О Бутырском мало что можно сказать как об экономисте, известно, что в 1829 г. на торжественном акте университета он прочел лекцию «Об учении Адама Смита и нравственном направлении, какое надлежало бы дать политической экономии» [Григорьев, 1870, с. 61]. Бутырский пробыл профессором до 1835 г., и в разные годы объявляемый им курс носил название: «Политическая экономия», «Народное хозяйство» или «Государственное хозяйство», «Финансы, по теории Адама Смита, с прибавлениями из Сэя».

Еще одним историком литературы, который преподавал политическую экономию в качестве адъюнкта, был в 1830–1832 гг. А. В. Никитенко (1804–1877), перешедший затем на кафедру словесности и ставший в 1849 г. ее ординарным профессором. Никитенко оставил одну печатную работу, посвященную политической экономии, которая написана велеречивым стилем, но слаба с теоретической точки зрения. Приведем, для примера, характеристику Адама Смита из этой статьи: «Сей знаменитый муж, подобно немногим в других родах познаний, которых природа, кажется нарочно производит в ту

⁶ ПСЗРИ, Собр. I. Т. 36, № 27675.

минуту, когда брожение новых полезных идей достигнет, так сказать, последнего своего процесса и когда нужно дать им определенность, образ и образу сему жизнь, — сей знаменитый муж, говорю, первый снискал политической экономии право на сан науки и почетное место в святилище истины» [Никитенко, 1827, с. 239].

Перемены в преподавание политической экономии внес «Общий устав Императорских российских университетов», принятый 26 июля 1835 г.⁷ Прежде всего устав изменил организационное подчинение кафедры: университеты должны были делиться на три факультета — философский, юридический и медицинский (последний в Санкт-Петербурге отсутствовал). Философский факультет состоял из двух отделений — историко-филологических и естественных наук. Кафедра политической экономии относилась к первому отделению и при этом объединялась с кафедрой статистики. Объединение политической экономии и статистики сохранилось до конца императорского периода, впоследствии ее занимали, как правило, сразу два профессора, но первоначально положение профессора кафедры усложнилось — он должен был читать сразу две науки. Новая организация факультетов отделила политическую экономию от юридических наук, притом что на юридическом факультете было образовано две кафедры с близкой к экономической науке предметной областью — законов благоустройства и благочиния, а также законов о государственных повинностях и финансах. Впоследствии по инициативе Совета университета предметы были перегруппированы, и начиная с 1843/44 учебного года был открыт особый, камеральный разряд юридического факультета, объединявший юридические, экономические и прикладные технические науки. Камеральный (с 1860 г. — административный) разряд просуществовал до 1882 г.

Отметим еще одну новацию устава 1835 года — профессор, прослуживший 25 лет, удостоивался звания заслуженного, после чего его кафедра признавалась вакантной, заслуженный профессор снова должен был пройти процедуру избрания, а при увольнении приобретал право на пенсию в размере полного оклада своего жалования. Тем самым создавался мотивационный механизм обновления преподавательского состава. Министр народного просвещения С.С. Уваров (1786–1855) напрямую ставил задачу удаления «профессоров без заслуг, но без нареkania, опоздалых на их поприще, малоспособных к преподаванию» (цит. по: [Костина, 2013, с. 234]).

В результате в 1835 г. Бутырского заменил несомненно более квалифицированный В.С. Порошин (1811–1868), защитивший в 1838 г. докторскую диссертацию на тему «Критические исследования об основаниях статистики». Согласно «Объявлениям публичного преподавания наук», курс Порошина носил название «Политическая экономия по руководству Шторха», но, очевидно, его

⁷ ПСЗРИ. Собр. II. Т. 10, № 8337.

содержание было шире — книга Шторха к тому времени уже устарела. При этом еще раз обратим внимание на подмеченный Л. Д. Широкоградом факт: борьба бюрократии с «инакомыслием» привела к тому, что место вполне консервативных Балугьянского и Плисова занял профессор, который «обращал внимание студентов на возникавшие в то время в Западной Европе учения социалистических школ в сфере политической экономии» [Майков, 1905, с. 578].

В 1847 г. Порошин неожиданно покинул кафедру, не оставив преемника, способного занять его кафедру. С уходом Порошина можно связать один интересный эпизод из истории русской экономической мысли. В 1847 г. либеральный чиновник А. И. Бутовский (1817–1890) опубликовал «Опыт о народном богатстве, или началах политической экономии» в трех томах, ставший первым русским учебником политической экономии, где попытался примирить французский либерализм Дюнуайе и Бастия с самодержавием и крепостным правом. Для того чтобы предотвратить преподавание по этому учебнику в русских университетах, а возможно, и чтобы воспрепятствовать избранию Бутовского на кафедру политической экономии, молодой революционный демократ, близкий к кружку петрашевцев, В. А. Милютин (1826–1855), выпускник университета, а впоследствии адъюнкт кафедры законов благоустройства и благочиния (1850–1854), выступил в 1847 году с серией статей в журналах «Современник» и Отечественные записки» [Милютин, с. 273–444], где свою критику Бутовского использовал в качестве предлога для критики классической политической экономии в целом. При этом его аргументация была настолько убедительна, что через несколько десятилетий «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» сообщал об «Опыте» Бутовского только то, что это сочинение «дало молодому талантливому публицисту В. А. Милютину повод написать две критические статьи» [Бутовский Александр, 1891, с. 84]. Статьи Милютина стали одним из наиболее заметных явлений в русской экономической науке 1840-х гг.

Академизация преподавания (1847–1905). В 1847 г. вопрос о замещении кафедры политической экономии и статистики в Санкт-Петербургском университете был решен в административном порядке — на нее был перемещен профессор Казанского университета И. Я. Горлов (1814–1890) (о Горлове см.: [Белозеров, 2009]). Несмотря на характер этого назначения, Горлов зарекомендовал себя как серьезный ученый, и с его именем связана профессионализация преподавания и научной деятельности в области политической экономии в Санкт-Петербургском университете. Немаловажно также и то, что Горлов первым в университете издал учебник по политэкономии — двухтомник «Начала политической экономии» (СПб., 1859–1862).

В период профессорства Горлова был принят новый «Общий устав Императорских российских университетов» (1863)⁸, по которому кафедра поли-

⁸ ПСЗРИ. Собр. II. Т. 38, ч. 1, № 39752.

Янсон Юлий Эдуардович
(1835–1893)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/378-yanson-yuliy-eduardovich.html>

тической экономии окончательно (в императорский период) вошла в состав юридического факультета. В том же году Горлов стал заслуженным профессором, но в отставку вышел лишь через десять лет. Одновременно на кафедре появляются младшие преподаватели, читающие параллельные курсы.

Прежде всего, это сменивший Горлова в 1873 г. в должности ординарного профессора Юлий Эдуардович Янсон (1835–1893). Закончив Киевский университет, в 1864 г. Янсон защитил магистерскую диссертацию «Значение теории ренты Рикардо в науке политической экономии» в Санкт-Петербургском университете, где со следующего года начал работу в качестве приват-доцента. Вскоре он публикует «Краткий курс политической экономии» (СПб., 1865–1866). Несмотря на то что

впоследствии основные научные и преподавательские Янсона сместились в область статистики (в 1871 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Направления в научной обработке нравственной статистики»), он пользовался особым авторитетом как среди политэкономов, так и среди статистиков. Янсона можно назвать основателем формировавшейся петербургской научной школы, в университете продолжили работу его ученики, среди которых были П. И. Георгиевский, Л. В. Ходский, В. Г. Яроцкий и др.

В 1866 г. приват-доцентом кафедры политической экономии становится также Эдмунд Романович Вреден (1835–1891), защитивший магистерскую диссертацию «Государствоведение Сансовино и всемирные реляции Ботеро» (о Вредене см.: [Соколов, 2009]). Вреден читает курсы по статистике и истории политической экономии. В 1870 г. защищает докторскую диссертацию «Страховые артели и долевая рабочая плата». В 1873 г., после ухода И. Я Горлова в отставку, Вреден становится экстраординарным профессором и за ним закрепляется курс политической экономии. При этом он не теряет интереса и к истории экономических учений — в разные годы объявляет специальные курсы, «Объяснительные чтения» по Адаму Смиту, Д. Рикардо и Дж. С. Миллю. Также он читал ряд оригинальных курсов: «Морфология бытового строя современного хозяйства», «Бытовой строй промышленных предприятий и экономические условия их приложения к разным производствам» и др. Вреден неоднократно публиковал пособия (конспекты лекций) по читаемым им курсам, но положительного отклика они не встретили. Наконец, в 1880 г. он становится ординарным профессором кафедры политической экономии и статистики — с этого времени закрепляется практика избрания двух профессоров по данной кафедре.

Начиная с 1882–1883 учебного года деление юридического факультета на административный и юридический разряды было отменено. Затем некоторые новации в преподавание внес «Общий устав Императорских российских университетов» 1884 г., ставший последним в Российской империи. Новый устав отменял штатные должности младших преподавателей — постоянный оклад стали получать только профессора. Профессор по истечении тридцати лет учебной службы переходил в категорию «внештатных профессоров», оставаясь при этом членом факультета и получая пенсию в размере полного оклада. Кроме того, вводилась гонорарная система — гонорары за лекции могли получать профессора и приват-доценты. Согласно уставу, со студентов за слушание лекций наряду с платой в пользу университета также взималась отдельная плата в пользу преподавателей — один рубль за час учебных занятий в неделю в течение полугодия. При этом устав предусматривал: «Если один и тот же предмет преподается несколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекции и принимать участие в практических упражнениях у того из означенных преподавателей, у кого он сам пожелает» (ст. 73)⁹. Данное положение устава призвано было поощрить конкуренцию в чтении обязательных курсов со стороны не входящих в штат преподавателей.

Конкурентное начало в преподавании университетских курсов, с одной стороны, могло повысить степень автономности науки, ее независимости от административного и политического давления, допустив разнообразие представляемых взглядов. Но с другой стороны, существовала опасность, что лекторы, стремясь привлечь на свой курс больше слушателей, начнут заискивать перед студентами, потворствуя в том числе их политическим взглядам. Кроме того, конкуренция способствовала конфликтам между преподавателями. Так, например, гонорар за чтение курса политической экономики мог представлять достаточно внушительную сумму. Этот курс, который читался четыре часа в неделю в течение одного полугодия, являлся обязательным на юридическом факультете, также на лекции допускались студенты других факультетов и вольнослушатели. Как мы увидим, именно при чтении курса политической экономики конкурентная ситуация неоднократно возникала в Санкт-Петербургском университете. Отметим, что такая ситуация была, скорее, исключением. По свидетельству П. И. Георгиевского, «кажется, ни в одном из русских

Вреден Эдмунд Романович
(1835–1891)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/32-vreden-edmund-romanovich.html>

⁹ ПСЗРИ. Собр. III. Т. 4, № 2404.

Георгиевский
Павел Иванович
(1857–1938)

Источник: <https://vivaldi.nlr.ru/ln000001391/details>

университетов, кроме Санкт-Петербургского, а в последнем — ни в одном факультете, кроме юридического, до последних лет конкурентных обязательных курсов приват-доцентами не читалось» [Георгиевский, 1909, с. 131–132].

По новому уставу, в 1890 г. Янсон, начавший академическую службу в Горигорецком земледельческом институте, должен был покинуть штатную должность профессора. Смену себе он стал готовить заранее. Первым его учеником, начавшим работу в университете, стал в 1882 г. Павел Иванович Георгиевский (1857–1938) (о Георгиевском см.: [Дмитриев, Чебаненко, 2012]). В 1885 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Международная хлебная торговля», а в 1887 г. докторскую диссертацию «Финансовые отношения государства и частных железных дорог». Первоначально

Георгиевский ведет практические занятия и специальный курс по статистике, но уже в 1885/86 учебном году объявляет параллельный с Вреденом курс политической экономии (заметим, что впоследствии он будет критиковать конкурентное преподавание). В 1888 г. Георгиевский становится экстраординарным, в 1890 г. — ординарным профессором. Политическая экономия становится основной преподавательской специальностью Георгиевского, а для преподавания статистики приглашается приват-доцент кафедры финансового права И. И. Кауфман (1848–1915), в 1901 г. ставший вторым ординарным профессором кафедры политической экономии и статистики (с 1893 г. — экстраординарный профессор).

О теоретических взглядах Георгиевского и содержании преподаваемого им курса можно судить по его впервые вышедшему в 1890 г. и выдержавшему четыре издания учебнику «Политическая экономия». Структура учебника достаточно оригинальна. Он состоит из введения и частей, посвященных производству ценностей, обращению ценностей, распределению ценностей, а также употреблению и уничтожению ценностей. Оригинальность этой структуры заключается в том, что, следуя в общем классической воспроизводственной схеме, Георгиевский особое значение придает уничтожению и употреблению ценностей, ставя себе это в заслугу: «Признание важности этого отдела экономической науки, не только не уступающего по своему содержанию другим отделам, но даже, по нашему мнению, превосходящего прочие отделы по своему значению, выдвигается нами, едва ли не впервые в экономической науке» [Георгиевский, 1904, с. 282].

Употребление ценностей для Георгиевского (он настаивает именно на этом термине, который уместнее, по его мнению, термина «потребление»)

имеет для него значение само по себе, а не как основа теории ценности. Уделяя много внимания критике Маркса, Георгиевский отказывается от трудовой теории ценности, но не переходит и к теории предельной полезности, хотя с последней теорией он был прекрасно знаком. Именно Георгиевский впервые в России, как утверждает Ю. И. Будович, представил в популярном курсе науки таблицу Менгера [Будович, 2004, с. 31–32]. Кроме того, будучи убежденным противником социализма, Георгиевский выпустил перевод на русский язык «Теории Карла Маркса и ее критики» О. Бём-Баверка (СПб., 1897). Теорию ценности Георгиевский заменяет теорией издержек производства, а также выдвигает свою собственную теорию «общественности». Эта категория выступает у него в роли четвертого фактора производства и проявляется в следующих основных формах: правовой порядок, знание и общественная кооперация. Исходя из этого, ученый стремится доказать, что общественность является источником «избытка» (чистого продукта), «который и должен идти на поддержание общественности или, что то же, на удовлетворение потребностей ее, как они в ней сложились и развились» [Георгиевский, 1904, с. 257].

Можно предположить, что Георгиевский уловил существование тех явлений, которые в экономической науке XX в. получили название внешних эффектов и общественных благ. Тем не менее четко сформулировать свое прозрение Георгиевский не смог, и его теория не привлекла внимания современников, несмотря на старания автора, который излагал ее в отдельных брошюрах на французском и немецком языках и, перейдя в разряд почетных профессоров, объявил чтение особого спецкурса «Социальный вопрос и теория общественности». Наконец, в 1924 г., находясь уже в эмиграции, он выступил на годичном заседании Русского юридического факультета в Праге с докладом «Общественность в народном хозяйстве».

Среди сотрудников юридического факультета университета Георгиевский выделялся своим консерватизмом и лояльностью к бюрократии. Однако политическая и научная мода того времени была совсем иной — в области политической экономии популярность приобретает учение Маркса, которое проникает в том числе и в университеты. Этим российские университеты отличались от европейских. Так, «до 1918 года среди официально утвержденных профессоров и адъюнкт-профессоров в университетах Германии не было ни одного социал-демократа» [Рингер, 2008, с. 172–173]. Все коллеги Георгиевского, пришедшие в университет с конца 1880-х гг. и до революции 1905 г. были связаны с марксизмом и, так или иначе, с революционным движением.

Первые учебники политической экономии марксистского направления, изданные преподавателями Санкт-Петербургского университета, принадлежат А. А. Исаеву (1851–1924) и Л. В. Ходскому (1854–1919). Андрей Алексеевич Исаев был приват-доцентом кафедры политической экономии в 1889–1899 гг. Его «Начала политической экономии» пользовались большой популярностью в дореволюционной России и выдержали семь изданий. О популярности курса

Исаев Андрей Алексеевич
(1851–1924)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/184-isayev-andrey-alekseyevich.html>

Исаева в студенческой среде свидетельствуют опубликованные данные о гонораре профессоров и приват-доцентов в 1895 и 1896 гг. Судя по ним, в 1895–1896 учебном году профессор Георгиевский читал курсы политической экономии, статистики (последний также читали Кауфман, Ходский и Яроцкий), а также специальный курс «Пути сообщения в народном хозяйстве и государстве») и получил гонорар в размере 1049 рублей. При этом приват-доцент Исаев, читавший один параллельный курс политической экономии, получил гонорар в размере 7298 рублей [Список..., 1896, с. 2].

Леонид Владимирович Ходский не преподавал политическую экономию в университете, он с 1892 г. был приват-доцентом, а с 1895 г. — профессором кафедры финансового права, но являлся автором «Политической экономии в связи с финансами», которая также переиздавалась с 1884 г. несколько раз. Отметим, что оба эти преподавателя занимались политической деятельностью, подверглись преследованию и были уволены из университета распоряжением Министерства народного просвещения как неблагонадежные: Исаев — в 1899 г. после студенческих волнений, а Ходский — в 1905 г. Леонид Владимирович вернулся в университет в 1910 г. в качестве приват-доцента.

Еще одним преподавателем, придерживавшимся левых взглядов, был Василий Гаврилович Яроцкий (1855–1917). Он окончил Санкт-Петербургский университет в 1880 г., в 1888-м защитил магистерскую диссертацию на тему «Экономическая ответственность предпринимателей, а в 1896-м — докторскую на тему «Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей». Начало академической карьеры Яроцкого отмечено конфликтом с Георгиевским: в 1887–1888 гг. Яроцкий выступил в печати и на докторском диспуте с критикой книги Георгиевского «Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и в западноевропейских государствах», Георгиевский же в свою очередь опубликовал критические замечания на книгу Яроцкого «Экономическая ответственность предпринимателей». В результате этого конфликта, одной из причин которого могла быть конкуренция за профессорство по кафедре политической экономии и статистики (см.: [Дмитриев, 2009, с. 484]), Яроцкому пришлось защищать магистерскую и докторскую диссертации в Московском университете. Несмотря на это, в 1888 г. он был допущен к чтению лекций в звании приват-доцента в Санкт-Петербургский университет.

В изданном в 1916 г. учебнике политической экономии Яроцкий показывает себя как марксист народнического направления, приверженец тру-

довой теории ценности. Ученый подчеркивает неизменность своих теоретических взглядов: «Мне не понадобилось, — подобно некоторым из моих коллег, сколько-нибудь существенно изменять свои взгляды по основным вопросам науки или приспособляться к колебаниям в ней временных модных течений» [Яроцкий, 1916, с. III]. Под «временными модными течениями» Яроцкий подразумевает прежде всего австрийскую школу и критикует за подобное «модничанье» Туган-Барановского: «...в настоящее время работа экономистов в таком направлении должна быть признана если не совершенно бесплодной, то весьма мало полезной, если не считать самоуслаждения и взаимного обожания представителей подобного педантического теоретизирования» [Яроцкий, 1916, с. 37].

Наконец, в 1902 г. приват-доцентом кафедры становится доцент Владимир Владимирович Святловский (1869–1927). В юности он участвовал в рабочем движении, в 1889–1892 гг. был членом «группы Бруснева» — одной из первых социал-демократических организаций в России, связанной с швейцарской группой «Освобождение труда» Г. В. Плеханова. В изданном в 1910 г. популярном «Конспекте лекций по политической экономии» Святловский стремится представить все существующие теоретические подходы. В частности, он описывает следующие теории ценности: теорию спроса и предложения, теорию издержек производства, трудовую или объективную теорию, а также субъективную, или австрийскую, теорию. При этом предпочтения автора очевидны. О Марксе Святловский пишет, что тот «дает строго логическое, часто возвышающееся до высокой абстрактной цепи неизбежно вытекающих одна из другой математических формул, учение» [Святловский, 1910, с. 146]. Австрийская же школа характеризуется им следующим образом: «В последнее время против субъективной теории ценности выдвинуто очень много как общих принципиальных, так и частных критических замечаний, в общей совокупности указавших шаткость методологической и философской основы австрийской теории ценности» [Святловский, 1910, с. 165].

Яроцкий
Василий Гаврилович
(1855–1917)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/334-yarotskiy-vasiliy-gavrilovich.html>

Святловский
Владимир Владимирович
(1869–1927)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/574-svyatlovskiy-vladimir-vladimirovich.html>

Кулишер Иосиф Михайлович
(1878–1933)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/145-kulisher-iosif-mikhaylovich.html>

Политическая экономия между двух революций (1905–1917). Начало XX в. стало противоречивым периодом в преподавании политической экономии. С одной стороны, происходит дальнейшая академизация и профессионализация. Растет число экономических курсов, читаемых яркими преподавателями, а в 1907 г. на юридическом факультете выделяется отделение экономических и государственных наук. С другой стороны, нормальная жизнь университета постоянно сотрясается революционными волнениями и политической реакцией.

Несомненно, наиболее значительным эпизодом истории кафедры политической экономии в этот период стала преподавательская деятельность Михаила Ивановича Туган-Барановского (1865–1919) (подробнее см. статью Л. Д. Широкограда в наст. изд.). Напомним, что 1890-х гг. он уже был приват-доцентом кафедры политической экономии и статистики: в 1895/96 учебном году объявил специальный курс «Исторический обзор развития новейшей экономической науки», а в 1898/99 учебном году — параллельный курс по политической экономии. В 1901 г. за участие в студенческой демонстрации Туган-Барановского арестовывают, а затем подвергают административной высылке из Санкт-Петербурга. Революция 1905 г. позволила Туган-Барановскому вернуться к преподаванию политической экономии. Возобновив преподавание в университете, Туган-Барановский подготовил свой знаменитый учебник «Основы политической экономии» (1909 г.), который при жизни автора выдержит пять изданий, а также будет переиздан в постсоветский период в 1998 г. Туган-Барановский быстро приобретает популярность в студенческой среде и становится главным конкурентом Георгиевского в чтении основного курса политической экономии.

Преподавание экономических наук расширилось, вышло далеко за пределы традиционных обязательных курсов политической экономии, статистики, а также имевших экономическое содержание курсов финансового и полицейского права. И. М. Кулишер (1878–1933) стал преподавать «Историю экономического быта Западной Европы», М. А. Сиринов (1878–1929) — «Предмет и метод политической экономии по учению главнейших представителей политико-экономических школ», В. П. Тугорский (1872–1911) и П. И. Лященко (1875–1955) — «Экономию сельского хозяйства» и «Сельскохозяйственную политику», В. А. Гаген (1874–1930) — «Обязательное призрение бедных в Западной Европе», Яроцкий — «Социальную политику в области рабочего вопроса», Святловский — «Русское рабочее законодательство», профессор Кауфман — «Политику денежного обращения» и «Демографическую статистику».

стику». Также началось преподавание отдельных курсов по экономической и местной статистике, которые читали В. В. Степанов (1868–1950) и Г. Г. Швиттау (1875–1950). В 1910-х гг. практические занятия по политической экономике и статистике начали вести такие известные впоследствии ученые, как М. В. Птуха (1884–1961) и С. И. Солнцев (1872–1936). Различные курсы по финансам стали читать М. И. Боголепов (1886–1945), А. И. Буковецкий (1881–1972), М. А. Курчинский (1876–1939), Ф. А. Меньков (1881–1925), В. Н. Твердохлебов (1876–1954) и др.

В этот же период действия студенчества, которые иногда использовались профессурой в ее противостоянии с имперской бюрократией, превращают университет в один из центров революции. Оппозиционные настроения были традиционно свойственны российскому студенчеству, но с 1899 г., когда в Санкт-Петербургском университете начинается всероссийская студенческая забастовка, выступления студентов приобретают характер массового политического движения, регулярно проходят разного рода сходки и стачки, лекции непопулярных профессоров подвергаются обструкции по политическим причинам. Это позволило В. И. Вернадскому утверждать, что «с 1898 г. и до 1906 г. правильного преподавания в высшей школе не было; школа находилась в состоянии анархии, с которой энергично боролась русская профессура, так как начальство не имело никакого нравственного авторитета» [Вернадский, 1912, с. 4]. В феврале 1905 г., с началом революции, занятия в университете снова прерываются из-за студенческой стачки. В полном объеме учебный процесс восстановится только осенью 1906 г. Активно воздействовать на университетскую жизнь студенческие организации продолжали и после возобновления занятий в 1906 г.: «В течение всего 1906 г. вся внутренняя жизнь университета фактически определялась решениями самих студентов и деятельностью совета старост. Совет профессоров не мог ни повлиять на ход событий, ни изменить их» [Павлицкая, 1948, с. 153].

После «Третьеиюньского переворота» 1907 г. в России началось время политической реакции. В сфере высшего образования реакцию обычно связывают с деятельностью Л. А. Кассо, министра народного просвещения в 1910–1914 гг. В Московском университете наступление Кассо на университетскую автономию привело к отставке значительной части преподавателей. В столичном университете события развивались по-другому — как показано Е. А. Ростовцевым, «профессорский Совет, сплотившийся вокруг ректора, выбрал иную тактику — пассивного сопротивления давлению министерства»

Лященко Петр Иванович
(1875–1955)

Источник: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/759-lyashchenko-petr-ivanovich.html>

[Ростовцев, 2017, с. 624]. В ответ на это министерство пытается преодолеть оппозиционность профессорского Совета путем беспрецедентной практики назначения и «перевода в Санкт-Петербургский университет консервативных профессоров из провинциальных высших учебных заведений и перевода петербургских либералов в провинцию» [Ростовцев, 2017, с. 638]. Важно отметить, что эта политика прежде всего была направлена против юридического факультета, то есть представителей социальных наук. В конечном итоге на юридический факультет было назначено 11 профессоров.

Остановимся подробнее на одном из таких эпизодов, который был связан с тем, что П. И. Георгиевский, в соответствии с установленным порядком, отслужив 30 лет, должен был оставить к 1 января 1913 г. штатную университетскую должность. Встал вопрос о занятии профессорской кафедры и наиболее очевидным кандидатом на нее, как по возрасту, так и по научным заслугам, был М. И. Туган-Барановский. Именно он и был избран — сначала собранием юридического факультета 30 апреля 1912 г. (13 голосов «за», 1 «против»), а затем на заседании Совета университета 21 мая 1912 г. (29 голосов «за», 4 «против») [Протоколы заседаний..., 1914, с. 77–80].

Очевидно, что единственный голос «против» на собрании юридического факультета принадлежал профессору Георгиевскому. В своем отзыве, представленном юридическому факультету о М. И. Туган-Барановском как кандидате в профессора по кафедре политической экономии, он обвиняет его в чрезвычайном увлечении идеями социализма и коммунизма и восхвалении их. Георгиевский указывает, что даже в «просвещенной Германии» не допускается занятие университетских кафедр социал-демократами, и предупреждает против опасности «замены кафедры НАУКИ политической экономии кафедрой ПРОПОВЕДИ социализма». Заканчивает свой отзыв Георгиевский мрачным пророчеством: «Отравление учащейся молодежи социалистическими фантазиями, подносимыми им под видом положительной науки с университетской кафедры, может иметь для этой молодежи, а в лице нескольких поколений ее — для целого государства, самые печальные последствия, предупредить которые, по мере сил, я считаю своим нравственным долгом» [Георгиевский, 2008, с. 100].

Обвинения Георгиевского не произвели и не могли произвести впечатления на собрание факультета и Совет университета. Многие русские интеллигенты того времени, в том числе коллеги Георгиевского и Туган-Барановского по университету, симпатизировали социалистическим идеям, занимая, возможно, более левые позиции, чем последний. Действительно, Туган-Барановский был известен своими работами о социализме (и Георгиевский тенденциозно подбирает цитаты из этих работ), но социализм рассматривался им в качестве этического идеала будущего общества свободных людей. В области же практической политики Туган-Барановский скорее был сторонником буржуазной кадетской партии.

Необходимо также отметить и возможное существование личных мотивов неприязни Георгиевского к Туган-Барановскому. В своем отзыве он не только характеризует научные и политические взгляды кандидата, но и позволяет себе намекнуть, что тот пользуется прибылью с капитала и поземельной рентой, а значит в своей жизни не следует социалистическим идеям. Об отношениях Георгиевского и Туган-Барановского свидетельствует также опубликованная переписка сотрудников университета с В. И. Борткевичем (1868–1931), в то время экстраординарным профессором Берлинского университета. Так, А. А. Кауфман говоря о ненависти Георгиевского к Туган-Барановскому, пишет: «...в данном случае работа была настолько шита белыми нитками, что, конечно, никакой поддержки Г[еоргиевский] не мог встретить» [Кауфман, 2009, с. 101]. Из письма М. В. Птухи мы узнаем, что к 1912 г. И. И. Кауфман, второй профессор кафедры политической экономии и статистики, отстаивал кандидатуру Туган-Барановского уже пять лет. Вот что сообщает М. В. Птуха В. И. Борткевичу: «П. И. Георгиевский, не желая замещения кафедры М. И. Туган-Барановским, предложил профессору Мануйлову выставить свою кандидатуру, но Мануйлов быть кандидатом П. И. Георгиевского категорически отказался. Ввиду этого, как рассказывают, он выставил Вашу кандидатуру, не заручившись предварительно Вашим согласием» [Птуха, 2010, с. 116]. Борткевич также не воспользовался этим предложением.

Таким образом, Георгиевский, интригуя против Туган-Барановского, стремится еще и к тому, чтобы кафедра политической экономии в Санкт-Петербургском университете была занята видным ученым. Интересно отметить, что эволюция теоретических взглядов предложенных им исследователей во многом развивалось в том направлении, которое было задано Туган-Барановским. А. Н. Мануйлов (1861–1929), активный политик, входивший в состав центрального комитета кадетской партии, с 1905 по 1911 г. был избранным ректором Московского университета и подал в отставку в связи с «делом Кассо». Кафедру политической экономии Московского университета Мануйлов занимал в 1903–1911 гг. В своей научной деятельности он перешел от марксистской трудовой теории стоимости к увлечению австрийской школой. Гораздо более крупным теоретиком был Борткевич, который с 1901 г. работал в Берлинском университете, но не мог получить там постоянную должность, так как был российским подданным. Борткевич получил известность как специалист в области математической статистики и теории вероятностей, а его наиболее важным достижением является применение аппарата теории издержек производства к анализу совместимости марксистских теорий стоимости и цены.

После избрания Туган-Барановский должен был быть утвержден в профессорской должности Министерством народного просвещения. Этого не произошло, и 15 сентября 1912 г. на заседании Совета университета ректор Э. Д. Гримм сообщил следующее: «Предложением от 13 июня за № 19998 г[осподин] министр уведомил ректора о том, что, рассмотрев выборное про-

изводство по замещению вакантных на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета кафедр, он не признал возможным утвердить постановление Совета Санкт-Петербургского университета об избрании на упомянутые кафедры представленных юридическим факультетом кандидатов». М. А. Таубе, товарищ министра народного просвещения, бывший профессор университета, объяснил, что подобные действия министерства объясняются, в частности, по словам Гримма, «постоянной оппозицией будто бы проявляемой Советом Санкт-Петербургского университета по отношению к мероприятиям Министерства народного просвещения» [Протоколы заседаний..., 1914, с. 119–120].

Однако министерство в данный период интересовалось достоинствами кандидата как ученого в последнюю очередь. В условиях противостояния с профессорским Советом университета необходима была прежде всего лояльная кандидатура. Такая кандидатура была найдена в Одессе, и на кафедру политической экономии в Санкт-Петербургский университет был переведен профессор полицейского права Новороссийского университета И. И. Чистяков. Кроме того, очередным шагом министерства Кассо в наступлении на академические свободы стал запрет преподавания приват-доцентами общих курсов, параллельных профессорским. Туган-Барановскому оставалось только проведение практических занятий, это не могло его устроить, он покидает университет и переходит в Политехнический институт Петра Великого.

Иван Иванович Чистяков (1873 — ?) окончил юридический факультет Московского университета в 1898 г., в 1901–1910 гг. — приват-доцент Московского университета, а в 1910–1912 гг. — экстраординарный профессор Новороссийского университета. В 1910-м в Новороссийском университете он защитил диссертацию на степень магистра полицейского права «Образование народа во Франции в эпоху Третьей республики», а в 1912 г. в разгромленном Московском университете защитил докторскую диссертацию «Опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения». Докторская диссертация Чистякова имеет реферативный характер и представляет собой обзор различных проектов и предложений по страхованию рабочих. Примечательно, что и сам автор в предисловии расписывается в своей теоретической несостоятельности: «В первоначальные намерения автора входило теоретическое рассмотрение вопроса о страховании рабочих в России... Но эту мысль, почти в самом начале занятий, ему пришлось оставить, как преждевременную, за полным отсутствием сводных работ исторического характера по предмету исследования. ...Остановившись таким образом пока на истории подлежащего изучению вопроса, автор встретил и на этом пути ряд препятствий внешнего характера, относившихся к установлению объема и нахождению соответствующего материала» [Чистяков, 1912, с. IX]. Скорость (два года после защиты магистерской диссертации), с которой докторская диссертация была подготовлена и защищена, наталкивает на мысль, что Чистяков

пользовался определенной административной поддержкой, ввиду предполагавшегося его назначения.

В качестве политэконома Чистяков проявить себя не успел, но в то же время необходимо признать, что он мог обновить преподавание курса политической экономии. Так, например, он впервые в Санкт-Петербургском университете вносит в список рекомендуемых пособий «Принципы экономической науки» А. Маршалла. Однако профессором Санкт-Петербургского университета Чистяков пробыл всего четыре года. Сразу после Февральской революции 1917 г. все назначенные министерством профессора были отстранены от должности. Чистяков отправляется в Томск, где 1 марта 1918 г. его избирают профессором кафедры политической экономии и статистики местного университета. В период Гражданской войны следы Чистякова теряются.

Заключение. После Февральской революции на краткий срок либеральной профессуре показалось, что наступило время реализации всех ее желаний. Многие получили заслуженную награду. Например, В. Г. Яроцкий был удостоен звания сенатора. М. И. Туган-Барановский вновь был избран профессором университета, но вернуться к преподаванию ему было не суждено, он встал на путь сотрудничества с украинскими сепаратистами и скончался 8 января 1919 г. в поезде под Одессой, направляясь в Париж в составе украинской делегации. Октябрь развеял иллюзии, а советская власть продемонстрировала, что в России университетская автономия имеет смысл только тогда, когда она охраняется и поддерживается государством.

Список литературы

- Белозеров С. А. Иван Яковлевич Горлов // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 185–193.
- Будович Ю. И. Курс политической экономии в России на рубеже XIX–XX вв. и современность. М., 2004.
- Бутовский Александр // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 т. Т. V. СПб., 1891. С. 84–85.
- Вернадский В. И. 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб., 1912.
- Георгиевский П. И. О реформе университетов в России (1909) // Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. О реформе университетов в России. М.: ЛЕНАНД, 2016
- Георгиевский П. И. Политическая экономия: в 2 т. Изд. 4-е. Т. 2. СПб., 1904.
- Георгиевский П. И. В юридический факультет Санкт-Петербургского университета / публ. А. Л. Дмитриева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2008. Вып. 1. С. 97–100.
- Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.

- Дмитриев А. Л. Василий Гаврилович Яроцкий // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 479–489.
- Дмитриев А. Л., Чебаненко Е. Н. Павел Иванович Георгиевский // Финансовая наука в Санкт-Петербурге: исторические очерки. М., 2012. С. 105–126.
- Жарова Е. Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290.
- Жуковская Т. Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // Клио. 2013. № 10. С. 15–26.
- Кауфман А. А. Письма А. А. Кауфмана к В. И. Борткевичу / публ. А. Л. Дмитриева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 4. С. 94–113.
- Костина Т. В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегияльная» реформа С. С. Уварова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 212–238.
- Майков П. Порошин Виктор Степанович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 577–580.
- Милютин В. А. Избранные произведения. М.: ОГИЗ, 1946.
- Никитенко А. О политической экономии вообще и в особенности о производимости как главном предмете оной // Северный архив. 1827. № 23. С. 227–251; № 24, С. 297–316.
- Павлицкая Н. И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1948. № 11. С. 138–156.
- Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 год. № 68. СПб., 1914.
- Птуха М. В. Письма М. В. Птухи к В. И. Борткевичу / публ. А. Л. Дмитриева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2010. Вып. 4. С. 113–128.
- Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество Германии, 1890–1933. М., 2008.
- Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017.
- Святловский В. В. Конспект лекций по политической экономии. СПб., 1910.
- Соколов Б. И. Эдмунд Романович Вреден // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 163–183.
- Список профессоров и приват-доцентов, получивших в 1895 и 1896 годах (считая с 1 января) гонорар за чтение лекций и ведение практических занятий. СПб., 1896.
- Чистяков И. И. Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912.
- Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3 т. Т. 1. СПб., 2001.
- Яроцкий В. Г. Курс лекций политической экономии. Вып. 1. Пг., 1916.

В. Т. Рязанов

Кафедра экономической теории: страницы новой истории

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Рязанов В. Т. Кафедра экономической теории: страницы новой истории // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 53–66.

В статье раскрываются особенности научно-образовательной деятельности кафедры политической экономии (экономической теории) в период с 1960-х гг. по настоящее время. Анализируются изменения, которые произошли в преподавании экономической теории и научной сфере после 1991 г. Выделяются наиболее значимые результаты в научно-образовательной деятельности, которые были достигнуты в этот период.

Ключевые слова: кафедра политической экономии, экономический факультет, история преподавания, научная деятельность, результаты.

Наши предшественники. После преобразования в 1949 г. политико-экономического факультета в экономический и его превращения в многопрофильное университетское подразделение с возникающими новыми направлениями научной и образовательной деятельности значение подготовки экономистов-теоретиков не уменьшилось. Будучи старейшим направлением экономического образования в университете, оно оставалось ведущим на факультете. Соответственно кафедра политической экономии сохранила центральное место в жизни факультета. Тот факт, что подавляющее большинство деканов факультета были ее представителями, говорит о многом. Кафедра играла важную роль в подготовке будущих экономистов-теоретиков: ее выпускники, завершив подготовку по основной образовательной программе, а затем в аспирантуре, продолжали свою деятельность в качестве преподавателей во многих отечественных и зарубежных высших учебных заведениях. Можно считать, что в те годы главной миссией кафедры было формирование преподавательских кадров в области политической экономии для всей страны. Не случайно, немалое число ее выпускников со временем добились значительных успехов в академической и общественной сферах деятельности.

Немаловажно и то, что кафедра активно участвовала в развитии факультета в разных направлениях, способствуя укреплению его авторитета в Санкт-Петербургском университете и университетском сообществе страны. С опорой на ее научный и кадровый потенциал на факультете возникали новые кафедры и развивались перспективные направления научных исследований. Так, из состава кафедры политической экономии в 1957 г. выделилась кафедра

экономики современного капитализма, которую ее возглавил С. И. Тюльпанов. В 1985 г. была создана кафедра экономической истории и критики антимарксистских экономических теорий (заведующий — профессор Г. Г. Богомазов). При поддержке и участии кафедры политической экономии образовывались новые специальности в подготовке экономистов, такие как «экономическая кибернетика», «экономика исследований и разработок», «международные экономические отношения», «финансы и кредит». Во многих случаях открытие новых направлений в подготовке экономистов было новаторским в советском университетском образовании и служило примером для других университетов.

В организационном отношении кафедра политической экономии не оставалась неизменной. В течение длительного периода времени она представляла собой единое целое, обеспечивая преподавание политической экономии как на экономическом, так и на всех других факультетах университета. Для нее 1960-е гг. стали временем восстановления и успешного развития после трагических для кафедры и факультета событий конца 1940-х, которые привели к потере ведущих профессоров, пострадавших из-за необоснованных репрессий. Из семи профессоров, шестеро были арестованы и репрессированы. Первые деканы факультета А. А. Вознесенский и В. В. Рейхард погибли, Л. В. Некраш умер в тюрьме. А. И. Буковецкий, В. М. Штейн и Я. С. Розенфельд были осуждены, прошли лагеря, а в 1955 г. были реабилитированы. Произошедший погром привел к тому, что на факультете осталось всего семь доцентов и ни одного профессора [Пешехонов, 1998, с. 90].

В 1961 г. заведующим кафедрой политической экономии стал профессор Н. Д. Колесов (1925–2012), который в течение 35 лет оставался на этом посту. Во многом благодаря его деятельности и человеческим качествам сложился работоспособный и дружный коллектив преподавателей, который характеризовался непрерывным ростом профессионального уровня сотрудников и успешно справлялся с задачами по подготовке специалистов. Отличительной чертой кафедры в эти годы было то, что в ее состав входило много ветеранов Великой Отечественной войны из числа бывших выпускников факультета. В разные годы на кафедре работали: М. А. Алексеев, Е. А. Виноградов, Н. Д. Колесов, Н. А. Медведев, Н. А. Моисеенко, М. Д. Плинер, В. М. Рауд, Б. Р. Рященко, Ю. В. Семенов, Л. П. Федорова. Их жизненный опыт и дух воинов-победителей сплачивал коллектив, служа бесценным примером для молодых преподавателей.

Кафедра политической экономии в 1960–1970-х гг. быстро росла и количественно, и качественно. Был период, когда по штату работало более 50 преподавателей, в том числе 8 профессоров, и более 100 аспирантов. Это была самая крупная кафедра политэкономии в СССР [Колесов, 2010, с. 21]. Случалось, что не всем удавалось попасть на заседание кафедры из-за недостатка мест в аудитории, особенно когда проходили какие-то интересные обсуждения или защиты диссертаций.

Понятно, что при таком большом составе кафедры научные интересы ее преподавателей отличались многообразием, поэтому для их реализации на кафедре функционировало несколько проблемных групп, на которых велась научная работа, обсуждались рукописи монографий и статей, а также диссертации аспирантов и соискателей. Наиболее значимую роль играла проблемная группа по изучению отношений социалистической собственности, что неудивительно, поскольку их исследование было главной областью научных интересов заведующего кафедрой Н. Д. Колесова. Другие научные проблемные группы были созданы для изучения планомерности (руководитель — профессор В. А. Пешехонов), трудовых отношений и рабочей силы (руководители — профессора М. Д. Плинер и В. М. Рауд), распределительных отношений и хозрасчета (руководитель — профессор В. И. Котелкин, доцент О. А. Елисеева), товарно-денежных отношений (руководители — профессора Т. Д. Алимova и Е. А. Целыковская).

Особо отметим, что научная жизнь на кафедре и факультете в 1960–1980-х гг. отличалась высокой интенсивностью и коллективным взаимодействием, активным участием преподавателей совместно с аспирантами как в научных исследованиях, так и в хоздоговорной тематике. Кафедра политической экономии была инициатором и организатором крупных всесоюзных научных конференций, посвященных актуальным и остро дискуссионным проблемам: месту и роли предприятий в народном хозяйстве, особенностям рабочей силы при социализме. Активно работали теоретический и философский семинары. Все это сплачивало коллектив и помогало ему развиваться.

В 1975 г. кафедра политической экономии была реорганизована, и возникли две кафедры политической экономии — для гуманитарных факультетов (заведующий — профессор Н. Д. Колесов) и естественных факультетов (заведующий — профессор В. А. Пешехонов). В 1979 г. реорганизация была продолжена: образовались три кафедры политической экономии — экономического факультета (заведующий — профессор В. А. Пешехонов), для гуманитарных факультетов (заведующий — профессор Н. Д. Колесов) и для естественных факультетов (заведующий — профессор В. И. Котелкин). Еще одним этапом в организационном и содержательном оформлении экономико-теоретического сектора экономического факультета ЛГУ стало создание в 1985 г. кафедры экономической истории и критики антимарксистских экономических теорий (заведующий — профессор Г. Г. Богомазов).

Колесов Николай Дмитриевич
(1925–2012)

Из архива семьи Н. Д. Колесова

Чтобы завершить краткий обзор организационных преобразований, выделим главные изменения, которые произошли после распада страны. Прежде всего они были связаны с утратой научной монополии политической экономии в ее марксистском варианте как в образовательной, так и в научной сфере. Понято, что никакая монополия, в какой бы области она не возникала, к благоприятным результатам не приводит. Административно поддерживаемая монополия вполне закономерно формировала негативное отношение к самой политической экономии как у студентов, так и у преподавателей. Во многом такая ситуация сложилась из-за догматизма и начетничества, которые были присущи советской версии марксизма и характеризовались отрывом от реальной хозяйственной жизни, изолированностью от мировой экономической мысли. В результате пострадала сама репутация политической экономии как исторически сложившегося научного направления в сфере экономического знания, которое возникло задолго до марксизма. Все это вылилось в отрицание научного статуса политической экономии с отнесением ее к сфере идеологии и с отказом в правомочности использования даже самого термина, обозначающего название специальности, кафедр, учебных дисциплин и т. п. Это довольно странно, поскольку политическая экономия — первое имя самой экономической науки, а затем ее теоретической части. Такой негативный фон сопровождал процесс назревшего перестроения преподавания экономической теории. Его необходимость на начальном этапе выразилась в желании уйти от самого названия политической экономии, и с конца 1991 г. начался поиск новых версий названия кафедр. Так кафедры политической экономии отказались от своего исторического имени. Надолго ли?

В конечном счете в 1996 г. вместо трех кафедр политической экономии появились кафедры экономической теории (заведующий в 1979–1995 гг. — профессор В. А. Пешехонов, с 1995 г. и по настоящее время профессор В. Т. Рязанов), экономической теории и экономической политики (заведующий — в 1996–2011 гг. — профессор Ф. Ф. Рыбаков, с 2012 г. и по настоящее время — профессор А. Н. Лякин), экономической теории и социальной политики (заведующий в 1979–1992 гг. — профессор В. И. Котелкин; в 1992–2007 гг. — профессор В. С. Пригарин; с 2007 г. и по настоящее время — доцент О. А. Канаева). Кафедра экономической истории и антимарксистских учений стала кафедрой истории экономики и экономической мысли (заведующий в 1985–2013 гг. — профессор Г. Г. Богомазов, с 2013 г. — профессор А. Н. Дубянский).

В двухвековой истории кафедры политической экономии были взлеты и падения, и, к сожалению, трагические страницы. Эта история неоднозначна так же, как непроста история нашей страны.

Чтобы полнее представить организационную историю, приведем список всех заведующих кафедрой политической экономии (экономической теории) с момента создания самостоятельного политико-экономического, а затем экономического факультета нашего университета:

- профессор А. А. Вознесенский (1939–1948);
- доцент И. Ф. Рыбаков (1950–1951);
- доцент И. Д. Тихомиров (1952–1961);
- профессор Н. Д. Колесов (1961–1995);
- профессор В. А. Пешехонов (1975–1995);
- профессор В. И. Котелкин (1979–1992);
- профессор В. С. Пригарин (1992–2007);
- профессор Ф. Ф. Рыбаков (1996–2011);
- профессор Ю. И. Новиков (2011–2012);
- профессор В. Т. Рязанов (с 1995 г. по настоящее время);
- доцент О. А. Канаева (с 2007 г. по настоящее время);
- профессор А. Н. Лякин (с 2012 г. по настоящее время).

Чем сегодня живет кафедра? Что касается современной истории кафедры экономической теории, то прежде всего в ее становлении, которое происходило после всех реорганизаций, следует выделить особую роль профессора В. А. Пешехонова (1928–2004). Как человек творческий, он пользовался большим авторитетом и уважением не только на кафедре, но на факультете и в университете. Процесс формирования коллектива кафедры происходил под его непосредственным влиянием, им же были заложены основные традиции кафедры. Нельзя не отметить и ключевую роль в организации учебного процесса доцента М. А. Серебровской, которая более 35 лет самоотверженно и ответственно выполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой по учебной работе.

Все эти годы кафедра готовила экономистов широкого профиля, которые успешно работали и работают преподавателями в университетах и вузах, научными сотрудниками в академических институтах, хорошо адаптируются в государственных органах управления и современных рыночных структурах. Сегодня среди выпускников — десятки докторов наук, заведующих экономическими кафедрами не только в Российской Федерации, но и во многих странах мира. Мы подготовили сотни специалистов для стран Восточной Европы, Африки, Китая, Вьетнама, Кубы и других государств. Среди наших выпускников — академики, например действительный член РАН В. А. Мартынов, бывший в 1989–2000 гг. директором ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН В. А. Медведев, и министры в правительстве страны, например В. Г. Захаров, А. Л. Кудрин, М. Ю. Соколов, а также депутаты Госдумы,

Пешехонов
Владимир Андреевич
(1928–2004)

Источник: <http://www.econ.spbu.ru/ru/people/vladimir-andreevich-peshehonov>

директора крупнейших предприятий, руководители банков и других коммерческих структур.

С 2010 г. экономический факультет прекратил прием на специалитет и перешел на обучение экономистов по программам бакалавриата и магистратуры. Кафедра экономической теории продолжила подготовку экономистов на одном из профилей бакалавриата, а также по магистерской программе «Институциональная экономика» (с 2018 г. — «Институциональный анализ современных рынков»). Ее научным руководителем является профессор В. Т. Рязанов. Выбор теории институционализма в качестве программы по магистратуре определялся ее значением в современной системе экономико-теоретического знания. Будучи одним из перспективных направлений современной экономической мысли, институционализм имеет к тому же большое практическое значение в обеспечении эффективного функционирования системы хозяйствования.

Такой выбор был подкреплен накопленным опытом преподавания в рамках специализации «Экономика и право», которая была организована на кафедре в 1995 г. и реализовывалась все эти годы. Подготовка экономистов по магистерской программе «Институциональная экономика», предусматривающая углубленное знание права, отвечает потребности формирующейся новой экономики в России, будучи нацелена на успешную практическую деятельность и научную работу выпускников.

Для обеспечения учебного процесса по данной программе сотрудниками кафедры выпущены два профильных учебника:

- 1) Институциональный анализ и экономика России: учебник / под ред. В. Т. Рязанова (М.: Экономика, 2012, переиздан в 2013 г.). Авторский коллектив: Ю. В. Крылова, Д. Е. Расков, И. М. Рисованный, В. Т. Рязанов, И. К. Смирнов, А. А. Шевелев;
- 2) Институты и экономическое развитие: отечественный и зарубежный опыт: учебник / под ред. М. А. Румянцев, Г. В. Борисова (М.: РГ-Пресс, 2013). В числе авторов — сотрудники кафедры: М. Ф. Колесникова, М. В. Марков, А. М. Мусаева, Д. Е. Расков, Н. В. Пахомова, М. А. Румянцев.

Своеобразие этих изданий заключается в том, что в них наряду с общей характеристикой теории и практики институционализма особое внимание обращается на анализ институциональных проблем в истории экономического развития нашей страны и на ее современном этапе. Соответственно и в обучении магистрантов особый акцент делается на институциональном анализе специфики экономики России. Еще одной особенностью обучения по данной программе является приглашение авторитетных отечественных и зарубежных специалистов к чтению учебных курсов. Так, профессор университета Ричмонда (США) Дж. Хасс одновременно является штатным профессором нашей кафедры, читая свой курс по теории институционализма магистрантам.

Кафедра экономической теории также принимает активное участие в реализации магистерской программы «Бизнес России и стран Содружества в глобальной экономике». Ее значение определяется приоритетной задачей для нашей страны в углублении интеграционного сотрудничества на постсоветском пространстве в условиях глобализации мировой экономики. Программа реализуется при активном участии Межпарламентской ассамблеи государств СНГ (МПА СНГ). Ее научным руководителем является выпускник кафедры профессор М. И. Кротов. Он в течение длительного периода был генеральным секретарем Совета МПА СНГ, а в настоящее время возглавляет аппарат комитета Государственной думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками.

Одновременно кафедра преподает курсы по экономической теории на других профилях бакалавриата и в магистерских программах, реализуемых не только экономическим, но другими факультетами университета. Учебная деятельность кафедры ориентирована на классическую университетскую подготовку по широкому кругу гуманитарных и математических, общепрофессиональных и специальных дисциплин. Особое внимание уделяется углубленному изучению общей экономической теории (политической экономии, микро- и макроэкономики), теории институциональной экономики, хозяйственному строю России, истории и современным экономическим реформам, а также отдельным разделам и направлениям теоретической экономики (экономики отраслевых рынков, экономики общественного сектора и т. д.).

Отличительной чертой педагогической деятельности на кафедре является подготовка ее сотрудниками авторских учебных курсов, в которых находит отражение как обязательный стандарт, так и дополнительный и оригинальный материал, что позволяет обеспечить качественную подготовку наших выпускников. Как правило, авторские курсы со временем превращаются в учебники и учебные пособия. В последние годы преподавателями кафедры был подготовлен ряд авторских учебников по основным теоретическим дисциплинам. Среди них:

- 1) Экономика отраслевых рынков и политика государства: учебник. М.: Экономика, 2009. Авторский коллектив: Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер, Т. А. Лукичева, М. А. Румянцев, А. Н. Дубянский, Н. Н. Ворожейкина, А. А. Казьмин;
- 2) Румянцева С. Ю. Основы методологии инновационной экономики и динамики. СПб.: НПК «Рост», 2015;
- 3) Рынок труда: учебник и практикум / под ред. Е. Б. Яковлевой. М.: Юрайт, 2017. Авторский коллектив: В. А. Базжина, О. В. Вередюк, О. А. Дроздов; Е. Б. Яковлева;
- 4) Ушанков В. А. Введение в экономическую науку (экономическая пропедевтика). СПб.: НПК «РОСТ», 2009;

- 5) Микроэкономика: учебник и практикум / под общ. ред. Е. Б. Яковлевой. 8-е изд. М.: Юрайт, 2016. Авторский коллектив: А. С. Воробьев, О. А. Дроздов, А. М. Мусаева, А. Ю. Протасов, Е. Б. Яковлева.

Преподаватели кафедры участвовали также в подготовке еще ряда учебников. Так, доцент Т. А. Лукичева участвовала в написании учебников «Международный маркетинг» (М.: Юрайт, 2016) и «Маркетинг» (М.: Юрайт, 2016), доцент В. М. Остапенко — в подготовке учебника по маркетингу.

С начала 1990-х гг. устанавливаются долгосрочные учебные и научные контакты с ведущими центрами в Европе, США и Китае по экономической теории, экономике реформирования, переходной и институциональной экономике, экономике природопользования, теории отраслевых рынков, истории экономической мысли, методике преподавания экономических дисциплин и другим темам. Налаживается и развивается сотрудничество с профессорами Европейского университета «Виадрина» (Франкфурт-на-Одере, Германия); Центра Вальраса и Парето (Лозаннский университет, Швейцария); Тронхеймской школы бизнеса (Норвегия); Технического университета г. Ильменау (Германия); Университета г. Тайбей (Тайвань); Шанхайского университета финансов и экономики (Китай); Народного университета Китая (г. Пекин) и др.

Кафедра принимает участие в многочисленных международных проектах. Широко практикуются поездки в зарубежные университеты преподавателей с докладами на конференциях и для чтения лекций. Преподаватели, аспиранты и студенты также имеют возможность стажироваться в ведущих университетах Европы.

Многогранность научной деятельности кафедры экономической теории и полученные результаты в немалой степени стимулировались развитием научных контактов с ведущими центрами экономической науки в России и других странах. Особенно плодотворным оказалось творческое сотрудничество с МГУ им. М. В. Ломоносова и его Центром общественных наук (руководитель — профессор Ю. М. Осипов). В сотрудничестве с ним проводились совместные научные конференции и семинары, готовились и выходили сборники работ.

Основные направления научных исследований. Главным направлением научных исследований кафедры в прошлом выступала разработка экономической теории в рамках политико-экономического анализа. Ее достоинства и недостатки отражали научные возможности марксистской школы, сформировавшейся на базе классической политической экономии. Политэкономическая теория к концу 1980-х гг. обнаружила крупные изъяны и свои научные позиции сдала не случайно. Возникший в ней глубокий концептуальный кризис предшествовал вступлению советской экономики в кризисную фазу развития.

Такой кризис имел множество проявлений, и одна из его главных форм заключалась в том, что политэкономия социализма, как составная часть общей

политэкономической теории, так и не смогла дать достоверную и точную оценку сложившегося в СССР общественно-хозяйственного устройства и на этой основе разработать целостную концепцию экономического развития страны, а потому оказалась неспособной предупредить общество о приближении кризиса и выработать эффективную антикризисную стратегию.

Сложность перехода от одной научной парадигмы к другой была связана еще и с тем, что доминирование неоклассики в современной экономической теории не исключает наличия в ней множества альтернативных научных школ. Многообразие научных взглядов усложняли процесс освоения экономических идей, требовали от каждого преподавателя найти свое место в плюралистичной и конкурентной научной среде.

В современных условиях наиболее сложной задачей научной деятельности кафедры стало не просто пассивное освоение накопленного в мировой науке огромного массива экономического знания, каким бы оно ни представлялось разнообразным и содержательным, но и разработка нового теоретического подхода к анализу экономического развития России и к становлению российской модели рыночного хозяйства. Поэтому экономика России в ее исторической ретроспективе и в условиях современного этапа развития занимает приоритетное место в научных исследованиях кафедры. Ведь экономическая теория будет востребована практикой в том случае, если потребность в ее обновлении непосредственно увязана с поиском адекватных и обоснованных ответов на возникающие вызовы и потребности социально-экономического развития страны. Это и есть по-настоящему творческая реакция, которая рассматривает любую научную школу как инструмент для познания экономической действительности и выработки практических рекомендаций.

Вполне закономерно, что одним из перспективных направлений научно-исследовательской работы кафедры экономической теории стало изучение актуальных проблем развития отечественной экономики, которые в первую очередь связаны с разработкой теории реформирования экономики и становления рыночного хозяйства, способного занять конкурентные позиции в мировой экономике на этапе ее глобализации. Важным событием в разработке данных проблем стало издание в 1998 г. фундаментальной монографической работы В. Т. Рязанова, посвященной анализу хозяйственного устройства и экономического развития России в XIX–XX вв., «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.» (СПб.: Наука, 1998). В ней представлена концепция формирования хозяйственного устройства и экономического развития России на основе исследования исторических особенностей функционирования российского хозяйства с выявлением присущих ему факторов, условий и ограничителей. Такой подход с опорой на институциональный и макроэкономический анализ позволил раскрыть характер взаимодействия с мировым хозяйством, изучить причины смены рыночных реформ контрреформами, а также по-новому объяснить наиболее важные научные

дискуссии дореволюционного периода, посвященные проблеме поиска самобытного российского пути в экономике.

Следует подчеркнуть, что исторический материал служит более глубокому осмыслению современных процессов в экономике России. Ведь настоящее представляет собой сопряжение прошлого, как пространства опыта, с будущим, в котором выражены наши ожидания в виде возможных и альтернативных путей развития. Поэтому не случайно российская тема в исследовании закономерностей и особенностей экономического развития на кафедре подкреплена традиционно большим вниманием к истории российской экономики и экономической мысли. Мы исходим из того, что разработка теоретических вопросов должна опираться на изучение исторического контекста в организации и развитии хозяйственной деятельности. Это позволяет полнее раскрывать природу современной экономической модели, выявлять особенности ее становления и развития. Такое историко-экономическое направление много лет плодотворно развивает профессор Л. Д. Широкоград, хорошо известный своими трудами в нашей стране и за рубежом. Им написаны книги и статьи о многих крупных российских экономистах прошлого, таких как Н. Д. Кондратьев, А. И. Буковецкий, А. А. Вознесенский и, особенно, М. И. Туган-Барановский, что в немалой степени способствовало возвращению забытых имен в историю отечественной экономической мысли.

Проводимые на кафедре историко-экономические исследования представлены также и в других научных областях. Так, профессором А. Н. Дубянским и доцентом О. А. Дроздовым плодотворно исследуется история денежного обращения в России и денежных реформ, это позволило выявить своеобразие организации денежной системы в дореволюционный период. Несомненный интерес представляет новаторская разработка профессором М. А. Румянцевым темы взаимосвязи хозяйственного устройства с религиозными его особенностями. Наиболее полно она представлена в его монографии «Религиозные основания хозяйствования» (СПб.: НПК «РОСТ», 2005). В ней особое внимание привлекает раскрытие природы православно-русского хозяйственного архетипа и его влияния на современные экономические процессы. Исторический ракурс исследований экономики России не мешает ученому активно заниматься изучением теорией инновационного развития и проблемами перехода к цифровой экономике.

Малоизученные страницы истории предпринимательской деятельности русского старообрядчества с опорой на институциональный анализ и с участием в полевых исследованиях определили круг научных изысканий доцента Д. Е. Раскова. В 2012 г. вышла его монография «Экономические институты старообрядчества» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012), которая получила высокую оценку среди специалистов.

Широким диапазоном отличаются научные интересы профессора Н. В. Пахомовой. Она хорошо известна как авторитетный специалист в об-

ласти экономики природопользования и экологического менеджмента. По ее инициативе разрабатывалась проблематика теории отраслевых рынков, что нашло отражение в подготовленном группой преподавателей кафедры фундаментального учебника, о котором уже шла речь. Учебник стал серьезным заделом для продолжения научно-педагогической деятельности в данной области. Также следует отметить и вклад Н. В. Пахомовой в исследование формирования современной модели инновационной экономики в России. Опубликована коллективная монография, посвященная данной теме, — «Экономика инновационных изменений и ее организационно-институциональная поддержка» СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013), изданная под ее научной редакцией и при ее участии в качестве автора.

Институциональные проблемы экономического и социального развития России и трансформационных процессов активно исследуются преподавателями кафедры как с точки зрения общей характеристики институциональных изменений и прав собственности (доценты Д. Е. Расков, А. А. Шевелев, А. А. Акинин), так и конкретных аспектов, к примеру контрактных отношений в работах старшего преподавателя А. М. Мусаевой.

Многообразие научных интересов преподавателей кафедры проявляется в том, что наряду с отмеченными общими направлениями исследований и в их рамках разрабатываются важные теоретические проблемы. Так, одной из исследовательских традиций, которую сформировал еще профессор В. А. Пешехонов, является изучение роли государства в экономике. Развивал данную тему профессор В. М. Цветаев (1944–2013), который успешно разрабатывал проблему взаимосвязи экономики и власти в современной рыночной экономике. В настоящее время данную тематику продолжают доценты А. С. Воробьев и М. В. Марков, исследуя экономику общественного сектора.

Не менее актуальной и важной проблемой теории и практики экономического развития выступает исследование циклических процессов, что приобретает особое значение на современном этапе после мирового кризиса 2008–2009 гг. Данное направление тем более важно, что основы теории больших циклов в экономике были заложены в нашем университете ее питомцем Н. Д. Кондратьевым. Успешным продолжением разработки указанной теории стала монография доцента С. Ю. Румянцевой «Длинные волны в экономике: многофакторный анализ» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003), которая в 2005 г. была отмечена первой университетской премией за научные достижения.

Циклические процессы применительно к инфляции на основательной эмпирической базе и с использованием современных методов анализа изучаются доцентом А. Ю. Протасовым, который подготовил монографию «Циклические закономерности инфляционных процессов: мировой опыт и отечественная практика» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013). Современное состояние экономики России после мирового кризиса 2008–2009 гг., кризиса с акцентом на трансформацию рентно-сырьевой модели экономики и с обоснованием проведения

новой индустриализации страны, посвящены публикации В. Т. Рязанова. Содержательные исследования в области современной макроэкономической политики, особенно применительно к кризисным и посткризисным периодам, проводятся доцентом В. М. Остапенко.

Преподаватели кафедры, осваивая новую тематику в сфере экономической теории, не утратили интереса к изучению общих вопросов методологии экономических исследований в научном познании хозяйственных явлений, которая выводит на изучение философских основ экономического знания. Важный методологический задел в предшествующий период был создан профессорами И. К. Смирновым (1931–2013) и В. Н. Афанасьевым (1946–1998), которые в 1980–1990-х гг. разрабатывали проблему использования диалектического метода в экономических исследованиях. Методологические проблемы экономической науки получили продолжение в исследовании доцента В. А. Ушанкова.

Конечно, в новых условиях требуется дополнить и переосмыслить накопленный методологический багаж с учетом современных разработок и достижений. В связи с этим особо следует выделить подготовку и публикацию на английском языке коллективной монографии «Re-Examining the History of the Russian Economy. A new analytic tool from field theory» («Пересмотр истории экономики России: Новый аналитический инструментарий из теории полей») в авторитетном международном издательстве Palgrave Macmillan, посвященной исследованию исторической особенности развития экономики России с применением аппарата теории полей в экономике. Эта книга вышла в 2018 г. под редакцией профессора Дж. Хасса (Jeffrey K. Hass). В ее написании приняли участие преподаватели кафедры в составе: А. А. Бартенев, М. В. Марков, А. М. Мусаева, А. Ю. Протасов, Д. Е. Расков, С. Ю. Румянцева, М. А. Румянцев, В. Т. Рязанов, Дж. Хасс, А. А. Шевелев, Л. Д. Широкоград. Такого рода исследование способствует активному подключению к новейшим теоретическим разработкам, развивающимся в современной экономической науке, а также имеет большое значение для создания благоприятного научного имиджа кафедры.

Важным этапом в исследовании современной российской экономики стало проведение совместно с китайскими экономистами сравнительного анализа проблем перехода наших стран к рыночной системе хозяйствования, которое завершилось подготовкой сборника статей, вышедшего на русском и китайском языках (Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских экономистов / под ред. В. Т. Рязанова, Л. Д. Широкограда, Чень Энфю, Ли Синя. СПб.; Пекин: Изд-во СПбГУ, 2000). В настоящее время готовится к изданию новый сборник статей совместно с китайскими экономистами о современном этапе социально-экономического развития двух стран. В сотрудничестве с Народным университетом Китая преподаватели кафедры в 2016–2018 гг. принимали участие в подготовке исследовательских докладов по экономике России с их публикацией на китайском языке. Продолжение

сотрудничества с экономистами Китая для нас имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку перед нашими странами стоят схожие задачи по трансформации своих хозяйственных систем.

Следует отметить, что политэкономические традиции в исследовательской деятельности получили на кафедре свое продолжение. Ведь классическая политэкономия и ее современные версии не исчезли из арсенала экономической науки. Разработанный классической политэкономией метод исследования хозяйственной деятельности и ее достижения полезны для анализа теоретических и практических проблем развития современной экономики. Об этом свидетельствует создание в 2012 г. Международной политэкономической ассоциации стран СНГ и Балтии, в котором принимала участие кафедра, а ее сотрудники активно участвовали в работе Первого политэкономического конгресса, организованного данной ассоциацией. Можно считать, что реактуализация политико-экономических исследований на кафедре становится одним из направлений возвращения интереса к фундаментальным проблемам экономической теории, помогая раскрытию глубинных оснований современного экономического развития. Ее свидетельством стало издание монографии В. Т. Рязанова «(Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России» (М.: Экономика. 2016), а также публикации М. А. Румянцева, А. Ю. Протасова, О. А. Дроздова и В. А. Ушанкова, развивающих политэкономическую традицию в теоретических исследованиях.

Сотрудниками кафедры исследуются не только фундаментальные теоретические проблемы, не остаются без внимания важные научно-практические вопросы. Так, на кафедре сложилась группа преподавателей, которая успешно разрабатывает теоретические и практические вопросы, связанные с исследованием рынка труда, человеческого капитала и социального партнерства (профессор Е. Б. Яковлева, доценты В. А. Базжина, О. В. Вередюк, О. А. Дроздов, О. Г. Просыпкин). Маркетинг и его применение в России исследовался доцентами М. Ф. Колесниковым и М. А. Серебровской, данная тема продолжает плодотворно разрабатываться доцентом Т. А. Лукичевой. Свою лепту в научные исследования кафедры вносит старший преподаватель О. И. Батистова, изучающая офшорный бизнес и его влияние на экономику России.

Приведенный перечень направлений научных исследований на кафедре и достигнутые результаты дают представление об этой сфере ее деятельности, но не охватывают всего того, что сделано. За последние 20 лет сотрудниками кафедры опубликовано сотни статей и более 40 монографий, учебников и учебных пособий. К этому стоит добавить, что в последние годы значительно активизировалась публикационная активность сотрудников кафедры в изданиях, индексируемых в наукометрических базах данных «Scopus» и «Web of Science», включая зарубежные издания. В 2016–2018 гг. было 30 таких публикаций.

Высокая научная репутация преподавателей кафедры находит подтверждение в тех научных наградах, которыми они были удостоены. Так, университетские премии за научные исследования присуждались профессору В. А. Пешехонову (1968 и 1980 гг.), профессору Л. Д. Широкограду (1984 г.), профессору Н. В. Пахомовой (2000 г.), доценту С. Ю. Румянцевой (2005 г.), она же в 2017 г. была награждена бронзовой медалью Международного фонда им. Н. Д. Кондратьева за научные исследования. В 1999 г. профессор В. Т. Рязанов был удостоен первой премии правительства Санкт-Петербурга за научные достижения, утвержденной в связи с 275-летием СПбГУ, а в 2017 г. получил награду Международной политэкономической ассоциации за выдающиеся достижения в области политической экономии в XXI веке за книгу «(Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России».

За свои 200 лет кафедра политической экономии (экономической теории) прошла непростой путь. Разными поколениями ее сотрудников было сделано немало важного для развития науки и образования в стране. Кафедра продолжает жить и развиваться, вступая в свое третье столетие, опираясь на традиции и достижения предшественников, осмысливая уроки прошлого и откликаясь на современные вызовы. Главное — не только не растерять накопленное в области экономической теории, но и приумножить это богатство во благо нашего факультета, университета, страны.

Список литературы

- Колесов Н. Д. Кафедра политической экономии Ленинградского университета в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2010. Вып. 3. С. 17–21.
- Пешехонов В. А. Alma mater: страницы истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 1998. Вып. 3. С. 89–95.

А. Н. Дубянский

Михаил Андреевич Балугьянский как ученый-экономист и политик¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Дубянский А. Н. Михаил Андреевич Балугьянский как ученый-экономист и политик // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 67–76.

Статья посвящена выдающемуся российскому ученому М. А. Балугьянскому, который был первым ректором Санкт-Петербургского университета, а также впервые возглавил кафедру политической экономии в этом университете. Он принадлежал к плеяде ученых, занимавшихся не только преподаванием, но и административной и консультативной работой. Шумпетер называл таких ученых «консультантами-администраторами», относя их к камералистской школе. Кроме того, Балугьянский был одним из первых российских ученых, серьезно занимавшихся государственными финансами. М. А. Балугьянский по праву занимает почетное место в ряду выдающихся российских ученых.

Ключевые слова: М. А. Балугьянский, М. М. Сперанский, Санкт-Петербургский университет, финансы, бюджет.

Введение. Михаил Андреевич Балугьянский занимает в отечественной экономической науке исключительное положение, являясь, по сути, первым ученым-экономистом, который стал заниматься проблемами финансов. Он может считаться также первым технократом в российском правительстве. Балугьянский принадлежал к той категории ученых, которые сами не создавали большого количества научных трудов, но приобрели известность благодаря своей работе в качестве разработчика проектов законов, планов реформ, занимаясь образованием управленческой элиты. Кроме того, Балугьянский был первым ректором Санкт-Петербургского университета, а также первым заведующим кафедрой энциклопедии юридических и политических наук и политической экономии, благодаря своей безграничной эрудиции и организаторским способностям.

Й. Шумпетер называл таких ученых, занимавшихся и преподаванием, и административной работой «консультантами-администраторами», относя их к научному течению камерализма, поэтому Балугьянского можно считать первым русским камералистом.

Основные вехи жизненного пути. М. А. Балугьянский родился 26 сентября (7 октября по новому стилю) 1769 г. в деревне Вышняя Ольшава, рас-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина».

Балугьянский
Михаил Андреевич
(1769–1847)

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Balugjanskij_Mikhail_A.jpg

положенной вблизи небольшого городка Токаик Цемплинского комитата, бывшего в те времена в составе Австро-Венгрии (сейчас — территория Словакии), в униатской семье славянского происхождения. Кстати, на его родине и в других странах он известен под фамилией Балудянский, поэтому в зарубежных источниках его надо искать под этой фамилией. Приехав в Россию, он изменил написание своей фамилии на «Балутьянский». Почему он это сделал, доподлинно не известно. По одной из версий, это произошло из-за того, что в венгерском языке транскрипция его фамилии (Balugyiansky) читается как Балудянский, так как в венгерском языке *gy* читается как мягкий *d'* [Фатеев, 1931, с. 6]. Во всяком случае, выбор написания фамилии должен определять ее носитель. Михаил Андреевич посчитал, что с точки зрения русской грамматики его фамилия должна была писаться Балугьянский.

Хотя в дореволюционных изданиях о Балугьянском нередко можно увидеть и исходное написание его фамилии, а именно Балудянский.

Начальное образование Балугьянский получил в гимназии города Уйгели, а продолжил обучение в Королевской академии правоведения в городе Кошау (в настоящее время — Кошице в Словакии). Затем Михаил Андреевич прошел четырехлетний курс обучения на юридическом факультете Венского университета, впоследствии знаменитом среди экономистов. После его окончания в 1789 г. он сразу же был приглашен на профессорскую должность во вновь учрежденной Гросс-Вардейнской академии венгерского города Надьваrade (ныне Орадя-Маре в Румынии) (см.: [Косачевская, 1971, с. 27–29]).

В 1796 г. он получил степень доктора права, защитив диссертацию на тему «О зернохранилищах», и в том же году последовало его назначение в Пештский университет. В этом университете молодой ученый преподавал на кафедрах истории, статистики и народного права вплоть до 1803 г. Он был хорошим лектором, и его лекции пользовались успехом у студентов. Среди своих коллег он прослыл как компетентный и добросовестный ученый, обладающий высокой работоспособностью.

Он владел, помимо древних классических языков, еще немецким, французским, итальянским, английским, а также многими славянскими языками. Впоследствии он смог выучить русский язык, но редко говорил на этом языке и совсем не мог писать по-русски, объясняясь преимущественно по-французски.

В начале XIX в. в Санкт-Петербурге предполагалось открытие Педагогического института (на базе существовавшей в то время учительской гимназии). Российских педагогов достаточной квалификации в то время было

очень трудно найти, точнее говоря, их попросту не было; поэтому попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцев с позволения императора решил пригласить заграничных ученых славянского происхождения. Посредником в переговорах был гоф-хирург императорского двора И. С. Орлай-де-Карва, происходивший из австрийских славян, или, как их еще называли в то время, карпатороссов. Он писал в письме Булугьянскому, приглашая его в Россию, что «профессора в России имеют такие привилегии, как нигде в мире» (цит. по: [Томсинов, 1998, с. 97]).

В 1803 г. молодой словацкий ученый вместе со своими земляками П. Д. Лодием и В. Г. Кукольником отправился в Санкт-Петербург для прохождения службы. Они планировали отработать в России три года, а получилось, что всю свою жизнь связали с нашей страной. В феврале 1804 г. Балугьянский прибыл в российскую столицу. Он был принят на службу ординарным профессором политических наук при Санкт-Петербургском педагогическом институте, который был образован в апреле 1804 г. путем реорганизации учительской гимназии.

Российские власти были наслышаны о глубокой эрудиции словацкого (австро-венгерского) ученого. Балугьянский был знаком не только с идеями классиков политической экономии А. Смита (1723–1790), Д. Рикардо (1772–1823), но и читал труды французских экономистов, таких как А. Р. Ж. Тюрго (1727–1781), Ж.-Б. Сэй (1767–1832), поэтому словацкого ученого старались привлечь к разработке планов реформирования государственного управления. В период с 1806 по 1808 г. Балугьянский опубликовал в «Статистическом журнале» ряд статей, в которых описывал экономическое учение А. Смита и предшествующих ему экономистов. Первые три статьи объединялись под общим названием «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем», а четвертая, называвшаяся «О разделении и обороте богатства», была посвящена рассмотрению учения меркантилистов и физиократов школы Ф. Кенэ [см.: Балудянский, 1806, 1808].

Именно поэтому помимо приглашения на преподавательскую должность он получил еще и назначение во вторую экспедицию Комиссии составления законов на должность редактора отдела государственного хозяйства и финансов. В период с 1809 по 1812 г. М. А. Балугьянский состоял начальником IV отделения комиссии, а также работал в Министерстве финансов, выступая своего рода консультантом-администратором.

В комиссии он участвовал в составлении проектов свода законов публичного права, реорганизации министерств, в разработке отдельных вопросов экономического и финансового законодательства. Он принимал участие в разработке законодательства по освобождению ливонских крестьян от крепостной зависимости, по поручению Министра финансов вырабатывал новый финансовый план, вызванный необходимостью покрытия чрезмерных военных расходов.

В русской историко-экономической литературе роль это выдающегося ученого в подготовке финансовых реформ часто принижается, а то и вовсе замалчивается. Например, современный российский экономист А. Г. Коломиец утверждает, что главным автором «Плана финансов» были М. М. Сперанский, Д. А. Гурьев и Н. С. Мордвинов (см.: [Коломиец, 2001, с. 245]). На деле роль последнего в составлении плана совсем незначительна, он принимал участие только в его финальном обсуждении (см.: [Дубянский, 2012, с. 92–93]).

Д. А. Гурьев не располагал необходимыми компетенциями в области финансов, да и вообще, по замечаниям современников, он «обладал умом неповоротливым, и ему трудно было удержать равновесие рассуждений». Однако ему был присущи недюжинный организаторский талант и умение разбираться в людях, благодаря которым он стал в дальнейшем «сильным» министром финансов во времена царствования императора Александра I (подробнее о Д. А. Гурьеве см.: [Марней, 2009]). Именно Гурьев одним из первых обратил внимание на способности М. А. Балугьянского и стал привлекать его к работе в области финансов.

Некоторые исследователи считают, что истинным автором финансовых новаций, предложенных Гурьевым в бытность его министром финансов, является М. А. Балугьянский (см., например: [Баранов, 1882]). Занижение роли Балугьянского в формировании финансовой системы объективно обусловлено тем, что он практически не публиковался, и поэтому можно составить лишь приблизительное представление о его взглядах. Все, что известно о его научном мировоззрении, получено из воспоминаний других людей, работавших с ним в разные периоды времени (см.: [Аникеева, 2010]).

Если рассматривать взаимоотношения Сперанского и Балугьянского, то в совместной работе над планами финансовых преобразований в России эти государственные деятели удачно дополняли друг друга. «Недостаток Балугьянского и, наоборот, преимущество Сперанского заключались в незнании первым и в превосходном знании вторым русской действительности и административной машины по опыту с малых должностей» [Фатеев, 1931, с. 38]. В области же финансовых наук Сперанский был неопитом и изучал их путем самообразования. Он был, конечно, одаренным человеком, но за считанные месяцы вряд ли смог освоить все нюансы необходимых экономических дисциплин. На наш взгляд, именно поэтому в качестве основы для предстоящих финансовых реформ была взята записка Балугьянского. Таким образом, можно считать, что именно М. А. Балугьянский явился тем, кто заложил первый камень в основание русских финансовых реформ. Поэтому знаменитый «План финансов», автором которого принято считать М. М. Сперанского, было бы точнее назвать планом Балугьянского — Сперанского. Так, например, считал русский ученый — исследователь деятельности М. М. Сперанского С. М. Середонин [Середонин, 1909, с. 81]. Аналогичной точки зрения придерживался и известный советский историк экономической мысли В. М. Штейн, счи-

тавший, что Балугьянский заслуживает почетного места в русской истории, непосредственно рядом со Сперанским [Штейн, 1948, с. 34]. Михаил Андреевич может быть отнесен к редкой в России категории ученых, которых Й. Шумпетер называл «консультантами-администраторами», говоря, что этот термин синонимичен понятию камерализма [Шумпетер, 2004, с. 419–421]. То, чем занимался Балугьянский, а именно консультированием и образованием чиновников, а также обучением членов императорской семьи, по мнению Шумпетера, можно было считать «камеральной наукой или государственной наукой и что было бы правильнее назвать “основами экономического управления и экономической политики”» [Шумпетер, 2004, с. 420].

С 1813 по 1817 г. М. А. Балугьянский преподавал великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам (родным братьям царствовавшего в то время Александра I) естественное, публичное и народное право. Кроме этих дисциплин, в течение недолгого времени он читал им также политическую экономию. В дальнейшем его сменил в преподавании данной дисциплины А. К. Шторх. Эти занятия приблизили М. А. Балугьянского к царской семье. Знакомство с первыми лицами государства сыграло решающую роль в его судьбе.

Ректор Санкт-Петербургского университета. В марте 1819 г., вскоре после открытия Санкт-Петербургского университета, Балугьянский был избран деканом философско-юридического факультета, где он читал курс под названием «Энциклопедия юридических и политических наук» и политическую экономию.

В октябре этого же года состоялась конференция по избранию ректора вновь образованного университета. Голоса выборщиков на этой конференции разделились поровну между профессорами М. А. Балугьянским и Э. Б. С. Раупахом (1784–1852), который в Санкт-Петербургском университете преподавал курс всеобщей истории. В результате по жребию пост ректора достался Раупаху. Однако Комитет министров не признал выборы по жребию и рекомендовал провести новое голосование, по итогам которого победил М. А. Балугьянский.

На основании этого решения 27 октября 1819 г. он был утвержден императором Александром I в должности ректора Санкт-Петербургского университета. Кроме того, Балугьянскому была предоставлена должность заведующего кафедрой энциклопедии юридических и политических наук и политической экономики. По сути, эта была одна из первых кафедр политической экономики в России. В университете был собран, пожалуй, лучший в стране на тот период времени педагогический состав. В лекциях преподавателей ярко проявлялись просветительские идеи, характерные для той эпохи, и смелость научных воззрений.

Главной заслугой М. А. Балугьянского на посту ректора является разработка проекта устава Санкт-Петербургского университета, который предусматривал неограниченную правительством автономию вуза, а также возможность получения высшего образования для всех сословий русского общества. Петербургский университет должен был, по мнению автора проекта, стать

в научных исследованиях головным учебным заведением страны, способствуя созданию научных обществ по всей стране, и обеспечить написание и издание учебной и научной литературы. По своей направленности проект М. А. Балугьянского отражал современные для того времени тенденции в области просвещения и высшего образования. Проект устава отвергли, был реализован «типовой» устав российских университетов, а впоследствии принят реакционный устав в редакции 1835 г., тем не менее многие мысли и идеи Балугьянского, заложенные в его проекте, длительное время оказывали влияние на развитие университетского образования в России.

Неприятности на посту ректора у М. А. Балугьянского начались после назначения 19 июля 1821 г. исполняющим обязанности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д. П. Рунича. Стоит сказать, что этот период в России сильно отличался от времени приезда М. А. Балугьянского в нашу страну. В начале XIX в. Россия, казалось, стояла на пороге грандиозных социально-экономических и политических реформ. Предполагалась даже возможность отмены крепостного права и принятие конституции, однако этим ожиданиям не суждено было сбыться. К 1820-м гг. Александр I окончательно оставил идеи реформирования страны и стал ревностным верующим. На этом фоне стал расцветать клерикализм, проникая во все сферы общественной жизни, в том числе и в образование. В силу этого резко возросло влияние клерикалов, таких как, например, А. Н. Голицын, бывший в то время главой Министерства духовных дел и народного просвещения. Именно при нем начались гонения на учебные заведения, в которых были хоть какие-то ростки инакомыслия. К числу наиболее активных помощников Голицына принадлежали такие политические и общественные деятели, как М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич.

Сразу после своего назначения Рунич потребовал сведения о положении дел в университете. Что касается учебной работы, то его интересовали студенческие конспекты с записями лекций ведущих профессоров, а также из каких источников преподаватели черпают информацию, используемую в лекциях.

Цель Рунича состояла в том, чтобы повторить опыт М. Л. Магницкого, который накануне завершил «разгром» Казанского университета. Русский историк Н. К. Шильдер, являющийся автором ряда фундаментальных биографических работ об императорах Павле I, Александре I и Николае I, давал оценку деятельности Рунича и Магницкого. Считая Рунича «сподвижником и подражателем» Магницкого, он отмечал и определенную разницу в их университетских «реформах»: если Магницкий превратил Казанский университет в подобие «монашеского средневекового ордена», то Рунич на базе Петербургского университета хотел создать первый в России «христианский университет» [Шильдер, 1903, с. 62].

Вновь назначенному исполнять должность попечителя учебного округа Руничу для дальнейшего карьерного роста требовался показательный процесс против ряда преподавателей Санкт-Петербургского университета.

По его мнению, содержание студенческих конспектов показало, что всеобщая история и статистика Российского государства преподаются неправильно, так как основываются на иезуитских (революционных), а не православных ценностях. Не желая принимать участие в подобных разбирательствах, М. А. Балугьянский 31 октября 1821 г. подал в отставку с должности ректора, но за ним была сохранена должность профессора университета [Широкорад, 2004, с. 10].

Рунич решил начать «охоту на ведьм» с показательного суда над четырьмя профессорами университета: профессором по истории философии А. И. Галичем, профессором по всеобщей истории Э. Б. С. Раупахом, профессором К. Ф. Германом и адъюнктом К. И. Арсеньевым. Расследование дела проходило в несколько этапов.

Первым этапом этих разбирательств явилась конференция университета, собиравшаяся три раза (3, 4 и 7 ноября 1821 г.). Во время рассмотрения дела на общем собрании университета Рунич взял на себя роль не только председателя, но и обвинителя, то есть был в одном лице и прокурором и судьей. Д. А. Кавелин — директор университета, который по уставу, в отличие от ректора избираемого преподавателями, назначался правительством, будучи помощником попечителя университета, и занимался всеми внутренними делами университета, кроме научных и учебных дел, — вторил Руничу, всячески склоняя профессорско-преподавательский состав стать на сторону обвинения. «Руничу и в личных его видах, и в интересах всей партии желательно было, чтобы сами члены университета признали зловредными чтения обвиненных товарищей своих. Кавелин знал, кого из старых и молодых профессоров по малодушию их и нетвердости в правилах чести мог он настраивать и привлечь к содействию таким видам» [Григорьев, 1870, с. 36].

Несмотря на то что на университетской конференции раздавались голоса в защиту профессоров, из двадцати присутствующих семеро участников, по словам профессора М. Г. Плисова, «...забывши долг, поправши честь, презревши стыд и усыпя совесть» (цит. по: [Григорьев, 1870, с. 36]), поддержали обвинение. Остальные участники, в числе которых были М. А. Балугьянский, М. Г. Плисов, Ф. Ф. Шармуа, П. Д. Лодий и др., допускали «виновность их только в том случае, если будет положительно доказано, что выписки из лекций, к уличению их представленные, справедливы, или вовсе отказывались от подачи мнения...» [Григорьев, 1870, с. 36–37].

На следующем этапе в Главном правлении училищ было признано, что учения Германа, Арсеньева и Раупаха являются вредными и возмутительными против христианства и опасным для государственного благосостояния. Было принято решение удалить из университета Германа и Раупаха, запретив им преподавание в учебных заведениях Министерства просвещения. Галича по причине добровольного осознания им своей вины постановили оставить при университете, запретив ему заниматься преподавательской деятельностью.

Дело было решено передать в уголовный суд. Согласно предъявленным обвинениям профессорам грозила каторга.

На третьем этапе дело профессоров попало в Комитет министров, члены которого отклонили решение о передаче дела в уголовный суд. Н. С. Мордвинов, выразив мнение большинства членов комитета, заметил, что нужно делать различие между подозрением и преступлением, иначе можно всех чиновников отдать под суд.

Тем не менее члены Комитета министров единогласно признали учение профессоров вредным, но в отношении участи самих профессоров их мнения разделились. В результате бурных споров было решено предоставить профессорам возможность оправдаться в феврале 1822 г. перед особым комитетом, состоящим из трех членов Комитета министров.

В результате «дело университетских профессоров», начавшееся как громкий политический процесс, завершилось ничем, если не считать огромного урона, нанесенного академическим свободам. Трагическим эхом тех событий через 127 лет станет так называемое «Ленинградское дело», в ходе которого подобные обвинения будут стоить многим преподавателям нашего университета не только свободы, но и жизни. Балугьянского же в XIX в. спасло от серьезных неприятностей только то, что он пользовался покровительством царской семьи, и потому интриговать напрямую против него Рунич опасался.

Заключительный этап карьеры. После ухода из университета Балугьянский в апреле 1822 г. снова стал членом совета комиссии по составлению законов и занимался в ней делопроизводством (см.: [Коркунов, 1895]).

В конце 1825 г. на судьбе М. А. Балугьянского вновь отразилось его близкое знакомство с царской семьей. Вечером 13 декабря 1825 г. он был вызван в Аничков дворец на беседу со своим бывшим учеником великим князем Николаем Павловичем [Фатеев, 1931, с. 44]. На следующий день 14 декабря великий князь должен был взойти на российский престол под именем Николая I. Речь в этой беседе шла о том, как лучше провести работу по систематизации законодательства Российской империи. Сам факт этой беседы свидетельствовал о высоком доверии к Балугьянскому со стороны Николая I.

После вступления на российский престол император осуществил свое намерение привести в порядок действующее законодательство. В конце января 1826 г. было учреждено II отделение Канцелярии Его Величества, на которое возлагалась триединая задача: во-первых, создать Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ) в хронологическом порядке; во-вторых, составить систематический Свод Законов, действовавших на тот момент; в-третьих, перейти к составлению Уложений (новых законов). Начальником Канцелярии был назначен М. А. Балугьянский. Управление всеми работами по кодификации было поручено М. М. Сперанскому, — таким образом, Балугьянский сделался ближайшим его коллегой. При этом Сперанский не получил какой-либо официальной государственной должности. Новый император не до-

верял ему в такой степени, как его брат Александр I. В этом плане характерна фраза, сказанная Николаем I Балугьянскому в отношении М. М. Сперанского: «Смотри же, чтобы он не наделал таких же проказ, как 1810 году: ты у меня будешь за него в ответе» (цит. по: [Фатеев, 1931, с. 45]). Данное высказывание «определенно рисует положение, занимаемое Сперанским: его талантом и знаниями, хотели пользоваться, но он должен был находиться под присмотром» [Середонин, 1909, с. 81]. Для Сперанского это было, конечно, унижительно, но он смирал свое самолюбие ради любимого дела. М. А. Балугьянский все это хорошо понимал и старался сделать так, чтобы Сперанский не чувствовал себя ущемленным и мог работать по возможности свободно.

В 1839 г. М. А. Балугьянский был назначен сенатором. В должности начальника II отделения он оставался и при преемниках Сперанского — Д. В. Дашкове и Д. Н. Блудове до самой смерти, последовавшей 3 апреля 1847 г. В конце жизни он стал плохо видеть и слышать. В 1839 г. Д. Н. Блудов доложил Николаю I, что начальник II отделения Балугьянский, слепой и оглохший старик, должен быть уволен. На это император резко ответил: «Позвольте, граф, мне и Михаилу Андреевичу остаться на наших местах до нашей кончины» (цит. по: [Фатеев, 1931, с. 55]). Этим лишний раз подтверждалось доверие и глубокое уважение императора к М. А. Балугьянскому и его заслугам перед российским государством.

М. А. Балугьянский обладал поистине энциклопедическими познаниями в области экономических и политических наук. Он умел аналитически мыслить, систематически работать и руководить работой других, что дается не каждому. Отличительной чертой Михаила Андреевича было отсутствие у него каких-либо амбиций. Он много работал, и в результате этой работы оставалось большое количество документов и материалов, но не было опубликовано ни одной личной работы. Сохранилось несколько статей под его именем, в частности «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем» (1806 г.) и «О разделении и обороте богатства» (1808 г.). Долгое время считалось, что рукописи Балугьянского не сохранились, но в предвоенные годы В. М. Штейном были обнаружены материалы, принадлежавшие Михаилу Андреевичу, в том числе тетрадь, содержащая изложение системы его экономических воззрений, озаглавленная «Что должна сделать Россия в государственном хозяйстве и управлении для своего истинного и величайшего благоденствия» [Тебиев, 2014, с. 103].

Когда Балугьянского спрашивали о его собственных трудах и личных заслугах, он отвечал латинской поговоркой: «*Vanitas vanitatum* (Суета сует)» (см.: [Баранов, 1882, с. 40]).

М. А. Балугьянский был женат (с 30 ноября 1802 г.) на Антонине Анне Юлии Гербер (род. 20 марта 1785 г.) в России ее звали Анной или Антуанеттой Ивановной. От брака они имели десять детей: трех сыновей и семь дочерей.

Список литературы

- Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича. Воронеж, 2014.
- Аникеева А. А. Роль финансиста М. А. Балугьянского в общественной жизни России // Финансы и кредит. 2010. № 20 (404). С. 75–80.
- Балудянский М. А. Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем // Статистический журнал. 1806. Т. 1, ч. 1. С. 45–71.
- Балудянский М. А. О разделении и обороте богатства // Статистический журнал. 1808. Т. 2, ч. 2. С. 1–76.
- Баранов П. И. Михаил Андреевич Балугьянский, статс-секретарь, сенатор, тайный советник (1769–1847): биографический очерк. СПб., 1882.
- Белозеров С. А., Дубянский А. Н. Михаил Андреевич Балугьянский // Очерки по истории финансовой науки / под ред. В. В. Ковалева. М., 2009. С. 109–116.
- Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
- Дубянский А. Н. Финансовая реформа в России в начале XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2012. № 2. С. 91–98.
- Коломиец А. Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра освободителя. М., 2001.
- Коркунов Н. М. М. А. Балугьянский. Проект судебного устройства 1828 года // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 8. С. 47–54.
- Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971.
- Марней Л. П. Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М., 2009.
- Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.
- Тебиев Б. К. Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) // Экономический журнал. 2014. № 2 (34). С. 100–108.
- Томсинов В. А. Балугьянский Михаил Андреевич // Законодательство. 1998. № 1. С. 95–104.
- Фатеев А. Н. Академическая и государственная деятельность М. А. Балудянского в России. Ужгород, 1931.
- Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948.
- Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3 т. Т. 3. СПб., 2004.
- Шильдер Н. К. Император Николай I: Его жизнь и царствование. СПб., 1903.
- Широкопад Л. Д. Влияние немецкой экономической науки на формирование политической экономики в России в XVIII — первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2004. № 3 (21). С. 1–14.

Л. А. Вознесенский

Александр Алексеевич Вознесенский. Человек, ученый и педагог, государственный и общественный деятель¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Вознесенский Л. А.* Александр Алексеевич Вознесенский. Человек, ученый и педагог, государственный и общественный деятель // *Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова.* СПб., 2019. С. 77–96.

Представлены страницы воспоминаний сына А. А. Вознесенского, посвященные деятельности отца в Ленинградском государственном университете. Рассказывается о его работе в качестве заведующего кафедрой, декана факультета и ректора университета. В воспоминаниях идет речь о создании политэкономического факультета в составе университета, показывается его роль в организации деятельности университета в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Отмечаются его человеческие качества, выделяются научные интересы и достижения. Рассказывается о том, как в отношении А. А. Вознесенского фабриковались необоснованные обвинения, которые привели к его гибели.

Ключевые слова: Ленинградский университет, кафедра политической экономии, политико-экономический факультет, ректор университета, годы войны, послевоенный период, необоснованные обвинения.

В первом томе издания «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия» об Александре Алексеевиче Вознесенском (05.03.1898 — 28.10.1950) кратко, как и полагается в подобных изданиях, сказано (здесь — с небольшими уточнениями), что это советский экономист, деятель науки и культуры, профессор (1939 г.). Член КПСС с 1927 г. Окончил Петроградский (Ленинградский) государственный университет (1923 г.). С этого времени преподавал, а затем и заведовал кафедрами политической экономии в вузах Ленинграда. Профессор. Организатор и декан факультета политической экономии (позднее — экономического) ЛГУ; в 1941–1948 гг. ректор Ленинградского, а в 1942–1944 гг. одновременно и Саратовского государственных университетов. В 1948–1949 гг. министр просвещения РСФСР. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва.

¹ Опубликовано: *Вознесенский Л. А.* Александр Алексеевич Вознесенский. Человек, ученый и педагог, государственный и общественный деятель // *Война и мир в судьбах ученых-экономистов: очерки.* Вып. 11 / отв. ред. О. В. Иншаков. Волгоград, 2014. С. 30–58. В основу очерка легли фрагменты книги: *Вознесенский Л. А.* Истины ради... М., 2004.

Вознесенский
Александр Алексеевич
(1898–1950)
*Фото из архива семьи
А. А. Вознесенского*

Вице-председатель Общеславянского комитета. Автор ряда работ по вопросам теории и методологии политической экономии, а также методики ее преподавания. В энциклопедии приводятся далеко не полный список его сочинений и перечень литературы о нем. А в этой книге мне, старшему сыну Александра Алексеевича, предложено рассказать о нем несколько подробнее.

...Об отце с самого моего детства и до последнего мгновения, когда он вышел из дома, чтобы поехать в отпуск в Сочи, но оказалось — там же, в Сочи, на горе Ахун, был арестован, а через год с небольшим уничтожен по так называемому «Ленинградскому делу», у меня и у многих других знавших его людей сохранилось впечатление как о необычайно солнечном, светозарном человеке. Он мог быть сосредоточенным, сдержанным, озабоченным, но не раздраженным или угрюмым. Из ясных глаз — это видно даже на чудом сохра-

нившихся фотографиях и прижизненном живописном портрете — лился свет, свет радости бытия, общения с людьми, творчества в любом деле, которым он был занят. Красивая белоснежная (последствие пережитого в 1937-м) голова венчала великолепную, словно вышедшую из рук скульптора фигуру. Позднее он чуть «посолиднел», но состариться так и не успел: его убили в 52 года.

Вот кое-что из воспоминаний сестры моей матери, относящихся к знакомству Лидии Васильевны с ним в 1926 г.:

«Моя первая мысль была: “Какой солнечный!” — так от него повеяло бодростью, свежестью, энергией, вообще чем-то радостным... Каким запомнился мне Александр Алексеевич? Это был высокий, очень стройный блондин... Густые светлые волосы, ясные серо-голубые глаза. Для лица было характерно выражение какой-то особой доброжелательности и живого интереса к окружающему, к собеседнику, к рассказу. Быстрые движения, упругая походка, исключительная аккуратность в одежде. Он преподавал в четырех вузах, в том числе в Военно-морской академии, и обычно носил военную форму, которая ему очень шла... Кроме преподавания он выступал с лекциями, участвовал во всевозможных комиссиях, писал статьи. Справляться со всем этим ему помогала высочайшая организованность — весь день у него был заранее спланирован до минут, и план строго выполнялся. Иногда, проработав допоздна, он на следующий день забегал отдохнуть, при этом клал передо мною часы и говорил: “Разбуди меня через двадцать три минуты”, и когда я сообщала: “Двадцать три минуты прошли”, — моментально вставал, одевался и уходил на очередную работу».

Сохраняю это небольшое совпадение с моими наблюдениями, чтобы добавить маленький эпизод: после такого короткого сна отец, поставив ногу на край жесткого стула, быстро и ловко пропускает шнурки через крючки, заменявшие на форменных морских ботинках традиционные отверстия; в это время в комнату с блокнотом в руках неторопливо wpłyвает его младшая сестра и так же «врастяжку» говорит: «Сашенька, я сейчас пишу такой-то параграф диссертации, какие вопросы надо там осветить?» И отец, не отрываясь от своего занятия, отвечает: «Пиши...», молниеносно набрасывает ей перечень проблем в их последовательности и взаимосвязи и стремительно исчезает. Наверное, контраст в темпе жизни собеседников, в особенностях их психологии был настолько разителен, что врезался даже в детскую память. Что же касается Валентины Алексеевны, то спокойный характер не помешал ей стать успешным ученым и вузовским преподавателем.

«Несмотря на такую напряженность, работал он, — продолжает свои воспоминания Лидия Васильевна, — по-моему, с удовольствием: вероятно, этому способствовало удовлетворение от хорошо выполненной и всеми признаваемой большой работы... Меня поражало его умение работать в проходной комнате — очевидно, он настолько уходил в работу, что не замечал окружающего... Думаю, что для него, как и для Николая Алексеевича [его младшего брата. — Л.В.], жизнь — это была работа, которой отдавалось все, а остальное — друзья, женщины, удовольствия были иногда приятным, но не обязательным довеском...

В университете Александра Алексеевича не просто любили, но и восхищались им. На его лекциях аудитория всегда была полна. Читал он без всяких бумажек, очень легко (без «э-э»), логично и убедительно. Я сама слушала его курс и видела, с каким интересом относилась к лекции аудитория».

О жизни и творчестве моего отца можно прочесть в многочисленных воспоминаниях о нем, а я приведу сверх опубликованных лишь несколько фактов.

Как-то мне довелось лечиться на Украине, в Трускавце, где в промежутках между процедурами мы «сражались» на теннисном корте с кем-то из приехавших туда по той же причине. И вот однажды, «умаяв» друг друга, присели на скамью и разговорились. Оказалось, что мой «соперник» — капитан первого ранга в отставке, командир дивизиона торпедных катеров. Естественно, он поинтересовался, чем занимаюсь я. Зная, что многие люди, мало знакомые или вовсе не знакомые с экономической теорией, думают о ней совсем не так, как она того заслуживает, я ответил:

— Скудной наукой — политической экономией.

И тут на меня обрушился водопад справедливого гнева:

— Что Вы! Как можно так говорить?! Я сорок лет назад слушал лекции по политической экономии в Военно-морской академии и помню их чуть ли не слово в слово до сих пор! Эту науку я полюбил на всю жизнь...

Горло у меня перехватило, и я с трудом ответил:

— Если это было сорок лет назад и в Военно-морской академии, то Вы слушали лекции моего отца...

Так и оказалось.

Прошли еще годы и годы, и однажды в комнату (тогда я работал в Отделе пропаганды ЦК партии) буквально ворвался мой коллега — доктор экономических наук, профессор Э. П. Плетнев — со словами: «Лев! Ты не можешь себе представить, какой потрясающий комплимент я сегодня получил! После лекции ко мне вместе с другими слушателями подошел, опираясь на палку, какой-то очень пожилой человек и дребезжащим голосом заявил публично:

— Я слушал лекции академика Тарле, лекции Александра Алексеевича Вознесенского, и должен сказать Вам, молодой человек: у Вас тоже кое-что получается!..»

Эрик Пантелеймонович прямо-таки светился от этой похвалы, хотя сам был опытным лектором. Я невольно вспомнил и рассказал ему об одном случае из лекционной практики отца. Было это, скорее всего, во второй половине 1920-х гг. Однажды к нему, только что прочитавшему лекцию по политической экономии, подошел один из слушателей — вчерашний рабочий, ставший студентом университета, и сказал: «Товарищ профессор, после Вашей лекции хочется взять дубину и с ней пойти на капитализм!»

Я услышал об этом от отца уже после войны, в 1940-х гг. К тому времени он был признанным профессионалом, достигшим вершин педагогического мастерства, и все же заключил свой маленький рассказ так: «С тех пор прошло лет двадцать, но, знаешь, никогда и ничто, никакие награды и другие знаки признания для меня, преподавателя, не были так дороги, как эти слова простого рабочего паренька: я понял, что на сторону нашего дела завоеваны не только разум, а и сердце человека, и завоеваны навсегда».

Как студент, не раз слушавший лекции отца, могу свидетельствовать: они всегда были не только содержательными, но и образными, эмоционально насыщенными. В них не было каких-то голословных призывов и анафем в адрес буржуазного устройства общества, в них была только логика жизни и логика мысли — и именно это, подобно мощному магниту, привлекало слушателей. Сейчас об отрицании капитализма и защите социализма как исторической перспективы человечества писать не модно, но я хочу показать того, о ком рассказываю, таким, каким он был в действительности, да к тому же мои взгляды и сейчас в принципиальных моментах не расходятся с его суждениями, хотя и содержат много такого, что в то время показалось бы, вероятно, неправильным или даже ошибочным. Ну что же, жизнь идет вперед, и каждый при желании имеет возможность извлекать из нее новые и новые уроки...

Природа далеко не всегда равно одаривает человека внешне и внутренне. Для Александра Алексеевича она сделала такое исключение. Его брат, Николай Алексеевич, общепризнанный обладатель недюжинных способностей,

особенно высоко ценил методологическую, если так можно сказать, составляющую его ума, тонкость и точность мышления ученого. Порой, будучи студентом, я спрашивал его, например, о том, как Маркс трактует такую-то сторону такого-то сложного вопроса. И в ответ мог услышать: «Не помню, но, исходя из таких-то основополагающих позиций, из логики развития мысли, в таком-то месте “Капитала” (или другой его работы) он должен прийти к такому-то выводу... Проверь». И не было случая, чтобы отец ошибся.

В своих научных работах он не навязывал читателям, как и студентам на лекциях, готовых выводов, не призывал заучивать цитаты из произведений подлинных и мнимых классиков, а прививал аудитории навыки *самостоятельного* анализа экономических процессов и явлений, проходя *вместе* с нею весь путь поиска научной истины. «Сомневайтесь!» — призывал он своих учеников, следуя, очевидно, любимому изречению Маркса, взятому им у древних: «Подвергай все сомнению». От незнания — к первичному знанию, от него — к сомнению в его полноте и достоверности, далее — к добытому новому знанию и снова — к сомнению, и т.д. — таковы, на мой взгляд, бесконечные ступени движения научной мысли в процессе познания, анализа окружающего мира и развития самой личности человека. Именно такая или подобная ей позиция и была, строго говоря, его единственным «преступлением», объективно подрывавшим психологические устои тогдашнего режима, который все больше и больше нацеливал людей на механическое усвоение готовых истин, в кавычках и без них, сформулированных Сталиным или приписанных ему, на продиктованное сверху единообразие мыслей и поступков.

На лекции Александра Алексеевича собирались студенты не только политико-экономического, но и других факультетов университета, а о публичных выступлениях в Ленинграде извещали газеты, радио и афиши. И подобно вузовским, городские аудитории тоже всегда были переполнены. Недаром многие из пяти тысяч учебных и полутора тысяч публичных лекций, которые он успел прочитать за свою так рано оборванную жизнь, остались в памяти его слушателей, как пиршество мысли, как выдающиеся образцы творческого применения материалистической диалектики в политической экономии.

Характеристику политико-экономических сочинений А. А. Вознесенского мне хотелось бы дать, объективности ради, исходя из научных публикаций, посвященных их анализу или в какой-то мере связанных с ними. Там говорится, что его теоретические работы, содержащие немало новаторских, свежих для своего времени идей, относятся главным образом к этапу становления (1920-е — первая половина 1930-х гг.) советской политической экономии и в связи с этим отражают существовавшую тогда борьбу взглядов по коренным вопросам теории. Именно в 1920-х, как подчеркивают исследователи, до начала предпринятого Сталиным идейного и организационного погрома в экономической науке и физического уничтожения многих лучших ее представителей, были заложены основы для появления и развития политической экономии со-

циализма. Внес свой весомый вклад в этот процесс и А. А. Вознесенский. Ярко выраженная особенность его работ — уже упоминавшаяся их глубокая *методологичность*, что имело исключительно важное значение в условиях, когда еще только вырабатывались принципы научного анализа совершенно новой социально-экономической действительности, а предлагаемые выводы проверялись суровой практикой жизни.

Так, за два года до начала широкомасштабной дискуссии по этой проблеме Александр Алексеевич в обширной статье «К вопросу о понимании категории абстрактного труда» (1925 г.) первым выступил как против механистических, так и против идеалистических ее трактовок, дал в этой и более поздних работах детальный и чрезвычайно ценный анализ этого основополагающего понятия экономической теории Маркса. Заметный след в истории политической экономии советского периода оставили два крупных раздела — «Предмет политической экономии» и «Товар», подготовленные А. А. Вознесенским для вузовского учебника, вышедшего в 1931–1932 гг. тремя изданиями. Интегральный характер этих работ, представляющих собой сплав экономического, философского и социологического анализа, позволял студентам пройти школу подлинно научного мышления, когда в центре внимания исследователя оказывались *внутренние противоречия*, присущие экономическим явлениям и процессам, что и позволяло выявить закономерности их развития и взаимодействия. В его работах дана всесторонняя характеристика предмета и метода политической экономии и их единства, основных составляющих способа производства материальных благ, содержания таких понятий, как производительные силы и производственные отношения, раскрыта диалектика их взаимосвязи.

Как и ряд других экономистов, Александр Алексеевич защищал тезис о научной правомочности и необходимости формирования политической экономии переходного периода и периода *социализма* и, что особенно ценно, уже в те годы, вопреки весьма распространенным представлениям, говорил о существовании экономических законов его движения и их *объективном* характере. Основным из них на переходном этапе от капитализма к социализму он считал закон социалистического обобществления, который реализуется через плановую деятельность государства. Она же, по его мнению, может быть успешной только при использовании *товарной* формы в качестве рычага планирования народного хозяйства. Вместе с тем, подчеркивая товарный характер тогдашнего общественного производства, он впервые проанализировал социально-экономическую природу и роль продукта труда в каждом секторе советского хозяйства в переходный период.

В публикациях, посвященных анализу политико-экономических работ А. А. Вознесенского, отмечается, в частности, и статья «Расширенное социалистическое воспроизводство» (1941 г.), где обозначены его важнейшие черты и особенности, и именно такая система взглядов на эту проблему стала затем

общепринятой в научной и учебной литературе. В равной степени это относится и ко многим другим новаторским позициям в его сочинениях, рождавшихся в процессе поиска научной истины, преодоления принимавшихся экономистами (в том числе и им) в то время за истину заблуждений и активного участия в коллективной выработке методологических основ и аргументации теоретических выводов нарождавшейся политической экономии социализма.

В высшей степени требовательный к себе во всех отношениях и прежде всего в научном плане, А. А. Вознесенский, добываясь максимальной точности в содержании, в научной разработке тех или иных идей, умел изложить их просто и доходчиво. Именно с этих позиций он не был удовлетворен хорошо известным в те годы весьма полезным при всех его недостатках четырехтомником «Комментариев» Д. Розенберга к «Капиталу». Александр Алексеевич считал, что раскрыть логику и содержание этого основополагающего труда можно и нужно глубже, точнее, доходчивее. И при всей своей сверхзанятости практическими делами он все же делал наброски для такого издания. К сожалению, они, как и фактически законченные рукописи двух книг: «Логика и основные идеи “Капитала” К. Маркса и современность» и «Динамика стоимости рабочей силы при капитализме», были уничтожены вместе с их автором. (Основное содержание первой книги изложено в статье доцента С. Д. Зака «Об одной неопубликованной рукописи А. А. Вознесенского» [Зак, 1973] и в машинописном варианте подготовленной им же брошюры, находящейся в моем фонде в Российском Государственном архиве социально-политической истории.)

Прирожденный, как многие считали, администратор, блестящий организатор, Александр Алексеевич Вознесенский тем не менее остро переживал то, что служебные и общественные обязанности отвлекали его от чисто научной и преподавательской деятельности. Однажды, в пору самых высоких официальных признаний эффективности его работы на посту министра, он с ноткой горечи сказал: «Все, что я делал и делаю в сфере управления, очень скоро после того, как я уйду из нее, забудется. Останется лишь то, что принадлежит науке».

К счастью, отец все же недооценил человеческую способность помнить добрые дела независимо от того, к какой сфере жизни они относятся. В 1998 г., почти полвека спустя после гибели Александра Алексеевича, тепло и уважительно, несмотря на новую реальность в стране, было отмечено 100-летие со дня его рождения: в бывшем Ленинградском, теперь Санкт-Петербургском государственном университете прошли заседание Ученого совета и Всероссийская научная конференция, посвященные памяти его бывшего ректора, от правительства поступила содержательная телеграмма, в которой, в частности, подчеркивалось, что известный ученый-экономист поддерживал преподавателей, которые в замерзающем городе читали лекции и создавали работы,

которые ректор университета охарактеризовал как те же снаряды по врагу, а иногда и более меткие. Сам А. А. Вознесенский не только вел большую устную пропагандистскую работу, но и опубликовал в это труднейшее время две пламенные, проникнутые глубочайшей верой в нашу победу над фашизмом брошюры: «Организованность, дисциплинированность и самоотверженность советских патриотов — залог быстрой победы над врагом» (1941 г.) и «Ленин и оборона социалистического Отечества» (1942 г.).

Профессор В. С. Торкановский:

«...Все мы знали: в университете есть лидер, вокруг которого сплочен наш коллектив. Этому лидеру можно было верить, он беспредельно предан общему делу, является мудрой и светлой личностью. Каждого он напутствует на большой труд, с каждого строго спрашивает за результаты работы, каждого поймет. Главное — он сам среди нас, все делит с нами, никакие личные чувства его не одолевают...

Неистощимую веру во всех вселял наш ректор. Все службы университета работали четко. Бережно сохранялись бесценные культурные сокровища. Создавались стационары для лечения ослабевших. Коллектив ученых продолжал свои исследования, читал в осажденном городе лекции, проникнутые патриотизмом, уверенностью в нашей победе. Александр Алексеевич, похудевший, горевший внутренним неистребимым огнем, был повсюду. Он провожал нас в армию, посещал госпитали, добывал хлеб и дрова для ученых и студентов...»

Доцент Л. Л. Эльяшова:

«Любили мы А. А. Вознесенского не только как профессора, но и как ректора. В самое мрачное время, когда “падал ленинградец на желтый снег пустынных площадей” (О. Берггольц), студенты университета не чувствовали себя забытыми в промерзших зданиях и общежитиях. Из комнаты в комнату несло: “Вознесенский приходил к нам в общежитие, расспрашивал. Бодрый, белый воротничок”; “У нас в лаборатории был ректор”; “Ректор говорил, что в главном здании скоро будет кипяток”. И действительно, вскоре мы могли выпить кружку драгоценного кипятку, согреться. В конце ноября 1941 года фугасной бомбой был взорван флигель нашего общежития на 5-й линии, дом 66. Много народу погибло. День и ночь шло спасение заваленных обломками. Вдруг узнаем: ночью приезжал Вознесенский. Разговаривал с теми, кого спасли, укрывал их одеялами.

Как-то само собой к имени нашего ректора стало добавляться слово “папа”. “Папа Вознесенский переводит нас на филологический факультет!” — разнеслась однажды весть. Это было спасение. В нашем общежитии царили холод и мрак — ледяные батареи, фанера на окнах, а на филфаке — печи, светлые аудитории. “Папа” распорядился топить печи мебелью, и мы получили благодатное тепло. “Папа Вознесенский нас эвакуирует, он добьется, он спасет нас”. И он добивался всего, чего можно было добиться; спасал тех, кого можно было спасти, — студентов, профессоров, сотрудников, университет».

Профессор К. Ф. Огородников:

«Вспоминаются дни эвакуации университета из Ленинграда в Саратов в марте 1942 года. Нелегкое это было дело. Когда наш эшелон подъезжал к Саратову, городским медицинским организациям было дано указание подготовить 300 санитарных носилок для прибывших. И действительно, из вагонов выходили люди, ослабевшие не только физически, но и глубоко травмированные морально, потерявшие или оставившие в осажденном Ленинграде своих близких... На вокзале нас встречал А. А. Вознесенский, хотя и осунувшийся, но все такой же энергичный и решительный. На первом же собрании коллектива университета он бросил лозунг, который был быстро подхвачен всеми и вселял новые силы в наши души: “В грозные дни, которые переживает Родина, мы приехали сюда, в Саратов, чтобы работать лучше, чем могли это делать в Ленинграде. Первого сентября начать занятия на всех факультетах и подразделениях университета!” Что мы и выполнили с гордостью! А Вознесенский, чтобы облегчить согласованность общей работы, стал одновременно ректором и Саратовского университета».

Профессор С. М. Фирсова:

«В годы эвакуации университет жил как одна семья, и главой ее был ректор А. А. Вознесенский. Для студентов, оторванных от дома и близких, ничего о них в то время не знавших, он стал самым родным человеком. Его называли отцом, и даже песня у нас была такая: “Наш папаша — ректор Саша”. Александр Алексеевич помог нам сохранить оптимизм, веру в победу, научил не бояться трудностей, помогать друг другу и, главное, быть патриотом своей страны, университета, прекрасного города Ленинграда. “Мы — ленинградцы, а это значит, что не страшно для нас ни горе, ни беда...” — таков был наш гимн».

За выдающиеся заслуги в развитии советской науки и культуры, за большие успехи в подготовке высококвалифицированных кадров Ленинградский университет, его ректор и еще ряд ученых в 1944 г. были награждены орденами Ленина. Большую группу работников университета Правительство отметило другими орденами и медалями. Вскоре, в том же году, возвратился ЛГУ на свою малую родину. Начался период не только его восстановления, но и бурного развития. Ректор внес в эти процессы огромный и поныне не забытый новыми поколениями универсантов вклад, и вскоре его alma mater потеснила на вершине системы высшего образования Московский университет. За время ректорства Александра Алексеевича в ЛГУ дополнительно появились четыре факультета, сорок шесть кафедр, двенадцать научно-исследовательских институтов, и на первых же послевоенных выборах в Академию наук СССР сразу шестеро ученых университета были избраны ее действительными членами и девятнадцать — членами-корреспондентами.

Крупные и плодотворные изменения произошли и в качественных характеристиках научной, преподавательской и воспитательной работы. Многие начинания А. А. Вознесенского приобрели общесоюзное значение и способствовали

прогрессу всего высшего образования в стране. В публикациях об А. А. Вознесенском отмечалось, что в центре его внимания всегда были вопросы развития науки и подготовки высококвалифицированных кадров для нее, для системы высшего образования в стране и для народнохозяйственной практики. Вместе с тем ректор полагал, что университетское образование должно держаться на трех китах: кроме научной и учебной он предлагал считать государственной функцией университетов научно- и культурно-просветительную деятельность, потребность в которой особенно остро ощущалась в послевоенное время, ибо, как никогда ранее, наука реально становилась одним из важнейших факторов развития общества. (Судьба страны, сказал он мне, когда, демобилизовавшись в 1946 г., я выбирал свою будущую профессию, зависит прежде всего от прогресса физики, биологии и экономической теории.) Не удивительно, что Александр Алексеевич входил в число инициаторов и организаторов Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и руководил его Ленинградским отделением. Однако успешно нести их в самые разные слои населения могли только люди, имевшие как серьезную научную подготовку, так и широкий общекультурный кругозор. Некоторое, пусть и не полное представление о том, как решалась тогда эта проблема в ЛГУ, даст фрагмент воспоминаний народного артиста СССР И. О. Горбачева:

«В год окончания Великой Отечественной войны я стал студентом Ленинградского университета. Время было прекрасное и трудное. Оно было прекрасно непередаваемым чувством нашей Победы, завершения войны, возможностью мирно жить, учиться. Но было немало послевоенных трудностей: еще не восстановленные здания, бедная, голодная жизнь. Именно в это время я стал студентом философского факультета университета, ректором которого был Александр Алексеевич Вознесенский.

Атмосфера университета тех лет была проникнута торжеством мысли, поэзии, искусства, духом интересных общений. Мы поднимались над трудностями жизни, над бедным бытом. Гуманитарные факультеты университета блистали созвездием крупных ученых: Михаил Васильевич Серебряков, Александр Алексеевич Вознесенский, Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов, Константин Николаевич Державин, Борис Герасимович Ананьев и многие другие профессора представляли русскую советскую интеллигенцию, обладали прекрасными качествами учителей.

А. А. Вознесенский поддерживал в первую очередь лучшие традиции Петербургского университета, его вольнолюбивый дух, напряженную работу мысли. Он не признавал школярства, поощрял дискуссии, споры. Я слышал, как он говорил: «Сомневайтесь. Чем больше вы сомневаетесь, тем глубже постигаете верность идей. Выстраданные истины станут вашими». Он обладал лучшими качествами учителя: колоссальной эрудицией, широтой кругозора. Он прекрасно знал литературу, искусство.

Александр Алексеевич любил нас, молодежь, студентов, это была любовь к будущему. Охотно, с интересом он общался с нами, и мы не чувствовали той

огромной разницы, которая разделяла нас. Он никогда не подчеркивал своей исключительности, разговаривал с нами на равных. После бесед с ним мы получали заряд духовной бодрости, нравственно очищались. Но его любовь к нам сочеталась со строгостью. Он не был мягким человеком. Он умел сказать “да” и “нет” и отвечал за сказанное. Двусмысленности в его словах быть не могло. Он умел верить студенту и умел прощать ошибки. Но если человек не оправдывал доверия, с такими он был крут.

А. А. Вознесенский понимал важность искусства в деле нравственного развития человека и опасность эстетической глухоты... Лучше других он сознавал, что наше будущее должно быть духовно богатым, великодушным, совестливым и что этому способствует искусство. Оно учит клеймить низменное в человеке и поднимать возвышенное, формировать подлинного человека в человеке. Подобные высказывания я слышал от А. А. Вознесенского неоднократно...

А. А. Вознесенский — крупный ученый, организатор, пропагандист науки — всячески покровительствовал искусству в университете. Но это было не меценатство, а сознательное эстетическое и этическое воспитание студентов. Какие прекрасные вечера проводились на факультетах, какие капустники! Смелые, веселые университетские вечера. Для них снимались помещения в домах и дворцах культуры. На них царила атмосфера поэзии, чистых, благородных чувств. Наш ректор посещал многие концерты и, сидя в первых рядах, живо реагировал и смеялся, когда я играл Хлестакова...

Я счастлив, что прошел прекрасную университетскую школу под руководством А. А. Вознесенского, что общался с этим мудрым, светлым, замечательным человеком, в которого все мы, студенты, были влюблены».

Подлинная интеллигентность и широкая эрудиция (недаром его называли «Луначарский нашего времени»; отец, правда, совершенно искренне полагал, что такая параллель неправомерна, в связи с чем рассказал мне о действительно достойных восхищения способностях своего далекого предшественника) позволили ему после назначения министром просвещения РСФСР творчески подойти и к проблемам среднего образования. Но сначала — несколько слов об обстоятельствах его назначения на этот пост. Еще до войны, когда Николай Алексеевич стал снова работать в Москве, братья договорились о том, что Александр Алексеевич раз и навсегда остается в Ленинграде. Это совершенно устраивало обоих, и на неоднократные предложения занять тот или иной пост в Москве отец отвечал отказом, а если дело, вопреки его желанию, с которым тогда не очень-то считались, доходило до подготовки решения, Николай Алексеевич как кандидат в члены и позднее член Политбюро всегда накладывал свое «вето» (для этого ему было достаточно написать на опросном листе без всяких объяснений одно слово: «Возражаю»). Так этот механизм и действовал до тех пор, пока Жданов и Кузнецов не согласовали со Сталиным назначение отца на пост министра просвещения. Тут «вето», а оно на этот раз было выражено еще более жесткой формулировкой *«Категорически против»*, сработать уже не могло...

Научный, творческий подход к любому делу, помноженный на неиссякаемую энергию и еще раз — на высочайшую организованность, позволили А. А. Вознесенскому за короткое время решить или подготовить решение множества вопросов жизни всей системы народного образования не только в Российской Федерации, но и в масштабах страны. В частности, ему удалось привлечь внимание творческой интеллигенции, ученых, вообще широкой общественности к проблемам школы, организовать совместно с Союзом советских писателей весьма представительную дискуссию о преподавании литературы, провести Всероссийское совещание заведующих соответствующими кафедрами педагогических вузов. На базе этих обсуждений были коренным образом переработаны учебные программы, усовершенствованы учебники, созданы пособия для учителей. Аналогичная работа была выполнена и по другим предметам с тем, чтобы повысить качество обучения, знаний школьников, чтобы преподавание велось на уровне современной науки, с учетом ее последних достижений, чтобы оно сближало школу с жизнью, с практикой повседневного труда людей. Отзвуки его идей, предложений и решений как в сфере высшего, так и среднего, школьного образования, в области воспитания молодежи, распространения научных знаний во всех слоях общества были слышны и через десятки лет после его гибели.

Ограничусь этими краткими сведениями о кипучей и плодотворной деятельности Александра Алексеевича на посту министра просвещения, не касаясь других ее сторон. Упомяну лишь еще о том, что именно при нем началась, так сказать, психологическая подготовка ликвидации раздельного обучения мальчиков и девочек. Во время войны оно было введено Сталиным, и это обстоятельство требовало особенно тонкой политики для формирования общественного мнения и изменения позиции, как тогда было принято говорить, ЦК партии, то есть на деле — того же «вождя». Отец бывал очень доволен, когда тем или иным образом удавалось подтолкнуть мысли и населения, и педагогов, и организаторов народного образования в сторону возвращения к нормальной, общей для мальчиков и девочек системе обучения и воспитания. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, похоже, окончательно убедила Сталина (если у него вообще когда-нибудь были в этом сомнения) не просто в своей гениальности, но и в непогрешимости, в совершенстве своего мышления. Однако для того, чтобы это было понятно любому случайно уцелевшему скептику внутри страны и, конечно, гражданам и руководителям зарубежных государств, все, что появлялось под эгидой его имени, должно было быть непревзойденным и в этом качестве сохраняться, в зависимости от назначения, на долгие годы и десятилетия, а то и на века. Я столкнулся с этим, когда отец попросил меня внимательно прочитать подготовленный специальной комиссией еще до его прихода в министерство очередной проект свода правил русской орфографии и пунктуации. Не могу сказать, что он был идеален: я обнаружил в нем 121 ошибку. Что и как, про-

читав книгу после меня, поправил в ней перед отправкой Сталину Александр Алексеевич, не знаю, но когда я спросил отца о перспективе выхода в свет этой работы, он ответил:

— Думаю, как было уже неоднократно, Сталин не даст на нее никакого ответа и тем самым снова заморозит это нормативное издание на годы, хотя нужда в нем очень остра.

— Но почему? Ведь книга уже подготовлена на уровне, вполне достаточном для практического использования. Если филологи позднее «изобретут» что-то существенное, можно будет внести это в новое издание.

— По сложившемуся порядку ни одно мало-мальски заметное событие в любой области жизни не может произойти без личной санкции Сталина, в том числе и издание наших «Правил». Но раз что-то выходит в свет с его благословения, то это должно быть выше любой критики, соответствующим тому, что именуется «сталинским гением». Поэтому-то с довоенных времен переделывается по указаниям Сталина, но до сих пор не может родиться учебник политической экономии — нет уверенности в его безупречности, в том, что какие-то сформулированные там положения не будут поставлены под сомнение ходом жизни. Казалось бы, «Правила» с этой точки зрения менее уязвимы, но, думаю, что их постигнет такая же судьба.

К сожалению, Александр Алексеевич оказался прав: учебник политической экономии только с 1937 по 1941 г. переделывался 15 (!) раз, после войны работа продолжалась еще несколько лет, и появился он лишь в 1954-м, а «Основные правила орфографии и пунктуации» и того позднее — в 1956-м...

Напомню, что речь идет о 1948–1949 гг., когда все круче замешивалось насквозь, от начала до конца, сфальсифицированное «Ленинградское дело». 12 июля 1949 г. Сталин подписал постановление Политбюро об освобождении А. А. Вознесенского от работы, а за несколько дней до этого отца вызвал Маленков. Между ними состоялся любопытный разговор:

— Александр Алексеевич, надо оставить пост министра.

— Разве у ЦК есть какие-то претензии к моей работе? До сих пор партийная печать весьма высоко оценивала то, что делает министерство, и поддерживала нас в этом.

— Да, претензий, действительно, нет, но... не пойдет у Вас это дело, не пойдет... А что касается претензий, то Вы, как коммунист, должны помочь Центральному комитету: подумайте и сообщите нам, какие недостатки в Вашей работе могут быть Вам предъявлены...

Цинично, конечно, но хотя бы откровенно... И вот мы, сидя на даче министерства (пока она еще оставалась за отцом), придумывали вдвоем эти «самообвинения». Например, я говорил:

— Может быть, ты бывал иногда резок в разговоре с сотрудниками?

— Наверное, если работа того требовала. Давай, запишем.

В общем, объединенными усилиями набрали «целых» шесть недостатков, которые затем и были предъявлены Александру Алексеевичу на заседании коллегии министерства.

Исполнить это было поручено его ярым недоброжелателям — Дубровиной и Михайлову. «Она» заведовала сектором школ в аппарате ЦК и пыталась командовать работой министерства, а отец не любил чьего-либо непрошеного вмешательства в свои прерогативы. «Он» же был первым секретарем ЦК ВЛКСМ и тоже стремился постоянно ввязываться в вопросы, входившие в круг обязанностей прежде всего Министерства просвещения. Разумеется, отец должен был считаться с этими организациями, но садиться себе на голову никому не позволял. Именно этим людям Маленков и поручил провести упомянутое расширенное заседание коллегии. Александр Алексеевич был приглашен в президиум, и после его доклада состоялись заранее намеченные выступления участников заседания. И тут произошло нечто совершенно неожиданное: выходившие на трибуну один за другим с явно неподобающим случаем воодушевлением говорили о том, как кардинально изменилась работа министерства, какие новые и благие веяния произошли во всей системе просвещения, в школах, интернатах, институтах... Михайлов некоторое время был буквально в шоке, а потом опомнился и стал требовать от выступавших:

— Скажите, *кто* мешал вам в работе?

— Никто. Мы работали очень интенсивно и дружно, без помех.

— Нет, Вы все-таки чего-то не понимаете... Скажите, *кто* именно мешал вашей работе?

Выступающий молча мнетя на трибуне. Михайлов поворачивается к нему всем корпусом, вытягивает обе руки в сторону Александра Алексеевича и, потрясая ими, восклицает:

— Так *кто* же, в конце концов?!

Понурился, выступающий вынужден выдавить из себя требуемое:

— Министр...

Рассказывая мне об этом, отец не столько удивлялся методам Михайлова, сколько радовался выступлениям своих коллег, тому энтузиазму, с которым они говорили о пройденном пути и о новых, еще не решенных задачах.

Дубровина и Михайлов получили вполне «заслуженные» ими поощрения: она стала заместителем министра просвещения РСФСР, а он через некоторое время — секретарем ЦК КПСС, позднее — министром культуры СССР. Тем министром, который говорил, например, так: «Что Вы мне о нем рассказываете? Он же гурман в искусстве!» Видно, путал слегка это понятие с другим, более привычным — турман... Документы, стаканы и т. п. — тоже из его лексикона. Бедная наша культура! Ей далеко не всегда везло на действительно культурных руководителей.

Ну а когда отец предупредил меня о предстоящем освобождении его от должности, я ответил ему:

— Папа, не переживай! Мы же любим тебя не за то, что ты — министр. Станешь заведовать кафедрой — проживешь на десять лет дольше, и это будет нашей самой большой радостью.

Увы, в то время я еще не понимал, что происшедшее — первая ступень не к нормальной человеческой жизни, а к спуску в ад, из которого возврата нет. Он был прозорливее, конечно, и после ареста по будущему «Ленинградскому делу» Марии Алексеевны, сестры братьев Вознесенских (а именно с нее начались эти «изъятия» людей), отец, объяснив мне цели и методы деятельности Берии, Маленкова и Кагановича по дискредитации Николая Алексеевича, сказал:

— Нас всех могут физически уничтожить. Но что бы со мной ни случилось, знай всегда: перед партией и государством я не виноват ни на йоту.

К слову, в то время, когда отец пришел на работу в министерство, в ЦК партии сложилось резко критическое отношение к деятельности Академии педагогических наук и ее президента И. А. Каирова. Александру Алексеевичу даже было предложено параллельно с министерством взять на себя и руководство Академией. Он отказался, заявив, что поможет президенту в течение полугода выправить положение. И действительно, они постоянно, даже по воскресеньям (тогда был один выходной день в неделю), чаще всего в доме отдыха «Сосны», работали над проблемами Академии до тех пор, пока вопросы к ней не были сняты. И когда отца освободили от должности министра, а Ивана Андреевича назначили на нее, он сказал: «Александр Алексеевич, я не имею к Вам никаких претензий, ничего, кроме благодарности».

Когда отец сообщил мне об этом разговоре, я спросил его:

— Как ты думаешь, Каиров долго продержится на этом посту?

— Да, — ответил отец. — Он совершенно безынициативен и никогда не выдвинет никаких новых идей. А именно такие люди, как видно, сейчас и нужны.

И правда, уж не знаю, по этой ли, по другим ли причинам, но Иван Андреевич, кажется, действительно поставил рекорд длительности пребывания на этом весьма горячем участке государственной работы.

В течение всех четырнадцати месяцев, пока до гибели своей отец находился в тюремных казематах, а брат и я оставались еще на свободе, мы почему-то получали на домашний адрес письма ему как депутату Верховного Совета СССР. Видимо, их пересылал кто-то из этого госаппарата, где они были уже не нужны, потому что эти письма содержали не просьбы, а удивительно теплые слова бесконечной благодарности Александру Алексеевичу за реальную помощь людям, порой уже отчаявшимся когда-нибудь решить свои проблемы. Больше всего меня поражала парадоксальность ситуации: среди обращений к нему, находящемуся в тюрьме и притом явно накануне гибели, были письма тех, кто освободился по его ходатайству из заключения, или их родных и близких, а ведь в то время это казалось почти невозможным. К слову,

даже во время войны, еще не будучи депутатом Верховного Совета, он умудрялся решать подобные головоломки. Помню, он как-то упомянул, что сумел тогда вырвать из ссылки В. В. Виноградова — будущего академика, будущее светило отечественной филологии. Впрочем, вся административно-управленческая работа отца и в Ленинграде, и в Саратове, и в Москве была ежедневно пронизана среди других дел конкретной заботой о конкретных людях, множество примеров чего приводится в воспоминаниях тех, кто не забыл и этой стороны его деятельности в университете и министерстве.

Не могу не упомянуть вкратце о еще одной ипостаси Александра Алексеевича: он был вице-председателем Славянского комитета СССР и Общеславянского комитета, избранного первым послевоенным Славянским конгрессом, состоявшимся в Белграде в конце 1946 г. Как представитель Советского Союза в этом Комитете, он внес большой вклад в объединение славянских народов, направленное на искоренение остатков фашизма, противодействие тенденциям его возрождения, на борьбу за мир и безопасность во всем мире, против угрозы новой войны. Интересно отметить, что движение это (может быть, в значительной мере на волне еще не остывшего энтузиазма, вызванного Победой над гитлеровской Германией и ее союзниками и военным сплочением стран, боровшихся с ними) очень активно поддерживалось, как говорится, простым народом во всех славянских странах.

После ареста отца навсегда (для семьи, по крайней мере) исчезли фотографии гигантских, до ста тысяч человек, митингов на площадях Польши, когда он выступал перед этим людским морем, бесконечного человеческого потока, до отказа заполнившего центральный проспект столицы Югославии, с плывущей над ним на руках студентов Белградского университета фигурой Александра Алексеевича — представителя русского народа, великого Советского Союза. Невозможно было без волнения смотреть на счастливые, взволнованные лица и молодежи, и ветеранов, охваченных единым порывом. Такое искусственно не создашь, по заказу не организуешь... Был даже период, когда руководство одной из славянских стран рассматривало возможность ее вхождения в СССР на правах 17-й союзной республики. Сталин такую идею отклонил — видимо, из геополитических соображений. Но все это говорит о том, что в те годы братство славянских стран и народов крепло. Можно только горько пожалеть, что уже через какие-то два-три года в результате диктаторской, великодержавной политики Сталина, приведшей, в частности, к разрыву с Югославией, славянское движение надолго пришло в упадок. Оно потеряло свой поистине массовый, а в некоторых странах по существу всенародный характер, перестало быть заметной общественной силой. А ныне, через полвека, и того хуже: единокровные народы разъединены не только политически, но во многом и духовно.

Тогда же, после войны, даже при сильно и откровенно звучащей политической составляющей этого движения, именно духовному культурному единству славянства придавалось особенно важное значение. По инициативе Алек-

сандра Алексеевича и при активной поддержке его личных друзей — президентов Белградской Академии наук Александра Белича, Пражской Академии наук Зденека Неедлы и Болгарской Академии наук и искусств Тодора Павлова, других коллег из славянских стран — были установлены разнообразные контакты между учеными, получили новый импульс исследования по славяноведению (научная сессия в этой области знания прошла с участием советских и зарубежных специалистов в Ленинградском университете уже летом 1946 г.) и развернулась подготовка к проведению в Москве первого послевоенного Общеславянского конгресса ученых-славистов. Отец был избран председателем организационного комитета, проделал большую работу в этом направлении. К конгрессу, намеченному на весну 1948 г., активно готовилась научная общественность Болгарии, Польши, Советского Союза, Чехословакии, Югославии, но по указанию Сталина трижды переносились его сроки. В итоге он так и не состоялся из-за упомянутых внешних и отчасти из-за внутренних («Ленинградское дело») политических событий 1948–1949 гг.

Теперьшняя наша жизнь вновь актуализировала проблему единства славянских народов. Пожалуй, она даже стала или может стать в недалекой перспективе еще более значимой, а во многом и более сложной, чем в первые послевоенные годы. Подчеркну в связи с этим другую сторону вопроса: при всей важности укрепления духовного, культурного единения славян эта тематика и тогда не была самодовлеющей. То было, повторю, движение *общественно-политическое* прежде всего, нацеленное на солидарность и *всестороннее* сотрудничество славянских народов. И последнее: «общий, принципиальный момент», говоря словами Александра Алексеевича, в укреплении содружества славян состоял в том, чтобы не противопоставлять себя другим народам, а наоборот, не допускать ничего такого, что могло бы быть основанием или хотя бы поводом к такому противопоставлению. Иными словами, это движение по сути своей было *интернационалистским*.

Идеи и практические задачи всемерного укрепления содружества славян Александр Алексеевич не только пропагандировал в своих выступлениях в печати и по радио, на массовых митингах и в научных аудиториях, на заседаниях Общеславянского комитета и Славянского комитета СССР, но и обсуждал их с руководителями Болгарии, Польши, Чехословакии, с ведущими деятелями Югославии — И. Тито, Э. Карделем, М. Джиласом. О ставшем позднее известным писателем и политиком Миловане Джиласе он говорил с особенным уважением. В свою очередь Джилас в книге «Беседы со Сталиным», вышедшей в 1961 г., тепло вспоминая о встречах с Александром Алексеевичем и Николаем Алексеевичем Вознесенскими, написал: «Со старшим Вознесенским у меня были очень интересные дискуссии во время Всеславянского съезда в Белграде зимой 1946 года. Мы с ним сошлись на том, что официально признанная теория “социалистического реализма” является узкой и односторонней. Еще более единодушно мы считали, что в социализме, вернее коммунизме, после

создания новых социалистических стран замечаются новые явления и что в капитализме есть перемены, еще теоретически не изученные. Вероятно, и его красивая умная голова пала в безумных чистках».

В заключение рассказа об Александре Алексеевиче — еще несколько штрихов к его духовному облику. После ареста отца во время обыска в квартире находился мой младший брат, которому проводившие эту «операцию» задавали интересующие их вопросы:

- Где ваши золото и драгоценности?
- У нас их никогда не было.
- А деньги?
- Вот — остаток от последней заработной платы отца. Это все, что есть.
- Ну а машина где стоит?
- Машины у нас нет.
- Так что же у вас тогда есть?
- Как — что? Книги...
- И это — министр? Вот мы арестовывали министра лесной промышленности, так у него!..

И дальше вздохнул пошел рассказ о том, что, по мнению обыскивавших, должно быть у «настоящего» министра.

К слову, поскольку в то время союзного министерства и, соответственно, министра просвещения СССР не было, Александр Алексеевич фактически выполнял и его функции. Понимая это, Сталин предложил назначить ему «союзную» заработную плату — отец, однако, от этого отказался. Конечно, мы не бедствовали, но денежные проблемы нас стороной не обходили. Принося заработную плату, он прежде всего делил ее на части и говорил мне:

— Отправь, пожалуйста, это бабушке, это — ребятам [сначала трое, а позднее двое из детей оставались в Ленинграде. — Л. В.], из этого заплати за квартиру.

И, с сомнением глядя на остаток, обычно добавлял:

— Ну а это нам на жизнь...

Для нас не было проблемы в том, что я ходил в университет в перелицованном отцовском костюме или в своей военной форме, но, правда, имел один «приличный» костюм — для театра или какого-либо иного торжественного случая. Это не очень-то соответствовало стандартам жизни семей руководителей подобного ранга, однако никого из нас такие «отклонения» не волновали и даже не интересовали. С полным основанием могу сказать, что больше всего отец боялся быть запятнанным каким-нибудь непорядочным поступком, чем-то корыстным. Недаром, переехав в Москву, он сразу предупредил близкого ему человека: «Ни одного гвоздя из министерства!» А позднее, когда тот же человек умолял Александра Алексеевича не пытаться спасти арестованную к тому времени сестру Марию Алексеевну («Что ты делаешь?! Ты сам каждую ночь ждешь ареста!»), отец непривычно резко ответил:

— Ты что, не понимаешь: мне легче умереть, чем чувствовать себя подлецом!

Вскоре эту жизненную позицию ему пришлось подтвердить на практике самым трагическим образом. Меня и брата пригласили к ответственному сотруднику Комитета партийного контроля при ЦК партии, расследовавшему среди прочих и «Ленинградское дело». По его сведениям, Александра Алексеевича на протяжении 14 месяцев подвергали жесточайшим пыткам, стараясь поочередно создать вокруг него «дела» по Ленинградскому университету, по Министерству просвещения, по Общеславянскому комитету. И наш собеседник сказал:

— Я рассматривал материалы и допрашивал тех, кто так или иначе был связан с организацией основных довоенных и послевоенных процессов, в том числе Маленкова, Булганина, тогдашних руководителей органов и даже следователей, создававших «дела» вашего отца и других ваших родственников. И должен сказать прямо: чудовищные пытки и издевательства применялись практически ко всем, попавшим в сталинские застенки, но два человека вынесли то, что вообще выходит за пределы любого воображения, — Александр Алексеевич и Мейерхольд. И если бы я рассказал о том, *что* пришлось пережить вашему отцу, вы бы сошли с ума. Так что об этом даже не пытайтесь меня расспрашивать...

И тут невольно вспомнился злобный выкрик моего следователя: «Смеешься? Твой отец больше года смеялся нам в лицо, когда мы называли его врагом народа! Теперь, наверное, смеется в другом месте!» Не знаю достоверно, почему именно на долю великого режиссера (он был арестован и погиб в 1940-м) выпали такие пытки, а об отце могу сказать словами сотрудника Комитета партийного контроля: выдержав все, он не запяtnал ни одного человека и спас многих от верной гибели, не позволив создать нового громкого процесса.

Что же объединяло двух столь разных, даже не знакомых друг с другом, погибших в разное время людей? Десятки лет задавал я себе этот вопрос и нашел ответ, сугубо предположительный, конечно, — только в одном: общей для них была, наверное, истинная интеллигентность (которая, как многие знают, судя по «интеллигенции» наших дней, далеко не равнозначна образованности) с присущим ее носителям, в частности, обостренным до самоотвержения, до готовности идти на муки и гибель ощущением собственной Совести как императива, высшего нравственного Закона, как верховного Судии... Наверное, у людей, без лозунгов, фанфар и самолюбования посвятивших свою жизнь великой Идее (в чем бы она ни состояла) и своим современникам, вырабатывается какая-то нестандартная иерархия ценностей, особый кодекс чести, в котором самые высокие требования предъявляются прежде всего и главным образом к самому себе. Это и придает им духовную силу, делающую их лидерами не столько по должности, сколько по их внутренней сущности.

Закончу этот рассказ двумя небольшими цитатами из статей об отце: «Александр Алексеевич остался в памяти знавших его как яркая, светлая личность, как энергичный, деятельный, мыслящий, любивший жизнь и людей человек с отзывчивым, горячим и благородным русским сердцем». «Он был одним из самых достойных сынов России».

Список литературы

Зак С. Д. Об одной неопубликованной рукописи А. А. Вознесенского // Ученый-коммунист. К 75-летию со дня рождения А. А. Вознесенского. Л., 1973. С. 30–42.

Т. А. Лукичёва

Роль бизнес-сообщества в совершенствовании образовательного процесса на экономическом факультете СПбГУ: опыт двух десятилетий

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Лукичёва Т. А. Роль бизнес-сообщества в совершенствовании образовательного процесса на экономическом факультете СПбГУ: опыт двух десятилетий // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономики (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 97–106.

Обсуждение проблем взаимодействия бизнеса и образования не сходит с повестки дня академических конференций, заседаний круглых столов предпринимателей, официальных правительственных и деловых кругов на протяжении нескольких десятилетий. То, что бизнес должен быть подключен к образованию, ни у кого не вызывает сомнения, а вот вопрос о том, чтобы найти ту действенную форму совместной работы, которая смогла бы эффективно функционировать и приносить желаемый результат, по-прежнему является актуальным. Это означает, что, несмотря на очевидно поступательное движение и предлагаемые решения, их однозначного принятия нет ни с одной, ни с другой стороны. Цель данной статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать, как активная позиция и инициативность преподавательского коллектива помогает вузу завоевывать авторитет полноценного партнера для бизнес-сообщества и двигаться вперед.

Ключевые слова: экономическое образование, активные методы обучения, проектное обучение.

К истории вопроса. 1990-е — начало 2000-х было трудным временем для университетского экономического образования. Процессы адаптации происходили на уровне освоения и внедрения в учебный процесс академических дисциплин, стандартных для классических западных образовательных программ. Делалось это без особого учета взаимосвязей с реальным сектором экономики. Потребности со стороны бизнеса не были отчетливо сформулированы. Их актуализация происходила в основном по инициативе преподавателей, которые в то время привлекались предприятиями и организациями в качестве экспертов, консультантов, разработчиков бизнес-планов и программ развития и могли поделиться полученным практическим опытом в преподаваемых курсах. Наличие спроса на высшее экономическое образование в стране позволяло довольствоваться такой формой отражения реалий бизнеса и предпринимательства. В дополнение к этому на базе экономических факультетов предлагались различные краткосрочные курсы и программы повышения ква-

лификации по наиболее злободневным для текущих потребностей бизнеса направлениям, но они не были кооптированы в академические программы. Что же касается оценки полученного образования со стороны уже работающих выпускников, то мы постоянно получали от них одно и то же нареkanie — отсутствие связи с практикой. В свою очередь, нам приходилось защищаться, апеллируя к универсальности экономических знаний, полученным навыкам самостоятельного обучения и умению находить необходимую информацию как к целям университетского образования.

Тем более удивительным с позиций сегодняшнего дня выглядит совместный проект между экономическим факультетом СПбГУ и Школой бизнеса Норвежского университета науки и технологий (Трондхейм, Норвегия), реализованный в те годы. В чем состояла суть работы?

Дело в том, что преподаватели Трондхеймской школы бизнеса были первыми среди европейских учебных заведений, которые инициировали применение в учебном процессе метода проблемного обучения (Problem Based Learning — PBL). Это произошло еще в конце 1970-х гг. Ими была разработана специальная модель PBL, которая в своей основе имеет принцип активного обучения, в данном случае это был процесс построения отношений между студентами, преподавателями и компанией для выполнения определенных действий. Студенты оказывались в принципиально новых условиях получения знаний и выработки необходимых навыков. Процесс обучения, таким образом, становится более социализированным. Он осуществлялся в ходе постоянной коллективной (групповой) дискуссии. Такой подход открывал новые перспективы по сравнению с традиционным преподаванием, построенным только на аудиторной работе. Проблемное обучение стало, таким образом, одним из путей к построению учебной программы, приближенной к реальной жизни.

Модель обучения основана на активных действиях по разрешению обозначенных и возникающих проблем, а не на простом накоплении знаний по предмету. Центральное место в системе занимает проблема, которая является ведущим мотивационным фактором, а поэтому должна быть реальной и актуальной. Соответственно, компании, формулирующей проблему, следует демонстрировать живой интерес в ее разрешении, поддерживая и направляя исследовательские инициативы студентов. *Студенты* получают возможность использовать полученные в аудитории знания, информацию, определенные умения и навыки при решении тех или иных задач. *Преподаватели* перестают быть менторами, а выступают скорее как наставники, передающие свой опыт. Вместе с тем они берут на себя ответственность перед компанией (организацией) за конечный результат исследования, его завершенность и качество. *Компания-партнер* в этом тройственном партнерстве играет очень важную роль. Она должна быть открытой к постоянному сотрудничеству со студентами, обладать ресурсами (временем, персоналом с надлежащей компетенцией), быть

готовой предоставить востребованную информацию, допустимую с точки зрения компании. Как показал опыт, несмотря на то что Трондхеймская школа бизнеса на начальном этапе организации такой работы имела определенные сложности по установлению взаимодействия с фирмами, шаг за шагом в ходе кропотливой работы удавалось договариваться с теми или иными компаниями о сотрудничестве по проекту. Через определенный промежуток времени, когда школа бизнеса завоевала соответствующий имидж в реализации успешных проектов, компании стали сами предлагать себя учебному заведению в качестве партнера. По существу, пришло понимание того, что такой союз является взаимно интересным, полезным и выгодным. Поэтому норвежские фирмы, с учетом благоприятной рыночной конъюнктуры рубежа XX и XXI вв., охотно откликнулись на участие в проектах по изучению российского рынка, как потенциально привлекательного направления расширения своего бизнеса. Помимо компаний, финансовая поддержка была оказана фондом SIU (Norwegian Centre for International Cooperation in Education) по программе сотрудничества в области высшего образования между Норвегией и Россией. В течение 10 лет, начиная с 1992 г., были проведены совместные студенческие маркетинговые исследования в виде отдельных проектов для норвежских компаний, желающих выйти на российский рынок. В целом в сотрудничестве было задействовано 313 участников, из них 151 человек с российской стороны и 162 — с норвежской. Количество вовлеченных преподавателей составило 20 человек с российской стороны и 6 — с норвежской. Это были полноценные обучающие студенческие исследовательские проекты.

Через десять лет резонно возник вопрос, почему бы подобным образом не организовать работу уже на базе экономического факультета СПбГУ, в которой основными заказчиками выступали бы российские компании (см.: [Колесникова, Лукичёва, 2007]).

Самостоятельные шаги. Несмотря на полученные навыки и позитивную оценку, очевидную обоюдную выгоду всех обозначенных сторон, процесс формирования долгосрочного перспективного партнерства между российским вузом и бизнес-сообществом оказался делом непростым, требующим кропотливой заинтересованной работы, постепенного выстраивания доверительных отношений, учета национальной специфики деловых и образовательных традиций и культуры. Следующие несколько лет оказались годами самоотверженной инициативной работы, которая, как и в случае норвежской бизнес-школы, целиком держалась на преподавательском энтузиазме, творчестве и желании преобразований. С 2004 по 2011 г. на базе кафедры экономической теории СПбГУ под руководством доцентов М. Ф. Колесниковой и Т. А. Лукичёвой было реализовано восемь проектов в сотрудничестве с российскими компаниями различного статуса из различных отраслей экономики, а также с двумя комитетами Правительства Санкт-Петербурга (по инвестициям и по здравоохранению). Около ста студентов совместно с преподавате-

лями, представляющими шесть кафедр факультета (экономической теории; экономики предприятия и предпринимательства; менеджмента организаций; экономики инноваций; мировой экономики; информационных технологий), получили бесценный опыт. По окончании каждого проекта они становились настоящими экспертами в вопросах той или иной сферы экономики. Что касается студентов, то здесь можно говорить об их зрелости, профессиональном росте, приобретении таких крайне важных компетенций, как умение работать в команде, выработка чувства ответственности, овладение современными бизнес-коммуникациями, навыками публичной презентации в профессиональном сообществе на самом высоком уровне. Безусловно, благодаря высокой оценке качества выполненных проектов со стороны наших заказчиков и ее широкой огласке, укрепилась деловая репутация экономического факультета СПбГУ как надежного партнера, а выпускникам было достаточно сослаться на свое участие в конкретном исследовании, чтобы получить престижную работу (см.: [Колесникова, Лукичёва, 2009]).

Опыт экономического факультета СПбГУ по внедрению активных методов в образовательный процесс стал уникальным и интересным, потому что является частью личного опыта. Научно-педагогические работники стали более заинтересованными, поскольку не абстрактно, а через собственную вовлеченность осваивали современные методы преподавания экономических дисциплин. При общем позитивном отношении не было эйфории, абсолютизации значимости проектного обучения как одного из самых эффективных методов с целью формирования у будущих экономистов профессиональных навыков и мастерства решения реальных проблем. Помимо исключительной трудоемкости, барьерами на пути широкого распространения проектного подхода к обучению оказались проблемы организационного и методического характера. Необходимо было двигаться дальше.

Практико-ориентированный подход в обучении и федеральные государственные образовательные стандарты. К этому времени были введены Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) нового поколения по бакалавриату и магистратуре, по которым устанавливался норматив интерактивных форм обучения в учебных планах: для бакалавриата — не менее 20 %, для магистратуры — не менее 40 % от аудиторных занятий. Более того, отдельно подчеркивалось, что одной из основных форм для магистерских программ должен быть полностью интерактивный семинар (как отдельный курс), продолжающийся на регулярной основе не менее двух семестров. Таким образом, использование активных методов обучения, к числу которых относится и проектный метод, стало обязательным требованием нового этапа развития российской высшей школы. Это было обусловлено не только тем, что кардинально изменились внешние условия функционирования образовательных учреждений (и это нашло отражение в новых образовательных стандартах), но и серьезными изменениями в отношении к получаемым ком-

петенциям со стороны самих студентов, а также стремлением многих преподавателей найти интересные и практически значимые формы обучения. Интернационализация международного образовательного пространства способствовала фундаментальному переосмыслению акцентов в российском высшем образовании, сближению различных национальных моделей, усилению его практической направленности, обеспечению большей сопоставимости учебных планов и программ различных вузов.

Стало понятно, что масштабные исследовательские проекты в том виде, в котором они были методически и практически реализованы вначале норвежскими коллегами, а затем российскими преподавателями на экономическом факультете СПбГУ, не могут быть массово растиражированы в академической образовательной среде. Не все студенты и не все педагоги способны и мотивированы к столь ответственной и трудоемкой работе. Не случайно в российских условиях исследовательский проект зачитывался студентам как факультативный курс. Здесь уместным будет сравнение с выбором между спортом высоких достижений и массовой физической культурой. Вместе с тем полученный опыт позволил достигнуть понимания, в каких возможных направлениях и формах в дальнейшем мог бы быть воплощен проектный метод обучения на экономическом факультете. Проектная работа студенческих исследовательских групп стала одной из активных форм обучения, к которым также были отнесены: семинары в диалоговом режиме, дискуссии, компьютерные симуляции, психологические и иные тренинги, разбор конкретных ситуаций (кейсов), дискуссий, вузовских и межвузовских конференций, встречи с представителями российских и зарубежных компаний, мастер-классы экспертов и специалистов. Адаптация проектного обучения происходила в следующих направлениях.

1. Проектные задания, сформулированные преподавателями в начале освоения студентами конкретной дисциплины. Их цель — научить применять изучаемые теоретические модели, принципы, методы, расчеты в практической области исследования. Они могут быть индивидуальными или выполняться мини-группой в 5–7 человек. Такой проект является составной частью самостоятельной работы обучающихся. Этапы его выполнения, как и итоговый результат, обязательно презентуются и разбираются на практических занятиях. Он может занимать весь учебный семестр или только его часть. Его выполнение становится составной частью общей оценки за курс.
2. Работа с кейсами. Сам по себе проект может быть описан в форме кейса или заключаться в его обновлении и актуализации.
3. Учебно-исследовательская практика, которую проходят студенты в реально функционирующих компаниях. В этом случае проектное задание согласовывается с принимающей стороной и курируется пре-

подавателем, отвечающим за практику студенческой группы. Отчет по практике фактически становится отчетом по исследованию, он рецензируется представителем компании или организации, защита результатов работы в форме презентации происходит перед комиссией.

4. Научно-исследовательские семинары, обязательные для магистерских программ. Они полностью построены по проектному принципу, реализуются на индивидуальной основе, поскольку исследовательские результаты включаются в соответствующие разделы магистерской диссертации в качестве обоснования практической значимости работы.
5. Участие студентов в НИР и грантах, реализуемых совместно с научно-педагогическими работниками.
6. Инициативные студенческие исследования под руководством преподавателя, которые представляются к участию в конкурсах и олимпиадах, в том числе проводимых под эгидой крупных компаний.

Несмотря на широкий набор возможностей включения практических студенческих исследований и других активных форм в учебный процесс, очевиден факт очень скромного прямого участия в них бизнеса.

Модель взаимодействия бизнеса и образования сегодня: образовательная политика и ее реализация на уровне вуза. Модернизируя российское высшее образование, Правительство провозгласило переход от догоняющей к преимущественно опережающей модели развития этой сферы. Главными отличительными особенностями российских выпускников должны стать их конкурентоспособность и мобильность. Для этого требуется, чтобы система высшего образования была сориентирована:

- на перспективные потребности общества и рынок труда;
- формирование у обучающихся постоянной потребности к обновлению знаний (longlife learning);
- создание единой социокультурной образовательной среды (доступность образования);
- внедрение новых форм, средств и технологий образовательной деятельности;
- оптимизацию финансовой модели образования.

Перечисленные задачи трудно реализуемы в рамках традиционно существовавшей в России жесткой системы административно-государственного управления сферой образования. Система единых образовательных государственных стандартов и госаккредитации Рособрнадзором работают исключительно как механизмы приведения в соответствие, но не дают креативных импульсов к развитию российского образования; в то время как ведущие национальные образовательные системы уже перешли от задач контроля качества

к задачам поддержания (гарантий) качества в быстро меняющейся, высокотехнологичной рыночной среде. Одно из возможных решений для российского высшего образования — профессионально-общественная система регулирования¹. Соответственно требуется достижение нового уровня взаимоотношений между бизнесом, образовательными учреждениями и обществом.

Новое партнерство предполагает со стороны *бизнес-сообщества*:

- формирование системы профессиональных стандартов;
- участие в составлении рейтинга учебных заведений на основе выявления соответствия качества подготовки потребностям рынка труда, получения надежной информации о том, какие учебные заведения выводят своих выпускников на достойный профессиональный уровень;
- создание системы независимой оценки качества профессионального образования.

Со стороны *государства* начались встречные процессы. Например, постепенный ввод в действие федеральных образовательных стандартов нового поколения 3++. СПбГУ, работающий по собственному образовательному стандарту, разработал обязательные условия по учету требований рынка труда и взаимодействия с работодателями, по обеспечению и подтверждению качества образовательной деятельности и подготовке обучающихся по образовательной программе. В рамках каждой образовательной программы будут учитываться профессиональные компетенции как из профессиональных стандартов, так и из числа разработанных специалистами, учебно-методическими комиссиями и советами образовательных программ университета.

Взаимодействие с бизнес-сообществом является одной из приоритетных задач университета. Его качество — важнейшая составляющая оценки вуза и его программ в Национальном рейтинге университетов России, в таких международных рейтинговых системах, как Академический рейтинг университетов мира ARWU (The Academic Ranking of World Universities), THE (Times Higher Education) или QS (Quacquarelli Symonds). Так, например, согласно международному рейтингу университетов по трудоустройству выпускников СПбГУ входит в Топ-200 лучших университетов мира. Среди показателей рейтинга — «Репутация среди работодателей» и «Успешность выпускников».

За последние несколько лет позиции СПбГУ, в том числе и по образовательным программам в экономике и менеджменте, значительно упрочились за счет привлечения представителей бизнеса:

- к членству в учебно-методической комиссии;
- участию в Совете образовательной программы;

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2018 года // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 01.10.2018).

- рецензированию характеристики плана образовательной программы;
- актуализации тем курсовых и выпускных квалификационных работ, работе в комиссиях по государственной итоговой аттестации;
- заключению долгосрочных договоров с компаниями и организациями по проведению студенческих учебно-исследовательских и преддипломных практик;
- участию в «Днях карьеры» и прочих внеучебных мероприятиях и событиях студенческой жизни;
- стипендиальным программам и стажировкам, спонсируемым компаниями;
- участию в работе ассоциации выпускников СПбГУ и др.

В 2016/2017 учебном году на экономическом факультете профессионально-общественную аккредитацию, независимую оценку профессиональными сообществами, прошли пять образовательных программ (четыре магистерских, одна бакалаврская). Магистерская и бакалаврская программы по «Бизнес-информатике» стали первыми в СПбГУ, получившими аккредитацию Ассоциации российских менеджеров и международную аккредитацию ассоциации ENQA (European Association for Quality Assurance in Higher Education). Магистерские программы «Управление рисками и страхование», «Финансовые рынки и банки», «Финансовый менеджмент» были аккредитованы Советом по профессиональным квалификациям финансового рынка РФ. Процедура аккредитации — это не просто формальность. Она стала проверкой качества образовательного процесса со стороны международных экспертов и представителей российского профессионального сообщества. «Качество» — это результат взаимодействия преподавателей, студентов и продуманных институциональных процессов в вузе (см.: [Принципы..., 2015]).

Важно подчеркнуть, что и западные эксперты, и наши практики оценивали экономическое образование в СПбГУ не просто на некое соответствие общепринятым сегодня в России и мире параметрам, анализировалась способность организации постоянно меняться, генерировать лучшие идеи и образовательные практики, которые получают высокую оценку со стороны динамично развивающегося рынка труда. Ведущий национальный университет должен ориентироваться на пополнение корпуса специалистов, способных выполнять сложные бизнес-задачи, занимать технологичные рабочие места и создавать все новые места для последующих выпускников вузов. В этом состоит принципиальное отличие высоко конкурентного высшего образования от массового. Потребности нынешней структуры экономики, «в которой значительную роль играют компании, выполняющие средние по сложности задачи, а также воспринимаемая работодателями польза от массового высшего образования и обеспечивают основной массе российских выпускников положительную отдачу от обучения. И если российская экономика задается

целью значительного усложнения и достижения более высокого уровня благосостояния для своих граждан, ей нужно уметь выполнять больше сложных задач, чтобы производить и экспортировать сложные товары и услуги. Ведь устойчиво богатыми экономиками, способными обеспечить гражданам высокий уровень жизни, являются те, которые обладают достаточным ноу-хау для выполнения множества сложных задач и экспорта технологичных товаров и услуг» [Любимов, 2017].

Иными словами, деятельность по «гарантии качества» — обеспечение образовательной среды, в которой представлено содержание программы, возможности обучения и образовательные ресурсы, соответствующие установленным в ней целям. А еще это постоянный импульс обновления и творческой самореализации. Профессионально-общественная аккредитация позволяет убедиться в том, что экономический факультет СПбГУ не стоит на месте и ищет новые перспективы для своих образовательных программ, в том числе расширяя и укрепляя взаимодействие с бизнес-сообществом.

Заглядывая в будущее. Сегодня Правительство вернулось к формату национальных проектов. Одним из 12 масштабных целевых программ, которые сейчас находятся на стадии подготовки, является проект «Образование». А это значит, что университеты вновь ждут перемены. Они будут связаны с большей свободой выбора для студентов при формировании собственной траектории обучения. Это обусловлено не только опытом университетов «старой школы» — мировыми брендами высшего образования с многовековой традицией, но и тенденцией лучших инновационных университетов, также занимающих в настоящем наивысшие позиции в международных рейтингах.

«Новый желаемый образовательный результат для выпускника сдвигается от воспроизведения пройденного материала к формированию своего понимания и голоса или даже разработки нового продукта» [Волков, Мельник, 2018]. Сегодня ведущие вузы-новаторы пробуют индивидуальную траекторию вместе с проектным обучением, в том числе междисциплинарным. Снова возрождается интерес к проблемному обучению, формирующему студента как самостоятельно мыслящего человека. Специалисты отмечают, что такие выпускники «конкурентоспособны, они лучше адаптируются к различным контекстам и изменениям» [Волков, Мельник, 2018], самостоятельны в поиске решений и ответственны за сделанный выбор. Наверное, не последнюю роль в формировании у студентов столь важных для современной экономики компетенций играют их преподаватели, которым интересно работать с готовой к творчеству, активной аудиторией. Для того чтобы преподавательская инициатива не затухала, нужна мощная поддержка вуза в направлении образовательной логики, по-прежнему нужны заинтересованные и ответственные бизнес-партнеры. Очевидно, без этого невозможно реализовать идею персонализированного высшего образования, а университету сформировать уникальное предложение, стратегически обеспечивающее его престиж в будущем.

Список литературы

- Волков А., Мельник Д. Безнадзорные университеты // Ведомости. 2018. 11 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/07/10/775151> (дата обращения: 01.11.2018).
- Колесникова, М. Ф., Лукичева, Т. А. Активные методы обучения в образовательном процессе // История экономической науки в России: исследования и преподавание: материалы научно-методической конференции / под ред. Г. Г. Богомазова. Вып. 1. СПб., 2009. С. 15–23.
- Колесникова М. Ф., Лукичёва Т. А. Проектное обучение: взаимодействие бизнеса и образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2007. Вып. 1. С. 166–173.
- Любимов И. Высшее образование в средней экономике // Ведомости. 2017. 9 окт. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/10/10/737201-visshee-obrazovanie/> (дата обращения: 01.11.2018).
- Принципы и критерии профессионально-общественной аккредитации // Качество образования. 2015. № 5. С. 25–29.

Раздел 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕКТОР

Д. Е. Расков

Антонио Дженовези — основатель первой кафедры политической экономии?¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Расков Д. Е.* Антонио Дженовези — основатель первой кафедры политической экономии? // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 107–122.

В статье ставится вопрос: можно ли считать А. Дженовези основателем первой в Европе кафедры политической экономии? С формальной точки зрения в Германии и Швеции были прецеденты создания кафедр по экономическим наукам в более раннее время, начиная с 1727 г. Тем не менее Дженовези в гораздо большей степени впитал и обобщил достижения многих передовых мыслителей того времени. Его главная работа «Лекции о гражданской экономике» в большей степени носит теоретический характер и даже задается вопросом о природе стоимости. В статье воссоздаются штрихи биографии Дженовези, разбираются основные элементы гражданской экономики, связанные с торговлей и роскошью. В контексте истории экономической мысли делается попытка охарактеризовать идеи Дженовези, соотнести их с различными школами и направлениями того времени: меркантилизмом, камерализмом, физиократией, энциклопедистами. При всей условности автор соглашается с тем, что мысль Дженовези можно назвать особой формой меркантилизма. Тем не менее не меркантилизм, а эклектика наилучшим образом характеризует экономическое наследие Дженовези.

Ключевые слова: Антонио Дженовези, политическая экономия, меркантилизм, камерализм, торговля, роскошь, гражданская экономика.

¹ Данная статья являет собой переработанный и дополненный вариант послесловия к книге А. Дженовези: Расков Д. Е. Экономические взгляды Антонио Дженовези (историческое послесловие) // Дженовези А. Лекции о торговле, или О гражданской экономике / под ред. Д. Е. Раскова и А. А. Погребняка. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 597–610.

Многие энциклопедические словари сходятся в том, что Антонио Дженовези стал основателем первой кафедры политической экономии. «В Неаполе была учреждена первая в Италии кафедра политической экономии», и Дженовези стал первым ее профессором, сказано в словаре Брокгауза и Эфрона [Дженовези, 1893, с. 536]. В одиннадцатом издании Британники говорится о том, что Бартоломео Интьери в 1754 г. основал «первую итальянскую или европейскую кафедру политической экономии (коммерции и механики)», первым профессором которой стал Антонио Дженовези [Genovesi Antonio, 1911, p. 600]. В 1970-х гг. советские историки сошлись во мнении, что Антонио Дженовези явился основателем первой в Европе кафедры политической экономии [Неустроев, Самарин (ред.), 1974, с. 260].

Похожей интерпретации придерживаются в Италии. В 1954 г. в провинции Кампания недалеко от Салерно в городке Кастильоне-дель-Дженовези на доме, где Дженовези родился и вырос, появилась мраморная мемориальная табличка, гласящая, что он «впервые возвысил достоинство науки по проблемам производства и богатства. В 200-летие основания кафедры гражданской экономики в университете Неаполя». В этом свидетельстве важно различать факт первенства учреждения кафедры по политической экономии и факт первенства в науке (поскольку, как далее будет сказано, сам по себе факт можно оспорить). Кроме того, была ли кафедра именно по политической экономии? Скажем, первая кафедра «гражданской экономики» была учреждена в Модене в 1772 г. Но именно Дженовези стал автором первого комплексного трактата на итальянском языке по политической экономии. Крайне важен и другой аспект: Дженовези был одним из первых, кто предпринял усилия, чтобы целенаправленно заниматься наукой о богатстве и торговле, возвысил достоинство той дисциплины, которую сейчас называют экономической наукой, а ранее чаще именовали политической экономией.

Антонио Дженовези, 300 лет со дня рождения которого отмечали в 2013 г., в 1754-м возглавил кафедру политической экономии, а точнее кафедру коммерции и механики (*di commercio e di meccanica*), которая была учреждена при идейной и финансовой поддержке тосканского реформатора Бартоломео Интьери. Торговля и техника были двумя главными страстями дона Интьери, как иногда называл его Дженовези. Не подлежит сомнению, что этот год можно считать основанием неаполитанской школы гражданской экономики (*economi civile*), имевшей влияние не только в Италии, но и в Германии, Португалии, Испании и колониях. Очевидно, что гражданская (*civile*) экономика тождественна политической экономии, являясь латинской вариацией распространения масштаба от управления домом (ойкономии) до города (полиса), страны, мира, от домостроя и агрономии к политической экономии и шире — экономической науке. В этом смысле использование в названии кафедры слова «коммерция» как раз говорит о глобальном и универсальном понимании экономики, поскольку именно внешняя, международная торговля — коммерция — и вы-

водит экономику на национальный и мировой уровень. Вторая часть названия кафедры — «механика» — говорит об интенции рассматривать экономику не как часть этики и теологии, но как практику и технологию, искать собственные законы ее развития. В этом смысле даже если первенство учреждения кафедры можно оспорить, то налицо масштабность и революционность как замысла, так и самого шага, связанного и с Просвещением, и с поиском независимым королевством Неаполя собственных источников развития, и с намерением Дженовези обособиться от этики и теологии, в которых он был не просто сведущ, но сам до этого возглавлял кафедру этики и участвовал в конкурсе на заведование самой престижной кафедры того времени — кафедры теологии.

Была ли кафедра, учрежденная Дженовези, первой? Как известно, Адам Смит работал на кафедре моральной философии университета Глазго. В англосаксонской традиции отдельные кафедры по экономике появляются достаточно поздно. Другой вопрос, что в Германии и Швеции университеты часто были призваны воспитывать профессиональных управленцев и бюрократов, и там достаточно рано появляются кафедры, которые можно трактовать как политэкономические. Ряд университетов уже в первой половине XVIII в. открывают профессорские позиции по так называемым камеральным наукам, в рамках которых синтезируются знания об управлении единичным и народным хозяйством с такими дисциплинами, как право (прежде всего полицейское право), финансы (наполнение казны), внутренняя и внешняя безопасность, демография, агрономия, рудное и фабричное дело и даже элементы медицины.

Такой признанный специалист по истории меркантилизма и камерализма, как Ларс Магнуссон из Швеции, отмечает, что до учреждения кафедры в Неаполе только в Швеции уже было три кафедры — в Уппсале (1741 г.), в Турку (1747 г.) и в Лунде (1750 г.), а до учреждения этих позиций уже по крайней мере три немецких университета также имели кафедры по камеральным наукам: в университетах Галле (1727 г.), Франкфурта-на-Одере (1729 г.) и Рингельна (1730 г.) [Magnusson, 2017, p. 26–27]. Симон Петер Гассер (1676–1745) при личном участии короля Пруссии Фридриха Уильяма I занимает в Галле кафедру «Oeconomia, Policey und Cammersachen», то есть экономики, полиции и камеральных дел. Бóльшая часть отзывов о вкладе Гассера носит если не негативный и саркастический, то сдержанный характер, как практика администрирования рудных и лесных дел, животноводства, охоты и налоговой политики с ограниченной фантазией и интересами [Schiera, 1968, p. 349]. Юстус Кристоф Дитмар (1678–1737) в 1729 г. стал профессором камеральных, экономических и полицейских наук во Франкфурте-на-Одере. Слово «полиция» в этот период имеет расширительное толкование. Не случайно на русский язык в XVIII в. это понятие передавалось как «благочиние», то есть хорошее, грамотное управление. После переименования милиции в полицию история

этого концепта привлекла внимание российских политологов и философов (см.: [Филиппов, 2012]).

У камералистов были разные основания. Кто-то черпал вдохновение в естественном праве, в философии Христиана Вольфа, кто-то в естественной истории, кто-то пытался в самой практике ухватить суть вещей, часто идеи Просвещения соседствовали с достаточно консервативными представлениями об экономике как о большой патриархальной семье, в которой иерархия определяет соподчиненность и задает общие цели. К примеру, о степени теоретичности можно судить по тому как Дитмар перечисляет причины потерь государствами благосостояния: отказ от христианской веры, отказ от выхода на работу в понедельник, излишнее число нищих, излишнее потребление еды, питья и одежды, азартные игры, заграничные путешествия, лотереи и торговля ценными бумагами, алхимия, неблагонадежные долги и т. д. [Magnusson, 2017, p. 30].

Не будет преувеличением сказать, что ветвь развития камеральных наук была несколько иной по отношению к формирующейся в это время политической экономии. Не столько потому, что она в основном была на немецком языке — по большей части в Германии, Австрии и Швеции, но потому, что сам предмет изучения трактовался достаточно широко — весь комплекс практических проблем, которые нуждаются в администрировании — территория, население и его нравы, безопасность — триада, которую избрал Мишель Фуко, когда искал зарождение современного управления жизнью, современной управленческой эпистемы. В фокусе была не теория, чаще это были достаточно скрупулезно и методично собранные практические советы о том, как способствовать росту и богатству населения, обустривать города, пополнять казну. За редкими исключениями преобладала ориентация на эмпиризм, в этом смысле большое значение придавалось описанию и перечислению. Далеко не случайно К. Маркс характеризовал камерализм как «мешанину разнообразнейших сведений, чистилищный огонь которых должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы» [Маркс, 1960, с. 11]. В этом высказывании справедливо то, что административная, бюрократическая практика создала разветвленную сеть обучения камеральным наукам, которые в том числе служили формированию чиновничества, решению практических задач. Учреждение кафедр было делом власти, тогда как в случае с учреждением кафедры в Неаполе, мы видим более свободное в интеллектуальном плане предприятие: меценат дает средства, проявляет щедрость и прописывает правила — первым заступает на кафедру аббат Дженовези, впоследствии должность становится избираемой и ее не может занимать священнослужитель.

Камеральные науки пересекаются с другими мощными «рамками»: естественное и полицейское право, просвещенный абсолютизм, территориальное управление, бюрократия. Нельзя было стать государственным служащим, не пройдя эту школу, то есть эти науки функционируют как часть государ-

ственной машины. На следующем этапе развития камеральные науки дали почву для развития теории национальной (государственной) экономики, а также немецкой исторической школы, которые, как хорошо известно, не стали частью современной экономической теории, но во многом развивались параллельно.

В этом контексте сам факт того, что с 1727 г. создаются кафедры и профессорские позиции, связанные с экономикой, еще не говорит о значении этих событий для развития политической экономии как новой науки. У Дженовези же мы видим более четкое желание использовать научные методы, не пренебрегая ни этикой, ни культурой для освоения и понимания этой сферы. Он в гораздо большей степени впитывает наиболее актуальные на тот момент достижения более продвинутых в экономическом плане французов (Ж.-Ф. Мелон, Ш. Монтескье, Ф.-В. Форбонне, Ш. Дюто) и англичан (Д. Юм, Дж. Кэри, Т. Ман), хвалит наработки испанцев (И. Устарис, Б. Уллоа). Его учение оказывается более синтетическим и при этом более теоретичным, больше приближающимся к новым канонам политической экономии, менее архаичным и более открытым для обмена и взаимодействия.

Определенное сходство положения Неаполитанского государства и России по отношению к центральным государствам Европы придает дополнительное значение главной книге Дженовези «Лекции о торговле, или О гражданской экономике». Неаполитанское королевство — относительно молодое государство, которое с 1734 г. обретает независимость и возможность последовать лучшему опыту других государств, прежде всего Англии и Франции. Просвещенный правитель Карл VII вместе с министром Бернандо Тануччи приступают к реформам по развитию торговли и промышленности, уменьшению налогов на доходы простых людей, сокращению привилегий знати и духовенства. В это время остро востребована интеллектуальная поддержка изменений, их обоснование, активный поиск новых мер и нового знания. Завышенный оптимизм часто сменяется разочарованием, особенно в период реакции или экономических неурядиц (см. подробнее: [д'Онофрио, 2015]), что случилось вскоре после прихода менее опытного правителя Фердинанда IV. В правление же Карла VII был востребован просвещенный патриотизм, который сочетает современные знания, фрагментарно заимствованные у мыслителей из более прогрессивных и успешных стран, с определенной данью традиции этой территории. Эта мысль дает рецепты реформирования, которые принято относить к догоняющему развитию. При этом она не может быть устремлена только вперед, поскольку она связывает будущее с прошлой традицией, порывая лишь с некоторыми ее элементами. Это наука, ориентированная на человека, в ней абстрактные построения соседствуют с конкретными образами и сиюминутными задачами, а экономическая мысль не отделена от философии, истории, тонких авторских наблюдений за жизнью и за самим собой.

Дженовези продолжает неаполитанскую традицию, связанную с такими трактатами и именами как: «Гражданская история неаполитанского Королевства» (1723 г.) Пьетро Джанноне, «О торговле Неаполитанского Королевства» (1739 г.) Паоло Маттиа Дория, «Новая наука» (1744 г.) Джамбаттиста Вико [Villari, 1958, p. 45–66]. Данью традиции являются и элементы барочного стиля, отличное знание и умелое использование классического гуманитарного знания и мифологических образов. Дженовези учится у англичан, шотландцев и французов и отчасти спорит с ними. Как и для Бартоломео Интьери, в вопросах торговли наибольшим авторитетом у него пользовался трактат Жан-Франсуа Мелона «Политический опыт о торговле» (1734 г.). Гражданскую экономику Дженовези, с чем-то споря, а что-то заимствуя, сверяет с Локком и Шефтсберри, Мандевилем и Юмом, Монтескье и Форбонне.

В ходе дальнейшего изложения напомним некоторые штрихи его биографии; остановимся на элементах гражданской экономики, связанных с торговлей и роскошью; взглянем на прочтение «Лекций» в России; наконец, выясним, к какой школе экономической мысли можно отнести гражданскую экономику Дженовези.

«Da metafisico a mercatante». Антонио Дженовези начинает как богослов и метафизик и по стечению обстоятельств становится наиболее известным экономистом Неаполя второй половины XVIII в. Метафизик превращается в торгаша (*mercatante*), как иронизирует сам Дженовези. Это стечение обстоятельств — неприятие курией его слишком вольных идей, которые он почерпнул у некаатолических мыслителей. В конечном счете желание следовать прогрессивным идеям и реформам приводят талантливого педагога через академический кружок, собравшийся вокруг Бартоломео Интьери, к политической экономии.

Как следует из автобиографии [Genovesi, 1977], Дженовези родился в Кастильоне в окрестностях Салерно. Уже в юности он постигает картезианство и философскую школу перипатетиков у иезуитов, историю и литературу, учит латынь и греческий, а затем и французский языки, рано начинает давать частные уроки. В 1737 г. становится священником, в 1738 г. переселяется в Неаполь, где слушает лекции Вико и дает уроки философии и теологии молодым, с 1741 г. возглавляет кафедру метафизики. В 1743 г. он начинает публиковать «Основы метафизики». С 1745 г. — на кафедре этики, изучает Локка, Бэкона. Интриги не позволили ему занять позицию профессора на кафедре теологии, его оппонент в конкурсной процедуре — аббат Молинари — нашел 14 еретических положений в трактатах Дженовези и послал Папе соответствующую жалобу. Об этом Дженовези написал так: «...преследование, которое, как казалось, должно было принизить меня, обратилось в средство моего возвеличения» [Genovesi, 1977, p. 12]. Свободный и скептический дух письма Дженовези сталкивается с нелепой и порой невежественной цензурой. В этот момент его покровителем и другом становится тосканский реформатор Бартоломео

Интьери. Именно ему мы обязаны переключением внимания Дженовези на практические задачи, на полезное дело. По мысли Беллами, в этом подталкивании и превращении Дженовези «из метафизика в торговца» (*da metafisico a mercatante*) можно проследить внешнее давление на однозначный выбор между лагерем новаторов и консерваторов [Bellamy, 2014, p. 27–46]. Идеалы научного знания и практической пользы становятся жизненным выбором ученого в пользу новаторов.

В академическом кружке на холме Масса Экуана, организованным Интьери, появляются трактат Фердинандо Галиани «О деньгах» и своеобразный манифест кружка «Размышление об истинном предназначении гуманитарных и точных наук» (1753 г.) аббата. В этом трактате Дженовези нащупывает философские основы нового экономического знания, которые идут от революции в философии, произведенной Бэконом и Галилеем, и являются следствием отхода от чисто спекулятивного знания к полезному и практическому. Обсуждает Дженовези и перспективы экономического процветания Неаполя, которые связывает с развитием торговли и ремесел, усилением роли и образованности третьего сословия [Genovesi, 1977, p. 40–87; Robertson, 2005, p. 353–354].

В 1757 г. под его редакцией выходит перевод Джона Кэри (Cary) «История торговли в Англии». Изучение данного опыта перевода показывает, насколько Дженовези участвует в европейской дискуссии о новой науке, которой в это время становится политическая экономия, каким образом происходил обмен интеллектуальных идей и образцов практики в тот период [Reinert, 2011]. Перевод на итальянский был выполнен по французскому изданию Бютель-Дюмон. В результате примечаний и дополнений Дженовези включил в третий том трактат Томаса Мана «Богатство Англии во внешней торговле», Навигационный акт. Текст увеличился по сравнению с английским оригиналом в десять раз, превратившись в трехтомный сборник-справочник по политической экономии. Вместе с изданием Кэри, которое уже было едва различимо в энциклопедической мощи дополнительных сведений о торговле, Дженовези опубликовал два рассуждения, которые позднее вошли в его главный трактат «Лекции о торговле»: это главы «об общественном доверии» и влиянии богатства на человеческое счастье [Дженовези, 2016, с. 471–484, 543–586].

Немаловажно, что в эти годы Дженовези, начиная с 1754 г., под аплодисменты и воодушевление публики начинает читать свои первые открытые лекции о торговле на итальянском языке. Лишь впоследствии добавилось расширение «или О гражданской экономике». Полный курс был рассчитан на два года. Первый вариант текста лекций относится к 1757–1758 гг., он не публиковался Дженовези. Из рукописей видно, что по структуре он поначалу имел более практическую направленность и начинался сразу с вопросов торговли и положения Неаполя, позже структура менялась в сторону усложнения [Venturi, 1960, p. 511–513].

В 1765 г. в Неаполе выходит первый том, в 1767 — второй том «Лекций о торговле, или О гражданской экономике». Годом позже в Милане увидело свет издание, ставшее более распространенным, в которое тем не менее были внесены коррективы и добавления, что сделало гораздо более ценным второе неаполитанское издание 1768–1770 гг., по нему, учитывая его переиздание в 2013 г. в Милане, был выполнен русский перевод 2016 г. [Дженовези, 2016].

Интересна история ранних переводов «Лекций» в XVIII в. Первый такой перевод Дженовези вышел в Лейпциге на немецком языке. В 1772 г. увидел свет первый том под названием «Grundsätze der bürgerlichen Ökonomie». Перевод был выполнен Августом Витцманном. От блестящего знатока эпохи Просвещения Франко Вентури не ускользает небольшая деталь: второй том перевода в 1774 г. посвящается русским молодым офицерам, которые приехали на обучение в Лейпциг: Федору Васильевичу Ушакову, Алексею Михайловичу Кутузову, Петру Ивановичу Челищеву, Сергею Николаевичу Янову, Ивану Яковлевичу Насакину и, наконец, Александру Николаевичу Радищеву [Venturi, 1960, p. 523]. Офицеры были посланы на обучение в Лейпциг лично Екатериной II в числе двенадцати молодых людей, отобранных из пажеского корпуса, а также подающих надежду молодых дворян. Известно, что впоследствии А. Н. Радищев прислал Витцманну «Путешествие из Петербурга в Москву» [Бабкин, 1952, с. 170], тем более что сам переводчик Дженовези переехал со временем в Петербург. Возможно, идеи Дженовези имели какое-то влияние на Радищева, но достоверных тому свидетельств пока не обнаружено. Получается, что немецкий перевод Дженовези был тесно связан с Россией: через посвящение молодым офицерам и дальнейшую судьбу переводчика.

Заслуживает еще внимания перевод на испанский язык в 1785–1786 гг. в Мадриде, который потом был еще раз переиздан в 1804 г. Переводчик Викториан де Виллава дал восторженные отклики о работе Дженовези, правда он не воспринял превозношение примитивных народов с их равенством, критику привилегий аристократии, а также клерикализма и роли церкви в обществе [Venturi, 1960, p. 527–529].

Homo homini natura amicus: интерес и симпатия в гражданской экономике. Текст «Лекций» Дженовези звучит современно, свежо и необычно, особенно когда он увязывает экономику с доверием, добродетелями, взаимопомощью, общим благом и общественным счастьем. Гражданская экономика — предмет интереса не только экономистов, но политиков и юристов. Семьи образуют гражданское и политическое тело, от их благополучия зависят земли, города и государства. Цель гражданской экономики — рост населения, его богатство, развитость и могущество государства. Многонаселенная страна со счастливыми семьями составляют славу правителя [Дженовези, 2016, с. 241]. Важным компонентом является сама деятельность просветителя, знающего, как обучить гражданской экономике. В этом отражается понимание перформативности экономического знания, которое своим текстом призвано менять

действительность и тем самым само становится частью гражданской экономики. Знатор экономики становится одним из важных связующих звеньев между просвещенным правителем и политическим телом.

Говоря о природе человека, надо сразу заметить, что для Дженовези неприемлема трактовка Мандевилля, с оговорками поддержанная впоследствии в «Богатстве народов» Смита. Дженовези стремится сохранить баланс и не делать ставку на страсть к стяжанию как на цементирующее и универсальное начало экономики. Личный интерес, тяга к обогащению, как пронизательно показал Альберт Хиршман, преднамеренно поддерживались мыслителями XVIII столетия в надежде, что это влечение будет сдерживать более разрушительные страсти [Хиршман, 2012]. С одной стороны, Дженовези признает, что личный интерес торговца обогащает все общество [Дженовези, 2016, с. 262]. С другой, он полагает, что сам интерес часто неправильно понимают чисто в эгоистическом ключе, поскольку, если разобраться, три четверти интересов людей выражаются в симпатии [Дженовези, 2016, с. 40]. Кроме того, личный интерес вступает во взаимодействие с государственным и общественным.

Было бы абсурдным не признавать наличие этой мощной силы — личного интереса: «Хотел бы я посмотреть на совершенно бескорыстного человека. В моем понимании, он должен быть лишен трех главных ИНСТИНКТОВ, присущих человеческой природе: 1) инстинкта выживания; 2) инстинкта, заставляющего искать удобства; 3) инстинкта отличаться от других. Такой человек — нечто вроде мамонта, которого ищут московиты, египетского сфинкса или арабской птицы феникс» [Дженовези, 2016, с. 530].

Тем более Дженовези не предлагает «полностью искоренить алчность и жажду богатства, как и любую другую первобытную страсть, ибо это не только бессмысленно, но и может лишить человека тех пружин, что побуждают действовать. Мудрецы говорят, что алчность в человеке — как ветер на море; его страсти — паруса, а разум — кормчий и рулевой. Снимите с корабля паруса и уберите ветер, и корабль прекратит всякое движение. Но паруса эти должны неизменно управляться разумом» [Дженовези, 2016, с. 583].

В этом и многих других местах мы видим, что вопрос о природе человека связывается с вопросом об управлении. В этом взгляды Дженовези будут иметь определенное сродство с камералистами. Дженовези объединяет с камералистами один и тот же вызов, с которым сталкивается Европа XVIII в.: становление национальных государств, ослабление функций церкви, Просвещение. Отсюда поиск баланса между планированием и свободой. В контексте этой вовлеченности в решение практических задач Йозеф Шумпетер даже назвал такую политику камералистов «laissez faire без глупостей» [Шумпетер, 2001, с. 220]. Это выражение могло бы характеризовать и мысль Дженовези, который устремлен к поиску баланса, «золотой середины» в энергиях человеческой души, в управлении и свободе. Самый же главный баланс достигается между частными и общественными интересами, где решающую роль играет

социальность. Так, по мысли Стэплброка, происходит совмещение у Дженовези моральной философии Шефтсберри с политической экономией Мелона [Staplebroek, 2008, p. 221–223].

Торговля и роскошь. В области восхваления торговли, терпимого отношения к ростовщичеству и признания культурного значения роскоши пролегал значимое отличие между средневековым и нововременным подходом к экономической мысли. Христианские мыслители полагали, что роскошь относится к порокам, растлевает человека, делает его слабым и развращенным, торговля уводит человека от Бога, а займы под процент деформируют ценности — на поэтическом языке: «ростовщик порочит любовь творца». Это этически отличает меркантилизм и приверженцев свободной торговли от представителей средневековой мысли. Эли Хекшер замену моральных аргументов экономическими называет «великой революцией с моральной точки зрения». Новое отношение к роскоши он находит у Монкретьена (1615 г.), Петти (1662 г.), Барбона и, разумеется, у Мандевилля в его известной басне о пчелах «Частные пороки — благо для общества» (1705, 1714 гг.) [Heckscher, 1955, p. 289–292].

В воззрениях на торговлю Дженовези ориентируется на Мелона, Форбонне, Дюто и отчасти Юма. Жан-Франсуа Мелон — абсолютный авторитет в области учения о торговле, его сочинение многократно переиздается, а благодаря его идеям укрепляются и множатся торговые и таможенные союзы между странами, которые он считал лучше войн и захватов. Особенно важно, что высоко ценил Мелона покровитель Дженовези — Бартоломео Интьери. В «Политическом опыте о коммерции» (1734 г.) Мелон называет коммерцию «променом излишнего на нужное» и пытается выявить наиболее сильные стороны Англии как торговой державы, приходя к тому, что «вольность коммерции» лучше покровительства, которое он, однако, тоже не отвергает [Мелон, 1768, с. 8–10, 113]. Сама эта вольность налагает через конкуренцию большее стеснение и контроль, чем искусственные ограничения. Вслед за энциклопедистами Дженовези считает, что коммерция держится на вывозе излишнего и ввозе нужного, а ревностное отношение к коммерции ведет к изобилию и дешевизне [Форбонне, 1781].

Было бы неправильно говорить о безоговорочной поддержке роскоши со стороны Дженовези, но сама тональность, общий контекст подталкивает к той мысли, что в интересах процветания нужно поддерживать производство товаров роскоши. Дженовези выступает за роскошь, поскольку она отражает естественную потребность отличаться от себе подобных и желание выделиться, вследствие чего побуждает конкурировать и развивать промышленность и торговлю, увеличивает количество денег и в итоге ведет к процветанию общества в целом, к цивилизованности и утонченности манер, способствуя «искрометной живости духа». Как подытоживает Дженовези: «...умеренная роскошь скорее достойна именоваться благонаравием, культурой, утонченностью развитых народов, чем роскошью; это скорее добродетель, чем порок, так

как является золотой серединой между грубой скаредностью и безумным расточительством» [Дженовези, 2016, с. 166].

Справедливости ради надо сказать, что Дженовези признает вред чрезмерной роскоши. Чрезмерна роскошь, которая превышает доход и ведет к займам и банкротству, может растрачивать силы и огрублять нравы, но это никак не ослабляет главный вектор в его размышлениях.

Чтобы оценить новаторство Дженовези, достаточно упомянуть, что Вико, Дориа и даже Галиани выступали в целом против роскоши и не признавали в ней двигателя прогресса [Bellamy, 2014]. Роскошь в концепции Вико связана с завершением развития человечества: «Сначала люди ощущают необходимое; затем обращают внимание на полезное, потом замечают удобное, после развлекаются наслаждением, и потому развращаются роскошью; наконец, безумствуют, растрачивая свои имущества» [Вико, 1994, с. 91].

В рассуждениях о роскоши мы видим больше сходства с Мелоном, Юмом и Монтескье. То, что роскошь побуждает трудиться и легко побеждает другие страсти, а также по-разному понимается в зависимости от времени, видел и Мелон [1768, с. 79–80]. Юм же связывает роскошь с благосостоянием государства, видит в роскоши частных лиц силу, сдерживающую насилие со стороны государства. Пожалуй, Дженовези относился к этим идеям с воодушевлением и видел в роскоши связь между утонченной культурой и силой, способной преобразовать производство и вдохновить население.

Судьба Дженовези в России. Труды Дженовези не были переведены ни на английский, ни на русский язык. Не стал он известнее и благодаря немецкому переводу, который, как сказано выше, символически связал его с русской интеллигенцией и просветителями. К тому же его трактат не стал законодателем мод в Париже, как, скажем, текст Джачинто Драгонетти, который тут же был переведен в Петербурге [Драгонетти, 1769].

Учитывая размах переводческой деятельности, внимание власти и академического мира к вопросам развития торговли и политической экономии, нужно признать, что теоретически это было возможно. Действительно, в России XVIII в. выходит большое количество переводов, среди которых многие тексты относятся к политико-экономическим темам [Clendenning, 1972]. В 1755–1764 гг. в Петербургской Императорской академии наук выходит журнал «Ежемесячные сочинения», с 1763 г. — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». В журнале печатаются работы Галиани, Беллони, де Уллоа, Юсти. В 1768–1783 годах «собрание, старающееся о переводе иностранных книг», публикует более 120 книг [Семенников, 1913]. В 1771 г. было основано Вольное экономическое общество. В 1768-м издается перевод Мелона, в 1776-м — работа Галиани «Разговоры о хлебном торге», выходят переводы сочинений камералистов Юсти, Билфельда, Зонненфельса. Переводы печатаются значительными тиражами, вплоть до 1200 экземпляров. Инициатива переводов по большей части принадлежала высокопоставленным особам,

профессорам, сами переводы достаточно щедро оплачивались, а переводчики получали повышение по службе в Академии наук и даже дворянские титулы. При этом не совсем было ясно, достаточно ли интеллектуального пространства для того, чтобы эти переводы находили своего читателя. По всей видимости, интенция организации переводов была во многом просветительская, репрезентативная и символическая. Просветительской она была постольку, поскольку сообщала на родном языке, потенциально более доступном, самые свежие взгляды европейских современников. Напомним, что и сам Дженовези пишет свои экономические трактаты уже исключительно на итальянском языке, тогда как все большая часть его работ по теологии и этике были написаны на латинском. О репрезентативности и символичности имеет смысл говорить постольку, поскольку эти книги часто должны были символизировать нечто большее, чем сами переводы, чем сами знания, — показывать просвещенность, символизировать знакомство с лучшими практиками в более передовых странах, поддерживать предпринимаемые реформы. Образованные читатели предпочитали иметь в своих библиотеках оригиналы, студенты того времени по большей части учились еще на немецком и латинском языках. Сами переводы были часто точными, но с трудом читаемыми, поскольку ощущалась калька с другого языка или в заботе о читателях грешили сокращением ненужных подробностей и целых частей оригинала, что отдаляло их от первоисточника. Переводы множились, но как-будто работали на будущее, которого не случилось, поскольку в следующем веке они остались не востребованными.

Дженовези не был переведен в XVIII в. на русский язык. Партикулярный интерес к нему исходил исключительно от ценителей итальянской экономической мысли. Особенно этот интерес усилился после выхода 50-томного издания Кустоди «Классические итальянские писатели о политической экономии» [Custodi, 1803–1804], куда вошло миланское издание «Лекций». Главным знатоком Дженовези в XIX столетии можно назвать Ивана Васильевича Вернадского (1821–1884), о чем говорит и название его докторской диссертации: «Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века» [Вернадский, 1849].

Дженовези вместе с Верри Вернадский относит к протекционистам. При этом протекционизм он отделяет от меркантилизма. Протекционизм, по Вернадскому, объединяет различные учения, согласно которым для процветания нужно защищать собственную промышленность от иностранной и ценно только то обогащение, которое связано с промышленным ростом. Меркантилизм больше внимания уделяет принудительным мерам внутри страны, протекционизм ограничивается внешней торговлей. Вернадский отмечает определенную слабость и теоретическую несамостоятельность протекционизма, теория в нем не всегда стыкуется с практическими рекомендациями, признание свободы торговли сочетается с защитой стеснительных мер. Тем самым Вернадский представляет протекционизм в «жалком виде», лишь «тенью убе-

гающего меркантилизма [Вернадский, 1849, с. 45–46]. Несообразность теории с практикой у Дженовези представлена меньше, но все же признается Вернадским. Он пишет: «Сочинение Дженовези особенно отличается изящным и увлекательным изложением. В нем мы видим огромную ученость, соединенную со светлым и наблюдательным умом, благородною любовью к отечеству и глубоким сочувствием к страждущему человечеству» [Вернадский, 1849, с. 48]. По мнению Вернадского, хоть Дженовези и отдает должное земледелию, любимым предметом его мысли была торговля, которая «есть дух и двигатель ума, промышленности и искусств, нежная владычица всех сил, производительница богатства и величия человеческого тела» [Вернадский, 1849, с. 50].

От Вернадского не ускользают определенные противоречия в положениях Дженовези. Он одновременно признает, что ростовщики живут за чужой счет, и поддерживает положения Локка о нелепости законов о росте, считает неверным вмешательство властей в определение стоимости денег. Образование важно для благосостояния, но люди учащиеся и обучаемые относятся к непроизводительному классу общества, который надо сводить к минимуму. Роскошь оправдывается, но без нелепых крайностей, на что русский ученый замечает, что само понятие роскоши включает в себе крайность [Вернадский, 1849, с. 53]. Эти же противоречия усматриваются им во взглядах на внешнюю торговлю. Особенно ему непонятно, как одновременно можно обосновывать возможность запрета на ввоз фабрикатов и хвалить контрабанду. Надо сказать, что Вернадский смотрит на систему Дженовези уже с критериями более позднего периода, когда появляется классическая политическая экономия, которая дедуктивно разворачивает элементы системы от более простых к более сложным. Это возможный подход, но вряд ли оправданный. Остается вопрос: к какой же школе экономической мысли можно отнести «Лекции» Дженовези?

Дженовези в истории экономической мысли. Историки не пришли к единому взгляду на этот вопрос. Троици считал, что Дженовези превзошел меркантилизм [Troisi, 1937]; Де Руджеро полагал, что он скрытый либерал (либерал в глубине души) [De Ruggiero, 1954]; Баргабалло назвал его меркантилизм «strano», то есть странным, специфическим, оригинальным; Фуско писал, что уместно отождествлять социально-экономические произведения Дженовези с «обновленным», неортодоксальным меркантилизмом, синтезом позднейшего меркантилизма и нарождающегося либерализма [Fusco, 1988; 2007]. Похожим образом Вентури относил Дженовези к неомеркантилизму и либерализму [Venturi, 1977, p. VII–XLVII]. Виллари, посвятивший Дженовези монографию, полагает, что в терминах истории экономических учений его позиция колеблется между меркантилизмом и физиократией [Villari, 1958, p. 45–66].

Такие практические рекомендации, к которым приходит Дженовези, как регулирование внешнего рынка («игра с нулевой суммой»), либерализация внутреннего (логика пространства vs. логика обращения), ограничения на экспорт необработанных материалов, борьба с феодальными ограничениями —

типичные рецепты меркантилизма для средиземноморской экономики. Меркантилизм при этом предстает скорее как экономическая политика, характерная для стран с догоняющим развитием, вынужденных конкурировать с более сильными в экономическом отношении государствами (для Неаполя XVIII в. это Англия и Франция).

В связи с этим полезно прислушаться к мнению, высказанному Дзаманьи на конференции в Риме, посвященной 300-летию рождения Дженовези. По мнению нашего современника, эклектичное письмо аббата более продуктивно связывать со школами теологической, этической и метафизической мысли, нежели чисто экономической. В этом смысле Дженовези находился вне какой-либо конкретной экономической школы или доктрины. Он наследует богатую классическую философскую традицию, продолжает дело Вико.

Мысль об эклектичности подхватывает и Фуско — в том отношении, что свобода мысли есть лучшая привилегия человека в стремлении найти истину и лучший путь развития для Неаполитанского королевства [Fusco, 2007]. Такой эклектичный подход в определенной степени сближает Дженовези с энциклопедистами.

Эклектичный метод преодолевает крайности сектантских подходов, взаимной вражды и претензий на исключительность, ищет единство в многообразии, добро во зле, без излишнего нажима, навязывания, создает округлую методологию без жесткостей и с возможностью примирить противоположности. Эклектика в этом смысле не уменьшает заслуги, а является умной и выверенной стратегией. Эта мысль противоречива только на первый взгляд, как сама жизнь, в которой сосуществует добродетель и интерес, своекорыстие и любовь. Эклектика характерна для теории запоздалого развития, когда определенное время упущено, экономика еще нуждается в старых рецептах, а мысль продвинулась, в ней возник уже новый консенсус, и мыслителю приходится колебаться между практическими нуждами и новыми, недоступными рубежами. В этом прагматика эклектизма, прагматика периферийного капитализма, сближающая новую имперскую Россию и Неаполь.

Завершая представление Антонио Дженовези и его наследия, стоит обратиться к изначальному вопросу о том, можно ли считать неаполитанского экономиста основателем первой в Европе кафедры политической экономии. Как было показано, если подходить к вопросу чисто формально, то в Германии и Швеции были прецеденты создания отдельных кафедр по экономическим наукам. Тем не менее Дженовези в гораздо большей степени впитал и обобщил достижения многих передовых мыслителей того времени, его работа в большей степени носит теоретический характер, хотя ей также присущ эклектизм. Дженовези уже задается вопросами не только о причинах появления богатства и мотивации людей, но и о такой важной категории политической экономии как стоимость, чем камералисты практически не занимались. Дженовези впервые читает лекции по экономике на итальянском языке, что

вызывает восторг у неаполитанской публики. Из лекций постепенно вырастает трактат о гражданской экономике, и в этом путь Дженовези во многом напоминает становление Смита.

Заслуживает внимания тот факт, что главное произведение Антонио Дженовези по политической экономии «Лекции о торговле, или О гражданской экономике», в той редакции, которая наиболее полно и точно выражает зрелые интенции автора, стало доступно на русском языке [Дженовези, 2016]. Если первый перевод на немецкий язык этой книги в конце XVIII столетия был посвящен молодым русским офицерам, воспитанникам пажеского корпуса, проходящим обучение в Лейпциге, то издание Дженовези в России XXI в. издатели посвятили памяти итальянского генерала конной артиллерии Джанальфонсо д'Авоссса.

Список литературы

- Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М., 1952.
- Вернадский И. В. Критико-историческое исследование об италийской политико-экономической литературе до начала XIX века. М., 1849.
- Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994.
- Д'Онофрио Ф. Полезная история: о трехуровневой философии истории Антонио Дженовези // Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. Спец. выпуск: Экономика и религия. М., СПб., 2015. С. 90–93.
- Де Форбонне В. Перевод из Энциклопедии о Коммерции. М., 1781.
- Дженовези // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 20. СПб., 1893. С. 536.
- Драгонетти Дж. Рассуждение о добродетелях и награждениях, служащее последованием рассуждению о преступлениях и наказаниях. СПб., 1769.
- Дженовези А. Лекции о торговле, или о Гражданской экономике. М.; СПб., 2016.
- История зарубежной литературы XVIII века / под ред. А. П. Неустроева, Р. М. Самарина. М., 1974.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 23. М., 1960.
- Мелон Ж.-Ф. Политический опыт о коммерции. СПб., 1768.
- Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале, 1755–1764 годах. СПб., 1867.
- Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. СПб., 1913.
- Филиппов А. Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 328–340.
- Хиришман А. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012.

- Шумпетер Й.* История экономического анализа: в 3 т. СПб., 2001. Т. I.
- Bellamy R.* Croce, Gramsci, Bobbio and the Italian Political Tradition. ECPR Press, 2014.
- Clendenning P.H.* Eighteen Century Russian Translations of Western Economic Works // Journal of European Economic History. 1972. No 1. P.745–753.
- Custodi P.* Scrittori classici italiani di economia politica. Milano, 1803–1804.
- De Ruggiero G.* Il pensiero politico meridionale nei secoli XVIII e XIX. Bari, 1954.
- Fusco A. M.* Il mercantilismo “rinnovato” di Antonio Genovesi // Rivista di politica economica. 1988. Serie III, no. 5. Maggio. P.603–616.
- Fusco A. M.* Intorno al mercantilismo di Antonio Genovesi // Genovesi A. Economista / a cura di B. Jossa, R. Patalano, E. Zagari. Napoli, 2007. P.51–58.
- Genovesi A.* Scritti. Illuministi italiani. Rifarmatori italiani / a cura di F. Venturi. Torino, 1977.
- Genovesi Antonio* // The Encyclopædia Britannica. Eleventh ed. Vol. 11. Cambridge; New York, 1911. P.600.
- Heckscher E.* Mercantilism: in 2 vol. Second ed. Vol. 2. London, 1955.
- Magnusson L.* Comparing Cameralisms: The Case of Sweden and Prussia // Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe / eds M. Seppel and K. Tribe. Woodbridge, 2017. P.17–38.
- Reinert S.* Translating Empire. Emulation and the Origins of Political Economy. Cambridge; London, 2011.
- Robertson J.* The Case for the Enlightenment. Scotland and Naples 1680–1760. Cambridge, 2005.
- Schiera P.* Il cameralismo e l'assolutismo tedesco. Milano, 1968.
- Staplebroek K.* Love, Self-Deceit, and Money. Commerce and Morality in the Early Neapolitan Enlightenment. Totonto, 2008.
- Troisi M.* La dottrina economica dell'abate A. Genovesi. Roma, 1937.
- Venturi F.* Nota introduttiva // Genovesi A. Scritti. Illuministiitaliani. Refarmatoriitaliani. A cura di Franco Venturi. Torino, 1977. P.VII–XLVII.
- Venturi F.* Le “Lezioni di Commercio” di Antonio Genovesi. Manoscritti, edizioni e traduzioni // Rivistastoricaitaliana. Vol. LXXII. 1960. Fasc. III. P.511–530.
- Villari L.* Il pensiero economico di Antonio Genovesi. Firenze, 1958.

В. А. Ушанков

Экономическая теория К. Маркса в России: проблема перевода понятия «Wert»

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Ушанков В. А. Экономическая теория К. Маркса в России: проблема перевода понятия «Wert» // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономики (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 123–136.

Адекватность восприятия российскими обществоведами учения Маркса, изложенного в «Капитале», во многом зависит от точности перевода его текста на русский язык. Вместе с тем в отечественной экономической литературе вопрос о том, переводить ли немецкое слово «Wert» на русский язык понятием «ценность» или «стоимость» до сих пор остается дискуссионным. Обсуждение этого вопроса началось практически с выходом в свет первого перевода «Капитала» на русский язык. В наши дни оно возобновилось. В статье предпринята попытка найти в этой дискуссии дополнительные аргументы для того, чтобы использовать в данном переводе понятие «ценность». Обосновывается, что такой перевод соответствует традиционному употреблению этого понятия, которое сложилось в отечественной литературе до первых переводов «Капитала» Маркса.

Ключевые слова: ценность, стоимость, традиция, перевод, учение Маркса, классическая политическая экономия, ключевое экономическое понятие, решение проблемы.

Прошло достаточно много времени со дня выхода в свет первого тома «Капитала» на русском языке и, казалось бы, у отечественных экономистов не должно было бы остаться невыясненных вопросов в отношении учения Маркса, однако это совсем не так. Его наследие до сих пор продолжает содержать в себе вопросы, требующие ответа. К таким вопросам, имеющим значение для понимания всей теоретической системы Маркса, следует отнести проблему точности перевода одного из ее ключевых терминов — «Wert» (в некоторых изданиях использовался другой вариант написания слова — Werth). Первый его перевод на русский язык как «стоимость», можно считать, противоречил традиции, существовавшей до этого в отечественной литературе. Причем речь идет не просто о терминологической точности, это имеет самое непосредственное отношение к сущностной стороне теории Маркса. От решения вопроса о том, каким содержанием наполняется понятие «Wert», зависит восприятие всей экономической системы Маркса.

В современных условиях, когда, по мнению многих исследователей, экономическая наука испытывает кризис, вопрос о правильном наполнении содержанием ключевых понятий экономической теории перестает быть праздным. Спор об употреблении слов «ценность» или «стоимость» в переводах Маркса — давняя дискуссия, начавшаяся в отечественной литературе практически сразу

с выходом в свет русского перевода первого тома «Капитала». Если в первом переводе «Капитала», вышедшем в 1872 г. под редакцией Даниельсона, понятие «Wert» переводится как «стоимость», то в опубликованном в 1899 г. переводе «Капитала» под редакцией П. Струве оно переводиться уже как «ценность».

Возобновление в наше время этой давней дискуссии о правильности использования понятий «ценность» и «стоимость» в переводах наследия Маркса было положено выходом в свет статей В. Я. Чеховского [Чеховский, 1989] и Л. Л. Васиной [Васина, 2015]. Начавший эту дискуссию В. Я. Чеховский в своих публикациях обосновывает ошибочность использования термина «стоимость» при переводе «Wert» на русский язык. Напротив, Л. Л. Васина, несмотря на доводы оппонента, настаивает на том, что при его переводе следует придерживаться термина «стоимость» — так, как это сложилось в отечественной литературе.

В отстаивании своих позиций названные авторы приводят соответствующие аргументы. Вместе с тем большая их часть так или иначе уже приводилась, когда только зарождалась эта дискуссия. В данной статье мы предпримем попытку найти дополнительную аргументацию в разрешении давнего спора. Отправной точкой при этом послужит существовавшее в отечественной литературе задолго до выхода в свет «Капитала» традиционное употребление понятия «ценность».

Отечественная традиция употребления слова «ценность». До начавшейся с первым переводом «Капитала» дискуссии в отечественной экономической литературе слово «Wert» переводилось как «ценность». Свидетельством могут служить переводы классиков политической экономии — А. Смита, Дж. Ст. Милля, Д. Рикардо, сделанные еще до выхода в свет перевода «Капитала». Объяснением такого словоупотребления служит несколько обстоятельств.

В-первых, в отечественной традиции слово «ценность» имело совершенно определенное назначение. Оно служило для обозначения результата хозяйственной деятельности. Ценность есть результат «оценивания» чего-либо как необходимого, важного, дорогого, стоящего. Его результатом становится «ценность», характеризующая оценку вещи как «важной», «дорогой», «стоящей». Выражая собой итог, результат достижений в хозяйственной жизни, понятие «ценность» занимает центральное место в науке о хозяйстве. Именно вокруг него выстраиваются все другие понятия, составляющие экономическую систему.

Ценность, будучи результатом оценки чего-либо как важного, дорогого, стоящего, представляет собой неизменный атрибут человеческой жизни. Иметь оценивающее суждение о важности, надобности, желательности вещей или явлений окружающего мира становится неременным условием жизни и выживания человека. От способности человека иметь адекватные (оценочные) суждения о вещах и явлениях окружающего мира, зависит обеспе-

чение им всем необходимым для жизни, выживания и благополучия («жить, поживать и добра наживать»).

Итак, «ценность» — исходное понятие, которое выражает собой результат оценки вещей с точки зрения их полезности для жизни и выживания, причем эта оценка может происходить безотносительно наличия количественно выраженной оценки издержек, связанных с производством этих вещей. Ценность как результат оценки полезности вещей — понятие, обозначающее их потребительские качества, предваряет оценку вещей в меновых отношениях, опосредованных деньгами. Иначе говоря, ценность, обозначая собой результат хозяйственной жизни, в отличие от исторической категории «стоимость», возникла в момент зарождения хозяйственной жизни и могла существовать до того, как получила свое количественное выражение.

Понятие «ценность», как результат оценки полезности вещей, необходимых для воспроизводства жизни человека, первично и существовало задолго до появления более сложных меновых отношений, когда оценка полезности вещей стала выводиться из их сопоставления в обмене.

Понятие ценности вещи как явления нормативного, не выражаемого количественно, впервые раскрыл Аристотель. Для него «справедливая цена» обозначает ценность вещей, не имеющих своего счетного выражения. Ценность здесь рассматривается как результат «справедливого» или «правосудного» обмена — то есть такого обмена, при котором оценка полезности вещей соизмерялась бы с достоинствами участников обмена, — и, соответственно, не имеет никакого расчетного, денежного выражения. Идея «справедливой ценности», или, точнее, правильной (*iustum pretium*) ценности в обмене («без греха на душу»), позже воспроизводилась у средневековых богословов (Ф. Аквинский) и юристов, просуществовав вплоть до эпохи становления рыночных отношений в Новое время.

Из сказанного следует, что ценность как экономическое понятие изначально связано именно с полезностью вещей. Такое содержание этого понятия способствовало тому, что в отечественной науке слово «Wert» воспринималось прежде всего как оценка полезности. Действительно, немецкий язык дает многочисленные примеры именно такого понимания содержания слова. Отечественный экономист А. Мануйлов в обосновании этого взгляда на ценность приводит следующие рассуждения: «в немецком языке слово “Wert” в соединении с соответствующим существительным выражает специальное назначение этой вещи. Например, *Nährwerth* — степень пригодности вещи для питания, *Heizwerth* — степень горючести материалов и т. д., следовательно, *Gebrauchswert* на русский должно переводиться именно как “потребительная ценность”, но никак не “потребительная стоимость» [Мануйлов, 1901, с. 2].

Действительно, любую вещь в хозяйственном смысле можно рассматривать как полезную вещь, имеющую потребительскую оценку. И лишь потом, в более сложной хозяйственной ситуации, в меновых отношениях результат

потребительской оценки полезности вещи получает свое количественное выражение, то есть выступает как меновая ценность. В таком случае меновая ценность выступает уже как количественное отношение, в котором ценности потребления одного рода обмениваются на ценности потребления другого рода. Уравнение обмена вещей, или меновое отношение полезности данных вещей, означает, что эти две различные вещи приобретают одну и ту же меновую ценность.

Итак, понятие «ценность» исторически и логически предшествует понятию «меновая ценность». Меновая ценность, или ценность в обмене, если в обмене участвуют деньги, — это уже цена. Результат оценивания — ценность, выраженная количественно в единицах измерения (деньгах) обозначается словом «цена». Получаем общепотребимое: цена — это денежное выражение ценности.

Цена — количественное (в деньгах) выражение ценности, появляющееся с развитием меновых отношений. Вначале возникает явление ценности, выражающей собой результат оценки полезности вещей, а потом уже в развитых меновых отношениях появляется ее денежное выражение — цена. Вся история развития хозяйственных отношений служит подтверждением такой историко-логической связи между понятиями «ценность» и «меновая ценность», или «цена». «Этот ход развития, — замечает Струве, — прекрасно выражается русской терминологией, обладающей двумя словами, обозначающими один и тот же реальный факт, получающий в результате хозяйственной оценки — цену и ценность, но обозначающими его с различной степенью отвлеченности. Из этого следует, что с точки зрения преемственного развития экономических понятий слову: Werth, valeur, value соответствует всего более русское слово “ценность”, этимологически также связанное со словом “цена”, как понятие value, Werth, в развитии экономических понятий, исторически связано с понятием price, Preis» [Струве, 1899, с. XXX].

Таким образом, исходным понятием, служащим для обозначения сути экономической системы, в русском языке будет слово «ценность». Этим объясняется тот факт, что отечественные экономисты при переводе европейских слов «Wert», «valeur», «value» были склонны использовать слово «ценность». Эта традиция в отечественной экономической литературе сохранялась вплоть до 30-х годов прошлого столетия (см.: [Бухарин, 1899; Вознесенский, 1985]) — до тех пор, пока, несмотря на имеющиеся серьезные возражения, в официальных переводах классиков в нашей стране не закрепилось слово «стоимость».

Начало дискуссии. Покушение на существовавшую в отечественной литературе традицию видеть за словом «Wert» «ценность» началось с выходом в свет первого перевода первого тома «Капитала» Маркса под редакцией Н. Ф. Даниельсона. В нем немецкое слово «Wert» стало переводиться как «стоимость». Такая терминологическая подмена не могла не вызвать возражения у отечественной экономической общественности. На неверность употре-

бления слова «стоимость» там, где с точки зрения русского языка должно было стоять слово «ценность», указывали многие экономисты того времени: М. Туган-Барановский, П. Струве, С. Франк, А. Мануйлов. Среди них был также авторитетный исследователь Маркса Н. Зибер. Понимал это и сам переводчик Даниельсон.

Филологические основания дискуссии. Следует заметить, что разгоревшаяся в литературе дискуссия о правильности перевода слова «Wert» на русский имела вполне веские филологические основания. Дело в том, что слово «Wert» в немецком языке имеет однозначное содержание — «ценность», причем безотносительно к тому, обозначает ли она оценку полезности вещи со стороны субъекта или обозначает оценку результата затрат, которые может понести хозяйствующий субъект для получения этой полезности. Разъяснение значения этого слова в немецком языке происходит в контексте его изложения. Проблема перевода этого слова на русский язык возникает в силу того, что в русском языке для обозначения названных значений ценности, скрывающихся за немецким «Wert», используются два различных слова. Слово «ценность» принято использовать для обозначения результата оценки полезности вещей. Слово же «стоимость» в большей мере подходит для обозначения того, чего стоит эта вещь, каких она требует затрат или жертв.

Конечно, в обыденной речи различия между словами «ценность» и «стоимость» едва заметны. Подтверждением могут служить многочисленные толковые словари русского языка, в которых данные слова идут рядом, без особого разъяснения особенности их содержания. Вместе с тем это разные слова и различие между ними существенно. Расхождения между ними возникает тогда, когда происходит переход от обыденного их употребления к специальному и более точному. Особенно они становятся востребованными в экономическом языке, использующем их для обозначения различных явлений хозяйственной жизни.

Таким образом, в основе затруднений при переводе «Wert» на русский язык, положивших начало соответствующей дискуссии в экономической литературе, лежит этимологическая причина. Суть ее в том, что при переводе этого слова в зависимости от контекста допускается принципиальная возможность его двузначности или как «ценность», или как «стоимость». Вместо признания многозначности содержания, традиционной для русского языка, первые переводчики осуществили перевод этого слова на немецкий манер. В своих переводах они за этим словом закрепили однозначную его трактовку, причем в значении «стоимость». Следует заметить, что вариант перевода «Wert» в другой однозначной трактовке — «ценность», на чем настаивают некоторые авторы, также было бы нарушением отечественной традиции. Правильным путем решения этой терминологической проблемы является признание двузначности этого слова в русском языке.

Дуализм перевода. Итак, можно сказать, что сугубо этимологический подход к переводу слова *Wert*, без содержательного осмысления значения этого слова, в переводах может порождать смысловую путаницу. По словам Туган-Барановского, «благодаря крайне неудачной экономической терминологии первого русского перевода “Капитала”, в нашей литературе прочно воцарилась совершенная путаница понятий “ценности” и “стоимости”. Многие русские экономисты видят в обоих терминах просто синонимы. На самом же деле это не синонимы, а совершенно различные и даже, в известном смысле, противоположные экономические понятия, столь же противоположные, как понятия получки и затраты, дохода и расхода» [Туган-Барановский, 1903, с. 360].

Первым, кто внес ясность в содержание слов «ценность» и «стоимость», был русский экономист М. И. Туган-Барановский. Понятием «ценность» он совершенно определенно обозначал результат оценки полезности вещи («получка»). Например, «эта вещь представляет собой большую ценность для меня, потому что она мне очень необходима». Понятием «стоимость» им обозначался итог издержек, жертв, связанных с получением этой вещи (затрата). Например, «эта вещь имеет высокую стоимость, поскольку на нее ушло много затрат». «С понятием стоимости, — пишет Туган-Барановский, — всегда соединяется представление о некоторой затрате, пожертвовании. <...> Напротив, понятие ценности имеет в виду отнюдь не элемент затраты. Оценить что-либо — это значит установить значение, важность оцениваемого. <...> И с точки зрения экономической науки “стоимость” и “ценность” представляются нам различными категориями» [Туган-Барановский, 1899, с. 10].

Итак, в зависимости от контекста в русском языке немецкое слово «*Wert*» может переводиться или как «ценность», означающая полезный результат хозяйственной деятельности (получка), или как «стоимость», то есть ценность, показывающая величину затрат (затраты).

Двузначность немецкого слова «*Wert*» находит свое отражение в первых переводах знаменитой книги А. Смита. Причем введенный впервые Смитом в экономический анализ дуализм понятий «ценность» и «меновая ценность» не противоречит исходному «полезностному» содержанию слова «*Wert*». Только в одном случае он этим словом определяет «потребительную ценность» вещи, то есть вещи для потребления, в другом — обозначает «меновую ценность», возникающую из обмена одной вещи на другую. По замечанию Милля, А. Смит — первый, кто «коснулся наиболее очевидной двусмыслицы, заключающейся в слове “ценность”. Это слово, употребляемое в одном смысле, обозначает полезность, в другом — покупательную силу. В первом случае, по собственному выражению, это будет ценность в употреблении (*value in use*), во втором — ценность меновая (*value in exchange*)» [Милль, 1896, с. 361].

Такой двузначности или двусмысленности ценности, стоящей за словом «*Wert*», придерживалось большинство отечественных экономистов в дорево-

люционный период. Свидетельством тому могут служить многочисленные переводы классиков, осуществленные русскими авторами. В переводе работы Милля «Принципы политической экономии» (1896 г.), сделанном Е. И. Остроградской под редакцией ее брата — приват-доцента Юрьевского университета по финансовому праву О. И. Остроградского, немецкое слово «Wert» употребляется как «ценность», так и «стоимость». Например, название третьей главы в переводе звучит как «Стоимость производства и ее отношение к ценности» [Милль, 1896].

«Стоимость» вместо «ценности». Заметим, что критическое отношение, сложившееся в отечественной литературе к употреблению слова «стоимость» в работах первых переводчиков «Капитала» Маркса Лопатина и Даниельсона, имеет содержательные причины. Дело в том, что, переводя немецкое понятие «Wert» как стоимость, они пытались отразить особенность экономической системы Маркса так, как они ее понимали. Содержание слова «стоимость» в большей степени было предназначено для выражения марксистской идеи об источнике материального богатства обществ. Именно стоимость в значении общественно необходимых затрат труда, а не ценность в значении результата оценки некой общей полезности от хозяйственной деятельности, способен выразить суть общественного производства.

Отвечая на упреки со стороны экономистов, указывающих на «неудачный выбор термина для выражения понятия Werth, value, valeur», Даниельсон в предисловии «Ко второму русскому изданию» первого тома «Капитала» (1898 г.) прямо указывает на причину, побудившую его использовать слово «стоимость» [Даниельсон, 1898, с. XV]. Такой причиной является то, что Маркс в основу своего исследования положил рассмотрение хозяйства как общественного процесса. Исходя из этой методологии следует, что издержки производства необходимо рассматривать не иначе как общественные. Это означает, что «...меновое соотношение определяется количеством труда, которое должно было потратить общество на изготовление каждого из продуктов, тем количеством труда, которое *с т о и л о* обществу их производство. А так как это количество измеряется рабочим временем, общественно-необходимым для изготовления продуктов, то последнее определяет величину меновой *с т о и м о с т и* продукта» [Даниельсон, 1898, с. XVIII]. Из этого следует, заключал далее Даниельсон, что «с точки зрения теории, определяющей меновые соотношения продуктов количеством труда, которое *с т о и л о* их производство для общества, то нечто, чем обуславливается эти соотношения, что лежит в их основании, — именно количества стоившего их обществу труда, или потраченного на них рабочего времени, — нельзя назвать иначе как стоимостью...» [Даниельсон, 1898, с. XVIII]. Таким образом, основным аргументом выбора термина «стоимость» при переводе текста Маркса для Даниельсона служит тот аргумент, что в общественном производстве меновые соотношения определяются «количеством труда, которое *с т о и л о* для общества» [Даниельсон, 1898, с. XVIII].

Абсолютная трудовая ценность. В приведенных выше объяснениях Даниельсона находит отражение одна из особенностей, характеризующая Марксову теорию стоимости. Маркс, вслед за своим предшественником К. Родбертусом, исходит из аксиоматического предположения о том, что труд представляет собой единственный источник, определяющий ценность (стоимость) вещей¹. Согласно этому предположению, труд не просто важнейший фактор ценности, с чем согласен также и Рикардо, а представляет саму субстанцию ценности. Только труд и ничего больше образует ценность (стоимость). Все, что не содержит в себе человеческого труда, не содержит в себе и ценности.

Однако такая идея абсолютизации труда как источника ценности (стоимости) была принята не всеми отечественными экономистами. Многие из них, придерживавшиеся традиций классической политической экономии, исходили из идей «школы Рикардо». У Рикардо ценность вещей лишь только в основном регулируется затратами труда, но наряду с трудом, участвующим в формировании ценности вещей, понимаемой как конечный результат хозяйственной деятельности, существует также рента (условие ее образования — редкость продукции) и капитал (скорость его обращения). Рикардианская позиция в классическом направлении экономической науки позволяет не абсолютизировать затраты труда как единственного источника ценности, а значит, допускает употребление понятия «ценность», а не «стоимость». Из сказанного следует, что приводимый Даниельсоном аргумент о безусловной правомерности использования термина «стоимость» как выразителя общественных издержек не столь безупречен. С аргументированной критикой Марксовой идеи абсолютизации труда — единственного источника ценности (стоимости) — в свое время выступил замечательный русский экономист М. И. Туган-Барановский.

«Wert» как «ценность». В 1899 г., спустя 25 лет после первого перевода «Капитала», в новом русском переводе, выполненном Е. Гурвич и Л. Заком под редакцией П. Б. Струве, была предпринята попытка вернуться к исходному содержательному смыслу понятия «ценность», традиционному для отечественной литературы. В предисловии к этому изданию Струве прямо пишет, что «исходной точкой экономической системы Маркса, изложенной в “Капитале”, является именно “ценность”. Этим словом мы пользуемся для передачи немецкого Wert, так как смысл русского слова в точности соответствует смыслу немецкого слова» [Струве, 1898, с. XVIII].

¹ По словам Туган-Барановского, Родбертус в некотором смысле полнее и четче выражал идею трудовой ценности, чем сам Маркс. «Родбертусу требуется несколько страниц для выражения того, что Маркс излагает на десятках и сотнях страниц. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теория ренты автора “социальных писем” глубже и богаче содержанием всего того, что написал по тому же вопросу Маркс. Вообще, в области абстрактной экономической теории Родбертус оригинальнее и выше Маркса, далеко уступая последнему в более широкой сфере социологических обобщений» [Туган-Барановский, 1903, с. 291].

Конечно же, такая трактовка содержания понятия «Wert» не отрицает использование другого русского варианта — «стоимости», но оно должно употребляться лишь для обозначения хозяйственного явления в том случае, когда речь идет о затратах. Правда, для издержек или стоимости в немецком и английском языке есть специальные слова «Cost», «Kosten», которые Маркс также употребляет; но в этом и состоит сложность правильного перевода. В любом случае, по Струве, словосочетание «потребительная стоимость» в русском языке явно неудачно.

В обосновании своей позиции о переводе «Wert» Струве исходит из традиционного взгляда на ценность, существовавшего в отечественной экономической науке, согласно которому ценность как категория оценки общественной хозяйственной деятельности первична и свойственна всем историческим хозяйствам, включая рыночные общества. Потому именно ценность, а не стоимость должна выражать результаты общественного труда. В этом смысле, как замечает Струве, употребление слова «ценность» вместо «стоимость» вполне соответствует духу Марксова учения. Из того, «что Маркс субстанцией и мерилом стоимости считает трудовую затрату, вовсе не означает, чтобы он сознательно отождествлял явление ценности с трудовой затратой, с издержками или стоимостью» [Струве, 1898, с. XVIII]. По мнению Струве, Маркс стремился к объяснению того же, что занимало и его предшественников, а именно выяснению «хозяйственной оценки благ», то есть их ценности, представляющей собой эту общественную оценку результатов хозяйственного процесса. «Говорить вместо ценность — стоимость на том основании, что ценность определятся стоимостью, значит определенное решение проблемы ставить на место самой проблемы» [Струве, 1898, с. XVIII]. Это по крайней мере нелогично с позиций исторического развития экономических идей.

«Ценность, — пишет Струве, — выражающая общественную оценку с точки зрения трудовой затраты, по идее Маркса, является категорией, общей всем общественно-экономическим формациям, в которых добытие благ определяется преимущественно затратой труда, тогда как русское слово “стоимость”, по обычному своему смыслу, т. е. по принятому в обыкновенной речи словоупотреблению, обозначает затрату на производство или издержки производства в хозяйстве, основанном на обмене, т. е. в денежном, или даже еще уже, в капиталистическом хозяйстве» [Струве, 1898, с. XVIII]. Следовательно, именно «ценность» должна представлять собой ту историческую форму, в которой при господстве товарного производства может выражаться затрата общественного труда, но не наоборот.

«Мы думаем, замечает далее Струве, что Маркс вовсе не желал ставить на место ценности издержки или трудовую затрату. В своей теории он лишь пытался установить зависимость такого общественно-экономического явления как “ценность” от другого явления того же порядка — от трудовой затраты. В ценности выражается индивидуальная или общественная оценка хозяй-

ственных благ, трудовая же затрата выступает ее необходимым мерилom <...> Момент о ц е н к и, — пишет Струве, — объединяет оба эти столь различные явления, и это объединение обнаруживается в общем наименовании “ценность”. Таким образом, заключает Струве, у Маркса именно ценность, как «общественная оценка хозяйственных благ», предстает тем понятием, которое объединяет в себе разные стороны оценки результатов хозяйственного процесса [Струве, 1898, с. XXX].

Из изложенных рассуждений Струве об употреблении слова «ценность» следует, что в вышедшем под его редакцией переводе «Капитала» он вовсе не покушается на логику рассуждений Маркса. Напротив, он последовательно придерживается положений классической политической экономии о роли труда в создании общественного богатства. Причем, указывая на первичность понятия «ценности» в оценке результатов общественного хозяйства, Струве действовал вполне согласно с традицией, существующей в классической политической экономии, берущей начало еще от Кенэ. И важно то, что ценностью у него обозначается такая хозяйственная оценка, которая «безразлично, производится ли эта оценка с точки зрения издержек или же с точки зрения потребности и ее удовлетворения» [Струве, 1898, с. XXX]. Иначе говоря, Струве, в отличие от первых переводчиков «Капитала», исходит из того, что у него ценность как результат общественного хозяйствования занимает место стоимости как оценки затрат общественного труда. В заключение своего предисловия к «Капиталу» Струве отмечает, что сказанного «вполне достаточно для оправдания и объяснения того, почему слово Werth мы везде переводили через “ценность”» [Струве, 1899, с. XXXI].

Подобной позиции в отношении ценности как показателя результатов общественной хозяйственной деятельности придерживались многие русские экономисты. «Терминология Струве, — подчеркивал Туган-Барановский, — представляется нам не только правильной, но и единственно правильной» [Туган-Барановский, 1903, с. 12]. Из двух понятий в русском языке — «ценность» и «стоимость» — под словом «Werth» Маркс подразумевал именно ценность. «Переводить Werth словом “стоимость” — это значит затемнять учение Маркса и даже делать некоторые, весьма важные особенности этого учения совершенно непонятными для читателя» [Туган-Барановский, 1903, с. 12].

Туган-Барановский, так же как и Струве, считал, что первый переводчик «Капитала» Даниельсон, переведя немецкое слово «Wert» как «стоимость», искажил Маркса. Терминология первого перевода Маркса, по мнению Туган-Барановского, ставшая к тому времени уже общепринятой, «вводит читателя в заблуждение, не передает смысла подлинника, и потому подлежит изменению, как бы ни было такое изменение неудобно для читателя, привыкшего к неправильным терминам первого перевода. Неправильную передачу немецкого понятия Werth мы считаем самым крупным недостатком первого перевода» [Туган-Барановский, 1903, с. 12].

Идеологические основания терминологической дискуссии. Очевидно, что слово «Wert», переводимое как «стоимость, затраты общественного труда», несет в себе еще и идеологическое содержание. Труд, представленный абсолютным источником богатства обществ, в этом отношении предполагает, что его носитель выполняет главную социальную роль в общественном и экономическом развитии. Класс трудящихся, представляющий труд в качестве основного источника богатства обществ, естественно, рассматривается как прогрессивная социальная сила экономического развития. «С помощью термина “стоимость”, как справедливо было замечено, была осуществлена привязка данной категории к догматическому положению о том, что стоимость означает овеществленный в товаре общественный труд, и ничего больше» [Брагинский, Певзнер, 1991, с. 29].

Социальная сторона экономического учения Маркса не принималась многими экономистами, включая сторонников классического подхода в экономической науке. Особенно показательно, что идеологическая причина употребления слова «стоимость» вместо «ценность» проявилась в творчестве известного исследователя марксизма Н. И. Зибер. Он, будучи авторитетным переводчиком работ классиков, в отличие от первых переводчиков, не сводил меновые отношения вещей, представляющих различные полезности, за которыми стоят усредненные затраты общественного труда, только к издержкам абстрактного труда. Соответственно, Зибер, отвергая идею абсолютизации труда как единственного источника богатства обществ, отрицал идеологические выводы, вытекающие из этой идеи, на которой настаивали марксисты «группы Плеханова».

Теоретическая позиция Зибер в понимании ценности стала основанием для обвинения его со стороны «истинных» марксистов в «псевдомарксизме». По мнению Даниельсона, первого переводчика «Капитала», слова которого приводит исследователь творчества Зибер Л. М. Клейнборт, Зибер не понимал в полной мере Маркса. Он не осознавал необходимости «прочного хозяйственного улучшения в России, под которыми Даниельсон подразумевал революционные преобразования» [Клейнборт, 1923, с. 37]. По мнению Даниельсона, Зибер подходил к содержанию учения Маркса с позиций «народников-традиционалистов», которые не видели разрушительных сторон капитализма в России и не были настроены на революционные преобразования.

Как последовательный приверженец теоретических идей классической теории ценности, Зибер не мог принять ортодоксальный социологический марксизм с его идеологическими выводами. В учении Маркса Зибер интересовала прежде всего теоретическая сторона учения. Признавая наличие противоречия между позициями Рикардо и Маркса в отношении ценности, Зибер старался придерживаться позиции «стороннего» исследователя. Не случайно в предисловии к работе «Д. Рикардо и К. Маркс» Зибер пишет: «Мы нашли необходимым избрать своим исследованием средний путь между сравнительной

и безотносительной оценкой ценности и капитала Рикардо и его последователей» [Зибер, 2015, с. 34]. В любом случае, как справедливо замечал исследователь творчества Зибер Л. М. Клейнборт, в идеологическом противостоянии марксистов-революционеров и так называемых «народников-традиционалистов» Зибер не был ни на той, ни на другой стороне. По словам Клейнборта, он в своих исследованиях классической политической экономии «не исходил из практических потребностей движения... наличных общественных сил <...> потому ли, что марксизм не имел еще под собой даже кажущейся почвы ни в растущем движении рабочего класса, ни даже среди марксистообразной интеллигенции» или по причине того, что по своей сути «был лабораторным продуктом ученой экономической мысли» [Клейнборт, 1923, с. 43].

Подходы к решению проблемы: «ценность» или «стоимость». Дискуссия о правильности перевода немецкого слова «Wert» на русский язык, начавшаяся в конце XIX столетия, до сих пор не получила своего должного разрешения в экономической науке. Одна из позиций в решении этого вопроса состоит в том, чтобы оставить в изданных официальных переводах классиков марксизма слово «стоимость», так как оно в наибольшей степени выражает суть учения Маркса. Стоимость — выражает общественные затраты труда, а труд есть единственный источник богатства обществ. Подобная позиция, действительно, имеет убедительные обоснования для выражения особенности учения Маркса. Категория «стоимость» как затраты общественного труда отражает одну из особенностей классического направления в экономической науке и позволяет рассматривать хозяйство с позиций его общественного воспроизводства.

Такая методологическая особенность марксизма остается значимой и для современной экономической науки. Вместе с тем следует иметь в виду, что осложняющим обстоятельством выступает так называемая социологическая интерпретация Марксова учения, не прошедшая проверку временем. Идея абсолютизации трудовой основы стоимости в экономическом учении Маркса, как правило, ведет к идеологическим выводам о наличии единственной прогрессивной социальной силы, выступающей против эксплуататорской сущности капиталистического строя.

Другая позиция состоит в том, что, несмотря на уже общепринятое в современной литературе употребление термина «стоимость», все же необходимо вернуться к традиционному для русского языка слову «ценность». Обоснованием такой позиции является не только признание необходимости возвращения к традициям русского языка, но и признание того, что именно «ценность» представляет собой важнейшую первичную категорию, означающую оценку результатов общественной хозяйственной деятельности, что не противоречит учению самого Маркса. Такой подход, если исключить из рассмотрения организационные трудности, связанные с переизданием текстов классиков марксизма, с академической точки зрения остается более предпочтительным.

Есть еще одна позиция которую выдвинули и отстаивали замечательные русские экономисты М. И. Туган-Барановский и П. Б. Струве. Терминологическая проблема, по мнению этих авторов, не может быть решена принятием одного какого-либо «правильного» перевода немецкого слова «Wert»². Решение этой проблемы лежит не на путях конфронтационного противопоставления различных вариантов перевода. Напротив, перевод немецкого слова «Wert» на русский язык должен допускать использование двух понятий — «стоимости» и «ценности» — в зависимости от контекста. Проблема перевода немецкого слова «Wert» в этом случае переносится в область содержательного восприятия переводимого текста с учетом значений «стоимости» как затраты и «ценности» как полочки. Немецкое слово «Wert» в этом случае перестает быть однозначным в переводе на русский язык, оно перерастает в понятие более сложное, чем просто затраты общественного (абстрактного) труда или просто результат оценки полезности вещей.

Важное достоинство идеи о двузначности немецкого слова «Wert» в русском переводе заключается, во-первых, в том, что позволяет подойти к выработке приемлемой формулы разрешения известного противоречия между переводами разных томов «Капитала» Маркса. Во-вторых, она дает возможность примирить два появившихся в постсмитовский период принципиальных направлений в экономической науке со своими теориями ценности — субъективистской (маржинализм) и объективистской (классика). Такая попытка преодоления противоречий между двумя теориями ценности впервые была предпринята в конце XIX — начале XX столетия отечественным экономистом М. И. Туган-Барановским.

Список литературы

- Бухарин Н. И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. 4-е изд., стер. М., 1988.
- Брагинский С. В., Певзнер Я. А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М., 1991.
- Васина Л. Л. «Ценность» versus «стоимость» — «за» и «против» // Альтернативы / Alternatives. 2015. № 2 (87). С. 122–154.
- Вознесенский А. А. Избранные экономические сочинения. М., 1985.
- Даниельсон Н. Ф. Ко второму русскому изданию // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. по четвертому немецкому изданию. СПб., 1898. С. XV–XVIII.

² «Вопрос, однако, стоит так: или перевод Wert в “Капитале” словом “ценность” правильный, а словом “стоимость” — неправильный (и этим все сказано), или кто-то докажет обратное. Идти другим путем, пытаться, например, “научно” обосновать преимущество ложного перед истинным — значит подрывать всякое доверие к науке» [Чеховский, 1989, с. 233].

Клейнбо́рт Л. М. Николай Иванович Зибер. Пг., 1923.

Ману́йлов А. «Понятие ценности по учению экономистов классической школы» (Смит, Рикардо и их ближайшие последователи). М., 1901.

Милль Дж. С. Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии. Киев; Харьков, 1896.

Струве П. Б. Предисловие редактора русского перевода // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / под ред. П. Б. Струве. Т. I. СПб., 1899. С. XXX–XXVIII.

Туган-Барановский М. Русские переводы I тома «Капитала» Маркса (Заметка) // Мир Божий. 1899. Февраль. С. 10–12.

Туган-Барановский М. Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб., 1903.

Чеховский В. Я. О переводе Марковского понятия «Wert» на русский язык // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: сб. Вып. 5. М., 1989. С. 218–233.

О. А. Дроздов

Развитие теории денег в российской экономической науке второй половины XIX века

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Дроздов О. А. Развитие теории денег в российской экономической науке второй половины XIX века // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономики (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 137–147.

Развитие теории денег в дореволюционной России происходило в ожесточенной теоретической борьбе. Особое место в ней занимает вопрос о роли денег в экономике в период подготовки денежной реформы С. Ю. Витте. В статье анализируются взгляды российских ученых на роль денег в экономике. Большинство отечественных специалистов настаивали на активной роли денег. Главными достижениями отечественных экономистов явились: отрицание нейтральности денег; сомнение в верности постулата определенности; внедрение в анализ субъективно-психологических факторов; использование в анализе временных лагов; формирование совокупности индикаторов состояния денежного рынка.

Ключевые слова: деньги, нейтральность денег, классическая дихотомия, субъективно-психологические факторы, временной лаг, кризис классической концепции денег.

Введение. Вторая половина XIX в. характеризуется бурным развитием в России экономической науки вообще и теории денег в частности. С одной стороны, теоретические прорывы в мировой экономической науке творчески переосмысливались отечественными учеными с учетом особенностей российского денежного обращения. С другой — преобразования денежной системы в этот период и в особенности развернувшаяся широчайшая дискуссия в процессе подготовки к денежной реформе способствовали формированию разнообразных точек зрения на деньги и денежное обращение, монетарную политику.

Развитию теории денег в российской экономической науке второй половины XIX в. посвящен ряд произведений. Первым автором, обобщившим и продемонстрировавшим широчайшую палитру представлений российских экономистов в области денежной теории, стал А. Н. Гурьев (см.: [Гурьев, 1896]). Большой вклад в исследование развития теории денег в России второй половины XIX в. внес В. Е. Власенко (см.: [Власенко, 1963]). Однако в целом в советский период в отечественной экономической науке проблемам развития денежной теории в царской России существенного внимания не уделялось. Положение изменилось с 1990-х гг. Ученые стали активно публиковать как ис-

следования, посвященные теоретическим представлениям отдельных дореволюционных экономистов, так и обобщающие исследования, раскрывающие те или иные стороны развития денежной теории в дореволюционной России (см.: [Дубянский, 2004; 2007; 2013; Борисов, 2006; и др.]).

Между тем, к сожалению, работы, в прямой постановке рассматривающие представления российских экономистов о значении денег для экономики в контексте развития теории денег в дореволюционный период, отсутствуют.

Объектом настоящей статьи является теория денег в российской экономической литературе второй половины XIX в. Предмет статьи — взгляды дореволюционных российских экономистов на роль денег в экономике. Цель статьи состоит в исследовании специфики оценок и аргументации российскими специалистами роли денег в экономике. Для достижения цели следует выявить и конкретизировать имевшие место точки зрения на роль денег в экономике, а также определить доминирующий подход. Кроме того, необходимо продемонстрировать и оценить аргументацию имевших место представлений о роли денег в экономике. Указанные вопросы определили логику и структуру работы.

Роль денег в экономике: ключевые подходы российских специалистов.

На протяжении первой половины XIX в. одним из узловых вопросов теоретической борьбы между представителями различных направлений экономической мысли был вопрос о реалистичной оценке значения денег в экономическом развитии общества. Тем не менее к 1860-м гг. в мировой экономической теории центральные позиции по-прежнему занимал постулат о нейтральности денег [Алексеев, 1870, с. 26]. Подобный подход был характерен и для российской правящей элиты. Однако отечественные экономисты, следуя за наиболее передовыми европейскими учеными (в первую очередь за А. Вагнером), при всех нюансах их взглядов на этот вопрос в подавляющем большинстве отошли от смитианского преуменьшения роли денег. Да иначе и не могло быть, ведь гипотеза об абсолютной нечувствительности реального сектора экономики к изменениям массы денег в обращении совершенно не выдерживала апостериорной проверки. Именно поэтому в среде российских ученых можно выделить лишь И. Я. Горлова, В. Д. Дубенского, С. П. Кораблева и П. П. Сухонина, полностью разделявших взгляды А. Смита относительно роли денег и, с определенными оговорками, М. М. Алексеев. К примеру, В. Д. Дубенский наделял деньги ролью лишь посредника в транзакциях, видел в них «своего рода машину, распределяющую товары» [Дубенский, 1859, с. 7]. С. П. Кораблев настаивал на том, что деньги — это только «масло для смазывания колес всесветной торговой машины» [Кораблев, 1861, с. 14].

В вопросе о роли денег по пути классической школы следовали и другие авторы, в частности И. К. Бабст, К. В. Трубников, Д. И. Пихно. К примеру, у И. К. Бабста мы находим мысль о том, что деньги — «одна из удобнейших и важнейших машин, облегчающих обращение ценностей в народе» [Бабст,

1863, с. 508]. По мнению К. В. Трубникова, деньги — это «машина, приводящая в обращение имущества» [Трубников, 1886, с. 8]. Согласно же Д. И. Пихно, деньги только «передвигают» реальные капиталы. Тем не менее у указанных экономистов близость с классиками по рассматриваемому вопросу лишь кажущаяся. Тот же К. В. Трубников в другом своем труде провозглашал, что деньги — «могучий двигатель экономического развития» [Трубников, 1895, с. 42]. И. К. Бабст же считал неправильным, «превратным» как преувеличение, так и преуменьшение значения денег в экономической системе. С последним соглашались В. П. Безобразов, уподобивший денежное обращение «обращению крови в животном теле», и В. К. Гольдман, полагавший, что малейший недостаток денежных средств немедленно вызывает «задержку и губительный застой в экономическом развитии» [Гольдман, 1866, с. 3].

Вообще же среди отечественных экономистов преобладали те, кто взвешенно и обстоятельно критиковал положение классиков о нейтральности денег, выступая против «обособления» денежного обращения от реального сектора экономики. Так поступали и защитник бумажных денег А. А. Красильников, и монометаллист П. И. Георгиевский (утверждавший, что колебания ценности денег имеют весьма важные последствия для всего национального хозяйства [Георгиевский, 1890, с. 170]), и биметаллист И. Езиоранский (согласно которому денежная система страны «производит могущественное влияние» на все экономические процессы, «ибо проникает во все имущественные отношения жителей» [Езиоранский, 1897, с. 1]), и др. А упомянутый выше Д. И. Пихно полагал, что именно бумажные деньги при определенных условиях могут спровоцировать экономический кризис.

Вместе с тем немалое число отечественных экономистов заняло абсолютно противоположную классикам позицию, отводя деньгам исключительную и решающую роль в экономике. Выражаясь современным языком, о них можно было бы сказать, что тезис «деньги имеют значение» ими гипертрофировался до положения «лишь деньги имеют значение». Сторонниками подобного воззрения были в первую очередь, конечно же, защитники бумажных денег (инфляционисты) И. С. Аскаков, И. И. Борткевич, С. Ф. Шарапов, А. И. Шипов, В. В. Ярмонкин и пр. Они, как отмечал В. В. Бирюкович, исходили из предположения, что достаточно «бесконечно увеличивать» массу бумажных денег, чтобы столь же бесконечно увеличивалось «количество обращающихся товаров, т. е. богатства страны» [В. Б., 1888, с. 89]. Особенно рьяно выступал в защиту обозначенного подхода С. Ф. Шарапов, ставший главным идеологическим рупором инфляционизма в дореволюционной России. В своих работах он целеустремленно и последовательно (хотя во многом односторонне и не бесспорно) обосновывал концепцию, в которой денежное обращение является основным регулятором народного хозяйства и позволяет направить развитие экономики по вполне определенному руслу, обеспечивая при этом стабильность производства и цен, полную занятость и т. п.

В признании чрезвычайной роли денег к инфляционистам близко примыкали и биметаллисты: А. А. Исаев, полагавший, что бумажные деньги способны производить богатства как бы из ничего; И. П. Сокальский, объявивший денежный вопрос проблемой всего человечества, от решения которого зависит устойчивость в торговых и гражданских отношениях всего мира; и Г. В. Бутми, утверждавший, что изменение количества денег обеспечивает громадный рост промышленности, земледелия, торговли.

Итак, как мы видим, значительное число представителей, по сути, противоборствующих направлений в экономической науке дореволюционной России стояли на точке зрения, в соответствии с которой деньги представляют главную сферу, определяющую экономическое развитие производства.

Аргументация активной роли денег в экономике. В отечественной экономической литературе 1860–1890-х гг. легко обнаруживаются по крайней мере две тенденции, два направления, позволяющие наделять деньги решающей ролью в народном хозяйстве. Суть первого заключается в объяснении причин, породивших потрясения хозяйственной жизни в России в 1860–1880-х гг., исключительно денежными факторами. Труды сторонников этого подхода ярко демонстрируют, как деньги из простого товара превращаются в решающий фактор, предопределивший экономический коллапс государства. При этом одни, такие как Н. Аблов, усматривали главную причину современного им отечественного экономического кризиса в излишнем выпуске кредитных билетов (на сумму около 400 млн рублей). Другие же (А. Я. Антонович, Н. Я. Данилевский, И. Лихачев, В. В. Ярмонкин), напротив, всеми силами стремились доказать, что в России 1860–1880-х гг. не только не было чрезмерных выпусков бумажных денег, а наоборот, страна страдала «общим безденежьем» [Лихачев, 1865, с. 5]. И именно дефицит денег, заключали они, является причиной всех экономических бед России.

Понимание указанными и другими представителями российской экономической науки факторов, обуславливающих кризисы, среди которых центральная роль отводилась деньгам, стало основой в разработке набора инструментов, использование которых, по их мнению, могло бы обеспечить благоприятную экономическую конъюнктуру как на отдельных рынках, так и в масштабах всей экономики. Вполне понятно, что у них изменение массы денег в обращении занимало приоритетное (если не абсолютное) место. Да иначе и быть не могло, ведь как мы видели, у них флуктуации денежного потока выступают достаточной и единственной причиной изменения экономической активности субъектов народного хозяйства.

Это была, так сказать, общая основа, объединившая дореволюционных российских «монетаристов», но между ними существовали и глубочайшие, непреодолимые разногласия. Одни взяли на вооружение тезис о первостепенной роли денег в возникновении и распространении кризисов для оправдания создания в России системы денежного обращения, основанной на металлических

деньгах, другие же — для апологетики постоянных эмиссий бумажных денег [Дубянский, 2004].

Первые говорили, что все беды России связаны с излишним выпуском бумажных денег, что бумажно-денежная система не эластична, не способна при всем старании финансовых органов адекватно приспосабливаться к изменениям экономической среды. Государство, отмечали они, конечно же, способно изменять количество денег в обращении, но беда в том, что чаще всего изменения массы денег не соответствуют требованиям текущего момента. К тому же действительно универсальных, исключительно надежных и достоверных индикаторов, отражающих состояние денежного обращения и необходимую экономической системе денежную массу, не существует; все известные науке показатели идеализированы и аморфны. Не потому ли бумажное денежное обращение, как отмечал, к примеру, Н. А. Новосельский, то увеличивалось, то уменьшалось в зависимости не от нужд народного и государственного хозяйства, а исключительно в связи с теми или иными потребностями правящей политической элиты? Металлическое же денежное обращение — обращение саморегулирующееся, способное естественным образом, автоматически изменяться и приспосабливаться к состоянию экономики, тем самым обеспечивая ценовую стабильность и снимая с финансовых органов непосильное бремя (как полагали сторонники золотого монометаллизма) вычисления и обеспечения экономики необходимым количеством денег.

Другие российские «монетаристы», напротив, считали, что критерии достаточности денег в обращении уже существуют (и они вполне адекватны и применимы на практике), либо сами предлагали таковые. Все же индикаторы, настаивали они, указывают на одно — на недостаточность денег в каналах денежной системы. «Где же признаки этого излишка <денег>? — вопрошал А. И. Кошелев. — Обременены ли у нас банки вкладами? Поднялись ли в цене государственные фонды, билеты, серии и проч.? Понизился ли процент на ссуды? Бросаются ли капиталы в спекуляции, или бегут ли они на помощь к людям предприимчивым? Идут ли вверх цены на все внутренние произведения? К сожалению, ни одного такого явления в виду не имеется; напротив того, все, что видим, слышим, сами ощущаем, свидетельствует о совершенно-противоположном» [Кошелев, 1864, с. 8].

Как о «воображаемом» говорил об избытке денег и А. П. Шипов. В действительности же, считал он, в России налицо «крайний недостаток» денежных знаков для всех «оборотов». Если денег в самом деле недостаточно, то изъятие бумажных денег, даже если оно будет происходить одновременно с введением в обращение полноценных денег (из благородных металлов), приведет к столь мощной пертурбации всех имущественных и экономических отношений, что после нее страна может не оправиться. В любом случае изъятие бумажных денег из обращения значительно, решающим образом ухудшит и без того плачевное положение. «Если в стране, — отмечал также и А. Я. Антонович, — уже

ощущается безденежье, то оно еще более усилится уменьшением денег и еще более усилится затруднительное положение промышленности, что приведет не к улучшению, но к ухудшению достоинства денежных знаков» [Антонович, 1883, с. 61]. Необходимы не чрезвычайные шоки в виде радикального преобразования денежной системы, а дополнительные выпуски бумажных денег. Такие действия способны привести рано или поздно к развитию и процветанию всех экономических агентов, а таким образом и всей России в целом.

Как бы мы сегодня ни относились к практическим выводам и рекомендациям дореволюционных отечественных «инфляционистов», нельзя не отметить того, что они вместе с российскими сторонниками других концепций денег предлагали те или иные способы определения достаточности денег в экономической системе. Так, С. М. Житков, В. К. Гольдман, С. Цвет, В. В. Ярмонкин самым надежным показателем считали учетный процент; А. А. Исаев — высоту лажа, А. А. Красильников — состояние платежного баланса; Н. А. Новосельский — биржевые курсы; Н. Аблов, В. П. Безобразов, В. А. Лебедев, Д. И. Пихно — состояние и колебания разменного фонда; И. И. Кауфман — учетный процент и уровень цен; наконец, Е. И. Ламанский — состояние разменного фонда, процент за наем капитала, учетный процент, флуктуации цен экономических благ. Были и другие мнения, однако сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что отечественные ученые, по сути, разрабатывали и обосновывали реалистичную систему индикаторов состояния денежного рынка. Немало из названных индикаторов, если их брать в комплексе с другими, способны адекватно отразить и состояние современного денежного обращения.

Следует подчеркнуть то, что помимо радикальных «монетаристов» разрешить вопрос об обстоятельствах возникновения кризисных явлений пытались и те (В. П. Безобразов, И. И. Кауфман, П. П. Мигулин, Н. Г. Принтц и многие другие), кто более объективно и взвешенно подходили к его решению: они констатировали и аргументировано обосновывали многообразие причин сбоев экономической системы.

Концентрированным выражением второй линии аргументации решающей роли денег в экономике стало отождествление их с капиталом. И это понятно: если деньги и капитал — одно и то же, то роль первых далеко не такая, как это представляли классики. Стало быть, остается лишь доказать, что деньги и капитал — явления одного и того же порядка, и научный фундамент дореволюционного российского «монетаризма» будет определен. И здесь на помощь пришли ключевые постулаты победно шествующей по Европе капиталотворческой теории, в основных чертах сформулированной Дж. Ло, развитой и продолженной Г. Маклеодом в Англии, Ш. Кокленом и А. Цешковским во Франции, Е. Ф. Канкрином в России (Канкрин, в частности, стоял на той точке зрения, что деньги, как и «вещный» капитал, также являются капиталом действительным). Ключевые идеи Дж. Ло, Г. Маклеода и Е. Ф. Канкрина были

подхвачены В. П. Безобразовым, Н. Х. Бунге, М. С. Волковым, К. К. Гаттенбергером, Л. Геллером, А. А. Исаевым и другими, широко известными в тот период мыслителями. В частности, К. К. Гаттенбергер придерживался терминологии Г. Маклеода: деньги — это богатство, которое благодаря банкам приносит прибыль. Значит, банки создают капитал в форме орудий обмена — денег, которыми увеличиваются богатства страны (богатства материальные, экономические). По П. А. Никольскому, деньги — это национальный капитал страны, так как деньги — результат человеческого труда и являются одним из важнейших изобретений, способствующих усилению производительной деятельности. А А. Я. Антонович прямо зачислил деньги в «реестр» производительных сил страны [см.: Дубянский, 2007].

Этой версии «монетаризма» противостояли М. М. Алексеенко, И. Лихачев, К. В. Трубников, Л. В. Федорович и некоторые другие экономисты. Они, вне всякого сомнения, шли вслед за А. К. Шторхом, полагавшим, что только материальные и духовные ценности, увеличивающие национальное богатство, являются капиталом, а деньги выполняют в этом процессе лишь функции меры ценности и средства обращения.

Л. В. Федорович отмечал, в частности, что, невзирая на существенную роль денег в экономическом развитии, признать за ними «характер капитала невозможно», так как в этом случае пришлось бы «отказаться от права проводить различие» между производством, распределением и обращением ценностей. Деньги, утверждал он, «для производства не служат и потому одним из факторов или элементов производства быть не могут» [Федорович, 1888, с. 75].

В особенности же резко критиковал сторонников отождествления денег с капиталом К. В. Трубников. В его представлениях понятие о деньгах как о капитале ложное — по сути, это превратная идея, силлогическая защита чистой химеры, а аргументация такого подхода — совершенно пустая. Именно смешение понятий денег и капитала, по его мнению, стало причиной чрезмерного развития государственных займов в России.

Итак, все вышеизложенное дает нам основания заявить о кризисе классической концепции денег в отечественной экономической науке второй половины XIX в. Особенно явно проявился этот кризис к началу 1880-х гг., когда наиболее остро ощущалась несостоятельность центрального вывода классиков о нейтральности денег. Разочарование в классической доктрине денег, результаты ее эмпирической проверки в первой половине XIX столетия вынуждали многих российских экономистов переосмыслить свои взгляды и порождали стремление к созданию новых концепций. На практике это выливалось как в отдельные предложения, так и в проекты преобразования денежной системы страны. Таким образом, если абстрагироваться от широкого разброса во мнениях дореволюционных отечественных экономистов и попытаться выявить общую тенденцию, то окажется, что немало отечественных ученых в принципе признавали, что макроэкономическое равновесие нарушается под

влиянием денежных факторов, а деньги представляют ту сферу, которая во многом определяет развитие национального производства. Мы видим, таким образом, и то, что на почве выявления действительной роли денег в какой-то мере солидаризировались ученые различных направлений российской экономической школы. Совокупность самых различных их работ была объединена одним сугубо прагматическим стремлением — теоретически аргументировать и подкрепить возможность государственного воздействия на национальное хозяйство через кредитно-денежный механизм. Более того, государство активно обязано использовать определенные инструменты монетарного влияния на национальное хозяйство в целях его регулирования, и «руководительство» кредитно-денежным обращением «составляет важную государственную задачу» [Миклашевский, 1895, с. 555].

Психологические факторы ценности денег. Еще одним важнейшим пунктом в исследованиях отечественных ученых, отразившимся на понимании роли денег в экономической системе, явилось особое внимание к психологическим факторам, влияющим на денежную сферу, а через нее — на всю экономическую жизнь общества. Новейшие достижения мировой экономической мысли — выдвижение субъективно-психологических факторов в число основополагающих детерминантов ценности денег, колебаний цен, изменений валютного курса, отсутствия безусловного параллелизма или математической точности между изменением массы денег в обращении и их обесценением, между увеличением денежного предложения и уровнем цен и другими процессами в денежной сфере — нашли себе питательную почву в России. Включение в анализ мотивов неуверенности, недоверия (либо доверия) экономических субъектов к лицам, ответственным за экономическую политику в стране, предвидения, различного рода ожиданий, неизвестности будущих событий и тому подобных психологических явлений было характерно для И. К. Бабста, В. П. Безобразова, В. В. Бирюковича, К. К. Гаттенбергера, А. Н. Гурьева, А. А. Исаева, И. И. Кауфмана и множества других ученых. Так, Е. И. Ламанский отмечал особую роль паники и недоверия людей в вибрациях ценности денег и уровня цен, указывая на необходимость конкретных мероприятий по их «предупреждению». В. П. Безобразов в числе прочих причин исчезновения из обращения полноценных денег называл неизвестность, порождающую риск для экономических субъектов. К. К. Гаттенбергер считал, что застой экономической деятельности порождается не столько флуктуациями ценности денег, сколько распространяющейся вследствие их, флуктуаций, паники. В. В. Бирюкович обесценение денег анализировал в числе прочего и с позиций ожиданий иностранцами перемен в финансовой политике страны, а также их неуверенности в постоянстве ценности бумажных денег. Наконец, Н. Х. Бунге утверждал, что стеснение денежного рынка может являться результатом чисто психических причин, которыми в делах, касающихся кредита и денежного обращения, пренебрегать нельзя.

Указанный психологизм отечественных экономистов позволил им, вслед за западными экономистами, сделать вывод об ущербности количественной теории XIX столетия, в узких рамках которой невозможно адекватно отразить все многообразие явлений денежного обращения. В частности, А. Я. Антонович, поклонник Г. Кэрри и Г. Маклеода, указывал, что количественная теория Д. Рикарда и его последователей «неудовлетворительна». Ценность денег «вполне математически обуславливалась бы их количеством» лишь в том случае, если бы «люди не были людьми, а математическими величинами» и при изменениях в денежных средствах «не было бы положительно никаких изменений в экономических отношениях страны». Однако такие изменения происходят «ежесекундно» под воздействием в первую очередь «естественного движения экономических явлений общества», и именно эти изменения «разрушают теоретические соображения о точной связи между количеством денег и их достоинством» [Антонович, 1883, с. 49].

Наконец, еще одной характерной чертой анализа российских ученых во второй половине XIX в. (А. Я. Антоновича, В. П. Безобразова, А. А. Головачева, П. И. Георгиевского, А. Н. Гурьева, Н. Д. Батюшкова, В. Ф. Залеского и др.) явился учет в теории денег фактора времени. Этот пункт в работах ученых также послужил отправной точкой ревизии устоявшихся воззрений. Здесь целесообразно вспомнить, что если отталкиваться от постулатов истинно классической дихотомии, то выделение, а тем более учет краткосрочного и долгосрочного периодов вовсе и не обязательны, ведь изменение массы денег влияет исключительно на номинальные переменные, совершенно не затрагивая реальные величины. Теоретическая плодотворность классической школы политэкономии была признана давно, однако отсутствие достаточных подтверждений ряда ее основных идей (относительно денежного обращения), вернее фактически их полное отсутствие, утверждало передовую часть российского экономического истеблишмента в абстрактности, несовершенстве и архаичности как исходных установок, так и выводов классиков. Признание же обязательности использования при анализе экономических явлений и процессов временного фактора привело ученых к еще более критическому отношению к постулату о нейтральности денег. «Нельзя утверждать (как это делает количественная теория), — писал, в частности, П. А. Никольский, — что цена каждого товара поднимается *тот час* за выпуском бумажных денег и притом *пропорционально* количеству выпуска. Если бы это было так, то, пожалуй, дороговизна, сопровождающая излишние выпуски, не имела бы вредных последствий для населения» [Никольский, 1892, с. 360]. Деньги, отмечал он, распространяются по каналам обращения постепенно, и соответственно цены изменяются тоже не вдруг, и притом не пропорционально. С. Цвет настаивал на том, что совокупное изменение цен всех предметов, обусловленное изменением ценности денег, происходит только в течение более или менее продолжительного времени, необходимого для того, чтобы изменение ценности денег

мало-помалу проникло во все отрасли производства и торговли. Л. В. Ходский подчеркивал, что обесценение денег хотя и приводит к росту уровня цен, однако вовсе не немедленно, и более того, цены изменяются неравномерно по местностям и различным отраслям промышленности. Так, П. И. Георгиевский разбирал факторы, оказывающие влияние на ценность денег как в сравнительно небольшие периоды, так и в течение долгого времени. По А. А. Головачеву, возвышение цен не является мгновенно, но происходит довольно медленно, и в начальный, краткосрочный период излишек денежных знаков способен даже благоприятно повлиять на национальное хозяйство. С течением же времени экономика входит в полосу стагнации. А. Н. Миклашевский выделял двоякого рода изменения в экономике стран, денежное обращение которых основано на бумажных знаках: первичные (непосредственно следующие за выпусками бумажных денег) и вторичные (возникающие под влиянием уже установившегося лажа).

Как мы видим, выявленное ранее несогласие ученых с отсутствием связи в дихотомии реального и денежного секторов получило новый ощутимый толчок несколько с иной стороны — со стороны включения в исследование денег разных отрезков времени (временных лагов). И тут уж тем редким авторам, кто тогда еще пытался воскресить классическую доктрину, пусть и с определенными оговорками, вольно или невольно приходилось соглашаться с огрехами исповедуемого ими учения.

Заключение. Таким образом, наиболее значимыми достижениями российских ученых в 1860–1890-х гг. в области теории денег стали: отрицание нейтральности денег; сомнение в верности постулата определенности; внедрение в анализ субъективно-психологических факторов (эти факторы ставились в число основополагающих детерминант ценности денег, колебаний цен, нарушений прямой зависимости между количеством денег в обращении и их обесценением и т. п.), а также использование в анализе фактора времени (временных лагов); формирование совокупности индикаторов состояния денежного рынка. Соперничество конкурирующих направлений привело ученых к пониманию выдающейся роли денег не только в развитии кризисных явлений, но и вообще в национальном хозяйстве. На почве этих и некоторых других оснований профессиональными экономистами были найдены дополнительные аргументы необходимости воздействия государства на экономическую систему кредитно-денежными инструментами.

Список литературы

- Алексеев М. М. Взгляд на развитие учения о налоге у экономистов А. Смита, Ж.-Б. Сея, Рикардо, Сисмонди и Д. С. Милля. Харьков, 1870.
- Антонович А. Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты. Киев, 1883.

- Антонович А. Я. Курс политической экономии. Лекции, читанные в университете св. Владимира. Киев, 1886.
- Бабст И. К. Лекции политической экономии. [М., 1863].
- Борисов Ю. Ф. Генезис и развитие монетарной политики России: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006.
- В. Б. [Бирюкович В. В.] Бумажные деньги. Исследование законов бумажно-денежного обращения. СПб., 1888.
- Власенко В. Е. Теории денег в России. Конец XIX — дооктябрьский период XX в. Киев, 1963.
- Георгиевский П. И. Пособие к лекциям по политической экономии. СПб., 1890.
- Гольдман В. Русские бумажные деньги: Финансово-исторический очерк с обращением особенного внимания на настоящее финансовое затруднение России. СПб., 1866.
- Гурьев А. Реформа денежного обращения: в 4 т. СПб., 1896.
- Дубенский В. Что такое деньги? Политико-экономический очерк. М., 1859.
- Дубянский А. Н. Программа реформирования денежного обращения в России С. Ф. Ша-рапова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2004. Вып. 4. С. 74–82.
- Дубянский А. Н. Категория параллельных денег в русской экономической литературе XIX–XX веков // Вопросы экономической теории. 2013. № 7. С. 111–123.
- Дубянский А. Н. Экономические взгляды А. Я. Антоновича // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2007. Вып. 1. С. 55–62.
- Езиоранский И. Монетная реформа в России. Варшава, 1897.
- Кораблев С. Русский государственный банк, его устав, правила и формы, донные обнародованные им для руководства казенных мест, обществ и частных лиц. СПб., 1861.
- Кошелев А. О нашем денежном кризисе. [М., 1864].
- Лихачев И. Мысли как нам избавиться от безденежья. СПб., 1865.
- Миклашевский А. Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М., 1895.
- Никольский П. А. Бумажные деньги в России. Казань, 1892.
- Трубников К. В. О восстановлении и упрочении финансового благоустройства в России. [СПб., 1886].
- Трубников К. В. Преобразование денежной системы. СПб., 1895.
- Федорович Л. Теория денежного и кредитного обращения. Одесса, 1888.

Е. Б. Яковлева

История и теории миграционных процессов¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Яковлева Е. Б. История и теория миграционных процессов // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 148–153.

Работа посвящена проблемам истории и теории миграционных процессов. В статье рассматриваются этапы развития процессов перемещения рабочей силы, начиная с Первого Великого переселения народов и заканчивая современным этапом. Дается анализ теорий, рассматривающих данные процессы в научной литературе, делается вывод о соответствии их современным реалиям. Предлагаются новые направления исследований в данной области, наиболее актуальные в настоящее время.

Ключевые слова: миграция, этапы ее исторического развития, теории миграции, современные проблемы перемещения рабочей силы.

Перемещение большого количества населения в рамках как одного материка, так и разных частей света имеет давнюю историю. Первое Великое переселение народов датируется IV–VII вв. Скотоводческие племена с целью расширения пастбищ для разведения скота захватывали земли, продвигаясь из Азии на европейские территории. Миграция данного периода привела к смешению различных народов, образованию новых этносов, созданию новых государств на рубеже древности и средневековья.

В VII–VIII вв. Арабским халифатом были развязаны масштабные войны по захвату территорий Северной Африки, части Испании, крупных регионов Средней Азии. В этот период происходило принудительное внедрение мусульманской религии, а также ожесточенная борьба за сохранение национальных культур и языка на захваченных территориях. Распад Арабского халифата произошел постепенно в течение IX–XIII столетий в результате национально-освободительных войн народов захваченных стран.

Дальнейшие этапы глобальных перемещений народов были связаны с кровавыми войнами по освоению Америки, развязанными европейскими странами, наиболее технически оснащенными на тот период кораблями и оружием (Португалия, Англия, Испания, Франция, Голландия). Этот период XV–XVII вв. относят к периоду Великих географических открытий, для которого были характерны массовое уничтожение коренного населения захватываемых территорий и их колонизация.

¹ Опубликовано: Яковлева Е. Б. История и теории миграционных процессов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 3.

В XIX в. основным стимулом массового перемещения рабочей силы становится экономическая заинтересованность в привлечении мигрантов в страны, где свершившаяся промышленная революция давала возможность бурному развитию капиталистических отношений [Lee, 1966]. Миграционные процессы активно продолжились в XX в. как результат двух кровавых мировых войн, произошедших в Европе, нехватки рабочей силы в разрушенных войнами странах и восстановления численности населения, понесшего большие потери.

Даже краткий экскурс в историю миграционных процессов с IV по XX в. дает возможность понять, что все массовые переселения (кроме первого, так называемого Великого переселения народов) сопровождались кровопролитными войнами, а в некоторых случаях и почти полным уничтожением или принудительной ассимиляцией отдельных этносов (освоение Америки, Австралии, многих островных территорий).

В XXI в. возникла сложная политико-экономическая ситуация с потоком мигрантов, прибывающих из стран Ближнего Востока, севера Африки и Азии в Европу. Данное массовое переселение вызвано войнами, развязанными в ряде государств данных регионов, и крайне низким уровнем жизни населения. Псевдолиберальная позиция ведущих стран ЕС, невозможность защитить свои границы и интересы собственных граждан могут привести к социальным взрывам и противостоянию местных граждан и беженцев. За 10 лет (с 2005 по 2015 г.) численность мигрантов увеличилась с 186,5 млн до 243,7 млн человек [Trends..., 2015]. Первое место в данном списке традиционно занимают США (46,6 млн. чел.), второе — Германия (12,0 млн. чел.), третье — Россия (11,6 млн. чел.). Подобные массовые перемещения рабочей силы актуализируют необходимость проведения научного анализа причин и последствий данного явления.

Первые научные исследования в данной области принадлежат английскому ученому Эрнсту-Георгу Равенштейну, в последней трети XIX в. опубликовавшему статьи, в которых были описаны одиннадцать общих законов миграции [Ravenstein, 1876; 1885; 1889]. Некоторые из них — например, что миграция на большие расстояния ориентирована на крупные торговые и промышленные центры; что рост крупных городов в большей степени обусловлен миграцией населения, чем его естественным приростом; что определяющими причинами миграции являются экономические, — соответствуют современным положениям в данной области. Но одновременно некоторые «законы Равенштейна» не выдержали проверку временем. Современные миграционные потоки большей частью осуществляются на дальние расстояния, в то время как автор считал, что «большинство мигрантов перемещаются на короткие расстояния» («первый закон» Равенштейна), что «миграция осуществляется шаг за шагом» (цит. по: [Василенко, 2013, с. 37]). Изменилась также ситуация с женской миграцией. Можно сказать, что законы миграции, открытые в последней трети XIX в., требуют современного переосмысления в связи с новыми

экономическими и социально-политическими обстоятельствами, сложившимися в конце XX — начале XXI столетия.

В 1940 г. была опубликована статья Самуэля Стоффера, в которой анализируются факторы, препятствующие миграционным потокам. Речь идет о так называемых «вмешивающихся обстоятельствах», которые сдерживают потоки мигрантов. К ним автор относит расходы на перемещение, препятствующие законодательства, недостаток информации и другие факторы [Stouffer, 1940].

Следующим шагом в исследовании миграционных потоков стала работа американского филолога и лингвиста Джорджа Кингсли Зипфа, опубликованная в 1949 г. Предложенная им «гравитационная модель» дает возможность определить интенсивность миграционных потоков между различными пунктами, которая зависит от двух факторов: расстояния между этими пунктами и численности населения, которое перемещается [Zipf, 1949].

Американский социолог Эверетт С. Ли опубликовал в 1966 г. статью «Теория миграции», в которой он разделил факторы, воздействующие на миграционные процессы, на притягивающие и выталкивающие («push/pull») [Lee, 1966].

Неоклассические теории миграции берут начало с работы английского экономиста Уильяма Артура Льюиса, получившего за них в 1979 г. Нобелевскую премию совместно с Т. Шульцем [Lewis, 1959]. В основу неоклассического анализа положены подходы как микро-, так и макроанализа. Авторы рассматривают двухсекторную модель (сельское производство как трудоизбыточный и промышленность как трудонедостаточный сектора). Рассмотрение такой модели происходит в рамках закрытой экономической системы. Дж. Фей и Г. Ранис перешли от двухсекторной модели к рассмотрению трехсекторной, в которую вошли рынок труда, товаров и финансовых средств в рамках одной страны.

Американский культургеограф В. Зелински вышел в своих исследованиях миграционных процессов за рамки одной страны [Zelinsky, 1971]. Он разделил все этапы формирования общественного устройства на пять фаз: первобытное традиционное общество; раннее мобильное общество; позднее мобильное общество; развитое общество; сверхразвитое общество. В рамках каждой из выделенных фаз общественного развития формируются свои причины и закономерности движения населения.

Из последующих исследований в конце XX столетия следует выделить разработку модели Харриса — Тодаро, новой экономической теории миграции [Stark, Bloom, 1985, Massey et al., 1993], теории сегментированного (двойного) рынка труда [Piore, 1979], теории мировых систем И. Валлерстайна [Wallerstein, 1974, 1989], теории миграционных сетей [Massey, 2002].

Перечисленные теории объединяют несколько существенных моментов. Во-первых, в них рассматриваются проблемы миграции с позиции того, что привлекает мигрантов в других странах (мы рассматриваем в данном случае виды международной миграции, проблемы которой в настоящее время наи-

более актуальны). Во-вторых, они определяют, какие факторы способствуют миграции, а какие сдерживают ее с позиции самих мигрантов.

Вместе с тем ни в одной теории не затрагиваются вопросы экономической целесообразности ввоза большого количества иностранной рабочей силы для стран-реципиентов. Отчасти такой подход к изучению данной проблемы обусловлен тем, что большинство исследований в области миграционных теорий было осуществлено социологами, культургеографами, лингвистами и исследователями других направлений. Все ученые (С. Стоффер, Дж. Зипф, Э. С. Ли, и др.) [Василенко, 2013] опирались на законы Равенштейна, но забывали, что его последний, одиннадцатый закон говорит о том, что «экономические причины миграции являются определяющими» [Ravenstein, 1885, 1889]. Рассматривать эти причины необходимо в первую очередь с позиции экономической заинтересованности принимающих стран.

Относительно стран-реципиентов возникает дилемма, которая выражает противоречие между заинтересованностью бизнеса (микроуровень) и отрицательным эффектом, который возникает на макроуровне. В любом государстве бизнес заинтересован в экономии на издержках производства, а именно на стоимости рабочей силы. Поэтому наем дешевой рабочей силы является выгодным для работодателей, так как позволяет увеличить прибыль в краткосрочном периоде. Одновременно встает вопрос о качестве продукции, уровне производительности труда, внедрении новых технологий, которые тормозятся из-за применения низкоквалифицированной рабочей силы. Но тем не менее стремление бизнеса опередить своих конкурентов за счет более низких затрат играет в данном вопросе опережающую роль.

На макроуровне это приводит к более серьезным экономическим проблемам. Иммигранты составляют конкуренцию национальным кадрам, способствуя снижению общего уровня оплаты труда. У них крайне низкий уровень потребления (экономят на себе, чтобы большие суммы денег переслать своим семьям), что снижает общий уровень потребления в стране пребывания. Уменьшение заинтересованности бизнеса во внедрении новых технологий в конечном итоге приводит к технологическому застою и, как следствие, к снижению темпов экономического роста. Государство оказывается в «миграционной ловушке», когда на микроуровне субъекты экономических отношений заинтересованы в использовании иммигрантов, а на макроуровне это приводит к крайне отрицательным последствиям.

Следующий вопрос, с которым столкнулись все европейские страны, Россия и западные государства постсоветского пространства, — это естественный прирост населения. Практически во всех перечисленных странах начиная с 1990-х по текущие годы XXI столетия наблюдается отрицательное значение данного показателя, причем рост населения происходит преимущественно за счет миграционного прироста (рисунок).

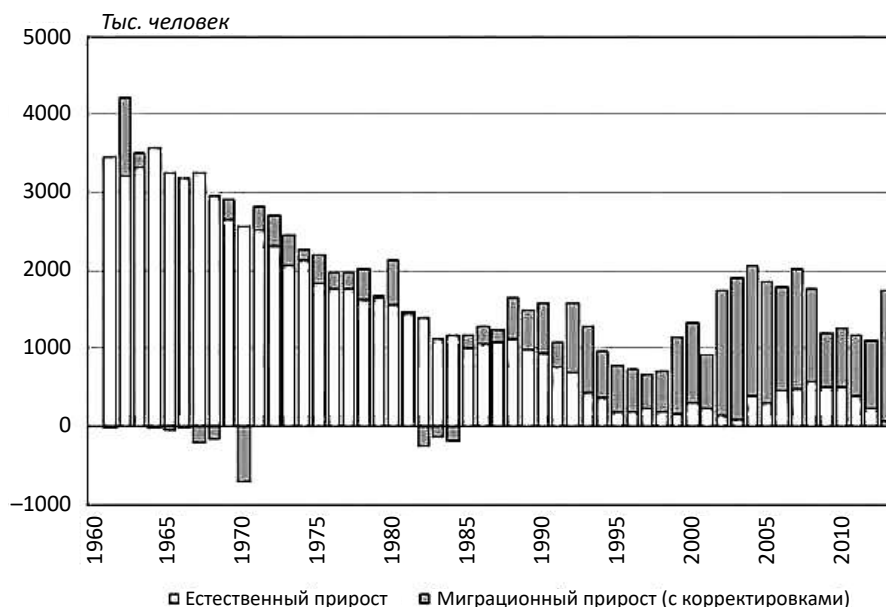

Рисунок. Естественный и миграционный прирост в ЕС в 1960–2013 гг.

Источник: [Щербакова, 2014]

Таким образом, помимо экономических проблем возникают демографические: сохраняют ли европейские страны свою национальную идентичность, культуру, язык, национальные традиции? Не нанесет ли огромный наплыв мигрантов, начавшийся в 2014 г., серьезный ущерб европейской цивилизации в целом?

Ответы на поставленные вопросы можно получить при анализе институциональных основ миграционных законодательств стран, входящих в ЕС, и в целом политики Брюсселя в данном вопросе. Льготные условия по приему беженцев, которые существуют в некоторых странах Европы, активно стимулируют миграцию в данные страны. В Великобритании каждому беженцу выделяется пособие равное 201,4 евро в месяц и размещение за счет государства, в Германии — пособие в 216 евро в месяц и бесплатное питание в пунктах приема, во Франции — пособие в 343,50 евро в месяц, жилье в ожидании получения статуса беженца и бесплатная медицинская страховка [Кравченко, 2016]. Во многих европейских странах условия приема беженцев значительно скромнее, и поэтому мигранты едут туда неохотно. Это говорит о том, что миграционные законы следует тщательно продумывать, а институциональные основы должны устанавливаться таким образом, чтобы они отражали интересы принимающей страны.

Таким образом, в современных исследованиях миграционных процессов можно выделить три наиболее актуальных направления:

- обоснование экономической целесообразности приема определенного количества мигрантов;
- исследование демографической безопасности данных процессов;
- изучение институциональных условий приема мигрантов, не наносящих ущерба принимающей стороне.

Список литературы

- Василенко П. В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 36–42.
- Щербакова Е. Европейский демографический барометр // Демоскоп Weekly. 2014. № 619–620. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/barom02.php> (дата обращения: 04.10.2018).
- Кравченко Л. И. Миграционный кризис в Европе // Центр Сулакшина. 2016. 21 марта. URL: <http://rusrand.ru/analytics/migracionnyy-krizis-v-evrope> (дата обращения: 04.10.2018).
- Lee E. A. Theory of Migration // Demography. 1966. No. 3. P. 47–57.
- Lewis W. A. The Theory of Economic Growth. New York, 1959.
- Massey D. A Synthetic Theory of International Migration // World in the Mirror of International Migration. 2002. No. 10. P. 143–153.
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor E. J. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. No. 19. P. 448–449.
- Piore M. Birds of passage. Migrant labour and industrial societies. New York, 1979.
- Ravenstein E. The Birthplace of the People and the Laws of Migration // The Geographical Magazine. 1876. No. 3. P. 173–233.
- Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1885. No. 46. P. 167–235.
- Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. No. 52. P. 241–305.
- Stark O., Bloom D. The New Economics of Labor Migration // American Economic Review. 1985. Vol. 75, issue 2. P. 173–178.
- Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. No. 5. P. 845–867.
- Trends in International Migrant Stock: The 2015 Revision // World Population Policies 2005. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/MigrationStockDocumentation_2015.pdf (дата обращения: 04.10.2018).
- Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. San Diego, 1989.
- Wallerstein I. The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. New York, 1974. P. 410.
- Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. No. 61. P. 219–249.
- Zipf G. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge, 1949.

Н. С. Семенович

Экономические кризисы и особенности теоретических подходов к их характеристике¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Семенович Н. С.* Экономические кризисы и особенности теоретических подходов к их характеристике // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономики (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 154–164.

В статье исследуются представления о природе кризиса в контексте экономической науки. Особое внимание уделяется вопросу взаимосвязи теорий кризиса и цикла, а также теории реального делового цикла. Эволюция концепций кризиса показывает, что восприятие сущности и особенностей кризисных явлений в социально-экономических системах изначально развивалось от теории кризиса к теории цикла и последующему их синтезу. В дальнейшем прослеживается обратное движение — от теории цикла к теории кризиса. Делается вывод о том, что современные теории цикла не могут в полной мере выдержать проверку реалиями экономической конъюнктуры. Высказаны предположения о развитии концепции кризиса с позиций «нового синтеза».

Ключевые слова: кризис, рецессия, экономический кризис, теория кризисов, теория экономических циклов, фаза спада, теория реального делового цикла.

«Кризис» — один из тех терминов, которыми изобилует экономическая наука. Из-за его широкого использования пониманию данного феномена не хватает точности и системности. В настоящее время существует множество определений кризисов, каждый из которых подчеркивает разные аспекты его проявлений. Как известно, наибольший интерес экономисты проявляют, во-первых, к причинам и видам кризисов, во-вторых, к обоснованию антикризисной стратегии и тактики. Однако природа самого феномена «кризис» по большей части находится за рамками научного дискурса [Львова, Семенович, 2015]. В результате этот чрезвычайно часто употребляемый термин трактуется неоднозначно, и подчас речь идет о совершенно разных явлениях, что, очевидно, не способствует научной дискуссии. В статье предпринята попытка раскрыть сущность кризиса в контексте экономической науки с учетом эволюции представлений о кризисах, также исследуются теории кризиса, имеющие междисциплинарное значение.

Наиболее значимый вклад в изучение сущности кризиса в целях экономических исследований внесли К. Маркс, Дж. М. Кейнс, Х. Ф. Мински, Ч. Хер-

¹ Данная статья является переработанным и дополненным вариантом публикации: *Семенович Н. С.* Многообразие представлений о природе кризиса в экономической науке // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12-3 (53). С. 109–114.

манн, М. И. Туган-Барановский, А. А. Богданов. Примечательно, что многие современные исследователи, определяя понятие кризиса, апеллируют к положениям, сформулированным еще в XIX и начале XX в.

Эволюция представлений о природе кризиса проходила в несколько этапов. Упоминания о кризисах встречаются в работах классиков политической экономии Д. Рикардо, Ж. Б. Сэя, Т. Р. Мальтуса. Так, Рикардо и Сэй рассматривали кризис как частное (или случайное) явление для социально-экономических систем, находящихся в стационарном состоянии. В работах Мальтуса появляется тезис о том, что возможны не только частные, но и общие кризисы. В исследованиях по этой проблематике общим положением является то, что любые кризисы — это явления временные. Ж. Ш. Л. С. Сисмонди в 1819 г. в работе «Новые начала политической экономии» первым выдвинул тезис о неизбежности постоянных кризисов при капитализме, причиной кризисов, согласно его взглядам, является «недопотребление». Во второй половине XIX в. появляется ряд работ, в которых кризис воспринимается как неизбежное явление: кризисы свойственны социально-экономической системе и носят циклический характер. Таким образом, происходит переход от теории кризиса к теории цикла, обусловленный выходом работ К. Жюгляра и К. Маркса.

По мнению Маркса, источником кризисов в обществе является экономика, основанная на частной собственности и определяющая возникновение противоречивых интересов, а также их столкновение: «полное противоречий движение капиталистического общества всего осязательнее дает себя почувствовать буржуа-практику в колебаниях проделываемого современной промышленностью периодического цикла, апогеем которых является общий кризис» [Маркс, 1960, с. 53]. Кризис в этом смысле выступает фазой экономического цикла и формой разрешения противоречий, накапливающихся в предшествующий период. Непосредственной его причиной является несоответствие между производственной силой капиталистического общества, противоречие между тенденцией капиталистического производства к безграничному расширению производства и ограниченностью платежеспособного спроса.

Туган-Барановский ввел понятие «фаза спада», отмечая, что в условиях капитализма периодически повторяющиеся сокращения промышленного производства не всегда заслуживают наименования «кризис», а лишь в тех случаях, если рецессия проявляет себя внезапно, «подобно буре». Описывая проявления одного из промышленных кризисов в Англии XIX в., он прибегал к следующим характеристикам: «...кризис имел чрезвычайно опустошительный характер и уподобился настоящему урагану, все сокрушавшему на своем пути» [Туган-Барановский, 1997, с. 193]. Туган-Барановского по праву можно считать одним из родоначальников теории экономических циклов, так как в его трудах присутствуют ее базовые положения. Одним из них является следующие: «Всякий кризис в самом себе носит условия своего прекращения» [Туган-Барановский, 1997, с. 104].

Положения теории экономических циклов получили развитие в трудах многих экономистов. Так, и в исследованиях одного из основателей макроэкономического анализа Дж. М. Кейнса кризис рассматривается как характерная черта экономического цикла: «...внезапная и резкая, как правило, смена повышательной тенденции понижительной, тогда как при обратном процессе такого резкого поворота зачастую не бывает» [Кейнс, 2008, с. 288]. Исследуя причины кризиса, Кейнс пришел к выводу, «что более типичное, а часто и главное объяснение кризиса надо искать не в росте процента, а во внезапном падении предельной эффективности капитала» [Кейнс, 2008, с. 289].

Одна из современных трактовок кризиса в рамках теории экономического цикла звучит таким образом: «Кризис — это исход, к которому приходит система, ориентируясь уже на новую волну в своем развитии. Это означает, что каждый более или менее значимый кризис, поражающий не просто какую-то отдельную фазу, а весь процесс воспроизводства, требует перехода на качественно новый уровень всей системы хозяйственных отношений, их форм и институтов. Исключением не является и образ мышления, который также охватывает своим влиянием лишь определенный период времени» [Лемещенко, 2010, с. 61].

В начале XX в. появляются научные работы, в которых теория кризиса и теория циклов синтезируются, то есть рассматриваются как циклические, так и нециклические параметры кризиса. К исследователям кризисных явлений в данном контексте можно отнести А. А. Богданова [Богданов, 1989] и Е. Е. Слуцкого [Слуцкий, 1927]. В частности, Богданов исследует внутреннюю структуру кризиса, этапы, через которые он проходит, формулируя следующее определение кризиса: «...смена организационной формы... смена формы может состоять только либо в уничтожении каких-либо прежних связей, либо в возникновении новых, либо в том и в другом вместе... значит, что сущность кризисов заключается в образовании или нарушении полных дезинтессий» [Богданов, 1989, с. 212]. Исходя из данного определения, он выделяет два типа кризисов: *соединительные* («конъюнкционные»), вызванные разрывом границ и образованием новых связей, и *разделительные* («дезъюнктивные»), обусловленные созданием новых границ там, где их не было, и разрывом связей. Однако, как утверждает Богданов, и с ним трудно не согласится, «простых кризисов не бывает: каждый кризис в действительности представляет цепь элементарных кризисов того или другого типа» [Богданов, 1989, с. 215]. И, что наиболее важно: «...кризисы не только обладают негативным разрушительным характером, но одновременно несут в себе потенциал изменения и таким образом способствуют эволюции, что в конечном итоге может активно способствовать повышению эффективности функционирования системы, побудившей данный кризис» [Богданов, 1989, с. 252]. Таким образом, для разрешения кризиса социально-экономические системы трансформируются, пере-

стают быть тем, чем они были, соединяясь в новую систему или разъединяясь на отдельные составляющие.

Данную позицию разделяют современные ученые, исследующие кризисные явления. Например, С. Винетт утверждает, что «кризис представляет собой процесс трансформации, где старая система уже не может быть сохранена» [Venette, 2003, p. 5]. Более того, многие отечественные авторы, определяя сущность кризиса, прибегают к формулировкам А. А. Богданова [Яковец, 2011]. Определенный вклад идеи Богданова внесли в сформировавшееся в 1990-х гг. научное направление, получившее название теории переходного периода, согласно которой переживаемые в тот период бывшими социалистическими странами экономические кризисы имели трансформационную природу [Рязанов, 1998; 2015].

В исследованиях неоклассиков, неокейнсианцев, монетаристов, посткейнсианцев, представителей неоавстрийской школы кризис рассматривается как фаза экономического цикла, а научная полемика разгорается уже по вопросам причин цикличности и спада, а также выбора методов антикризисной политики.

В теории неоклассического синтеза, представленной в трудах П. Самуэльсона и Дж. Р. Хикса, основной причиной цикличности считается колебание в объеме производства товаров длительного пользования. В качестве антикризисной политики рекомендуется сочетание кредитно-денежной экспансии, стимулирующей инвестиционные процессы, и жесткой фискальной политики, способствующей нейтрализации инфляционного разрыва в результате увеличения инвестиций.

В неоавстрийской школе родоначальником исследований экономических кризисов и циклов являются Л. фон Мизес. Последователем его идей был Ф. фон Хайек. Дальнейшее развитие «австрийская» теория экономического цикла получила в трудах М. Ротбарда и Х. Уэрта де Сото. В данном случае в качестве причины циклических колебаний рассматривается кредитная экспансия: «Кризис и экономический спад происходят исключительно из-за недостатка реально сбереженных ресурсов для завершения инвестиционных проектов, которые, как становится очевидным, были чрезмерно амбициозны» [Уэрта де Сото, 2008, с. 284]. Предполагается, что в ходе кризиса происходит коррекция производственной структуры. После ее завершения через некоторое время может снова начаться кредитная экспансия. Антикризисная политика с этих позиций должна основываться на принципах децентрализации и мобилизации потенциала конкуренции, в том числе на свободе банковской деятельности с обязательным стопроцентным резервированием, на ликвидации центральных банков и введении чистого золотого стандарта. Исследуя труды ученых неоавстрийской школы, нетрудно прийти к выводу о том, что все кризисы однотипны и являются фазой экономического цикла, причем единственная причина цикличности — кредитная экспансия. Признаки и осо-

бенности кризисов социально-экономических системы в данном направлении не исследуются.

Противниками мер антикризисной политики являются представители монетаризма и рассмотренной выше неоавстрийской школы. В начале 1970-х гг. М. Фридман подверг критике кейнсианскую антикризисную политику. В первую очередь он критиковал практику увеличения государственных расходов как метод стимулирования экономической активности. Фридман предложил так называемую теорию балансира, состоящую в том, что государственные расходы необходимо увеличивать в период кризиса, когда сокращаются частные расходы, и уменьшать в фазе роста при расширении последних. Фридман обосновал это предложение тем, что «многие из этих программ не успевают даже толком вступить в силу до того, как минует спад» [Фридман, 2006, с. 101]. По его мнению, «увеличение государственных расходов относительно дохода, ни в каком отношении не ведет к экономическому подъему. Оно может увеличить доход в денежном выражении, но все это увеличение будет поглощено государственными расходами» [Фридман, 2006, с. 109]. Для реализации этой политики необходимо заранее предсказывать колебания активности. Также требуется знание фискальной и денежно-кредитной политики. Эту точку зрения автор обосновал следующим образом: «Пытаясь произвести эти изменения, скорее всего, мы сделаем только хуже, из-за того, что будем делать все наоборот, но это легко исправить, поступая абсолютно наоборот от того решения, что казалось очевидным шагом. Одним из негативных элементов является то, что вносится большой элемент сумятицы, который добавится к другим экономическим неурядицам» [Фридман, 2006, с. 102]. Эффективность экономической политики требует проведения сбалансированной бюджетной стратегии, при которой не допускаются беспорядочные изменения в части как государственных расходов, так и доходов. Неустойчивость динамики национального дохода объясняется нестабильностью денежного предложения, которую создает само государство. Главным элементом стабилизационной политики, согласно теории Фридмана, является объем денежного предложения. Отметим, однако, что его рекомендации по оздоровлению экономики касались финансовой сферы, а не реального сектора экономики.

В 1970-х гг., в период кризиса ортодоксальной кейнсианской теории, становятся более популярными неоклассические школы, новые тенденции в самих механизмах регулирования экономики, что, в свою очередь, становится причиной бурного обновления кейнсианства и нового синтеза с неоклассикой. Одним из исследователей, внесших существенный вклад в развитие такого синтеза, был Дж. Тобин. Для предотвращения кризисов Тобин предложил ввести налог, направленный на ограничение спекулятивных валютных операций (в научной литературе более известный как «налог Тобина»). Ставку налога предложено было установить на уровне 0,1–0,25 % от объема транзакций, дабы ограничить спекуляции, но не навредить долгосрочным инвестициям.

Позже было решено облагать этим налогом не только валютные, но и все финансовые операции (поскольку более широкое применение налога ведет к снижению «миграции» в необлагаемый сектор, стало очевидно, что необходимо облагать не только банки, но и другие финансовые институты, включая страховые компании, брокерские компании, хедж-фонды и т. п.). Основные цели налога на финансовые операции — увеличение доходов бюджета и снижение волатильности финансовых рынков [Тобин, 2010].

Недостатки предложенного инструмента антикризисной политики обнаруживаются в том, что введение налога целесообразно только в случае его применения на всем экономическом пространстве. В противном случае финансовые агенты будут стремиться избежать уплаты налога, направляя свои капиталы на другие рынки. Этот процесс может сопровождаться падением торгового оборота и фондового рынка, что повлечет ущерб долгосрочным инвестициям. К тому же данный налог можно перекладывать на потребителей финансовых услуг, если спрос на них является неэластичным.

Существенное влияние на развитие теории кризисов и циклов оказала гипотеза финансовой нестабильности Х. Ф. Мински, объяснившая некоторые из причин возникновения кризисов. Примечательно, что мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. в научных кругах чаще называют Мински. Это связано с тем, что описанные им причины кризисов во многом совпали с глобальной рецессией.

Согласно исследованию Мински, причины макроэкономических кризисов кроются в развитии финансовых инноваций, в изменении уровня уверенности хозяйствующих субъектов и систематически возникающей неспособности предприятий погашать свои обязательства перед финансовым сектором. Описывая экономический цикл, Мински приходит к выводу о том, что в фазе оживления преобладает обеспеченное финансирование, для которого характерно обслуживание задолженностей и процентов за счет внутренних финансовых ресурсов, преимущественно за счет валового дохода. В фазе бума риски кредиторов и заемщиков снижаются, фирмы активно переходят на внешнее финансирование. Для начала данной фазы характерно спекулятивное финансирование, при котором заемщики располагают средствами лишь на текущее обслуживание долга. В дальнейшем спекулятивное финансирование неизбежно переходит в Понци-финансирование, при котором текущие денежные поступления не могут обеспечить даже выплату процентов, что в масштабах экономики олицетворяет переход к фазе кризиса [Розмаинский, 2016]. Мински в качестве антикризисной политики рекомендует использовать меры, предложенные Кейнсом, в частности проводить в фазе спада стимулирующую фискальную и денежную политику. По его мнению, избавить рыночную экономику от неустойчивости могут только институциональные реформы: упрощение финансовой системы и изменение структуры совокупного спроса.

В конце XX столетия в теории экономического цикла сформировалось новое направление — теория реального делового цикла, базовые положения которой были опубликованы в 1982 г. [Kydland, Prescott, 1982; Nelson, Plosser, 1982]. По своей сути данное направление является неоклассическим. В настоящее время в теорию реального делового цикла (Real Business Cycle, RBC) входит множество работ, основанных на концепции динамического стохастического общего равновесия (Dynamic Stochastic General Equilibrium, DSGE): это и теория рациональных ожиданий Дж. Мута, и теория реального делового цикла, опирающаяся на рациональные ожидания Р. Лукаса.

Данное направление, получившее признание в начале XXI в., позволило объяснить причины циклических колебаний не только экономическими факторами. Характерными чертами теории реального делового цикла являются колебания экономической активности, которые считаются равновесными даже с учетом всех реализовавшихся шоков, а также предположение о случайной природе циклов при равновесности траекторий изменения основных макропоказателей [Григорьев, Иващенко, 2010]. Кризис, согласно данной теории, это набор случайных шоков в системе (например «нефтяные шоки» 1970-х гг.). Феномен кризиса исключен из объекта исследования, так как «фаза кризиса воздействует лишь на изменение дисперсий анализируемых на длинном временном горизонте рядов, а кризисные годы прячутся» — влияние коротких кризисов на анализируемые дисперсии относительно невелико» [Григорьев, Иващенко, 2010, с. 13]. С нашей точки зрения, это является существенным недостатком данной теории, так как фазы кризиса имеют собственное содержание: нельзя объяснить глубину и особенности кризиса исключительно случайными факторами. Кризис влечет огромные последствия для социально-экономической системы в целом, а шоки (встречаются шоки предложения, шоки спроса и т.д.) не всегда являются причиной кризисов. Примером тому может служить мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

По словам П. Самуэльсона, «в прошлом писатели, рассматривавшие экономический цикл, располагая ограниченной статистической информацией, имели склонность уделять несоразмерно большое внимание паникам или кризисам» [Самуэльсон, 1993, с. 241]. Вероятно, данный тезис был понят слишком буквально. В результате на рубеже XX и XXI вв. мейнстрим экономической науки самоустранился от исследования такого явления, как кризис.

Теория реального делового цикла не раз подвергалась критике, но мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. стал самой серьезной проверкой на ее состоятельность и способность противостоять вызовам экономической действительности. В результате значительных финансовых и экономических потрясений теорию реального делового цикла стало критиковать все научное сообщество. Так, Р. Солоу обвинил весь класс DSGE-моделей в слабости микроэкономического основания концепции, П. Кругман возложил на данную теорию ответственность за неспособность предсказать кризис, а сле-

довательно, предотвратить или смягчить падение, Р. Лукас же заявил: «Видимо, в условиях кризиса кейнсианцем становится каждый» (цит. по: [Скидельски, 2011, с. 15]).

Очевидно, что в прежнем виде теория реального делового цикла не может существовать. Есть предположения о том, в каком направлении будет проходить ее модернизация. В частности, поиск комбинаций шоков, подходящих для анализа тех или иных однородных периодов, может быть включен в теорию реального делового цикла, что обеспечит ей новые возможности развития. Существуют предложения о тестировании положений теории на примере более обширного перечня стран и регионов, так как «большая экономика» в макроэкономической теории — полезное, но слишком сильное упрощение, которое не следует переносить на прикладной экономический анализ [Скидельски, 2011, с. 19]. Однако, на наш взгляд, это вряд ли исправит вышеуказанные фундаментальные упущения. В то же время, наблюдая нынешнюю высокую волатильность в экономиках развивающихся стран, в том числе и России, обусловленную прежде всего внешними факторами, такими как экономические санкции, резкое колебание цен на нефть и прочее, можно допустить, что эти вызовы станут толчком для дальнейшего развития и популяризации теории делового цикла в целом.

Существует мнение, что теория реального делового цикла — это и есть возвращение к ранней теории кризиса. Данная позиция объясняется положением о стохастической природе цикла, но, если учесть базовые характеристики теории, с этим мнением нельзя в полной мере согласиться. Подобное представление о природе кризиса скорее типично для кризис-менеджмента, положения которого нередко используются в экономической науке.

Термин «кризис-менеджмент» впервые появился в западной печати после Карибского кризиса. В дальнейшем термин применяется за рубежом в отношении военно-политических кризисных ситуаций, экологических катастроф, террористических угроз. Как самостоятельное научное направление кризис-менеджмент начал развиваться только со второй половины 1980-х. Первая фундаментальная работа по кризис-менеджменту, посвященная методике преодоления корпоративных кризисов, была опубликована в США в 1986 г. [Fink, 1986]. В настоящее время теория кризис-менеджмента дополнилась рассмотрением кризисов социально-экономических систем, в том числе стран и регионов. Однако базовой работой в отношении трактовки кризиса в рамках данного направления все же является работа Ч. Херманна, которая была опубликована еще в 1963 г. [Hermann, 1963].

Херманн ставит вопросы «забытой теории кризиса» и определяет основные признаки (неожиданность или невозможность спрогнозировать, угроза, дефицит времени на реакцию), по которым кризис можно отличить от любого другого экономического явления. В рамках этого подхода кризис рассматривается как серьезная угроза для выживания системы, характеризую-

щаяся ограниченным временем для реакции на плохо структурированные ситуации [Turner, 1976] в условиях ограниченности ресурсов для их преодоления [Starbuck, Hedberg, 1977]. Все признаки достаточно очевидны и соответствуют особенностям кризисной ситуации, будь то мировой экономической кризис, техногенная катастрофа или кризис организации. Спорным, однако, является первый признак, из которого следует, что, если кризис был ожидаем, то это уже не кризис, причем другие характеристики наблюдаемой ситуации в расчет не принимаются. В этом случае половина кризисов таковыми не являются, с чем сложно согласиться.

В российской литературе вместо термина «кризис-менеджмент» чаще используется термин «антикризисное управление». Думается, в этом аспекте прослеживается научная преемственность, поскольку в СССР кризис рассматривался исключительно как негативное явление, но многие авторы считают, что такая трактовка значительно сужает объект исследования. Отечественная школа кризис-менеджмента предлагает достаточно революционные положения. Так, особенностью кризиса, как правило, считается его бессрочность. Из этого следует, что антикризисную политику следует проводить постоянно с целью обнаружения скрытых кризисов и своевременного их предотвращения. Исследуя макроэкономические реалии российской экономики, с данным тезисом трудно не согласиться, каким бы радикальным он не казался. В отечественной экономике существует множество скрытых проблем, которые под воздействием внешних да и внутренних вызовов могут перерасти в явный широкомасштабный и глубокий кризис.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что теория кризиса не смогла полностью трансформироваться в теорию цикла (и практически исчезла из теории реального делового цикла), являясь отдельным направлением экономической науки. Сложившаяся двойственность объясняется упущениями теорий экономического цикла: работают они только в рамках рыночной экономики и не могут объяснить ряд экономических явлений, например таких как трансформационные кризисы. В свою очередь, теория реального делового цикла может объяснить колебания экономической конъюнктуры резким колебанием цен на энергоносители и другими экзогенными факторами, но не позволяет спрогнозировать и оценить глубину кризиса или предложить антикризисные меры по выходу из него. Также можно сказать, что и теория кризиса в рамках кризис-менеджмента практически не использует значимые идеи теории экономического цикла. Поэтому, на наш взгляд, пришло время синтезировать наиболее важные постулаты теорий кризиса и цикла, но, к сожалению, следует учесть и тот факт, что любой синтез — это своего рода упрощение базовых теорий, от которых он отталкивается.

Следует заметить, что формирование научных взглядов о кризисах социально-экономических систем не всегда проходило эволюционным путем [Львова, Семенович, 2015]. Некоторые исследования, несмотря на их значи-

тельный вклад в развитие теорий цикла и кризиса, трудно отнести к какому-либо этапу. Примером могут служить работы А. А. Богданова, Е. Е. Слуцкого, в которых рассматриваются циклические и нециклические параметры кризиса (несмотря на то что идеи Богданова и Слуцкого нашли отражение во многих направлениях экономической науки, новой научной школы в данном случае не сформировалось, и исследования кризисов по данному направлению не были продолжены). В настоящее время в представлениях о кризисе наблюдаются значительные разночтения, но чаще всего экономическая наука рассматривает кризис как особую фазу делового цикла. Теория кризиса вне рамок экономической теории развивается представителями кризис-менеджмента (Ч. Херманн, Б. Турнер, В. Старбак, Б. Хедберг, А. Н. Ряховская, Е. В. Арсенова, О. Г. Крюкова и др.).

Существует два принципиально возможных, но не взаимоисключающих взгляда на природу кризиса: статический, когда кризис воспринимается как состояние системы, и динамический, в рамках которого кризис рассматривается как процесс. Признаками кризисной ситуации выступают угроза, дефицит времени на реакцию, внезапность и нестандартность. Причем проблемы диагностики кризисов преимущественно связаны с психологическими особенностями восприятия неопределенности. Кризис как процесс обусловлен образованием новых и (или) разрывом старых связей, являясь, по мнению многих авторов, необходимым условием прогресса.

На наш взгляд, пришло время синтезировать ключевые постулаты теорий кризиса и цикла, уделяя приоритетное внимание принципу системности. Формирование экономической теории кризиса, объединяющей научные представления о механизме и восприятии кризисных явлений на всех уровнях экономики, представляется исключительно важным и перспективным направлением дальнейших исследований.

Список литературы

- Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука): в 2 кн. Кн. 2. М., 1989.
- Григорьев Л., Иващенко А. Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 1–25.
- Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М., 2008.
- Лемещенко П. С. Экономический кризис как институциональная форма и степень отрицания капитала // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2, № 4. С. 59–75.
- Львова Н. А., Семенович Н. С. Феномен кризиса в представлениях экономической науки: ожидаемая закономерность или непредсказуемый шок? // Финансы и кредит. 2015. № 21 (645). С. 27–36.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 23. М., 1960.

- Розмаинский И. В.* Гипотеза финансовой нестабильности: теоретическое содержание и реалии постсоветской России // ЭКО. 2016. № 11. С. 79–89.
- Рязанов В. Т.* Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 48–63.
- Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
- Самуэльсон П.* Экономика: в 2 т. Изд. 5-е. Т. 1. М., 1993.
- Скидельски Р.* Кейнс. Возвращение Мастера. М., 2011.
- Слуцкий Е. Е.* Сложение случайных причин как источник циклических процессов // Вопросы конъюнктуры. 1927. Т. 3, вып. 1. С. 124–142.
- Тобин Дж.* Денежная политика и экономический рост. М., 2010.
- Туган-Барановский М. И.* Периодические промышленные кризисы. М., 1997.
- Уэрта де Сото Х.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск, 2008.
- Фридман М.* Капитализм и свобода. М., 2006.
- Яковец Ю. В.* Глобальные экономические трансформации XXI века. М., 2011.
- Fink S.* Crisis Management: Planning for the Inevitable. New York, 1986.
- Hermann C.* Some consequences of crisis which limit the viability of organizations // Administrative Science Quarterly. 1963. No. 8. P. 61–82.
- Kydland F., Prescott E.* Time to Build and Aggregate Fluctuations // Econometrica. 1982. Vol. 50, no. 6. P. 1345–1370.
- Nelson Ch. R., Plosser Ch. I.* Trends and random walks in macroeconomic time series: some evidence and implications // Journal of Monetary Economics. 1982. No. 10. P. 139–162.
- Turner B.* The organizational and interorganizational development of disasters // Administrative Science Quarterly. 1976. No. 21. P. 378–397.
- Starbuck W., Hedberg B.* Saving an organization from a stagnating environment // Strategy + Structure = Performance / ed. by H. Thorelli. Bloomington, 1977. P. 249–258.
- Venette S. J.* Risk communication in a high reliability organization: APHIS PPQ's inclusion of risk in decision making. Ann Arbor, 2003.

Раздел 3

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА

В. Т. Рязанов

Политическая экономия после К. Маркса и современный капитализм¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Рязанов В. Т. Политическая экономия после К. Маркса и современный капитализм // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 165–184.*

Статья посвящена обоснованию роли экономической теории К. Маркса в изучении современного монополистического капитализма. Крупные изменения в системе капиталистического хозяйства и появление альтернативных экономических теорий обуславливают целесообразность выдвижения идеи научного синтеза, в основе которого находится экономическая теория Маркса. Ее дополнение и расширение за счет привлечения теоретических разработок научных школ кейнсианства (посткейнсианства), институционализма, мир-системного анализа позволяют заложить основы политэкономии неомарксистского синтеза как новой версии марксистской политэкономии, необходимой для улучшения возможности исследования природы современного глобально-монополистического капитализма и одновременно усиления внимания к анализу его хозяйственной практики.

Ключевые слова: Маркс, «Капитал», политическая экономия, современный капитализм, научный синтез, политэкономия неомарксистского синтеза, кейнсианство, посткейнсианство, институционализм, мир-системный анализ.

Введение: современное значение экономической теории К. Маркса. Двухсот-летний юбилей К. Маркса (1818–1883) и 150-летие со дня публикации первого тома «Капитала» (1867 г.) — его главного экономического произведения — по-

¹ Переработанный и дополненный вариант статьи: *Рязанов В. Т. «Капитал» К. Маркса и современный капитализм: возможности и преимущества политэкономии постмарксистского синтеза // Вопросы политической экономии. 2017. № 4. С. 10–29.*

буждают обратиться к вопросу, который давно обсуждается и имеет неодинаковые, порой противоположные ответы. Речь идет о том, насколько экономическая теория Маркса применима для содержательной и точной характеристики современного капитализма. Выдающуюся роль Маркса для экономической науки трудно опровергнуть, обращаясь к объективным фактам. Даже многие представители неоклассической школы признают научный вклад основателя марксизма с точки зрения истории экономической науки, но отвергают его значение в исследовании современной экономики.

Неприятие неоклассической ортодоксией научного наследия Маркса для современного этапа не стало препятствием для продолжения освоения и разработки экономической теории. Об этом свидетельствует, например, появление различных версий постмарксизма. Значит, Маркс до сих пор присутствует в истории экономической мысли, его работы и сегодня содержат методологический и аналитический потенциал, полезный для исследовательской практики, не говоря уже о его признанной роли социального критика капиталистического способа производства.

Нельзя не согласиться с С. Кувелакисом, который указывает: возникающие в определенные периоды представления о «кризисе марксизма» — это не то же самое, что «смерть марксизма», так же как «кризис в физике» не закрывает саму эту науку. Пока существует капитализм, марксистский анализ с его критической нацеленностью сохраняет значение. И после каждой «смерти» неизменно следует «воскрешение» марксизма [Kouvelakis, 2008, p. 24]. Особенно это относится к той части, которая касается исследования природы и причин циклического развития экономики, а также экономических кризисов при капитализме с акцентированным вниманием к социальной проблематике. Не случайно именно в такие периоды резко возрастает интерес к самому К. Марксу и его научному наследию.

Безусловно, пытаться непосредственно переносить теоретический анализ, выполненный Марксом в «Капитале», на современный капитализм было бы наивно. Капитализм изначально формировался как органичная взаимосвязь *способа производства, мирохозяйственной системы и мира природы*. Маркс уделил основное внимание исследованию объективной природы капитализма как способа производства, обнаруживая в нем особый характер экономических отношений, проявляющийся в действии экономических законов и принципов его развития и в самой хозяйственной деятельности. Главная конфликтно-противоречивая ось определялась как такой антагонизм наемного труда и капитала, на котором базируется система капиталистической эксплуатации, определяющая ее историческую исчерпанность и возникающие ограничения в экономическом развитии. То, что капитализм необходимо видеть в таком трехмерном измерении, в единстве трех характеристик, которыми он наделялся с момента возникновения и по настоящее время, не исключает возможности смены теоретических приоритетов при его изучении.

Следовательно, капитализм XXI в. нельзя приравнять к капитализму середины XIX в., хотя по базовой природе он остался таким же. Новизна капиталистической системы хозяйства (связанная в первую очередь с монополистической трансформацией и особенностями мирохозяйственного устройства) закономерно требует существенной корректировки марксистской концепции капитализма, а в каких-то случаях — отказа от устаревших положений. Во всяком случае, понятно, что главным объектом современного политэкономического анализа становится монополистический капитализм в его историческом развитии, имеющий особенности в разных странах. В последние десятилетия состоялся переход от государственно-монополистического капитализма (ГМК-1) к глобально-монополистическому капитализму (ГМК-2) с доминированием финансового капитала [Рязанов, 2016, с. 13–26, 273–282].

Другое обстоятельство не менее существенно. Речь идет о том, что прошедший период отличался масштабным развитием экономической науки, и в самых разных направлениях удалось достичь немалых результатов и достижений. Поэтому современная версия марксизма не может не реагировать на все те изменения, которые произошли и происходят в различных звеньях мировой экономической мысли, прежде всего связанные с появлением неортодоксальных научных школ и течений, позиционирующих себя в качестве альтернативы современной неоклассике.

Закономерно возникает вопрос: нужно ли продолжать отстаивать положение о самодостаточности научного наследия Маркса или же стоит попытаться найти пути его сближения и интеграции с современными течениями критической научной мысли? Если относиться к нему как к Священному Писанию, настаивая на незыблемости его теоретических постулатов, то тогда его можно лишь комментировать и проповедовать. Вряд ли такой подход перспективен. Более плодотворным представляется другой подход. Он исходит из того, что для непосредственного развития самой марксистской теории важна возможность установления и поддержания диалога, а также практического взаимодействия с новыми научными течениями неортодоксального толка. Если придерживаться такой позиции, то не может не привлекать внимания выдвигаемая идея создания системного теоретического знания (единой науки), которое интегрировало бы всю совокупность накопленных неортодоксальных теоретических разработок во взаимосвязанное целое. Данная теоретическая перспектива, как утверждает представитель неортодоксальной политической экономии Ф. О'Хара, нацелена на то, чтобы «выявить тенденции к сближению между направлениями и показать, насколько это сближение важно для разработки альтернативного набора принципов, которыми должны руководствоваться исследователи и политики» [О'Хара, 2009, с. 38].

В силу многих причин названную цель реализовать непросто. Не исключая ее в перспективе и решая ближайшие задачи, вполне оправданным считаем выдвижение идеи синтеза как возможного сценария для расширения

взаимодействия совместимых по своим позициям теорий. Идея эта уже давно обсуждается в среде экономистов (хотя и не всеми из них разделяется); высказываются разные предложения по ее реализации.

Возможность политэкономии неомарксистского синтеза и ограниченность такого синтеза. В самом общем виде задача неомарксистского синтеза заключается в обеспечении соединения всего лучшего, что представлено в классической (марксистской) политэкономии с современными ее вариациями и дополнительными звеньями. Подобное соединение можно трактовать как вариант неомарксистского синтеза, который вполне резонно определить в качестве начального этапа в разработке *новой марксистской политической экономики*.

Насколько идея такого синтеза полезна для развития самой марксистской экономической теории, и насколько сам он ограничен?

Дело в том, что сам по себе обозначенный подход не является неким придуманным проектом, а отражает реально происходящие процессы в сфере научного знания, включая экономическое. Так, по мнению М. Вайцмана, в экономической науке новые теории появляются вследствие соединения нескольких ранее известных идей или как результат новой формулировки последних, что дает заметное увеличение числа теорий в темпе, который превышает темп экспоненциального роста [Курц, 2008, с. 15].

Вообще, настоящий синтез научных направлений предполагает, что его результатом становится появление нового направления, которое не представляет собой всего лишь улучшенный вариант одного из двух. Конечно, добиться его по многим причинам чрезвычайно сложно. Чаще всего речь может идти о дополнении и коррекции тех или иных положений базовой научной школы. Поэтому здесь больше оснований говорить об использовании междисциплинарной интеграции, которая характеризуется более плотным и непосредственным взаимодействием научных школ. Этим она отличается от дискурса как более простой коммуникации между ними с ее нацеленностью на диалог совместимых в научном плане позиций в интересах обновления и улучшения теоретического знания. Интеграция характеризуется тем, что она происходит на определенной теоретической платформе и своим конечным результатом имеет качественное обновление этой платформы. Именно в таком более простом варианте обратимся к анализу возможности реализации курса на проведение неомарксистского синтеза.

Как и в какой степени идея синтеза (интеграции) может быть реализована в целях развития и создания новой марксистской экономической теории и ее последующего использования в исследовании современного капитализма?

По существу, эта идея предполагает развитие теории марксизма за счет подключения теоретического и аналитического ресурса других научных школ, что определяет важность понимания природы и содержательной стороны такого возможного взаимодействия и интеграции. Для иллюстрации данной

проблемы полезно сослаться на характеристику неоклассического синтеза. Известно, что одним из его вдохновителей был П. Самуэльсон. Такой синтез выступал как форма компромисса неоклассики и неокейнсианства. Он был нацелен на соединение микроэкономики с макроэкономикой и предполагал тождественность достижения максимизации прибыли на микроуровне с максимизацией общественного благосостояния на макроуровне. Его основой стали разграничение неравновесия, которое может возникать в краткосрочном периоде, и восстановление равновесия в долгосрочной перспективе, которое в конечном счете проявляется в движении к равновесным ценам и равновесным доходам как результате действия конкуренции.

В хозяйственной практике неоклассический синтез в своей общей версии сохранял опору на механизм рыночного саморегулирования, по сути дела абстрагируясь от проблемы монополистического доминирования и подавления свободной конкуренции, хотя и не исключал их влияния, а также учитывал государственную подстройку макроэкономических процессов. Идея неоклассического синтеза базировалась на общей и согласованной позиции: обе школы признают возможность совершенства рационального выбора и эффективность рынков в фазе экономического подъема. В случае наступления рецессии допустимо активное использование государством кредитно-денежных рычагов и других мер при проведении антициклической политики для восстановления рынка и его последующего функционирования в самодостаточном режиме.

Тем самым неоклассический синтез был выстроен так, что в нем неоклассика (главная область которой — микроэкономика) была дополнена макроэкономикой, разработанной кейнсианской школой, что и определило содержание указанной модели теоретического синтеза. С одной стороны, она предполагала расширение объекта изучения, представляя капиталистическое хозяйство в единстве его двух уровней — микроэкономического и макроэкономического, с другой — нацеливалась на согласованное использование теоретического ресурса неоклассической и (нео)кейнсианской научных школ в его изучении.

К вопросу о том, насколько такой синтез оказался органичным, мы обратимся ниже. Пока же выясним, что может представлять собой теоретическая модель неомарксистского синтеза, иначе говоря, что и как должно сочетаться. Как представляется, в реализации подобной модели также следует идти от объекта изучения, на основе которого формируется соответствующее проблемное поле для теоретического анализа и требуется использование дополнительных аналитических инструментов. В данном случае имеется в виду то, как этот объект трактовал Маркс и что могут представлять собой направления расширения проблемного поля, которые его отражают.

В экономической теории Маркса, наиболее разработанной в «Капитале», в качестве объекта выбран капитализм свободной конкуренции. В черновых набросках к «Капиталу» Маркс, анализируя роль «конкуренции без ограни-

чений» как основную предпосылку у Рикардо, соглашался с ним и подчеркивал, что «это действительно имеет место» [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 46, ч. 1, с. 34]. Затем уже в самом «Капитале» положение о свободной конкуренции он дополнил его усилением, которое означало следующее: «При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон» [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 23, с. 280]. Маркс неоднократно указывал, что как законы капитализма, так и поведение самих участников производства — это реакция на «внешнее принуждение конкуренции». Именно благодаря совершенной конкуренции обеспечивается действие принципа выравнивания норм прибыли как рыночного регулятора, на основе которого происходит образование примерно равной прибыли на равновеликий капитал, характеризующее работу идеального механизма капиталистического хозяйствования.

Иначе говоря, свободная конкуренция рассматривалась в качестве важнейшей предпосылки осуществимости самих капиталистических производственных отношений в их наиболее совершенном варианте. Собственно, признание действия механизма конкуренции без ограничений равнозначно выбору в качестве объекта исследования идеальной конструкции капиталистического хозяйства, которую сам Маркс обозначал как «чистый капитализм». Характерно, что Энгельс в предисловии к третьему тому «Капитала» специально отмечал: «Без равной нормы прибыли капиталистическое производство было бы прямо невозможно» [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 25, ч. 1, с. 19]. Однако по мере развития капитализма оказалось, что такой способ производства возможен и на других основаниях.

Определение совершенной конкуренции в качестве исходной предпосылки может показаться теоретическим упрощением. Но в момент зарождения капитализма ее использование было оправданным, поскольку он изначально выдвигался как альтернатива господству «феодалных монополий». Пусть в ее реализации существовали практические препятствия, но это не отменяет возможности применения такой теоретической предпосылки. Ведь, согласно методологическому подходу Маркса, «в теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов» [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 25, ч. 1, с. 191–192].

Если исходить из модели «чистого капитализма», то тогда понятны и причины, по которым Маркс абстрагировался от наличия докапиталистических укладов и от роли мирового хозяйства. В одном случае предполагалось, что способность капитала поглощать иные формы хозяйствования и его экспансионистская природа устранят все мешающие ему барьеры и, в частности, разрушат мелкотоварный крестьянский уклад; в другом — для теоретического

обоснования выбрана была Англия, поскольку на тот период она представляла наиболее зрелую форму капиталистического производства, однако исследовалась вне привязки к мировому хозяйству.

По поводу предложенных абстракций Маркс писал: «Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 23, с. 594, сноска].

Для Маркса выбор чистой модели капитализма был необходим, чтобы раскрыть его природу и объяснить внутренние противоречия «без мешающих побочных обстоятельств». Однако в процессе последующего утверждения данного способа производства, не говоря уже о современном периоде, в его устройстве произошли крупные и принципиальные изменения. То, что можно было считать «побочными обстоятельствами», превратилось в реальную и значимую трансформацию капиталистического хозяйства. Капитализм стал монополистическим, а доминирование монополий привело к подавлению свободной конкуренции; однако одновременно структура капиталистического производства не упростилась, а еще более усложнилась с сохранением в ней некапиталистических хозяйственных единиц.

О такой возможности в конце XIX в. говорили русские народники (В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон и др.), разрабатывая теорию многоукладного хозяйства [Рязанов, 2011]. На примере России они доказывали, что возникновение модели смешанной экономики не является аномалией, а выступает как раз нормой в системе капиталистического хозяйства. В начале XX в. модель была дополнена созданной А. В. Чаяновым теорией устойчивости крестьянского хозяйства при капитализме, в дальнейшем подтвержденной при разработке концепции «моральной экономики», раскрывающей особенности сохранения крестьянского уклада в современной системе мирового капитализма. Более того, возможность возникновения некапиталистических форм хозяйства, даже в условиях зрелого капитализма, нашла подтверждение в наличии так называемых эксплоярных форм хозяйства, которые не ограничиваются аграрным трудом и способны проникнуть в другие сферы трудовой деятельности [Шанин, 1990].

В еще большей степени современный монополистический капитализм нельзя в полной мере понять, если не учитывать его мирохозяйственное устройство. Капитализм изначально формировался как «капитализм колоний» и впоследствии закрепился в виде центр-периферийного устройства, при котором капитал центра получает значительную часть сверхприбылей за счет эксплуатации периферии. Об этом писала Р. Люксембург уже в начале XX в.: «Капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формах, как в окружающей его среде: оно

прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» [Люксембург, 1934, с. 258].

Следовательно, в силу отмеченных обстоятельств, которые можно дополнить, современная система капиталистического хозяйства как объект политэкономического исследования требует внесения уточнений. Именно здесь возникает та зона, которая становится основой для подключения новых теоретических разработок и аналитических инструментов. Поэтому главное направление неомарксистского синтеза предполагает соединение и сочетание классической (идеальной) версии капитализма свободной конкуренции и современного монополистического капитализма периода глобализации (ГМК-2), который, реально функционируя и находясь во взаимосвязи с национальными системами хозяйства, должен стать объектом теоретического анализа.

Насколько идеальная версия капиталистического способа производства, разработанная Марксом, и современная модель монополистического капитализма периода глобализации внутренне сопряжены и не отвергают друг друга в этой конструкции синтеза? Иначе говоря, насколько такой синтез органичен?

Данный вопрос уместен, если учесть ситуацию с неоклассическим синтезом, при котором само соединение микро- и макроэкономики, как оказалось, не столько помогает, сколько отдаляет теоретический анализ от реальной экономики, усиливая его абстрактность и практическую ограниченность. Не случайно само разделение экономики на микро- и макроэкономику нередко трактуется как пример «шизофренического раздвоения».

В случае с теоретической моделью неомарксистского синтеза ситуация иная. Его органичность выражается в том, что природа капитализма как системы экономических отношений по-прежнему раскрывает характер эксплуатации, наличие внутренних и внешних противоречий, объясняет неизбежность негативных последствий (безработицу, социальное расслоение, разрушение природы и т. п.). Все это в равной степени (хотя в каких-то сферах — в большей, а в каких-то — в меньшей) присуще «двум капитализмам». И в своем идеале, и в своей реальности (как ГМК-2) — это не два противоположных объекта, а единый объект, не застывший и окаменевший в неизменном образе, а находящийся в исторически непрерываемом развитии и трансформации. Как в идеале, так и в современной версии ему в равной степени присущи исторические границы в развитии и финальная фаза.

Возможности неомарксистского синтеза. Какие преимущества содержатся в модели неомарксистского синтеза? Прежде всего, она позволяет уточнить и дополнить методологическое ядро, сложившееся в классическом варианте марксистской политической экономии, что чрезвычайно полезно для понимания современного капитализма.

Во-первых, теория стоимости в современных условиях должна быть перереформатирована с точки зрения действия мирового (глобального) закона стоимости. Такой вариант предложен, в частности, египетским экономистом и политологом С. Амином, который трактует процесс трансформации закона стоимости с расширением его действия на глобальное экономическое пространство. Он обосновывает выделение трех стадий в трансформации стоимости, происходившей в процессе развития капиталистического способа производства: 1) образование «цен производства» при становлении капитализма; 2) их трансформация в «рыночные цены», понимаемые как олигополистические цены современного капитализма; 3) возникновение «глобализированных цен», т.е. цен, появляющихся в формирующейся глобальной империалистической системе [Amin, 2010, p. 12]. Как считает С. Амин, действие закона всемирной (глобальной) стоимости позволяет объяснить природу современных (глобальных) рыночных цен, благодаря установлению которых транснациональные компании получают возможность присваивать империалистическую (монополистическую) ренту как сверхдоход и господствовать на рынках.

Во-вторых, теория прибавочной стоимости также должна претерпеть коррекцию. Если Маркс видел свою задачу в том, чтобы объяснить само возникновение названной теории в рамках стоимостных отношений, т.е. на основе возмездности и эквивалентности в рыночных сделках, то в условиях монополизма и центр-периферийного строения мирового капиталистического хозяйства эта теория должна быть дополнена неэквивалентными отношениями. В качестве примера изучения природы новой неэквивалентности в обмене в условиях современного капитализма можно назвать концепцию «экономического излишка», как она разрабатывалась американскими марксистами П. Бараном и П. Суизи [Baran, Sweezy, 1966, p. 12]. В их обосновании излишек возникает вследствие господства монополий на рынках за счет эксплуатации периферии как внутри капиталистических стран, так и особенно в мировом хозяйстве.

Означает ли это, что процесс производства прибавочной стоимости на основе эксплуатации наемного труда перестает действовать? Напротив, он по-прежнему объясняет природу капиталистического производства, раскрывая отношения эксплуатации наемного труда, которая не ограничивается национально-государственными рамками, распространяясь на все мировое хозяйство и выступая как система всеобщей (глобальной) эксплуатации труда, а ныне и природной среды. Если Марксу было важно исследовать прибавочную стоимость «независимо от особых форм», в которых она выступает, то для современного капитализма процесс производства прибавочной стоимости уже нельзя отрывать от ее конкретных форм, имея в виду те новые возможности получения сверхприбылей, которые появились с учетом мировой системы капитализма и роли финансовых технологий в образовании спекулятивных доходов.

В-третьих, реально функционирующая система капиталистического хозяйствования, которая основывается на преобладании монопольных производителей и монопольной конкуренции, своим результатом имеет подрыв действия механизма усреднения нормы прибыли, что определяет более сложное и противоречивое соотношение неравновесия и равновесия в экономике. В этих условиях в системе динамического неравновесия равновесие выступает лишь один из его возможных, но краткосрочных моментов. Соответственно, возникают новые зоны диспропорций, которые отражают измененный характер соотношения реального и финансового секторов хозяйства и выявляют дополнительные внутренние и внешние ограничения в развитии с обновленной характеристикой причин цикличности и экономических кризисов.

Вполне понятно, что приведенными новыми чертами, которыми отличается современный капитализм, не исчерпываются его особенности. Развивающийся состав производительных сил в условиях произошедших научно-технических революционных изменений и вызревание новой их волны, с одной стороны, ведут к возникновению новой комбинации факторов производства, расширяя потенциал экономики, с другой — предопределяют неизбежность продолжения трансформации системы капиталистических экономических отношений и механизма хозяйствования, которая сопровождается появлением дополнительных ограничений роста, отражая растущую непредсказуемость, высокие риски и усиливающуюся противоречивость. Что же касается процесса капиталистического производства товаров, то он дополнился формированием обособленного рынка денег, создавшего огромные возможности для спекулятивных операций и масштабных прибылей. К этому следует добавить появление рынка симулякров, который приводит к разрастанию иррациональности и виртуальности в хозяйственной деятельности, подавляя реальные ценности и мотивы к труду. И подобных примеров новизны в природе современного капитализма, без анализа которых нельзя представить его полноценную характеристику, возникло немало.

Таким образом, в рамках реализации идеи неомарксистского синтеза сам методологический подход к современному капитализму и теоретические оценки закономерностей его развития обогащаются за счет внесенных корректировок и дополнений. Опора на неомарксистский синтез, образуя мостик между прошлым и настоящим, помогает формированию новой марксистской политэкономии как развивающейся научной системы знания с работающим аналитическим и прогностическим аппаратом.

Что же касается модели такого синтеза, то лучше всего предварить ее обсуждение ответом на вопрос о том, что объединяет марксистский подход с разными неортодоксальными течениями в экономической науке. Можно выделить по крайней мере три признака, характеризующих совпадающие теоретические и практические позиции указанных течений.

Во-первых, все эти течения признают роль классической политэкономии в качестве своего непосредственного истока и начала, а значит, признают теории стоимости и прибавочной стоимости. Поэтому они позиционируют себя как альтернативу неоклассической ортодоксальной школы, отвергая ее претензию на научную монополию и отстаивая важность плюралистичности и антидогматичности в сфере научного знания. С этим связан поиск новых ресурсов в развитии экономической науки, преодолевающий ее кризис и восстанавливающий авторитет для хозяйственной практики и для проведения успешной экономической политики.

Во-вторых, их объединяет стремление опереться на диалектический метод в исследованиях. Во всяком случае, для них характерны отстаивание приоритетности выявления причинно-следственных связей в экономике и преимущественное внимание к качественной стороне хозяйственной деятельности с отказом от абсолютизации применения количественных методов.

В-третьих, большинство из них также критично настроены по отношению к сформировавшейся неолиберальной модели капитализма, особенно с учетом нынешнего варианта доминирования спекулятивно-финансового капитала и экспансии глобализма. Поэтому практическая направленность теоретических изысканий отражается в выработке разного рода проектов глубокого реформирования сложившейся системы капиталистического хозяйства и отвергает идеализацию рыночного механизма, нацеливаясь на усиление социально-экологической ориентации развития производства, на защиту интересов основной части населения современного капиталистического общества.

Следующим этапом построения модели теоретического синтеза становится выбор его базового (исходного) звена с соответствующим обозначением. Как ранее отмечалось, таким исходным звеном с полным правом может выступать экономическая теория Маркса, в первую очередь его «Капитал», а саму модель синтеза в таком случае логично назвать политэкономией «неомарксистского синтеза» как основы разработки новой марксистской политической экономии. Предлагаемая близкая версия в виде модели «постклассического синтеза» [Бузгалин, Колганов, 2016; Воейков, 2014], на наш взгляд, хотя и возможна, но все же менее удачна и имеет определенные недостатки. Дело в том, что экономическая теория Маркса — это действительно завершенная и зрелая версия развития классической традиции в экономической науке и вполне заслуженно может претендовать на статус базовой теоретической платформы.

Другим обстоятельством, подкрепляющим данное предложение, является отличие одной из принципиальных установок классической школы Смита — Рикардо. Хорошо известно, что они были сторонниками либеральной версии рыночной экономики, идеализируя потенциал рыночной самоорганизации, поэтому здесь экономисты-классики ближе к неоклассической школе, а не к ее оппонентам.

Обратимся теперь к вопросу о возможном составе современной политэкономической школы неомарксистского синтеза. Еще раз подчеркнем, что в его формировании должно присутствовать наличие совместимости в теоретико-методологической сфере, что и позволяет дополнять или даже выстраивать новую теоретическую систему. Важно избежать эклектичности в соединении научных идей, чтобы сложились основания для реализации такого свойства в научном взаимодействии, как комплементарность. Для этого подобное соединение должно выступать в качестве реальной потребности в развитии научного познания с учетом появления новых обстоятельств.

Дополнительными предпосылками, влияющими на включение в процесс собирания участников синтеза, выступают, с одной стороны, реакция на потребность в расширении проблемного поля, которая отражает появление новых феноменов в исследуемой общественно-экономической системе, с другой — потребность привлечения менее освоенных или новых аналитических инструментов, которые возникают по мере совершенствования самого научного аппарата.

Если выстраивать модель синтеза в форме интеграции с учетом отмеченных предпосылок, то ее базовая (исходная) теоретическая платформа должна опираться на марксистскую версию классической политэкономии, дополненную и расширенную за счет привлечения в первую очередь теоретических разработок неортодоксальных научных школ.

Первым таким дополняющим ресурсом можно считать кейнсианскую экономическую теорию и ее современную посткейнсианскую версию. В связи с этим определенный вопрос возникает по поводу попыток ее включения в так называемый неоклассический синтез.

Опыт применения неоклассического синтеза последовательные представители кейнсианства признают в принципе негативным. Как считает Р. Скидельски, его нельзя считать интеллектуально безупречным: «Он не смог упорядочить отношения между микро- и макроэкономикой. Отсутствовала логика перехода от оптимизирующего поведения индивидов, предполагаемого в сфере микроэкономики, к его вредным макроэкономическим последствиям, которые оправдывали теорию антициклической политики» [Скидельски, 2011, с. 134]. Тем самым соединение неоклассической школы с кейнсианством резонно оценить как пример неорганичного синтеза, тем более что современная версия развития неоклассической школы фактически пошла по пути отказа от идеи неоклассического синтеза, взяв на вооружение решение задачи подстраивания, а по существу — растворения макроэкономики в пространстве микроэкономического анализа.

Вот почему более обоснованной можно считать возможность подключения научного аппарата кейнсианской школы в качестве составного звена к политэкономии неомарксистского синтеза. Причем в данном случае важно опереться на ее развитие в современной посткейнсианской версии. Как до-

казывает А. Эйхнер, решение задачи выработки новой версии кейнсианства обеспечивается подключением к теории эффективного спроса Кейнса, динамическим моделям роста Р. Харрода и Дж. Неймана, теории производства В. Леонтьева, теории стоимости П. Сраффы и модели распределения и цен М. Калецкого [Эйхнер, 2004, с. 351]. В подтверждение возможности такого синтеза американский экономист ссылается на работу Дж. Робинсон, которая смогла их обобщить в виде согласованной модели, усилив кейнсианский краткосрочный анализ исследованием долгосрочных факторов накопления капитала [Robinson, 1956]. В ее исследовании важную роль играют такие факторы, как циклические колебания, условия формирования потенциала потребления и влияние на накопление капитала, движение цен и заработной платы и т. п. Причем в поддержании долгосрочного экономического роста выделялась особая роль повышения реальной заработной платы в той же степени, с какой растет производство на душу населения. Кроме того, признанный лидер посткейнсианства поддерживала идею синтеза с теорией марксизма, обосновывая возможность подключения к нему современного аналитического аппарата.

Представляет интерес и соображение А. Эйхнера о том, что наличие связи теории Кейнса с классической политэкономической традицией дает основание называть рассматриваемое направление не посткейнсианским, а постклассическим синтезом [Эйхнер, 2004, с. 41].

Близость марксизма и кейнсианства особенно представлена в совпадении их позиций по поводу признания внутренних причин неизбежности кризисов при капитализме, а также в отказе от идеализации рыночного механизма саморегулирования. При этом Кейнс развил обоснование неравновесия, присутствующего капиталистическому способу производства, связав его с рынком труда, которому органично присущ избыток рабочей силы.

Самое принципиальное отличие между Марксом и Кейнсом заключается в трактовке последствий кризисно-циклического развития капиталистической экономики. Для Маркса их непреодолимость обуславливает неизбежность обострения противоречий, что предопределяет вывод об исторической бесперспективности капиталистической системы хозяйства. Что же касается Кейнса, то его теоретическая платформа и свод практических рекомендаций, в отличие от Маркса, были направлены на защиту капитализма, но с ориентацией на его глубокое реформирование.

Другим важным аналитическим ресурсом для политэкономии неомарксистского синтеза, представленным уже в посткейнсианстве, является критическая разработка роли финансового капитала в развитии современного капитализма. Дело в том, что классическая политэкономия в качестве главного объекта выделяла сферу промышленного производства, поскольку именно она играла определяющую роль в создании общественного богатства, что обусловило недооценку значимости финансовой деятельности. Вторичная роль финансов применительно к ранней стадии промышленного капитализма имела

основания. Для Маркса она подкреплялась тем, что в его подходе все формы прибыли рассматривались как превращенные формы прибавочной стоимости, которые создаются трудом наемных рабочих в сфере производства и безвозмездно присваиваются разными отрядами предпринимательского класса. Для капитализма после Маркса значение финансов претерпевает принципиальное изменение. Вначале оно выражалось во встроенности финансов в воспроизводственный процесс с возрастающей ролью в его обслуживании. Затем происходило последовательное переподчинение производства финансовыми институтами, к которым в процессе слияния промышленного и финансового капитала перешли основные властные рычаги и контроль за производственными активами. Такое изменение характера взаимодействия промышленного и финансового капитала в начале XX в. было зафиксировано в экономических трудах Р. Гильфердинга, В. И. Ленина, К. Каутского, а затем — в трудах посткейнсианцев (Х. Мински и др.).

Уже такого рода изменения предопределяют необходимость пристального изучения места и роли финансовой сферы в переустройстве капиталистического хозяйства. Однако на этом оно не остановилось. К концу XX в. финансовая сфера приобрела качество самодостаточности с возможностью получать сверхвысокие доходы за счет использования финансовых технологий на всем глобальном экономическом пространстве и вне непосредственной связи с производственной деятельностью. Таким образом, монополистический капитализм в варианте финансового капитализма выдвигается в качестве центрального объекта политэкономии неомарксистского синтеза на современном этапе, что, в свою очередь, предполагает новое изучение влияния происходящих изменений на ключевые экономические категории (деньги, капитал, прибавочная стоимость (прибыль) и др.). Еще более значимо исследование финансовой сферы с учетом ее во многом определяющей роли в наступлении кризисов в экономике современного глобального капитализма.

Наряду с кейнсианством (посткейнсианством) на вхождение в состав политэкономии неомарксистского синтеза могут претендовать определенные разработки, полученные другими научными школами, близкими к марксизму по своим теоретическим установкам. В качестве примера следует выделить школу институциональной экономики и школу мир-системного анализа.

Теория институционализма полезна тем, что она продолжила традицию исследования роли «особенного» в экономике, заложенную историческими школами в Европе (Германии, России и др.) [Рязанов, 2019, с. 123–137]. В этом качестве данная теория дополнила классическую школу политэкономии с ее главным вниманием к общим закономерностям экономического развития и одновременно выступила в качестве альтернативы неоклассике и апологии рыночного саморегулирования. Поэтому та часть институционализма, которая сохранила приверженность своим изначальным методологическим позициям, может стать полноправным участником неомарксистского син-

теза. Благодаря анализу взаимосвязи формальных институтов (организаций, норм, правил и т. д.) с неформальными институтами (традициями, обычаями, особенностями менталитета и т. п.), которые формируются в каждой стране и имеют свою специфику, обеспечивается учет национального своеобразия в экономических отношениях и хозяйственном устройстве.

Важным преимуществом в их исследовании становится использование соответствующего аналитического аппарата — транзакционных издержек, имущественных прав, контрактов и т. д. На этой основе появляется возможность расширить границы экономического анализа, дополнив их новыми и практически важными проблемными полями.

Еще одно достоинство институционализма заключается в том, что анализ капиталистического способа производства дополняется более детальным исследованием самих субъектов и субъективной стороны хозяйственной деятельности. Это позволило, во-первых, раскрыть недостатки в трактовке рациональности экономического поведения хозяйствующих агентов, вместо которой была выдвинута гипотеза «ограниченной рациональности», во-вторых, рассматривать экономические отношения в тесной взаимосвязи с их юридическими формами, посредством которых они осуществляются. Тем самым конкретно-исторический способ производства и его национальные модели приобретают дополнительные и завершенные характеристики.

Что касается традиций и обычаев, они не менее существенны в раскрытии природы экономических отношений, характеризуя особенности менталитета и экономического поведения индивидов. Изучение норм и правил позволяет сделать еще один шаг в сторону сближения самой теории с реальностью хозяйственной жизни, для понимания которой большое значение приобретает складывающаяся в каждой стране система таких правил и норм. Этим преодолевается узость сугубо экономического подхода, а сама хозяйственная система предстает открытой научной системой. В ней непосредственно взаимодействуют объективные и субъективные отношения, экономические и неэкономические факторы (социальные, правовые, религиозные и т. д.). Отсюда не случайно представляется выдвижение идеи разработки «институциональной политической экономии» [Буайе и др., 2008].

Целесообразность включения школы мир-системного анализа в состав неомарксистского синтеза определяется тем, что проведенные ее представителями (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, С. Амин и др.) исследования особенностей и форм эксплуатации «центром» капитализма своих разноплановых периферийных зон раскрывают принципиально важный срез в развитии капиталистического способа производства, который должен учитываться в анализе современного капитализма. Ведь для ГМК-2 возможность получения высоких прибылей во многом определяется ролью мирохозяйственных отношений. В свою очередь, само экономическое благополучие развитых капиталистических стран и снятие остроты внутренних социальных

противоречий обусловлены использованием в этих целях получаемых доходов и преимуществ с периферии мирового хозяйства.

Кроме того, мир-системный подход полезен и с точки зрения анализа места и роли национальных экономик в глобально сформировавшемся капитализме, особенно в связи с тем, как страны периферийных зон встраиваются в структуру глобального капитализма и функционируют в системе мирового капитализма, тем более что соотношение глобального и национального в экономическом развитии требует глубокого переосмысления с учетом кризиса глобализма, особенно остро проявившегося в мировом кризисе 2008–2009 гг.

Таким образом, ядро разрабатываемой модели политэкономии неомарксистского синтеза можно представить в первом приближении в виде такой формулы: «марксистская экономическая теория + кейнсианство (посткейнсианство) + институционализм + мир-системный анализ + ...».

Указанные звенья не исчерпывают всего предполагаемого состава модели. Не меньшее значение для предлагаемого синтеза имеют собственно марксистские разработки, возникшие в более поздние периоды, в первую очередь представленные в теории империализма (Р. Гильфердинг, В. И. Ленин, Р. Люксембург и др.). Также для понимания возможности и перспектив посткапиталистического развития должен приниматься во внимание опыт социалистического переустройства, накопленный в XX в. в СССР и других странах. Еще один непреходящий ресурс — это научный потенциал школы радикальной политэкономии и других направлений критической научной школы. Кроме того, достижения исторической школы с особым акцентом на изучение национального срезка экономических отношений, использование философско-хозяйственного и социологического методов в экономике — все это примеры полезности для дальнейшей разработки новой марксистской политической экономии.

В числе результатов курса на неомарксистский синтез — определенная корректировка и дополнение определения предмета современной политической экономии. В таком новом качестве ее предметом выступает *конкретно-исторический тип социально-экономических отношений между хозяйствующими субъектами в общественном воспроизводстве товаров и услуг, которые опосредуются финансовой деятельностью и реализуются в хозяйственной практике через формальные нормы и неформальные правила.*

Предложенный вариант предмета современной политической экономии развивает классическую (материально-производственную) традицию с ее трактовкой как науки об экономических отношениях, возникающих в процессе воспроизводства благ; вместе с тем этот вариант включает в себя новые характеристики, отражающие существенные изменения в социально-хозяйственном устройстве современного капитализма как развивающегося явления. Речь идет о следующих новых элементах в определении предмета данной науки.

Прежде всего в этом определении воспроизводство материальных благ, характеризующее вещественное содержание богатства, дополняется учетом

воспроизводства услуг, которые отражают возрастающую значимость духовных (нематериальных) благ в самой трактовке богатства. Такое дополнение согласуется одной из разрабатывавшихся К. Марксом линий в раскрытии природы общественного процесса производства. В соответствии с ней богатство не должно сводиться лишь к вещественному содержанию. Фактически конечным результатом экономической деятельности становятся сам человек в многообразии его качеств и его жизнь.

Экономические отношения, возникающие между хозяйствующими субъектами, одновременно выступают как социальные отношения, поскольку в процессе воспроизводства товаров и услуг создается общественное богатство, производство и распределение которого раскрывает противоречивость интересов разных социальных групп, указывающая на возникновение отношений равенства — неравенства, справедливости — несправедливости, эксплуатации — неэксплуатации. На их основе формируется социально-классовая структура общества и создаются социальные предпосылки, влияющие на характер экономического развития.

Еще один новый элемент, который должен быть внесен в характеристику предмета современной политэкономии, касается уточнения ее объекта. Как отмечалось выше, не только сфера реального производства, но и финансовая деятельность становится важной областью формирования соответствующего типа экономических отношений и потому должна входить в круг проблем, непосредственно исследуемых политической экономией.

Наконец, отметим целесообразность включения в предмет политэкономической дисциплины норм и правил (обычаев) с соответствующим аналитическим аппаратом (транзакционными издержками, имущественными правами, контрактами и т. д.).

В такой уточненной версии политическая экономия приобретает новое качество в исследовании современного капитализма. Что касается дальнейшей разработки модели политэкономии неомарксистского синтеза, то ее можно определить тройным образом:

- 1) она предполагает расширение проблемного поля, что позволяет дополнить экономическое пространство более детальной его сегментацией, раскрывающей гетерогенность в отличие от гомогенности, фиксируемой в универсальности и однородности его составных частей;
- 2) она нацелена на обогащение аналитического аппарата и методологического потенциала за счет привлечения усовершенствованных исследовательских приемов других научных школ, которые близки по своим главным характеристикам и целям классической политэкономической традиции;
- 3) она ориентирована на учет практических рекомендаций и многообразие вариантов в выборе альтернативных путей общественно-эко-

номического развития и переустройства общества, которые присутствуют в разных направлениях неортодоксальных экономических взглядов и выдвигаются ими.

Заключительные замечания. В завершение остановимся на вопросе о том, что дает идея неомарксистского синтеза для экономической науки. Серьезным ее результатом становится преодоление теоретической самодостаточности (закрытости) классического марксизма, которая особенно ярко проявилась в догматизме марксизма в советской обществоведческой практике. Чем все это закончилось для советской политической экономии, хорошо известно. Поэтому современный облик политэкономии должен характеризоваться открытостью к новым идеям и диалогичностью.

Обогащение политэкономической марксистской традиции научными идеями неортодоксальных направлений экономической мысли устраняет социально-классовую одномерность, дополняя эту традицию новыми смыслами и характеристиками, ведь сама экономика представляет собой многомерную и многогранную реальность. Даже система социально-экономических противоречий капитализма, которая занимает центральное место в классическом марксизме, не сводится к противоречиям между трудом и капиталом. Она значительно богаче по своему составу и изменчива, рождая по мере развития капитализма новые острые формы своего проявления, которые должны изучаться.

Реализация курса на создание политэкономии неомарксистского синтеза с выходом на новую марксистскую политическую экономию синтетического типа потенциально обладает не менее существенным преимуществом, связанным с потребностью в усилении ее ориентации на решение практических задач. Особенно это касается использования марксистской теории общественного воспроизводства, важнейшим звеном которой выступает теория кризисов. Обоснованность данной теории многократно подтверждалась в истории экономического развития капитализма, и самые последние события в этой сфере подкрепляют такой вывод [Рязанов, 2015].

Вместе с тем теоретическую модель кризиса, в основе своей созданную К. Марксом, следует дополнить соответствующей разработкой антикризисной политики. В этом случае раскрытие объективных причин наступления кризисов при капитализме может вполне послужить хорошей основой для обоснования более эффективных антикризисных мер, которые обладают существенными преимуществами по сравнению с применяемыми правительствами разных стран либерально-монетаристскими методами с их нацеленностью на защиту интересов правящего класса. Тем самым появляется возможность дать содержательную оценку аналогичных мер, выдвигаемых различными научными школами, и связать ее с экономическими интересами противоборствующих классов. При таком подходе разработка альтернативной программы

антикризисных мер, основанной на стремлении минимизировать неблагоприятные последствия для социального большинства и в первую очередь для работников наемного труда, страдающих от кризисных потрясений, становится важным ресурсом в экономической и социально-политической борьбе за глубокое реформирование современного капиталистического общества, одновременно способствуя повышению привлекательности самого политэкономического подхода с его ориентацией на достижение практической пользы.

В заключение сошлемся на Ф.Энгельса, который в одном из своих последних писем напомнил о принципиальном положении, касающемся всего творчества Маркса. Все его миропонимание, подчеркивалось в письме, — «это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» [Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 39, с. 352]. И методом этим важно творчески и с пользой воспользоваться для переосмысления как теории современного капитализма, так и особенностей его хозяйственной практики.

Список литературы

- Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. 2008. Том 9, № 3. С. 17–24.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. [Пост]классическая политическая экономия: потенциал решения проблем социально-экономической политики // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 10–35.
- Воейков М. И. Политическая экономия: очерки и этюды. СПб., 2014.
- Куриц Х. Д. Куда идет история экономических учений: медленно движется в никуда? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2008. Вып. 3. С. 3–25.
- Люксембург Р. Накопление капитала. М.; Л., 1934.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М., 1955–1981.
- О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономии // Вопросы экономики. 2009. № 12. С. 38–57.
- Рязанов В. Т. Политическая экономия особенного: начала русской исследовательской традиции // Российский экономический журнал. 2011. № 5. С. 22–48.
- Рязанов В. Т. Политическая экономия и ее аналитические возможности: проверка теоретической модели кризисов // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 25–38.
- Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016.
- Рязанов В. Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб., 2019.
- Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М., 2011.

Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109–115.

Эйхнер А. Почему экономикс еще не наука? // Теория капитала и экономического роста / под ред. С. С. Дзарасова. М., 2004.

Amin S. The law of worldwide value. Monthly Review Press. New York, 2010.

Baran P. A., Sweezy P. M. Monopoly Capital. New York: Monthly Review Press, 1966.

Kouvelakis S. The Crises of Marxism and the Transformation of Capitalism // Critical Companion contemporary Marxism / eds J. Bidet, S. Kouvelakis. Leiden; Boston, 2008. P. 23–38.

Robinson J. The Accumulation of Capital. London, 1956.

М. А. Румянцев

Трансграничные процессы в экономике современного капитализма: природа, логика, формы

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Румянцев М. А. Трансграничные процессы в экономике современного капитализма: природа, логика, формы // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономики (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 185–201.

В статье обоснована методология исследования трансформационных процессов в современной экономике. Исследованы закономерности, действующие на границах социально-экономических систем. Определена дискретная природа трансграничных процессов и проведена их систематизация. Доказано, что современный мировой кризис разворачивается как череда кризисов на границах капитализма. Специфика исторической динамики России раскрыта в качестве периодической смены центров развития и проведения больших инфраструктурных проектов. Преодоление кризисов позднего капитализма в России связывается с реализацией инфраструктурных проектов, которые снижают уровень неопределенности в экономике и являются драйверами инновационного развития.

Ключевые слова: кризис, граница, трансграничные переходы, поздний капитализм, дисбалансы, большие проекты, пространственные циклы развития.

Введение. Снижение эффективности прогнозирования и стратегий управления экономикой в условиях нарастания рисков неопределенности будущего выступает наглядной характеристикой современного трансформационного кризиса капитализма, достигшего своих исторических пределов. Результативность стандартных макроэкономических стратегий государств падает в силу дискретного, т.е. выпадающего из привычной логики характера трансформационных процессов. Для уяснения существа трансформационных процессов важно понятие сингулярности. Сингулярность представляет собой «вертикальную фазу трансформации» экономической системы [Деменюк, 2014, с. 35], прогнозирование изменений которой на основе линейного подхода к хозяйственному развитию малопродуктивно. С позиций привычных экономических логик увидеть в дальней перспективе, «что там, за горизонтом», невозможно. Вследствие потери экономикой предсказуемости и определенности будущего происходит рассогласование целей хозяйственных агентов, их планы становятся трудно совместимыми, уровень доверия в экономике падает. В оптике сингулярности снижение уровня неопределенности предполагает управление базисными процессами долговременного воспроизводства экономической системы. Наименее подвержены рискам неопределенности источники нату-

ральной ренты. Это приводит к обострению борьбы государств и корпораций за контроль над природными ресурсами и территориями, за право получать природные ренты. Но современная геополитика приводит экономику скорее к примитивизации, чем к развитию. Где же можно увидеть рождение новых качественных параметров экономики, управление которыми позволяет стимулировать движущие силы развития и расширить горизонты планирования в условиях продолжающихся трансформационных кризисов позднего капитализма? И как новые качественные параметры экономики могут быть органично встроены в общественно-хозяйственную динамику России с ее особенностями и историческими ритмами?

Для ответа на эти вопросы в настоящей статье: а) обоснована методология исследования кризисов позднего капитализма; б) выдвинута и доказана гипотеза о трансграничной природе экономических процессов в современном мире; в) систематизированы противоречия современного или позднего капитализма; г) большие инфраструктурные проекты определены в качестве параметров порядка и движущих сил развития экономики России в условиях нарастания неопределенности.

I. Философские основания исследования трансграничных процессов.

Мирохозяйственные изменения, происходящие на наших глазах, явно выпадают из привычной логики событий и знаменуют начало содержательных трансформаций в обществе, в экономике, в технологиях. Любой трансформационный процесс есть переход границ между старым и новым, поэтому необходимо обосновать методологию исследования смены общественно-хозяйственных эпох — методологию трансграничных переходов в движении экономики. Тема границы необъятна, и потому для пользы дела и строгости изложения материал настоящей статьи представлен в виде логически связанных между собой положений.

Размышлять о границе — значит увидеть особенную область в бытии и мышлении. Граница — это начало и конец всякого бытия или вещи, смена состояний, «ситуация между», разделяющая, но и соединяющая свое и иное. Философское определение границы исходит из пронизанности мира (как и любой вещи) отношениями конечности и бесконечности. Мир одновременно конечен и бесконечен, имеет границу и не имеет ее, и это касается любого объекта нашего мышления. Если мы не видим ни конца, ни края вещи, то пребываем в дурной бесконечности, в которой любой объект принципиально неопределен. Следовательно, бесконечное — это нечто осмысленное и оформленное, и в таком смысле — конечное. В «умной бесконечности», как показал А. Ф. Лосев, находят себя и бесконечное становление вещи, и ее границы [Лосев, 1990]. Тогда мы сможем увидеть в мире сосуществование разнообразных типов бесконечности. Такого рода осмысленные, актуальные бесконечности мы находим в математике в теории упорядоченных множеств. Все это означает следующее:

- любая вещь (мир, экономика) имеет такую структуру, что дальнейшее продвижение за пределы этой структуры оказывается невозможным;
- стало быть, любая вещь (мир, экономика) должна иметь неоднородную структуру; если вещь представляет собой однородное пространство, то двигаться по нему можно бесконечно, бессмысленно и бесцельно;
- если вещь имеет неоднородную структуру, то она должна иметь свою периферию — такое пространство около своей границы, которое не дает возможности выйти за эту границу и принуждает нас двигаться по этой границе, по периферии вещи;
- тогда мы вправе говорить об особой конфигурации этого неоднородного, периферийного граничного пространства с его особой фигурностью, «фрактальностью», «плотностью», об особых подвижных состояниях вещи, которые могут расширяться и сжиматься, изменяя при этом саму вещь в ее пределах, в ее очертаниях; фрактальная геометрия, например, изучает именно конфигурацию, особые очертания окружающего нас мира вещей;
- следовательно, движение вещи по границе есть особое движение с особыми видоизменениями, предполагающими деформации, мутации и мнимые формы; последнее хорошо видно на положении теории относительности: когда тело движется со скоростью света, то его объемом становится равным нулю; и тело становится мнимой величиной, оставаясь по смыслу телом, но в другом, мнимом облике — в пограничном состоянии [Лосев, 1990, с. 524–525, 591–593].

Итак, мир границы — это другой мир. Но в чем состоит смысл движения вещи к своей границе, принцип ее развертывания?

Граница есть истина движения вещи. Вещь движется от своего начала к концу, к границе, и подобное становление вещи (категории) бесконечно. Вспомним, сколько конечностей и бесконечностей содержится в обычном натуральном ряду чисел. Но всякое становление, по мысли А. Ф. Лосева, возможно только тогда, когда при всех изменениях есть и что-то нестановящееся, неизменное — нестановящаяся основа. Эта нестановящаяся основа любой вещи есть предел ее движения, ее конец или цель движения [Лосев, 1990, с. 595]. Иными словами, самодвижение любой вещи (категории) сводится к ее предельному значению, и только в нем прозрачно проступает цель, к которой вещь стремится. Граница, или предел, есть истина любой вещи. На границе внутренние противоречия и содержание вещи оказываются исчерпанными, завершенными. Новая категория или вещь является пределом бесконечного становления предыдущей. Хозяйство развивается как целое: в его движении разрешается противоречие между его становлением в истории и пределом этого становления — границей с другими типами хозяйства [Румянцев, 2014, с. 27].

Граница — это водораздел, где вещь (категория) сосуществует со своим иным. С диалектической точки зрения явление, которое впоследствии становится всеобщим, вначале возникает как единичное и особенное в рамках прежней вещи (или системы). История добуржуазных эпох показывает, что капитал длительное время оставался подчиненным и зависимым фактором производства, частным случаем в рамках некапиталистических хозяйственных отношений. Реально всеобщим — в смысле закона, объединяющего все элементы хозяйствования в целое, в тотальность, — капитал становится только в исторических пределах капиталистического типа хозяйства [Ильенков, 1984, с. 255–256, 284].

Это положение требует развития. Каким образом можно определить специфику процессов, проходящих на границе вещей, категорий, экономических систем или исторических эпох?

Трансграничные процессы суть дискретные изменения, обособленные во времени и пространстве от общего хода событий. Какое-то представление о граничных и трансграничных процессах дают наработки теории систем и синергетики (понятия нелинейности, хаоса, порядка, турбулентности, резонанса, асинхронности и т. п.). Действительно, трансграничные процессы принципиально нелинейны: они ведут к качественному изменению типа динамики системы в результате ряда синхронных воздействий на нее. В итоге получается что-то иное. Уход старых структур и рождение новых нарушают непрерывный и плавный ход истории. В этом ракурсе история видится как развилка путей, состоящий из взлетов и падений, системных кризисов и катастроф, тупиков и переходов. Ясно, что такого рода изменения оказываются разрывами, отединенными от общего хода развития и обособленными в пространстве и времени. Аспект дискретности развития становится ключевым при характеристике трансграничных процессов [Румянцев, 2014, с. 28].

В экономической науке идея скачка, перерыва постепенности при смене общественных формаций содержится в марксизме. Особое внимание на дискретные процессы в экономике обращали исследователи длинных волн и исторической динамики капитализма. Н. Д. Кондратьев считал, что смена и расширение фонда капитальных благ *«идут не плавно, а толчками, другим выражением чего и являются большие волны конъюнктуры»* (выделено Н. Д. Кондратьевым. — М. Р.) [Кондратьев, 2002, с. 391]. Г. Менш продолжил эту линию в концепции «метаморфозной модели» экономического развития посредством прерывистых инновационных толчков [Арриги, 2006, с. 48]. Идея дискретности экономического развития была подхвачена и развита Дж. Арриги в его «метаморфозной модели» системных циклов накопления капитала, в которой периоды «турбулентности» (нестабильности, дезорганизации) в капиталистической мир-экономике связываются с передислокацией мировых центров накопления капитала [Арриги, 2006, с. 39–66]. О периодах взрывной аритмии при

переходе от инновационной стадии к финансовой стадии развития технико-экономических парадигм писала К. Перес [Перес, 2011].

В пограничных зонах движение экономики принимает совершенно особые формы переходов и трансформаций, зачастую долговременных и не сразу заметных — до поры — процессов рождения новой реальности. Ключ к пониманию специфики трансграничных переходов обнаруживается в принципе «обратной перспективы», разработанном П. А. Флоренским для сравнения западноевропейской живописи и православной иконы. Чем дальше в обратной перспективе видится нечто, тем оно больше, и, наоборот, чем оно ближе, тем по своему значению меньше [Флоренский, 1993, с. 175–281]. Иными словами, на границе происходит своего рода оборотничество нового и старого: *новые формы хозяйства и мышления всегда формируются на базе первопринципа своего движения, который рождается во времени позже, чем его исторические предпосылки, а затем превращает эти предпосылки в свои периферийные формы, меняя их роль в общественной системе.* Необходимые для становления нового институты и институции прошлого попадают на периферию новой общественной системы, как и их субъекты. Вспомним, что первичные элементы научного мышления были принесены в раннесредневековую провинциальную Европу в результате арабских завоеваний. Однако после эпохи Просвещения и промышленной революции уже арабский мир оказался периферией западной мир-экономики.

До сих пор речь шла об объективных параметрах граничных ситуаций, но в условиях повышенной хрупкости, альтернативности и полного отсутствия предопределенности трансграничных процессов решающая роль принадлежит человеку и рукотворным началам, идущим от сознания и воли людей. Именно в переломные эпохи субъектные факторы экономики выходят на первый план.

Воля и пассионарность новых субъектов периодически приводят к большим взрывам — формационным и цивилизационным сдвигам в истории. За духовным овладением миром на основе продвижения своих ценностей следует материальное, экономическое овладение им. Здесь достаточно сказать о роли первохристианских и мусульманских общин, а также сетей псевдохристианских сектантов в развитии соответственно христианских, исламских и буржуазных хозяйственных типов. Выплеск психической энергии во внешний мир в итоге приводит к новому качеству экзистенциальных хозяйственных ресурсов человека (трудовая мобилизация, потребительская аскеза, инновативность) и к радикальным трансформациям социально-экономических институтов.

Чрезвычайно любопытно, что все эти сдвиги носят неравномерный в пространстве и времени характер. Известно, что с 8500 г. до н. э. по 1450 г. Западная Европа была наименее развитой частью Евразии (исключая античные государства). Экономические расчеты показывают, что даже в 1800 г. валовой национальный продукт на душу населения Китая и Индии (в долларах и ценах

США 1960 г.) был не ниже, чем в Западной Европе [Павлов, 1979, с. 294]. В Китае уже в XIV в. имелись материальные (технологические) и финансово-торговые предпосылки капитализма. Но в Китае преобладало циклическое восприятие времени, согласно которому периоды процветания и развития неизбежно сменяются временами превратностей и катастроф. Зачем же тогда безгранично наращивать производство, потребление и денежное богатство? Капиталистический принцип непрерывного самовозрастания капитала мог базироваться только на утвердившейся в Европе через пять веков идее линейного времени или бесконечного прогресса, в парадигме которого будущее как цель есть количественно улучшенное настоящее (количественный рост производства, благосостояния и доходов) [Румянцев, 2014, с. 28–29].

Трансграничные переходы — это эпохи расходящихся направлений исторического развития. В огромной по размерам и разнообразной по направлениям проблематике экономических трансформаций можно увидеть две основные модели трансграничных переходов, независимых от исторического горизонта рассмотрения и масштаба событий:

- 1) *смена целеполагания и появление новых доминирующих типов личности в экономике*; «верхнепалеолитическая революция», «неолитическая революция», «городская революция», «революция осевого времени», «революция сеньоров», буржуазные революции породили новых исторических субъектов с новыми системами экономических мотиваций. Что касается термина «революция», то он заостряет внимание на качественной природе подобных сдвигов. Но, что интересно, означенные «революции» проходили в течение тысячелетий или столетий, они являются скорее историческими эпохами, чем краткосрочными и функциональными «переходными периодами» между старым и новым. Например, эпохе господства капитализма предшествовал «долгий XVI век» — длительная эпоха слома старого феодального христианского порядка новым протобуржуазным порядком, охватившая такие события, как Реформация и религиозные войны, Великие географические открытия и появление системных операторов мирового рынка, образование абсолютных монархий и их союз с четвертым сословием;
- 2) *формирование новых технико-экономических парадигм и новых центров развития в периферийных зонах мирового хозяйства*; оригинальная концепция мировой динамики, разработанная Л. Г. Бадалян и В. Ф. Криворотовым, показывает значение так называемых неудобий, или слабо освоенных геоклиматических зон, при смене мировых лидеров [Бадалян, Криворотов, 2012, с. 35–112]. Постепенное накопление ресурсных дисбалансов и падение отдачи от доминантного энергоносителя приводят к истощению сил прежнего центра

развития и к росту ограничений прежней политико-экономической модели. Тогда начинается хозяйственное освоение «неудобий», ранее бывших периферийными зонами мировой экономики. В заимствованный у прежнего центра пакет социальных и технологических инноваций вносятся изменения, отвечающие особенностям данного места-развития, и затем постепенно происходит скачок к качественно иному уровню энергообеспеченности и производительности.

Что дают подобные исторические экскурсы для понимания динамики трансграничных процессов? Мы ровным счетом ничего не поймем, если не увидим, что трансграничные переходы порой представляют собой «темные века» мировой истории — периоды нисходящих, а то и тупиковых линий развития, сопровождающиеся коллапсами и уходом из истории целых народов, войнами и социальными потрясениями. Рождение новых антропологических типов в доисторические эпохи проходило в условиях экологических катастроф и массовых вымираний людей; гуманизм мыслителей и пророков «осевого времени» был ответом на безжалостные даже по нашим меркам войны той эпохи; так называемая катастрофа поздней античности привела к исчезновению римлян и италиков. Становление капитализма проходило в условиях непрерывных войн, социальных коллизий и глубоких изменений человеческой личности. Далее трансграничные переходы сопровождаются затяжным торможением развития производительных сил. Промышленная революция в Англии произошла в конце XVIII — первой половине XIX в., через столетие после возникновения капиталистической формации. Очевидно, столь же длительно и болезненно для населения будет происходить и новая промышленная революция [Румянцев, 2014, с. 29–30].

Датский историк Ж. Ромейн обратил внимание на предысторию индустриальных достижений XX в. Шквал базисных инноваций, фордизм и общество потребления возникли вследствие 50-летнего периода катастроф, включающего в себя две мировые войны, несколько революций, крах империй и слом старого буржуазно-аристократического порядка в Европе. Решающее значение для массового внедрения в экономику технологических инноваций имел внешний стимулирующий эффект двух мировых войн. В итоге Ромейн сформулировал «закон перерывов прогресса», согласно которому после исчерпания возможностей прежней модели развития наступает водораздельная эпоха, или перерыв в развитии [Бадалян, Криворотов, 2012, с. 62–63], в ходе которого формируются новые социально-экономические парадигмы, появляются новые исторические субъекты и возникают новые зоны экономического роста.

Перерывы прогресса ярко показывают дискретную природу трансграничных процессов, никак не вписывающихся в линейную схему истории. По оценке А. П. Назаретяна, историки антропогенеза (и, очевидно, все историки) «вынуждены отказаться от красивого образа мраморной лестницы», по-

сколько они имеют дело «вообще не с линией (хотя бы и с ломаной), а с ветвистым деревом и даже с кустом» одновременно существующих и расходящихся направлений развития, бóльшая часть из которых попадает в «эволюционные тупики» [Назаретян, 2004, с. 90].

Победа в истории восходящих или нисходящих направлений развития всецело определена субъектным фактором. Проведенное нами исследование выявило две формы трансграничных переходов:

- 1) переход к новой парадигме хозяйственного развития происходит в условиях лавинообразного нарастания хаоса, войн и потери управляемости общественными процессами и приводит к смене исторических субъектов (переход от античности к феодализму, переход от христианства и феодализма к модерну и капитализму в Западной Европе, переход к социализму в России и др.);
- 2) переход к новой парадигме возглавляется и «приватизируется» частью прежней управленческой элиты, которая сохраняет свои политико-экономические ресурсы и инициирует плавные общественно-хозяйственные сдвиги (христианизация Восточной Римской империи и ее метаморфоза в новый христианский тип общественно-хозяйственного устройства, реставрация Мэйдзи в Японии и др.).

Иной раз бывает и так: система достигает своих пределов, но не исчезает, а продолжает движение по своим границам. Подобная ситуация просматривается в ходе системного кризиса современного капитализма.

II. Противоречия позднего (трансграничного) капитализма. Современный мировой кризис разворачивается как череда кризисов на границах капитализма. Из всей палитры разнообразных определений капитализма нам наиболее близка трактовка А.И.Фурсова: капитал как самовозрастающая стоимость не имеет в себе границ, его природа требует беспредельного увеличения; чтобы капитализм стал общественной системой, должна быть выстроена система ограничений, которая ограничивает тотальную экспансию капитала в его же долгосрочных интересах [De Conspiratione, 2013]. Государство, контрциклическое регулирование экономики, массовое образование и наука — эти некапиталистические по своей природе институты — образуют границы капитализма, обеспечивают ему долговременный экономический рост и расширение рынков сбыта.

Движение любой вещи есть единство ее нестановящейся основы, или принципа движения, и непрерывного становления. Коль скоро это так, мы можем дать следующее определение движения капитализма: капитализм как принцип есть интенция капитала к бесконечному возрастанию; капитализм как исторически проходящее становление есть движение капитала к своим территориальным, институциональным, культурным и технологическим границам.

Теперь постараемся привести аргументы в пользу того, что современный капитализм исчерпал пределы своего развития и достиг собственных границ:

- происходит отрицательный антропологический сдвиг, выражающийся в снятии этических долженствований с экономических практик и подмене традиционной буржуазной ценности «профессионального призвания» финансовым успехом, в росте нетрудовых «постматериалистических мотиваций», ведущих к деформации самой природы человека и к антропологической катастрофе;
- близок предел территориальной экспансии: бо́льшая часть мировых территорий и рынков освоена капитализмом;
- достигнут предел институциональной экспансии: экспорт институтов капитализма приобрел всемирный масштаб;
- национальные государства во многом «приватизированы» капиталом; государство утрачивает свой надрыночный статус, становится корпорацией по предоставлению услуг и куратором финансовых потоков; в итоге грани между бюрократией, топ-менеджерами и капиталистами постепенно стираются, и возникает феномен, названный К. Марксом «всеобщей частной собственностью»; чиновники становятся капиталистами и, наоборот, капиталисты — чиновниками;
- капитал преодолел границы, ранее отделявшие его от культуры, науки, образования; науке и образованию вменяется статус рыночных благ, интеллектуальные блага превращаются в интеллектуальные активы бизнеса, а университеты организуются по типу административно-рыночных корпораций; данная коллизия осмыслена в теории когнитивного капитализма А. Горца [Горц, 2010].

Макроэкономические и инновационно-технологические возможности капитализма также близки к исчерпанию:

- результативность стимулирования экономического роста за счет искусственной денежной «накачки» совокупного спроса падает;
- лавинообразно нарастают и приближаются к своему пределу макроэкономические и финансовые дисбалансы; такой разбалансированности основных воспроизводственных пропорций и отрыва финансового сектора от реального история капитализма, по-видимому, еще не знала;
- в условиях финансовых дефицитов ощущается явная нехватка ресурсов для технологического рывка на базе шестого технологического уклада; природа новейших «трансформирующих технологий» такова, что для их массового внедрения требуются широкомасштабные инвестиции, которые современное общество обеспечить пока не может; развитие новейших технологий носит анклавный характер, что при-

водит к обострению борьбы ведущих акторов мировой экономики за ресурсы, необходимые для обеспечения рывка в новое индустриальное будущее;

- происходит угасание духа инновационного предпринимательства; организационные сетевые инновации и рационализация улучшающих нововведений более привлекательны для бизнеса, чем радикальные инновации, основанные на фундаментальных открытиях, что косвенно подтверждается популярной в академических и политических кругах идеей создания эффективных национальных инновационных систем, которые призваны восполнить дефициты предпринимательских мотиваций; здесь показательна сама постановка вопроса о замене антропологической стихии творчества институтами, оптимизирующими инновационный процесс [Румянцев, 2014] ;
- рост глобальных рынков достиг своих пределов, что провоцирует растущую нестабильность (торговые войны, санкции) и приводит к формированию новой архитектоники мирового хозяйства, основанной на конкуренции макрорегионов.

Таким образом, поздний капитализм есть капитализм, достигший территориальных, институциональных и культурных пределов накопления капитала. Поздний капитализм: а) имитирует развитие за счет создания искусственных мегарынков для приложения избыточных капиталов в финансовом сегменте и в области потребления домашних хозяйств; б) вменяет капиталистические принципы некапиталистическим по своей природе культурным и когнитивным сферам; в) обеспечивает рост капитала за счет административных рукотворных манипуляций и оптимизаций перераспределительного характера. Манипуляции финансовыми рынками и вменение цен на рынках инвестиционных и сырьевых товаров ведущими корпорациями и государствами дают нам пример вырождения рыночных отношений в рукотворный волюнтаристский способ хозяйствования.

Если рассуждать теоретически, то капитализм может двигаться по своим границам, непрерывно перераспределяя доходы, вменяя цены, оптимизируя процессы и умножая институты, сколь угодно долго. Движение по границе бесконечно.

С объективной точки зрения ныне просматриваются три экзогенные тенденции, способные поставить под угрозу историческую гегемонию капитализма и запустить творческие процессы становления новых хозяйственных миров:

- 1) демографический бум в странах мировой периферии и новые великие переселения народов в условиях депопуляции автохтонных народов Европы;

- 2) перемещение, согласно теории Дж. Арриги, центров накопления капитала в Юго-Восточную Азию и связанные с этим метаморфозы мирохозяйственного порядка;
- 3) деглобализация, формирование самодостаточных региональных экономик и антикапиталистических альтернатив на базе традиционных ценностей; вместе с тем возникновение мощных региональных союзов усилит мировую конкуренцию и вызовет эскалацию войн и конфликтов; «закон перерывов прогресса» вновь может стать актуальным.

Что же касается эндогенных факторов, или социально-экономических противоречий капитализма, то их усиление, возможно, будет идти по линии сжатия совокупного спроса вследствие исчерпания пределов искусственного перекредитования всех сегментов экономики, демонтажа социальных государств и построения пирамидальной структуры власти-собственности с неожреческой властью новых когнитивных элит. При разработке антикапиталистических альтернатив следует обратить внимание на асимметричные отношения сотрудничества, приходящие на смену рыночной конкуренции в условиях новой технологической волны и основанные на общественных информационных платформах и социализации больших данных.

На каких же принципах должна базироваться экономическая стратегия России в условиях нарастания неопределенности как следствия череды кризисов на границах капитализма? Для ответа на этот вопрос попытаемся раскрыть специфику и логику российской исторической динамики.

III. Динамика России в контексте логики территориализма Дж. Арриги. Ритмы России — Евразии и организация больших пространств. Исследования больших систем или социально-экономических организмов с присущими им стабильными структурами и длительной историей весьма актуальны в современной ситуации нарастания рисков неопределенности и потери устойчивости развития. К таким стабильным и устойчивым в длительном историческом времени социально-экономическим системам относится континентальная цивилизация России — северной Евразии.

Предварительно российское общественно-хозяйственное устройство можно определить как центростремительную силу соединенных систем духовной, политической и экономической власти, регулирующих жизнь народов и интегрирующих локальные миры с разнообразными логиками поведения акторов в самодостаточный общественно-хозяйственный организм. Атрибутами российской цивилизации являются: а) большие пространства; б) единый властный центр и системные идеократические и властные регуляторы, объединяющие локальные хозяйственные миры; в) наличие периферийных, отдаленных от центра зон и окраин; г) экономическая самодостаточность, устойчивость и длительность истории; д) социально-экономическая разнород-

ность территорий, отличающихся по жизненным стандартам, хозяйственным укладам и институтам [Румянцев, 2017, с. 33]. Для исследования хозяйства России исключительно важным оказывается проведенное Дж. Арриги разделение «капитализма» и «территориализма» как противоположных способов правления или логик власти. В отличие от капиталистических государств, «территориалистические правители отождествляют свою власть с протяженностью и населенностью своих владений и считают богатство/капитал средством или побочным продуктом стремления к территориальной экспансии» [Арриги, 2006, с. 75]. Хозяйствование в России происходит, как правило, в условиях избыточных неосвоенных больших пространств и дефицита денег и капиталов, что требует накопления власти, редистрибуций (централизованного перераспределения благ) и мобилизации трудовых ресурсов.

Продолжая эту мысль, резонно предположить, что с экономической точки зрения логика территориального развития за счет перераспределения ресурсов формирует особую ценность или благо — большие инфраструктурные проекты развития территорий, которые преобразуют сложившуюся систему общественного разделения труда и объединяют разнородные евразийские территории и хозяйственные уклады.

Таким образом, собирание и обустройство больших пространств, неоднородных по условиям хозяйствования территорий, освоение «неудобий» определяют ритмы российской хозяйственной эволюции в пространстве и времени.

В истории известны две формы общественной динамики: 1) однонаправленное линейное движение от низшего к высшему, или логика прогресса; 2) циклическое вечное возвращение от конечного к начальному и обратно. Динамика России представляет собой прерывистые колебательные изменения, которые, согласно Л. Н. Гумилеву, определяются насыщенностью событиями и переходами в историческом развитии [Гумилев, 1992, с. 17–18]. Когда очередная модель общественно-хозяйственного устройства исчерпывает себя, в России происходят смена центров власти и изменение направлений развития. Новый центр развития дает первотолчок, струны русской истории натягиваются и звенят, импульсы от сверхнапряжения расходятся во времени и пространстве — и затухают. Ясно, что длительность каждой «струнно-колебательной волны» определяется мощностью властного первотолчка, уровнем пассионарности элит и народа. Новый центр осуществляет долговременные стратегии — большие инфраструктурные проекты, в которых хозяйственное обустройство земель становится целью, а государственный контроль над движением денег и капиталов подчиняет экономику этой хозяйственной сверхзадаче. Бенефициаром таких проектов в кратковременном периоде являются новые элиты, экспроприирующие активы прежних элит и присваивающие прибавочный и частично необходимый продукт. Однако в долговременной перспективе главным выгодополучателем оказывается российский народ [Румянцев, 2015, с. 51].

Историческое бытие России предстает как периодическая смена центров власти, общественно-хозяйственных систем и территорий развития [Румянцев, 2013]. В отличие от кондратьевских «волн» или «ритмов» С. Кузнеця, выражающих динамику капиталистического хозяйства, ритмичность отечественной экономики связана с базисным фактором организации больших пространств России — новыми пространственными коммуникациями. В итоге долговременную динамику и особенности хозяйственных трансформаций России можно определить как периодическую смену центров развития и политико-экономических элит, основанную на ускоренном развитии периферийных пространств, появлении новых зон роста, введении новых социально-экономических институтов и реализации больших инфраструктурных проектов, связывающих воедино разнородные по условиям хозяйствования территории страны.

Большие проекты и индустриализация России. Ответом на вызов современного трансформационного кризиса являются системные целенаправленные политико-экономические изменения в экономике и обществе, в своем материально-вещественном аспекте выступающие как процессы новой индустриализации. Необходимость новой индустриализации России всесторонне обоснована отечественными экономистами [Бодрунов, 2015; Рязанов, 2016]. Этот подход, в отличие от теорий смены технологических укладов или технико-экономических парадигм, акцентирует внимание на ключевой роли субъектного фактора и, в частности, на регулирующей роли государства в трансформационных процессах. Динамику индустриальных сдвигов на больших пространствах России — Евразии иницируют и поддерживают инфраструктурные проекты, которые порождают новые движущие силы экономического развития.

Примерами коммуникационных проектов, связывающих воедино российские пространства, являются Транссиб и БАМ, ГОЭРЛО, советские и российские энергетические коммуникации. Большие проекты развития может инициировать и продвигать только государство (для частного сектора риски и сроки окупаемости инвестиций чрезмерны). Разумеется, частный сектор, наука и общественность становятся участниками больших проектов (например, через институт государственно-частного партнерства). Подобные проекты создают движущие силы индустриального прорыва. К большим проектам в полной мере относятся критерии продуктивного технико-экономического развития, выделенные норвежским экономистом Э. Райнертом: возрастающая отдача от масштаба производства, улучшенный кадровый потенциал, растущие производственные мощности [Райнерт, 2011]. Успешность новой индустриализации России как системного мегапроекта, имеющего объективные предпосылки и зависящего от прошлого развития, обусловлена рукотворным волевым фактором — определением и поддержкой движущих сил и зон экономического роста.

Экономика больших инфраструктурных проектов всегда базировалась на редистрибуциях, или централизованном перераспределении благ. Среди таких проектов всемирное значение получили строительство дамб и оросительных коммуникаций в так называемых восточных деспотиях, водопроводы и дороги в Римской и Византийской империи, Великая Китайская стена, уникальная система почтовых и транспортных коммуникаций в Евразийской империи Чингизидов, «среднеазиатское чудо» — развитие строительства и городской цивилизации в империи Тимуридов. Большие проекты представляют собой обмен наличных ресурсов в настоящем времени на выгоды от развития в будущем. За счет перераспределения ресурсов из периферии в центр и налогообложения населения финансируются приоритетные сегменты хозяйства и осваиваются новые территории, обладающие потенциалом долговременного социально-экономического воспроизводства общества [Румянцев, 2017].

В результате хозяйственная система производит особый вид благ — большие инфраструктурные проекты, к которым малоприменим стандартный критерий разделения экономических благ на блага, созданные рынком, и блага, предоставляемые государственным сектором экономики. Большие проекты производят положительные долгосрочные внешние эффекты для всего общества: использование новых производственных и сырьевых ресурсов, создание новых рынков сбыта, хозяйственное и культурное развитие территорий, устойчивый рост занятости и вложений капитала в результате роста взаимных заказов в смежных отраслях. Особое значение имеет эффект масштаба от объединения разнородных хозяйственных укладов в единый хозяйственный комплекс. Эффект масштаба приводит к росту совокупных результатов и снижению совокупных издержек производства. Для экономики больших пространств Евразии ключевое значение имеет эффективная система транспортных коммуникаций, связывающая воедино локальные рынки и ускоряющая экономические обороты. Таким образом, транспортная инфраструктура обладает не только прямой, но и долговременной косвенной эффективностью, обусловленной эффектом масштаба, ростом цепочек предприятий, диффузией инноваций в другие отрасли, ростом инвестиций, ускорением рыночных оборотов, а также социальными эффектами, заселением и культурным освоением новых территорий.

Проведенный нами историко-экономический анализ железнодорожного мегапроекта Российской империи XIX в. [Румянцев, 2017; Дубянский, Румянцев, 2017] показал, что в ходе реализации мегапроекта была создана система транспортных артерий, ставшая драйвером индустриального и социального развития России. Особо отметим значение Транссибирской железнодорожной магистрали, соединившей европейскую часть России, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Решение о строительстве в Сибири железных дорог открыло возможности для аграрного и промышленного развития. При отсутствии в стране незамерзающих морских акваторий синергетические эффекты

больших проектов в области транспортных коммуникаций имели принципиальное значение для индустриализации континентальной экономики Российской империи.

Вместе с тем неустрашимым теневым спутником больших проектов является обострение перераспределительных конфликтов в обществе. Перераспределение ресурсов в приоритетные отраслевые сегменты осуществлялось за счет перекачки ресурсов из других отраслей и регионов. В итоге возникал дисбаланс в движении материальных и финансовых потоков, одни акторы экономики оказывались в выигрыше, положение других резко ухудшалось. Перераспределительный конфликт между бенефициарами и донорами больших проектов приобрел размах и болезненно переживался обществом.

Возник дисбаланс между капиталистическими предприятиями и банками, получившими доступ к государственным ресурсам, и другими акторами, увеличился государственный долг. Усилился перераспределительный конфликт между крупными капиталистами и властными элитами — бенефициарами железнодорожного проекта и населением страны. Власти империи использовали силу института государственных редистрибуций в целях индустриальной модернизации, однако в результате традиционная предпринимательская этика оказалась подорванной духом наживы и спекуляций, который культивировался в среде крупных капиталистов и административной элиты империи. Социальные противоречия России значительно усилились.

Все это, безусловно, так. Но невозможно оспорить тот факт, что через некоторое время выгоды от пользования железными дорогами получало уже все общество, все его слои и сословия. И сегодня, путешествуя по железной дороге, мы пользуемся результатами имперских редистрибуций второй половины XIX — начала XX в., создавших основу железнодорожной сети России. Таким образом, большие инфраструктурные проекты сопровождаются перераспределительными конфликтами, что требует усилий по гармонизации социальных противоречий. В краткосрочной перспективе выгодополучателями оказываются властные элиты и связанные с ними экономические акторы, в долговременной — все общество, взятое в единстве настоящего и будущих поколений.

Заключение. Вероятно, преодоление кризиса позднего капитализма в России будет происходить и как процесс формирования системного антикапитализма, и как возвращение на новой технологической основе к имманентным России пространственным циклам развития. И тогда в фокусе внимания окажется стратегия больших инфраструктурных проектов. Реализация подобной стратегии потребует от государства, от общественности и ряда крупных корпораций целенаправленных волевых действий, имеющих надрыночный характер. По выражению Ф. Фернандо-Араместо, «человек, заботящийся о выгоде исходя из известных данных о получаемой отдаче на затраченные усилия, никогда не сделал бы выбор в пользу систем, на которые опи-

рались в долинах Евфрата, Нила, Инда и Желтой реки» [Фернандо-Араместо, 2009, с. 261]. Большие инфраструктурные проекты обеспечивают должный уровень доверия и управляемости, снижают неопределенность будущего для субъектов хозяйствования. Хозяйственные связи в них встроены во множество социальных практик и экономических обменов на основе взаимных обязательств. Таким образом, большие проекты создают стабильные источники роста за счет эффекта масштаба, создания цепочек предприятий с синергетическими эффектами и новых зон для внедрения радикальных инноваций. В итоге формируются предпосылки и движущие силы новой индустриализации России. Большие проекты становятся своего рода «параметрами порядка» в условиях глобальной неопределенности, обеспечивая стабильность в условиях хаотизации мировой экономики и одновременно являясь драйверами инновационного экономического роста.

Можно прогнозировать сдвиг производительных сил и центров развития на северо-восток страны, что соответствует как ритмам российской истории, так и современным мирохозяйственным тенденциям (переход центров накопления капитала в Юго-Восточную Азию, строительство трансконтинентальных магистралей по линиям восток — запад и север — юг). Показательно, что уже евразийцы в 1920–1930-х гг. доказывали необходимость перемещения основных промышленных комплексов России на Урал и в Сибирь. В современной литературе обосновывается целесообразность размещения управленческого центра новой индустриализации в восточных регионах и отмечается особая роль арктического проекта России [Рязанов, 2016].

Противоречивый опыт индустриализации России показал, что при осуществлении больших проектов перед государством и обществом стоит задача минимизации рисков возникновения отраслевых и территориальных дисбалансов, а также задача гармонизации перераспределительных конфликтов. В разработке долговременных стратегий в условиях неопределенности нельзя не учитывать риски примитивизации экономики, ужесточения социального контроля и превращения населения в донора, несущего издержки адаптации к трансформационным сдвигам.

Видимо, современные мирохозяйственные и технологические сдвиги, неизбежность смены моделей общественного развития приведут к изменению типа мировой динамики. На смену открытым Дж. Арриги системным циклам накопления капитала приходят новые евразийские, прежде всего российские и китайские циклы накопления пространственной власти. Все это ведет к тому, что логика территориализма в хозяйственном развитии, ранее для многих экономистов бывшая на периферии творческого наследия Арриги, выходит на первый план. Эпоха переформатирования больших пространств Евразии посредством мегапроектов и смены мировых и национальных центров власти только начинается.

Список литературы

- Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова, Н. Эдельмана. М., 2006.
- Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее / под ред. и с предисл. Г. Г. Малинецкого. 2-е изд. М., 2012.
- Бодрунов С. Д. Какая индустриализация нужна России // Экономическое возрождение России. 2015. № 2. С. 6–17.
- Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской. М., 2010.
- Гумилев Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб., 1992.
- Деменюк С. Л. Неофеодализм (Ренессанс символизма). СПб., 2014.
- Дубянский А. Н., Румянцев М. А. Институциональные аспекты интеграции Российской империи в XIX веке // Journal of Institutional Studies. 2017. Т. 9, № 3. С. 133–146.
- Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М., 1984.
- Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избр. труды. М., 2002.
- Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
- Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика — психология — прогнозирование): учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
- Павлов В. И. К стадияльно-формационной характеристике восточных обществ в новое время // Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса / отв. ред. Е. М. Жуков. М., 1979. С. 291–302.
- Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. Ф. В. Маевского; науч. ред. пер. С. Ю. Глазьев, В. Е. Дементьев. М., 2011.
- Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. М., 2011.
- Румянцев М. А. Путь российского хозяйства и отечественная мысль // Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы / под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М., 2013. С. 81–90.
- Румянцев М. А. Трансграничные процессы в экономике: природа, логика, формы // Проблемы современной экономики. 2014. № 1. С. 27–32.
- Румянцев М. А. Контуры евразийской политической экономики // Проблемы современной экономики. 2015. № 1. С. 50–54.
- Румянцев М. А. Большие проекты в евразийской экономике // Проблемы современной экономики. 2017. № 2. С. 33–37.
- Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016.
- Фернандо-Араместо Ф. Цивилизации / пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. М., 2009.
- Флоренский П. А. Иконостас: избр. труды по искусству. СПб., 1993.
- De Conspiratione / О заговоре: сб. монографий / сост. А. И. Фурсов. М., 2013.

Н. В. Пахомова

Современная конкурентная политика: вызовы времени и новые ориентиры

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Пахомова Н. В.* Современная конкурентная политика: вызовы времени и новые ориентиры // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономики (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 202–219.

В статье раскрываются логика и ведущие направления модернизации конкурентной политики в России в контексте международного опыта; акцент делается на анализе изменений, внесенных в систему государственного регулирования четвертым антимонопольным пакетом. Значительное внимание уделено новым вызовам, характерным для современного этапа социально-экономического развития, которые требуют адекватного и своевременного отражения в конкурентной политике государства. Под этим углом зрения изучаются новые ориентиры для модернизации конкурентной политики, связанные с переходом к четвертой промышленной революции, цифровизацией экономики и активным формированием цифровых платформ. Показано, что меры по модернизации конкурентной политики в России в целом находятся в тренде изменений, реализуемых в развитых странах. Наряду с этим сохраняется ряд специфических для страны препятствий, которые не только блокируют формирование здоровой конкурентной среды и снижают эффективность рыночных транзакций, но и затрудняют проведение антиинфляционной политики. К их числу относится усиливающаяся экспансия государства, которая способна привести к неформальному «огосударствлению» частных компаний.

Ключевые слова: конкурентная политика, модернизация, четвертый антимонопольный пакет, цифровая экономика, цифровые платформы, рыночные барьеры.

Введение. Конкурентная политика (далее — КП) и направления ее модернизации находятся в центре исследовательских интересов целой группы отечественных и зарубежных специалистов. Объектом их внимания становятся разнообразные аспекты данной комплексной проблематики, относящиеся, в частности, к усилению взаимодействия конкурентной и промышленной политики [Авдашева, Шаститко, 2014], к оценке сформированности конкурентной среды, в том числе на региональных рынках [Коковихин и др., 2018], к повышению уровня экономической обоснованности КП, в том числе с учетом международной практики [Караганчу, Князева, 2017], и др. Решение ряда актуальных проблем требует оперативного и адекватного реагирования на новые вызовы, связанные с переходом к четвертой промышленной революции и цифровизацией экономики, обострением конкуренции на ряде ключевых рынков, использованием новых методов конкурентной борьбы, включая политические инструменты и санкционные ограничения, и т.д. Из сложной совокупности указанных проблем основное внимание в настоящей статье

уделено следующим вопросам: с учетом представленного автором теоретико-экономического обоснования современной КП и ее структуры изучены логика и направления ее модернизации, в том числе в рамках четвертого пакета изменений в антимонопольное законодательство; рассмотрены новые требования к КП, связанные с дальнейшим обострением конкурентной борьбы, в том числе на глобальных рынках, а также обусловленные видоизменением целевого ориентира конкуренции, эволюцией участников и форм конкуренции. Анализ проводится в контексте международного опыта и при сопоставлении КП в России и в Евросоюзе (далее — ЕС). По ряду позиций это сопоставление касается и сравнения антимонопольных норм ЕС и Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС).

1. Конкурентная политика, ее экономическое обоснование и структура.

Конкурентная политика и применение на практике ее инструментов — объект активного внимания широкого круга заинтересованных лиц, что объясняется значимостью для развития рыночной экономики области, которая выступает объектом ее регулирования. Речь идет о соблюдении принципов эффективной справедливой конкуренции и контроле за следованием этим принципам хозяйствующими субъектами, а также государственными органами. Значительных величин достигают и потери, прежде всего в форме снижения общественного благосостояния, вследствие нарушения данных принципов, а также размер взысканий, накладываемых на нарушителей, в том числе в виде так называемых оборотных штрафов.

Примером, иллюстрирующим возможную величину подобных потерь, является кейс, посвященный разбирательству Еврокомиссией (далее — ЕК) антимонопольного дела в отношении «Газпрома», который обвинялся в злоупотреблении доминирующим положением на восточноевропейских рынках. Одним из инициаторов европейского дела «Газпрома» была Литва, направившая в январе 2011 г. жалобу в ЕК, утверждая, что страна платит самую высокую цену за российский газ в Европе (на 10–20 % выше, чем остальные). Расследование ЕК относилось к деятельности «Газпрома» в восьми странах — Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Чехии, Словакии, Венгрии и Болгарии, куда в 2017 г. Газпром поставил 33,668 млрд м³ газа, или 17,3 % от объема всего своего годового экспорта. Еврокомиссия закрыла данное расследование, удовлетворившись изменениями, которые «Газпром» реализовал, в том числе по интеграции изолированных газовых рынков, а также обязательством концерна соблюдать установленные ему новые правила. Однако если концерн нарушит свои обязательства, ему грозит штраф в 10 % от глобальной выручки без необходимости для ЕК доказывать нарушение антимонопольных правил ЕС. Отметим, что в 2017 г. выручка «Газпрома» составила 6,55 трлн руб. [Еврокомиссия решила не штрафовать..., 2018].

В данном контексте показательна оценка роли конкурентной политики, представленная в Отчете по конкурентной политике Еврокомиссии за 2016 г.,

где указывается, что КП способствует формированию общества, которое дает людям возможность выбора; она стимулирует инновации, предотвращает злоупотребление доминирующим поведением и побуждает компании к наиболее эффективному использованию ресурсов, внося тем самым вклад в решение глобальных проблем, включая климатические изменения. Конкурентная политика ЕС базируется на принципе верховенства закона. Она демонстрирует обществу способность системы работать для общего благосостояния, справедливости и предоставления гражданам конкретных выгод. КП в ЕС не может в отдельности сформировать условия для справедливого общества, но она концентрируется на тех политических областях, которые обеспечивают соблюдение на рынках принципа справедливости для каждого; КП — один из главных инструментов гармонизации и эффективного функционирования общего экономического пространства в ЕС [Report on Competition Policy 2016..., 2017].

В большинстве стран КП реализуется с учетом ее глубокого теоретического обоснования, базовые постулаты которого были заложены представителями неоклассической микроэкономики и экономической теории благосостояния с последующим их развитием, в том числе специалистами экономико-правового направления. Вкратце напомним, что необходимость разработки и реализации государством и его органами КП обуславливается наличием в экономике таких рыночных структур, которые отличны от совершенно конкурентных; к их числу относятся монополистические и олигополистические рынки, что ставит вопрос о вмешательстве государства для корректировки возникающих при этом рыночных провалов. Для обоснования данного вывода в науке выработана совокупность критериев, с помощью которых проводится сравнительный анализ различных рыночных структур. Эта совокупность включает в себя показатели технической (или производственной) эффективности, их специальную разновидность, именуемую X-(не)эффективностью, аллокационную (распределительную) эффективность, а также суммарную оценку эффектов благосостояния, даваемую на основании излишков производителей, потребителей и общества (в качестве суммарной величины первых двух излишков).

Оценки сравнительной эффективности совершенной конкуренции и иных, неконкурентных рыночных структур, даваемые на основе указанных критериев, учитываются на практике при обосновании политики регулирования монополистической деятельности и поддержки конкуренции, как и при ее законодательном оформлении. Особое значение при этом придается регулированию ситуаций, обусловленных формированием и упрочением рыночной власти крупных компаний, где под рыночной властью понимается прежде всего способность фирмы устанавливать цену выше той, которая была бы характерна для условий совершенной конкуренции, т.е. выше предельных издержек при соответствующем объеме выпуска продукции (оказании услуг). Эта рыночная власть имеет и другие формы проявления, которые обобщает

широко применяемое в конкурентном анализе понятие «злоупотребление доминирующим положением».

Наряду с этими положениями при формировании и нормативно-правовой регламентации КП, в том числе в ЕС, США и России, принимается во внимание критика стандартных подходов к оценке эффективности совершенно конкурентного рынка, а также выводы, проистекающие из сопровождающего эту критику развития теории рыночных структур. Речь идет прежде всего о концепции эффективной (работающей) конкуренции Дж. Кларка и У. Шеферда, в рамках которой было расширено представление о границах рыночных структур, способных функционировать без вмешательства государства, генерируя достаточно сильные стимулы для эффективности, справедливости и инноваций. Совокупность отвечающих данным требованиям рыночных структур включает в себя, наряду с собственно конкурентными рынками, рынки монополистической конкуренции, а также так называемые свободные (или размытые) олигополии, характеризующиеся наличием значительного числа крупных компаний, конкурентные отношения между которыми дают стимул к повышению эффективности, одновременно ослабляя склонность к вступлению в сговоры (подробнее см.: [Пахомова, 2008]).

Для выработки сбалансированного подхода к КП необходимо принимать во внимание и вероятность ситуации, при которой монополии свойственна эффективность по издержкам (или производственная эффективность). В данном контексте наука и практика в ходе нормативно-правового регулирования обращают внимание на следующие три основных случая. Во-первых, речь идет о вероятности ситуации, при которой монополии, уже в силу экономии от масштаба производства, свойственна эффективность по издержкам. На такую возможность одним из первых в указанном контексте обратил внимание О. Уильямсон [Williamson, 1968]. Во-вторых, сходные эффекты возникают и в случае предпринимательской монополии Й. Шумпетера, когда крупная компания благодаря своей инновационной активности приобретает на время исключительные преимущества по издержкам и тем самым может завоевывать монопольное положение на рынке, которое вместе с тем в силу диффузии инноваций является неустойчивым, что стимулирует компанию-инноватора к новым поискам наиболее эффективных решений. В-третьих, специальный случай представляет собой естественная монополия с характерными для нее особенностями технологии, когда кривая долгосрочных производственных средних издержек фирмы-монополиста LRAC (*long run average cost*) снижается по мере увеличения объемов производства. Причем такое снижение имеет место в рамках всего того объема, который необходим для удовлетворения спроса в соответствующей отрасли. Деятельность естественных монополий должна быть объектом специального регулирования, в рамках которого необходимо обеспечение баланса между производственной и распределительной эффективностью [Пахомова, Рихтер, 2009, с. 240–242].

Наряду с неоклассическим анализом, включая его развитие в рамках концепции эффективной конкуренции, и экономической теорией благосостояния, в формировании теоретического каркаса КП принимает участие институциональный анализ. С учетом реализуемых в последние годы мер интересно такое экономико-правовое направление, как экономическая теория оптимальных наказаний [Пахомова, 2013], рекомендации которой нашли отражение, в частности, в четвертом пакете изменений в антимонопольное законодательство в связи с применением при рассмотрении антиконкурентных дел инструмента предупреждений, которые способствуют преодолению тенденций к обвинительному уклону и производят положительный эффект, сберегая значительные общественные ресурсы (подробнее см. п. 3).

На этой комплексной теоретической платформе сформированы базовые направления КП, которые имеют черты общности в различных странах и интеграционных группировках, включая ЕС и ЕАЭС. Итак, основными направлениями КП являются:

- 1) политика регулирования монополистической деятельности, в сфере которой находятся либо уже существующие на рынке монополии, либо крупные компании, в том числе занимающие доминирующее положение, а ее непосредственными объектами выступают:
 - а) заключение соглашений (как горизонтальных, так и вертикальных), образование картелей и другие антиконкурентные действия компаний;
 - б) злоупотребление доминирующим положением одной компании или их группы;
- 2) политика контроля за экономической концентрацией, включая контроль за сделками слияний и поглощений и их мониторинг;
- 3) государственная помощь, контроль за прямой или косвенной помощью компаниям со стороны государства.

В ЕС правовой контроль за практикой введения ограничений, подрывающих конкуренцию, регламентируется ст. 81 Договора о ЕС. Согласно данной статье контролируются, вплоть до запрета: соглашения (сговоры) между компаниями, которые заключаются в целях фиксирования цен и раздела рынка; совместные соглашения по продажам и покупкам; соглашения, контролируемые рынок оборудования и инвестиций; соглашения по применению неравных условий к торговым партнерам в одинаковых транзакциях, следствием которых является ухудшение их конкурентной позиции; и т. п. Под запрет попадают как горизонтальные, так и вертикальные соглашения, из которых вместе с тем имеются исключения (*exemptions*). Они применяются при наличии доказательства того, что горизонтальное соглашение имеет своим следствием, скажем, существенную экономию от масштаба производства, повышение эффектив-

ности, или благодаря этому соглашению активизируются технологический прогресс и трансферт технологий.

Сходный порядок регулирования соглашений и согласованных действий хозяйствующих субъектов, нарушающих правила справедливой, эффективной конкуренции, применяется и в России. Так, согласно российскому законодательству (ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹; далее — Закон № 135-ФЗ) запрещаются согласованные действия хозяйствующих субъектов-конкурентов, если такие действия приводят к следующим последствиям: 1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и/или наценок; 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; 3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); 4) сокращению или прекращению производства товаров; 5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками), если такой отказ прямо не предусмотрен федеральными законами. В России, аналогично международной практике, предусмотрены и изъятия (исключения) из вертикальных соглашений. Согласно ч. 5 ст. 11 Закона № 135-ФЗ, указанные в ст. 11 запреты не распространяются на согласованные действия хозяйствующих субъектов (далее — ХС), совокупная доля которых на товарном рынке не превышает 20 % и при этом доля каждого из них на товарном рынке не превышает 8 %.

Для реализации нормы о запрете на злоупотребление доминирующим положением необходимо законодательно установить долю рынка, занимаемого крупной компанией, при которой соответствующий запрет начинает действовать. Эти нормы, как правило, вводятся национальным законодательством. Так, в ЕС (как и в США) при рассмотрении дел, связанных с доминирующим положением, которое подпадает под действие ст. 82 Договора о ЕС, расследования, как правило, начинают проводиться, если фирма занимает 40 % и более соответствующего рынка. В России в ст. 5 Закона № 135-ФЗ для идентификации доминирующего положения введены следующие критерии. В общем случае в качестве доминирующего на рынке признается ХС (за исключением финансовой организации), рыночная доля которого превышает 50 %. С содержательной стороны доминирующим признается положение ХС (группы субъектов), которое позволяет ему оказывать решающее влияние на общие условия обращения товаров на рынке, и/или устранять с этого товарного рынка других ХС, и/или затруднять доступ на этот товарный рынок другим ХС. С учетом этих обстоятельств доминирующим может быть признано и положение ХС, доля которого на определенном рынке ниже 50 %. Однако не может быть при-

¹ Здесь и далее ссылки на нормативно-правовые акты даются по СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2018).

звано доминирующим положение ХС (за исключением финансовой организации), доля которого на рынке не превышает 35 %. Наряду с этим российским законодательством, в отличие от ЕС и США, введены четкие критерии для так называемого коллективного доминирования, а именно: совокупная доля не более чем трех крупнейших ХС на товарном рынке превышает 50 %, или совокупная доля не более чем пяти крупнейших ХС превышает 70 % (это положение не применяется, если доля хотя бы одного из указанных ХС менее чем 8 %) (ч. 3 ст. 5 Закона № 135-ФЗ).

Важно также правовое определение того, какие действия ХС, занимающего доминирующее положение, расцениваются как приводящие к злоупотреблению этим положением. Данный перечень содержится в ряде статей Закона № 135-ФЗ (п. 1–3, 5–7 и 10 ч. 1 ст. 10) и включает следующие действия: 1) установление, поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара; 2) изъятие товара из обращения, если результатом такого изъятия явилось повышение цены товара; 3) навязывание контрагенту условий договора, не выгодных для него или не относящихся к предмету договора; 5) экономически или технологически не обоснованный отказ либо уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара, а также в случае если такой отказ или такое уклонение прямо не предусмотрены актами госорганов; 6) экономически, технологически и иным образом необоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар, если иное не установлено федеральным законом; 7) установление финансовой организацией необоснованно высокой или необоснованно низкой цены финансовой услуги; 10) нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования. Как показывает анализ перечисленных и находящихся под запретом деяний, в данный перечень вошли и реализуемые крупными компаниями стратегии, которые относятся к так называемым вертикальным ограничениям (п. 3 и 5), а также к ценовой дискриминации (п. 6).

Более существенные различия в практике регулирования отношений между ЕС и Российской Федерацией касаются контроля экономической концентрации, правда, и в этом случае имеются сходные моменты. Прежде всего, в международной практике практически повсеместно наибольший интерес для регулятора представляют горизонтальные сделки, которые проводятся компаниями одного и того же отраслевого сегмента и которые в силу этого могут оказать наиболее существенное воздействие на конкурентную среду. Слияния и поглощения (*mergers and acquisitions*, М & А) в рамках ЕС регулируются Регламентом № 139/2004, причем, в отличие от уже рассмотренных нами двух (под)направлений КП, при реализации которых регулятор действует *ex post* (т.е. после заключения контракта), в рамках данного направления регулятор действует *ex ante* (до заключения контракта). Его прямой задачей является предотвращение ситуации, когда в ходе сделки экономической концен-

трации оказывается *фундаментальное влияние на эффективную конкуренцию*, в том числе посредством укрепления доминирующего положения компании на рынке. В странах ЕС (как и в США) реализация данного направления КП опирается на подразделение всех рынков с точки зрения уровня концентрации на:

- высококонцентрированные (индекс Херфиндаля — Хиршмана (*Herfindahl — Hirschman index*, ННН), находящиеся в пределах от 2000 до 10 000), которым и уделяется основное внимание в ходе контроля за сделками экономической концентрации;
- среднеконцентрированные (индекс ННН в пределах от 1000 до 2000), проведение сделок на которых находится под контролем регулятора в случае существенного изменения вследствие проведения сделки значения индекса ННН;
- низкоконцентрированные рынки (индекс ННН меньше 1000).

Кроме того, рекомендуется учитывать особенности товарного рынка, включая степень его технологической инновативности, как и то, насколько прозрачен рынок и насколько свободен вход на него и каковы входные барьеры. Объектом специального внимания выступает и так называемое коллективное доминирование, характерное для рынков с олигополистической структурой, которые в большей степени подвержены опасности сговоров между компаниями. Тем самым в практике ЕС основное внимание уделяется сделкам на высоко- и среднеконцентрированных рынках при существенном воздействии таких сделок на конкурентную ситуацию. Это позволяет, помимо прочего, повысить эффективность действий регулятора, который имеет возможность сосредоточиться на ситуациях, действительно способных оказать значимое влияние на конкурентную среду.

В отличие от практики развитых стран, в России при контроле за сделками экономической концентрации, включая сделки М&А, подобное разграничение напрямую не применяется. Используется критерий суммарной величины сделки, который не дает адекватной информации о ее влиянии на конкурентную ситуацию. Кроме того, в поле внимания регулятора могут попадать сделки, не оказывающие принципиального влияния на конкурентную ситуацию и благосостояние потребителей и общества. Данное обстоятельство стало объектом критики целого ряда специалистов (см., напр.: [Пахомова, Некрасова, 2013; Чернова, Разманова, 2017]). Однако без существенных изменений такой подход, лишенный необходимого экономического обоснования, сохраняет позиции в национальном антимонопольном законодательстве.

Что касается интеграционных группировок, то определенная специфика характерна и для регламентации оказания государственной поддержки и помощи. Так, если в ЕС существует прямой запрет на оказание ХС государственной помощи, которая нарушает принципы свободной конкуренции, то в ЕАЭС формально действуют единые правила предоставления субсидий

в отношении промышленных товаров (подробнее см.: [Пахомова, Батистова, 2017]). Вместе с тем на практике эти единые нормы и правила соблюдаются далеко не всегда. К числу наиболее проблемных относится ситуация с поставкой на российский рынок значительных объемов сельскохозяйственной продукции (включая молочную) из Белоруссии по ценам, низкий уровень которых поддерживает белорусское государство, в том числе путем занижения экспортных пошлин. В этих условиях российские производители ставят вопрос о гармонизации единой системы государственной поддержки в России и Белоруссии, чтобы создать равные условия для конкуренции [Шугаев, 2018].

В России указанное направление КП также имеет существенные особенности. Предоставление государственной помощи в нашей стране регламентируется, в частности, статьями гл. 5 «Предоставление государственных или муниципальных преференций» Закона № 135-ФЗ. В ч. 1 ст. 19 данной главы перечислены 14 возможных ее направлений, которые весьма разнородны и включают в числе прочего: обеспечение жизнедеятельности населения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях; развитие образования и науки; проведение научных исследований; защиту окружающей среды; сохранение, использование, популяризацию и государственную охрану объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ и др. Неопределенна и расплывчата и роль антимонопольных органов в области контроля и мониторинга. Так, в ч. 2 ст. 19 указанного Закона отмечено, что государственная или муниципальная преференция в целях, предусмотренных ч. 1 ст. 19, предоставляется с предварительного согласия в письменной форме антимонопольного органа, однако при этом говорится о весьма широких основаниях для исключений из данного правила.

2. Модернизация конкурентной политики и ее инструментов в ходе реализации четвертого пакета изменений антимонопольного законодательства. Логика развития и модернизации инструментов КП в последние годы отражена в литературе [Пахомова, Некрасова, 2013; Авдашева, Шаститко, 2014]. В России эта модернизация осуществляется путем принятия пакетных изменений антимонопольного законодательства. С одной стороны, в данных пакетах отражаются новые моменты, обусловленные формированием в стране самой рыночной экономики, повышением зрелости рынков и рыночных структур, с другой — они вводят новые методы и инструменты антимонопольного регулирования, соответствующие углубленному пониманию факторов, воздействующих на конкурентную среду, включая стратегии бизнеса, направленные на укрепление монопольной власти и нарушение принципов справедливой эффективной конкуренции. С учетом уже проведенного в литературе анализа обратим основное внимание на принципиальные положения четвертого пакета изменений, которые были оформлены в специальном Федеральном законе от 05.10.2015 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон

“О защите конкуренции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации”» (далее — Закон № 275-ФЗ).

Перечень вносимых в антимонопольное законодательство изменений начинается ст. 1 Закона № 275-ФЗ, дополняющая ст. 3 Закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» нормой (ч. 3): положения данного Федерального закона не распространяются на отношения, урегулированные едиными правилами конкуренции на трансграничных рынках, контроль соблюдения которых относится к компетенции Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК) в соответствии с международным договором. Данная уточняющая норма имеет большое значение для четкого разграничения сферы национального антимонопольного регулирования отношений по защите конкуренции в рамках ЕАЭС. При этом пределы контроля ЕЭК антимонопольных правил определены подписанным 29 мая 2014 г. в Астане Договором о ЕАЭС. Согласно критериям отнесения рынка к трансграничному таковым является товарный рынок, географические границы которого охватывают территории двух и более сторон ЕАЭС (т. е. России, Беларуси, Казахстана, Армении и Киргизии).

Ряд статей Закона № 275-ФЗ относятся к уточнениям трактовки такого важного для конкурентного анализа понятия, как вертикальные соглашения. Согласно ранее действовавшей редакции п. 19 ст. 4 Закона № 135-ФЗ, вертикальное соглашение — это соглашение между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар. Внесенные Законом № 275-ФЗ уточнения состоят в том, что из определения вертикального соглашения (п. 19 ст. 4) исключено положение о том, что агентский договор не является вертикальным соглашением. Вопрос о возможности отнесения гражданско-правового договора (далее — ГПД) к вертикальным соглашениям должен решаться исходя из его содержания. Если в рамках заключенного ГПД не осуществляются предоставление (продажа) и приобретение товара, упомянутый договор нельзя признать вертикальным соглашением. Наряду с этим было установлено, что соглашения покупателей (а не только продавцов) на одном товарном рынке также будут признаваться картелем. Кроме того, как уже было отмечено в предыдущем пункте статьи, допускаются вертикальные соглашения между ХС (за исключением финансовых организаций), доля каждого из которых на товарном рынке товара, являющегося предметом соглашения, не превышает 20 %.

К числу поддержанных экспертами новелл относится упразднение реестра хозяйствующих субъектов, имеющих долю на рынке свыше 35 %. При этом доминирующее положение ХС будет устанавливаться в обязательном порядке в каждом случае, когда такое положение является квалифицирующим признаком, определяющим необходимость соблюдения установленных антимонопольным законодательством требований и запретов. Одновременно отменена возможность признания доминирующей компании при доле на рынке ниже 35 % (кроме случая коллективного доминирования и если иное

установлено отраслевым законом, например о связи). Данное изменение находится в русле международной практики антимонопольного регулирования, когда для оценки в качестве действий, нарушающих принципы справедливой конкуренции, недостаточно, чтобы компания обладала рыночной долей в 35 % и более. Необходимым является именно совершение антиконкурентных действий при обладании подобной рыночной долей.

Существенно переработаны и дополнены положения о недобросовестной конкуренции, которая теперь может принимать разнообразные формы, в частности: дискредитации (ложные, неточные, искаженные сведения, например относительно качества, количества другого товара, его цены); введения в заблуждение относительно собственного товара; некорректного сравнения (например, лучший, первый). Недобросовестная конкуренция может также осуществляться через: регистрацию товарного знака; введение в оборот товара с незаконным использованием интеллектуальной собственности; действия, вызывающие смешение с деятельностью или товарами конкурента (этикетки, наименования, внешний вид товара, цветовая гамма, фирменный стиль в целом (совокупность фирменной одежды, оформления торгового зала, витрины)); использование коммерческой тайны (в том числе через бывшего работника).

Положительно расценивается экспертами и расширение сферы применения предупреждений, благодаря чему при антимонопольных расследованиях преодолевается тенденция к обвинительному уклону с одновременным достижением существенного положительного эффекта. В частности, как показала практика, после вынесения предупреждений компании устраняют допущенные нарушения в 75 % случаев [Фас отложили до весны, 2013]. В этом же ряду отмена наложения оборотных штрафов одновременно с изъятием незаконно полученного дохода. Кроме того, эксперты положительно оценивают инициативу Федеральной антимонопольной службы РФ (далее — ФАС) по созданию новых государственных и муниципальных унитарных предприятий (ГУП и МУП) только с разрешения данного регулятора (самой ФАС) в случае их формирования на конкурентных рынках. Вместе с тем здесь все же возникает вопрос: на каком основании эту контрольно-разрешительную функцию должна исполнять ФАС, полномочия и функции которой представляются чрезмерно расширенными, что не способствует повышению эффективности ее деятельности?

Заслуживают положительной оценки единые обязательные требования к структуре процессуальных документов, которые необходимы при проведении антимонопольных расследований. Сформулировано также требование о проведении анализа состояния конкуренции в необходимом объеме, что повышает уровень экономического обоснования принимаемых регулятором решений. Так, при рассмотрении дела о нарушении антимонопольного законодательства антимонопольный орган должен проводить анализ состояния конкуренции в объеме, необходимом для принятия решения о наличии или об отсутствии нарушения антимонопольного законодательства; при опреде-

лении этого объема нужно руководствоваться положениями Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утв. Приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220 (в ред. от 20.07.2016).

Подводя краткий итог анализу изменений, вносимых в конкурентную политику четвертым антимонопольным пакетом, отметим их в целом положительное влияние не только на подведомственную ФАС область экономико-правовых отношений, но и на экономическое развитие страны. В этих изменениях отражены рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР), что способствует дальнейшему согласованию российской КП с общемировыми трендами. Вместе с тем изменения, происходящие в цифровую эпоху, требуют новых усилий по модернизации КП. Наряду с этим ряд проблемных вопросов в области КП не был учтен при формировании четвертого пакета, в частности необходимость рационального сочетания инновационной, промышленной и конкурентной политики [Шаститко и др., 2016], а также инновационный фактор при вынесении решений по антимонопольным делам [Нестеренко, Ветютнева 2012; Chernova, Razmanova, 2018]. К числу наиболее проблемных областей также относится недостаточная проработка вопроса повышения эффективности экономического анализа, в особенности в области регулирования экономической концентрации, на что частично обращено внимание в предыдущем пункте.

3. Конкурентная политика перед новыми вызовами и ее модернизация в условиях цифровизации экономики. Как следует из проведенного в предыдущем пункте анализа, в последнем (четвертом) пакете изменений антимонопольного регулирования учтен ряд новых требований, соответствующих развитию науки и правоприменительной практики, в целом отражены рекомендации ОЭСР. Это позволяет продвинуться в решении такой важной проблемы, как согласование КП в России с реализуемыми в развитых странах подходами. Однако, наряду с сохранением ряда проблемных зон, необходимо двигаться дальше, учитывая новые реалии. В связи с этим проведем краткий обзор основных факторов, которые обуславливают усложнение и модификацию условий и содержания современной конкуренции и требуют учета в конкурентной политике. К их числу могут быть отнесены следующие изменения и новые требования.

Усиливается глобальный характер конкуренции на многих рынках, сопровождающийся тенденцией к их открытости и к повышению прозрачности отраслей и компаний. Как следствие, наблюдается изменение цели бизнеса, прежде всего крупного, в качестве которой выступает не просто прибыль, а лидерство на глобальных рынках [Идрисов, Мау, Божечкова, 2017]. Ряд исследователей обращает внимание на динамику целевого ориентира конкуренции в направлении от борьбы за долю рынка и ценовую конкурентоспособность к удовлетворению потребностей потребителей, завоеванию потребительской лояльности в условиях роста их самосознания, развития сетевых

форм продаж, включая формирование сообществ потребителей и экономики совместного потребления [Караганчу, Князева, 2017, с. 54–66].

Противоречивые тенденции обнаруживаются и при анализе участников современного конкурентного процесса. С одной стороны, наблюдается эволюция участников конкуренции от отдельных компаний к многоуровневой конкуренции бизнес-систем, включая цифровые (технологические) платформы, цепи поставок и т. п. С другой стороны, вносятся уточнения в представления об оптимальных размерах бизнеса, прежде всего в инновационных секторах экономики, в условиях, когда инновационная активность превращается в один из решающих факторов повышения конкурентоспособности. Речь идет, в частности, о том, что цифровые стартапы с минимальным числом сотрудников способны стать реальной угрозой для устоявшихся брендов с многотысячными коллективами (капитализация *Airbnb* превысила капитализации гостиничной сети *Hyatt*).

Существенное воздействие на изменение архитектуры современной экономики оказывает цифровизация, которая преобразует организационные формы взаимодействия ХС между собой, чему в немалой степени способствует формирование цифровых платформ. Как отмечают эксперты, если организационным центром промышленной революции в свое время была фабрика, то сегодня взаимодействия ХС организуются вокруг цифровых платформ и формирующихся при этом разнообразных экосистем [Рихтер, Пахомова, 2018]. В результате не только размывается традиционная отраслевая структура экономики, но и облегчаются, а также по-новому структурируются взаимоотношения ХС путем перехода их в форматы B2B (*business to business*), B2C (*business to customer*), C2C (*customer to customer*), G2B (*Government to business*), G2B & C (*government to business & customer*) и др. Благодаря этому устраняются промежуточные посреднические звенья, сокращаются транзакционные издержки, происходит ослабление информационной асимметрии, повышается эффективность рыночной экономики в целом. Параллельно наблюдается эволюция форм конкуренции: от непримиримого соперничества к кооперации в решении отдельных проблем (партнерства, альянсы); от ценовой к неценовым формам конкуренции (в области инноваций, освоения возобновляемых энергоносителей, соблюдения экостандартов и др.).

Что касается традиционных сегментов экономики и традиционных рынков, то достижение многими из них стадии зрелости обуславливает ужесточение конкуренции при поддержке их со стороны государства (причем не только в странах с формирующимися рынками, но и в развитых странах, включая США). Протекционизм в политике стимулируется также переходом к новой технологической революции, сопровождающимся закатом ряда отраслевых сегментов. Одним из последствий этих процессов выступает, наряду с дальнейшим обострением соперничества и углублением противоречий, переход конкуренции от уровня компаний и секторов экономики на межгосу-

дарственный уровень. Это провоцирует разрушение или коренной пересмотр принципов функционирования ряда международных интеграционных группировок (примерами чего служит Брексит, как и распад НАФТА), а также развертывание торговых войн (США — ЕС — G7 — Китай).

Новые требования к конкурентной политике предъявляются и в контексте усиления ее взаимосвязи с политикой поддержки конкурентоспособности, промышленной и инновационной политикой. Так, при согласовании регулятором решений бизнеса по экономической интеграции посредством сделок слияний и поглощений сегодня необходимо не только принимать во внимание стандартные параметры, отражающие воздействие таких сделок на конкурентную среду и благосостояние потребителей, но и учитывать более широкий контекст, включая вопросы повышения конкурентоспособности компании, приращение ее инновационного потенциала, приобретение новой ключевой компетенции и др.

Закономерен вопрос о том, насколько улавливаются эти вызовы в современной КП. Нужно ли, например, радикально менять ее ориентиры и критерии с учетом того, что структура рынка и доли ХС не имеют былого значения, монополия размывается, а крупные компании ставят во главу угла, как утверждает ряд экспертов [Караганчу, Князева, 2017, с. 54–66], не максимизацию прибыли, а удовлетворение потребностей потребителей? Какой модернизации должна подвергаться КП с учетом реалий цифровой эпохи, когда сложно применять стандартные категории антимонопольного регулирования? Дополнительные проблемы поднял Центробанк РФ, обративший внимание на несовершенную конкуренцию и барьеры для входа на рынки в качестве немонетарных факторов, влияющих на экономическую ситуацию в стране, включая уровень инфляции. Что касается рыночных барьеров, то они существенны, в частности, на рынке нефтепродуктов, и это блокирует доступ на данный рынок независимых производителей, провоцируя рост цен на бензин. К аналогичным последствиям приводит политика крупных розничных сетей в отношении небольших поставщиков, что также затрудняет конкуренцию, ограничивая потребительский выбор и приводя к негибкости цен [Центробанк рассказал..., 2018].

Еще одну важную проблему вновь обнажил новый рейтинг РБК 500, согласно которому более 40 % выручки крупнейших компаний России обеспечили госкомпании [Деньги в Москве и у государства..., 2018]. Высокая роль государства в экономике — одно из главных структурных препятствий, стоящих на пути повышения доли инвестиций в ВВП с 21 % сегодня до 25 %. Инструментом достижения данного показателя, согласно макропрогнозу Минэкономразвития, должно стать сокращение доли государства в экономике. Эксперты Центра стратегических разработок приводят оценку доли госсектора в ВВП, которая достигла 46 %. Причем экспансия госсектора в последние годы усиливается, что сопровождается снижением эффективности рыночных

механизмов и самих предприятий, а также «неформальным огосударствлением частных компаний» [Деньги в Москве и у государства..., 2018].

На решение комплекса проблем, блокирующих формирование здоровой конкуренции при переходе к четвертой индустриальной революции и цифровой экономике, направлен, в частности, Национальный план развития конкуренции на 2018–2020 гг. (утв. Указом Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»). К числу ориентиров этого Плана относится обеспечение присутствия не менее трех игроков на всех рынках (кроме естественных монополий и оборонно-промышленного комплекса), один из которых должен относиться к частному бизнесу. К 2020 г. доля государственных закупок у малых и средних предприятий должна увеличиться в два раза; аналогичным образом должно сократиться и число нарушений антимонопольного законодательства со стороны государственных органов. Для противодействия тенденции к огосударствлению Минэкономразвития предлагает ограничить создание унитарных предприятий на конкурентных рынках, запретить государству приобретать акции компаний, которые работают на конкурентных рынках, а также разработать план выхода Центробанка из капитала санируемых банков с учетом того, что за последний год государственными стали три крупнейших частных банка [Деньги в Москве и у государства..., 2018].

Объектом специального внимания со стороны регулятора служит и активно протекающий процесс формирования цифровой экономики. В России в этих целях подготовлен и проходит стадию обсуждения пятый антимонопольный пакет, который объединяет следующие основные новеллы:

- 1) новое определение доминирующего положения участника рынка, являющегося обладателем больших массивов данных и располагающего в силу этого огромной рыночной властью; в цифровую эпоху доля бизнеса на физическом товарном рынке в определенной мере утрачивает былое значение в качестве показателя, который в предшествующий период был одним из ключевых для оценки положения фирмы на рынке;
- 2) предложение о применении понятия ценового алгоритма, который позволяет использующим эту технологию компаниям анализировать рынки в режиме онлайн и подстраивать цены под изменяющуюся рыночную ситуацию, причем более или менее единообразно, чем создается почва для картельных сговоров в электронном виде;
- 3) применение дополнительных критериев для согласования сделок экономической концентрации в случае приобретения технологий, иных нематериальных активов или в случае интеграции самих цифровых платформ, являющихся важнейшими компонентами инфраструктуры цифровой экономики;

- 4) введение для функционирующих на территории России иностранных компаний, которые могут не обладать практически никакими физическими активами, ответственности за нарушение российского антимонопольного законодательства, включая право ФАС ограничивать оборот их товаров или выдавать принудительную лицензию по решению суда для выполнения компанией предписаний регулятора [Воздвиженская, 2018].

Часть перечисленных новелл имеет черты сходства с изменениями КП, обсуждаемыми в настоящее время в ЕС. Так, в контексте проблем, связанных с цифровизацией экономики, ЕЭК изучает особенности конкуренции в цифровом мире для обоснования ответов на следующие вопросы: 1) каким образом большие базы данных могут трактоваться в аспекте контроля за сделками слияний и поглощений и в какой степени они могут усилить рыночную власть; 2) какие ценовые ограничения наблюдаются и целесообразны в области электронной коммерции; 3) до какой степени алгоритмы и программное обеспечение для принятия решений, являющиеся ядром функционирования многих продуктов в цифровой экономике, могут использоваться для мониторинга ценовой политики конкурентов и адаптации к ней, что создает риск картельных сговоров и поднимает вопросы, связанные с соблюдением правил справедливой конкуренцией [Ten EU Competition & Regulatory Trends..., 2018].

Вместе с тем по ряду направлений российский регулятор идет с опережением европейских коллег. Так, ФАС РФ уже определилась с порогами доминирования и предложила считать монополистами цифровые платформы, которые занимают более 35 % рынка «взаимозаменяемых услуг», что отражено в обновленной версии пятого антимонопольного пакета. Однако, по мнению экспертов, пока неясно, что такое «рынок взаимозаменяемых услуг», а от трактовки этого понятия, в частности, зависит, попадут ли под регулирование такие интернет-гиганты, как «ВКонтакте» и «Яндекс» [ФАС определилась..., 2018].

Заключение. Как показывает проведенный в статье анализ, конкурентная политика принадлежит к числу приоритетных направлений деятельности государства. Глобализация современной экономики, как и синхронизированное освоение инноваций четвертой индустриальной революции, обуславливает координацию усилий, предпринимаемых для модернизации КП не только в рамках существующих интеграционных группировок, к числу которых относятся ЕС и ЕАЭС, но и на более широком межгосударственном уровне. Подтверждением этого вывода служат подготовительные меры, направленные на обновление КП и инструментов ее реализации в условиях формирования цифровой экономики. Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые усилия, остается целый ряд проблем, которые выдвигает цифровая эпоха и поиск ответов на которые должны вести представители государственных органов, бизнес-сообщества и научные эксперты. К числу таких проблем относится во-

просы о том, кто является сувереном личных данных человека и не приводит ли развитие цифровых технологий к утверждению информационной монополии или даже «цифровой диктатуры». Возникают ли при этом технологии, позволяющие осуществить тотальный контроль за личностью и ее данными со стороны различных государственных структур и международных социальных сетей, или, наоборот, создаются благоприятные условия для цифровой демократии с превращением гражданина в суверена цифровой информации и активного участника происходящих радикальных преобразований? В цифровой экономике значительная часть добавленной стоимости и дохода компаний перемещается от реального бизнеса, а также от потребителей в направлении цифровых услуг (на платформах), чему способствуют нерешенность вопросов ценообразования и отсутствие ясности относительно готовности клиентов платить за цифровые услуги [Рихтер, Пахомова, 2018]. Специального внимания заслуживает проблема информационной безопасности и суверенитета потребителей, на что указывает череда скандалов с утечкой персональных данных десятков миллионов пользователей цифровых платформ.

Список литературы

- Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. Конкурентная политика: состав, структура, система // Современная конкуренция. 2014. № 1. С. 5–20.
- Воздвиженская А. Поправка на сговор. ФАС представила пятый антимонопольный пакет // Российская газета. 2018. 27 марта. URL: <https://rg.ru/2018/03/27/fas-predstavila-piatyj-antimonopolnyj-paket.html> (дата обращения: 12.12.2018).
- Деньги в Москве и у государства: о чем говорит новый рейтинг РБК 500. 20.09.2018. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/09/2018/5ba265929a7947c2e863746f> (дата обращения: 12.12.2018).
- Еврокомиссия решила не штрафовать «Газпром» по антимонопольному делу. 24.05.2018. URL: https://www.rbc.ru/business/24/05/2018/5b0695d89a794728679e58e6?from=center_44 (дата обращения: 12.12.2018).
- Идрисов Г., Мау В., Божечкова А. В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5–23.
- Караганчу А., Князева И. Конкурентная политика в предотвращении ограничительной деловой практики и антиконкурентной государственной помощи: опыт и практика Европейского союза. Новосибирск, 2017.
- Коковихин А.Ю., Огородникова Е.С., Уильямс Д., Плахин А.Е. Оценка конкурентной среды на региональных рынках // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 79–94.
- Нестеренко Н.Ю., Ветютнева К.И. Инновационный потенциал участников посткризисного рынка слияний и поглощений в России // Проблемы современной экономики. 2012. № 2 (42). С. 131–136.
- Пахомова Н.В. Современная конкурентная политика: теоретический анализ и опыт реализации (на примере ЕС и России) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2008. Вып. 1. С. 3–24.

- Пахомова Н. В. Гл. 2. Экономический анализ права: от теоретических идей к хозяйственной практике // Институты и экономическое развитие: отечественный и зарубежный опыт: учебник / под ред. М. А. Румянцева, Г. В. Борисова. М., 2013. С. 52–94.
- Пахомова Н. В., Батистова О. И. Конкурентная политика в ЕАЭС: целевые ориентиры и механизмы реализации // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной гиперконкуренции: коллективная монография. СПб., 2017. С. 181–186.
- Пахомова Н. В., Некрасова Е. А. Конкурентная политика и развитие антимонопольного регулирования в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. Вып. 3. С. 25–36.
- Пахомова Н. В., Рихтер К. К. Экономика отраслевых рынков и политика государства: учебник. М., 2009.
- Рихтер Н. В., Пахомова Н. В. Цифровая экономика как инновация XXI века: вызовы и шансы для устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2018. № 2 (66). С. 22–31.
- ФАС определилась с критериями монополий в Рунете. 14.08.2018. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/08/2018/5b71b6e09a794771bdec398c?from=materias_on_subject (дата обращения: 12.12.2018).
- Фас отложили до весны. 09.12.2018. URL: <http://expert.ru/expert/2013/49/fas-otlozhili-do-vesny/> (дата обращения: 12.12.2018).
- Центробанк рассказал о неподконтрольных ему факторах инфляции. 17.09.2018. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/09/2018/5b9e8d0d9a79476177531f67?from=newsfeed> (дата обращения: 12.12.2018).
- Чернова Е. Г., Разманова С. В. Структурные сдвиги в нефтегазовой отрасли: ключевые факторы, индикаторы, последствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. Т. 33, № 4. С. 622–640.
- Шаститко А. Е., Павлова Н. С., Мелешикина А. И., Фатихова А. Ф. Приоритеты конкурентной политики в России до 2030 года // Современная конкуренция. 2016. Т. 10, № 2. С. 26–45.
- Шугаев Г. Молочные реки. Молочники, конкурируя с Белоруссией, придумывают новые формы ведения бизнеса // Лента.ру. 13.08.2018. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/08/13/vaskovskii/> (дата обращения: 23.10.2018).
- Chernova E. G., Razmanova S. V. Development of competitive environment in the oil market of Russian Federation: empirical analysis // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 2. С. 547–561.
- Report on Competition Policy 2016. European Commission. Brussels. 31.05.2017. Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. URL: http://ec.europa.eu/competition/publications/annual_report/2016/part1_en.pdf (accessed: 12.12.2018).
- Ten EU Competition & Regulatory Trends to Watch for in 2018. 23.01.2018. URL: <https://www.antitrustlawblog.com/2018/01/articles/eu-competition-regulator/competition-regulatory-trends> (accessed: 12.12.2018).
- Williamson O. Economics as an anti-trust defense // American Economic Review. 1968. No. 58. P. 18–36.

А. Ю. Протасов

Циклически-волновая динамика инфляции: российские и мировые тенденции¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Протасов А. Ю. Циклически-волновая динамика инфляции: российские и мировые тенденции // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономики (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 220–236.

В статье анализируется нелинейная динамика инфляционных процессов в мировой и российской экономике. Используя методологические предпосылки концепции системных циклов накопления капитала и постулаты конфликтной теории инфляции, автор показывает, что сформировавшийся в первое десятилетие XXI в. понижательный тренд мировой инфляции является закономерным следствием действия особых механизмов, инициирующих длинноволновую динамику инфляции, а также короткие инфляционные циклы, которые возникли во второй половине XX в. Одним из основных элементов таких механизмов выступают постоянно воспроизводящиеся распределительные конфликты в обществе.

Ключевые слова: инфляция, волны, циклы, накопление, система, экономическая политика, власть, структурные диспропорции, распределительные конфликты.

Темпы инфляции в современной глобальной экономике демонстрируют тенденцию к снижению. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР), рост потребительских цен в Европе за девять месяцев 2018 г. не превышал 1 %, а в некоторых странах мира (например, в Японии и Италии) уже не первый год фиксируется дефляция. Среди стран «Большой двадцатки», в число которых входят Россия и Китай, средний уровень годовой инфляции за период с июля по сентябрь 2016 г. снизился с 2,2 % до 2,1 %. Как показывает анализ динамики инфляционных процессов в мире, это самый медленный рост потребительских цен в данных странах с октября 2009 г.

Понижательный тренд мировой инфляции начал формироваться не в последние годы, а намного раньше, в конце XX — начале XXI вв. Поэтому период 2000–2010-х гг. часто называют эпохой «великого замедления» (*the great slowing*), которая пришла на смену эпохе «великой инфляции» (*the era of the great inflation*), длившейся в развитых странах с начала 1970-х до середины 1980-х гг., а в странах с развивающимися рынками — с конца 1980-х до конца 1990-х гг. (рис. 1).

¹ Статья написана с использованием материалов ранее опубликованной статьи автора: Протасов А. Ю. Системные циклы накопления Дж. Арриги и длинные волны инфляции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2013. Вып. 3. С. 3–24.

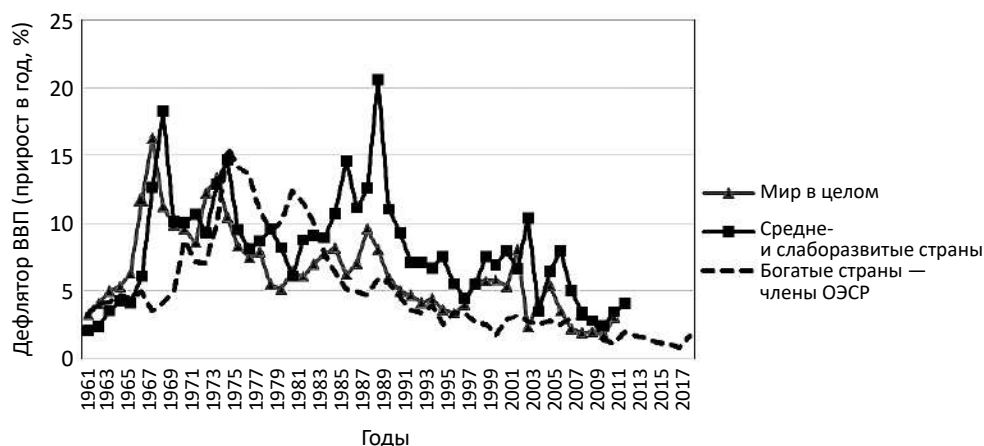

Рис. 1. Динамика инфляции в мировой экономике (прирост дефлятора ВВП в % к предыдущему году) (составлено автором по: Мировой банк. URL: <https://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators/preview/on> (дата обращения: 30.01.2019))

Траектория инфляционных процессов в России в целом вписывается в общемировой тренд на понижение цен. Последнее десятилетие прошлого века в российской экономике прошло под знаком высокой инфляции. После гиперинфляционного скачка цен 1992 г. индекс потребительских цен стал постепенно снижаться с 940 % в 1993 г. до 111 % в 1997 г. Понижительная тенденция высокой инфляции в России того времени была прервана финансово-экономическим кризисом 1998 г., когда произошло ускорение роста цен, составившее 84 % в годовом исчислении (рис. 2).

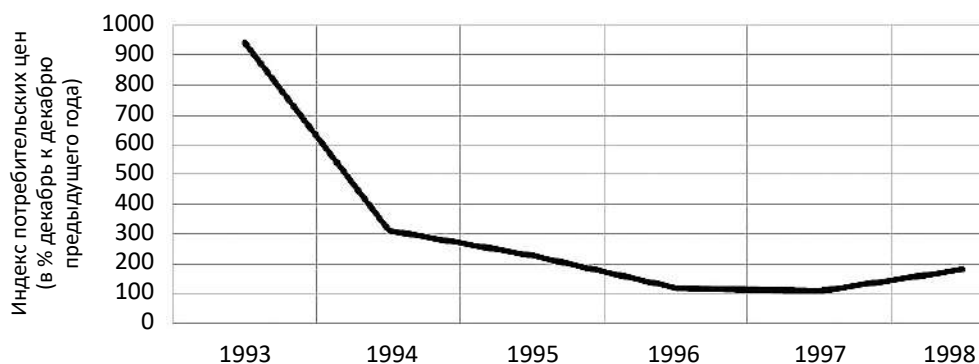

Рис. 2. Динамика инфляции в России в 1993–1999 гг. (составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики РФ. Раздел «Цены». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs (дата обращения: 30.01.2019))

С 2000-х гг. по настоящее время в динамике российской инфляции сохранился понижающийся тренд, который прерывался ускорением прироста потребительских цен в 2007–2008 и в 2014–2015 гг. (рис. 3).

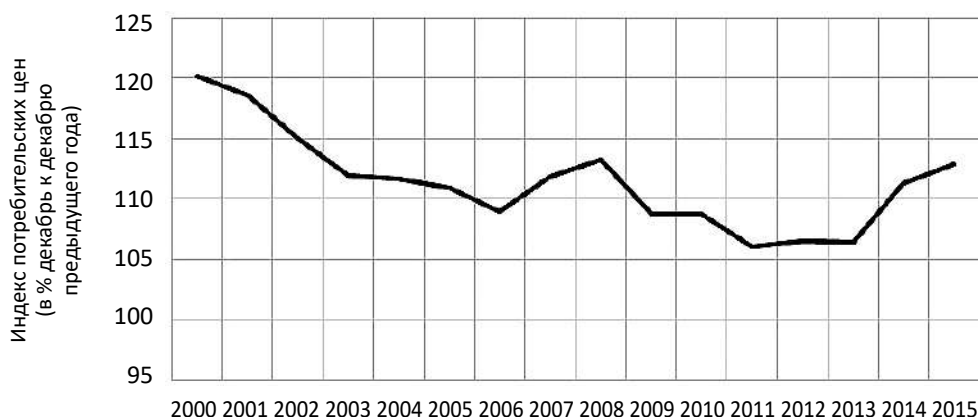

Рис. 3. Динамика инфляции в России в 2000–2016 гг. (составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики РФ. Раздел «Цены». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs (дата обращения: 30.01.2019))

Наряду с общемировой тенденцией к понижению общего уровня цен инфляцию в России отличает ее достаточно высокий уровень. Так, среднегодовой темп роста цен в России за период с 2005 по 2015 г. составил около 9,4 %. За аналогичный период темпы инфляции в развитых странах по дефлятору ВВП не превышали 2,1 %, а в мире в целом — 4,7 %.

Таким образом, настоящая статья преследует двоякую цель: 1) пролить свет на причины формирования долгосрочных ценопонижающих трендов в большинстве стран мира на современном этапе; 2) попытаться обосновать их влияние на развитие инфляционной ситуации в России.

Рассмотренная в начале настоящей статьи понижающаяся динамика цен в мире выглядит довольно странно, так как в последнее десятилетие правительства развитых стран, прежде всего США, эмитировали колоссальное количество платежных средств в мировую финансовую систему для поддержания экономического роста в своих странах. Казалось бы, вброшенные в каналы денежного обращения этих стран в рамках программ количественного смягчения триллионы долларов, евро и йен должны толкать цены вверх и приводить к росту ВВП, однако этого не произошло. Как мы видели, тенденция на понижение цен сохраняется до сих пор. Эта загадка мировой конъюнктуры привлекла внимание многих экономистов.

Большинство исследователей, опираясь на методологические предположения неоклассического синтеза, сходятся во мнении, что изменения в направлении движения цен в сторону их понижения во многих странах оказа-

лись результатом процессов экономической глобализации, которая привела к росту конкурентного давления на фирмы. В частности, глобализация и усиление международной конкуренции ограничивают монополистические тенденции в ценообразовании и заставляют фирмы осуществлять конкурентную борьбу в классической форме ценовой конкуренции, что оказывает понижающее воздействие на цены. Вместе с тем глобализация открывает новые возможности для снижения издержек за счет использования трансграничного движения дешевой рабочей силы в рамках глобальных рынков труда, что также позволяет не только удерживать цены на относительно низком уровне, но и снижать их в борьбе за рынки сбыта.

Другим понижающим фактором в мировой инфляции, на который указывает М. Ю. Головинин, ссылаясь на работу С. Кальдерона и К. Шмидта-Хеббела [Calderon, Schmidt-Hebbel, 2008], выступает глобальная финансовая интеграция, оказывающая «дисциплинирующее воздействие на денежные власти» [Головинин, 2009, с. 46].

Российские исследователи Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев расширяют спектр факторов, воздействующих на цены в сторону их понижения в мировой экономике [Гринин, Коротаев, 2012].

Во-первых, происходят глобальные сдвиги в структуре потребления. При подсчете инфляции по индексу потребительских цен в корзину товаров включаются различные продукты и услуги потребительского назначения. Практика показывает, что чем больше в потребительской корзине продуктов питания и товаров первой необходимости, тем выше уровень инфляции. Подобная зависимость между структурой потребления и уровнем инфляции обусловлена низкой эластичностью спроса на товары первой необходимости и более высокой волатильностью цен на них. Таким образом, если принять во внимание, что мальтузианские ловушки, связанные с принципиальной нехваткой продуктов питания в мире, к настоящему времени в целом преодолены, то, очевидно, происходят постепенные сдвиги в структуре потребления товаров с более эластичным спросом; это стимулирует снижение общего уровня цен в странах как с развитыми рынками, так и с быстро развивающимися экономиками, к которым относятся в том числе Россия и Китай.

Во-вторых, расширение глобальных финансовых рынков выступает фактором, не только оказывающим «дисциплинирующее воздействие на денежные власти», но и напрямую снижающим инфляцию в потребительском секторе. В условиях мощной накачки каналов денежного обращения платежными средствами в рамках реализации программ количественного смягчения и проведения мягкой денежно-кредитной политики центральными банками развитых стран, снижение мировой инфляции объясняется тем, что излишние деньги уходят в финансовый сектор, где происходит рост цен на различные активы, прежде всего на ценные бумаги (инфляция активов). Однако рост цен на активы не включается в измерение инфляции, хотя надувание пузырей на таких

рынках создает серьезные риски кратковременных инфляционных шоков. Статистическим подтверждением этого тезиса является то, что в 2013 г. ВВП в США вырос на 1,9%, инфляция находилась на уровне 1,1%, а рынок акций поднялся на 35%.

В-третьих, в глобальной экономике, наряду с существующими механизмами развития инфляционных процессов, сформировались дефляционные механизмы, которые все в большей степени оказывают сдерживающее влияние на развитие инфляции, вызванной огромной эмиссией [Гринин, Коротаев, 2014]. Данные механизмы связаны с действием экономических циклов разной продолжительности. Считается, что роль элемента дефляционного механизма в настоящее время играет понижающая фаза пятой длинной волны Кондратьева, начало которой датируется примерно 2005 г. Вместе с тем на понижение ценовой динамики влияют не только циклы Кондратьева, но и ряд других экономических циклов. Есть все основания полагать, что разворот ценового тренда на рубеже веков произошел в том числе в результате совпадения понижающих фаз 60-летнего цикла Кондратьева, 30-летнего ритма Кузнеца и, возможно, более длительных циклов, о которых мы скажем ниже.

Циклическую природу современного дезинфляционного (т.е. ведущего к замедлению темпов прироста цен) тренда, сформировавшегося в большинстве стран в последнее десятилетие XX в., в том числе в странах с развивающимися рынками, к которым относится Россия, подтверждает наблюдение за динамикой инфляции на больших исторических промежутках времени (рис. 4).

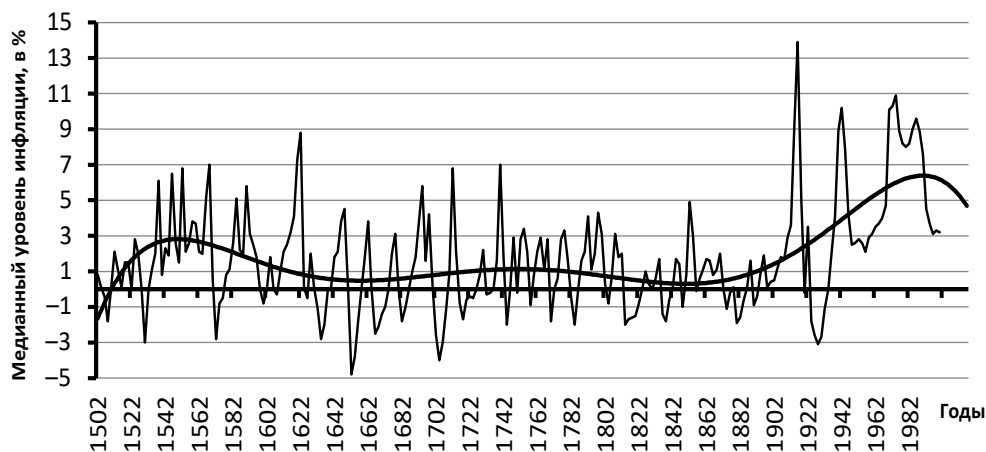

Рис. 4. Медианный уровень инфляции. Пятилетние скользящие средние для 67 стран мира за период с 1500 по 2014 г. (составлено автором по: [Рейнхарт, Рогофф, 2012, с. 217; Allen, Unger, 2019])

График на рис. 4 показывает, что многие страны мира на протяжении как минимум последних 500 лет большую часть времени развивались в условиях

инфляции. Россия и Китай не стали исключением из общемирового процесса. За два последних века в Китае в течение почти 50 лет, а в России — в течение примерно 100 лет уровень инфляции колебался в пределах от 20 до 40% (с учетом косвенных оценок инфляционного потенциала в обеих экономиках в период планового ценообразования). При этом китайская экономика за данный период пережила три гиперинфляционные волны, а российская — восемь. Кроме того, в процессе длительного исторического развития в ценовой динамике стран мира четко идентифицируются долгосрочные инфляционные тренды, на которые накладываются более короткие инфляционные циклы, начавшиеся во второй половине XX в., либо инфляционно-дефляционные циклы, наблюдавшиеся до середины XX в. (рис. 5).

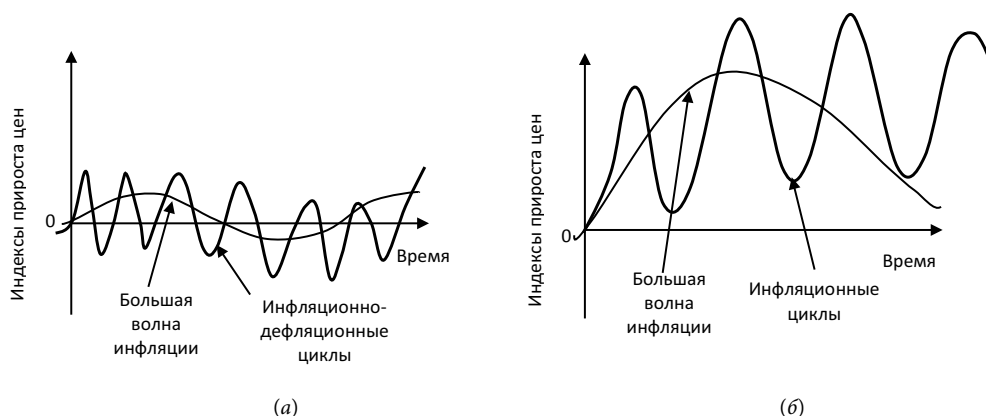

Рис. 5. Метаморфозная модель (а) инфляционно-дефляционных циклов и (б) инфляционных циклов (схема разработана автором)

Для выявления долгосрочных трендов в ценовой динамике был произведен расчет кумулятивного прироста индексов цен на примере Англии, который позволил обнаружить наличие трех длинных инфляционных волн в странах Западной Европы, продолжительность которых составила больше ста лет (рис. 6).

Таким образом, современный дезинфляционный тренд в мировой экономике, свидетелями которого мы являемся, представляет собой звено исторического процесса последовательной смены длинных волн инфляции — дефляции.

Для анализа этого процесса методология неоклассического синтеза оказалась малоприменимой. Поиск адекватных методологических оснований для решения данной задачи был найден в рамках двух других альтернативных теоретических концепций. Первая из них — концепция общественного согласия (конфликтная теория инфляции), объясняющая инфляцию как форму проявления масштабного социального распределительного конфликта и позво-

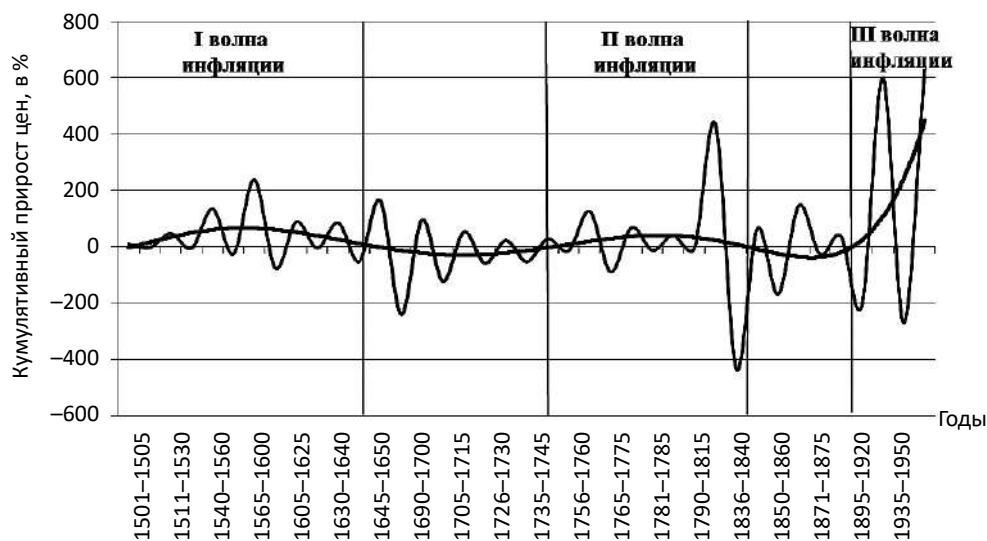

Рис. 6. Кумулятивный прирост цен и волны инфляции в истории хозяйственного развития Англии с 1500 по 1950 г. (составлено автором по: [Fischer, 1996, p. 98-105; Mitchell, 1962, p. 468-473])

ляющая найти ответы на вопросы, связанные с природой инфляции вообще; вторая — концепция системных циклов накопления, выдвинутая Дж.Арриги, раскрывающая закономерности исторического развития капитализма в Европе и дающая ключ к возможной разгадке механизмов формирования и смены долгосрочных трендов в ценовой динамике экономического развития стран мира.

Конфликтная теория инфляции возникла в конце 1970-х гг. с появлением работ Дж.Голдторпа, Р.Эриксона, Л.Портокареро и других исследователей в рамках социологического подхода к анализу экономических явлений [Goldthorpe, Llewellyn, Payne, 1987]. Изучая классовую структуру общества, Дж.Голдторп и соавторы рассматривали инфляцию как монетарное выражение фундаментального конфликта капиталистической экономики — борьбы социальных групп и классов за перераспределение национального дохода.

Среди профессиональных экономистов-теоретиков идея о том, что инфляция является формой выражения распределительного конфликта по поводу определения доли в произведенном национальном доходе между классом наемных работников и владельцами крупных капиталов, возникла в начале 1980-х гг. и была рефлексией экономической мысли на потребности хозяйственной практики, связанные с возникновением в начале 1970-х гг. в развитых капиталистических странах, прежде всего в США и Великобритании, феномена стагфляции (т.е. инфляции, сопровождающейся падением объемов национального производства). Такой социально-классовый подход к анализу

инфляционных процессов стал продолжением эволюции политэкономического подхода в экономических исследованиях, прежде всего в русле его неомарксистского ответвления [Афанасьев, 1982].

Одна из первых экономических работ в этом направлении — статья американских экономистов С. Розенберга из Калифорнийского университета и Т. Е. Вайскопфа из Мичиганского университета [Rosenberg, Weisskopf, 1981]. С точки зрения авторов статьи, инфляция представляет собой явление, порождаемое превышением требований к получению дохода со стороны различных социальных классов над наличным произведенным национальным доходом.

Среди конфликтующих классов выделяются: класс рабочих, стремящихся к повышению заработной платы, и класс капиталистов, нацеленных на максимизацию нормы прибыли [Gordon, 1981]. В этом противоборстве между трудом и капиталом за долю в национальном доходе рабочие, объединенные в мощные профсоюзы, вроде бы оказываются победителями в отстаивании своих прав на более высокую заработную плату, но на самом деле проигрывают, поскольку владельцы и высшие менеджеры крупнейших корпораций с легкостью включают возросшую зарплату наемных работников в цены на выпускаемую продукцию, раскручивая тем самым инфляционную спираль «зарплата — цены» и одновременно увеличивая или, по крайней мере, сохраняя относительную норму прибыли. При этом, как отмечал А. В. Аникин, «товаром, цена которого обычно повышается в последнюю очередь, является труд» [Аникин, 2009, с. 73], т. е. сначала повышаются относительные цены на товары потребительского назначения и лишь после этого возрастает заработная плата.

В современной России о распределительной природе инфляции впервые заговорили в начале 1990-х гг. Так, анализируя инфляционные процессы в переходной экономике России, французские экономисты М. Аглиетта и Ж. Сапир охарактеризовали ее как инерционную инфляцию, которую впоследствии называли инфляцией конфликтов. Логика инфляции конфликтов заключается в том, что «все экономические агенты или их часть стремятся изменить распределение доходов в свою пользу», оказывая тем самым повышательное давление на цены [Аглиетта, Сапир, 1995, с. 97].

Ценность исследований, проведенных этими авторами, связана с тем, что в анализ инфляции с точки зрения распределительных конфликтов был включен институт государства как одного из получателей выгод от инфляции, а также ее самоподдерживающийся характер, обусловленный особенностями институциональной среды, в которой происходят взаимодействия экономических агентов. В частности, если в экономике нарастает неопределенность относительно будущего развития и, соответственно, повышаются риски потери или снижения реальных доходов, то хозяйствующие субъекты, включая институты государства, перестают их считать своими частными, локальными рисками и отказываются брать их на себя, перебрасывая на других путем на-

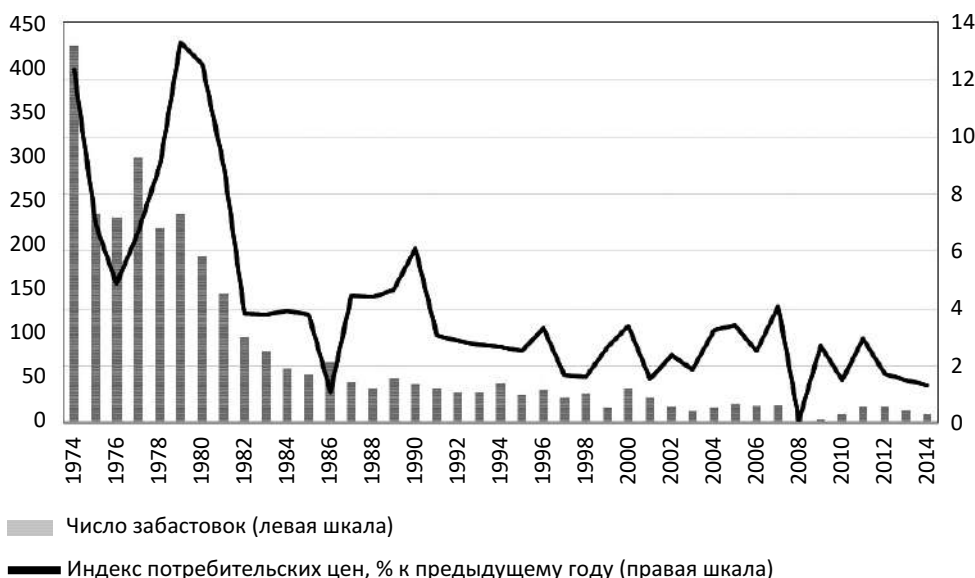

Рис. 7. Число забастовок и темпы прироста цен в США (1974–2014 гг.) (составлено автором по: <https://www.statbureau.org/ru/united-states/inflation-tables> (дата обращения: 15.04.2016); Bureau of Economic Analysis U. S. Department of Commerce. URL: <http://www.bea.gov/national> (дата обращения: 16.04.2016)).

значения большей наценки на товары (в том числе на такой товар, как рабочая сила). «Рост цен в этих условиях возвращается к своим инициаторам в форме увеличения их издержек, которые лишают их ожидаемых прибылей, и процесс самозапускается вновь» [Аглиетта, Сапир, 1995, с. 98].

Из развиваемых М. Аглиеттой и Ж. Сапиром положений конфликтной теории инфляции вытекает одно важное следствие: «Инфляция представляет собой одновременно и исходную точку, и результат конфликтных взаимодействий. Каждый из агентов имеет движущуюся “мишень”; каждый поочередно является “охотником” и “целится” в других» [Аглиетта, Сапир, 1995, с. 98]. Иными словами, распределительный конфликт выступает, с одной стороны, первопричиной инфляционных процессов, а с другой — их следствием!

Распределительная природа инфляции подтверждается при сопоставлении числа забастовок с темпами инфляции: между этими показателями имеется прямая корреляция. Так, в США такая связь прослеживается очень четко (рис. 7).

Менее тесная, но статистически значимая связь между темпами инфляции и количеством забастовок прослеживается и в экономике России (рис. 8).

Распределительные конфликты, будучи встроенными элементами механизма инфляционного процесса, могут принимать разные формы. В прошлые периоды они проявлялись, как правило, в виде силовых конфликтов: войн, ре-

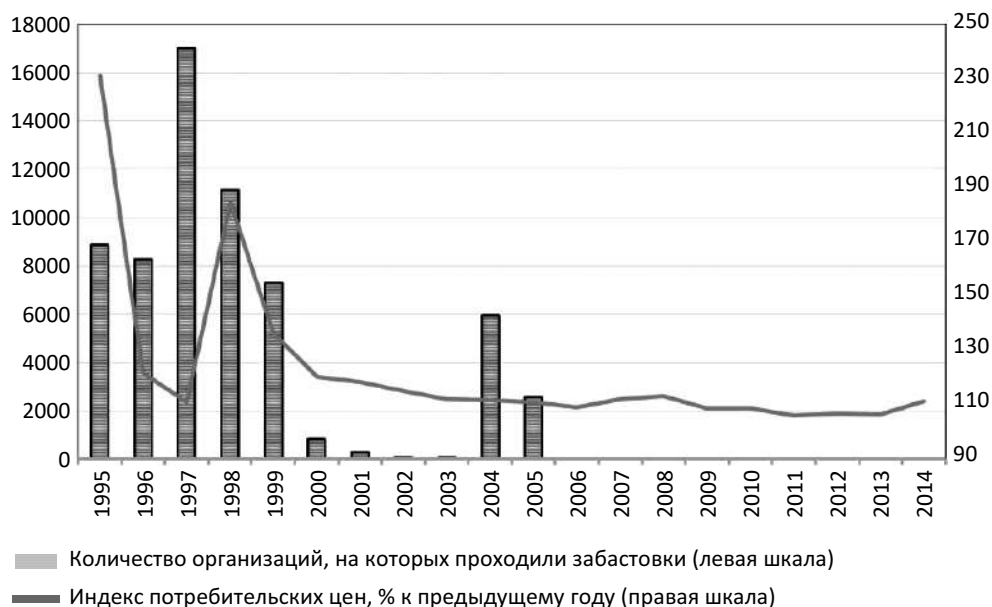

Рис. 8. Инфляция и забастовки в РФ (1995–2014 гг.) (составлено автором по: Федеральная служба государственной статистики РФ. Разделы «Цены» и «Социальное положение и уровень жизни населения России». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs (дата обращения: 30.01.2019))

волюционных потрясений, сопровождавшихся ценоповышательными процессами и обесценением денежных единиц. В настоящее время такие конфликты более затушеваны, скрыты, реализуя себя в ценовом механизме. Так, конфликты между наемным персоналом и крупными корпорациями по поводу размера заработной платы имели форму перекладывания увеличивающихся издержек на рабочую силу и на потребителя через повышение цен на готовую продукцию. Это стало возможным благодаря сформировавшимся монополистическим и олигополистическим структурам рынка, где фирмы имеют возможность управлять ценами. Другой пример с государством — манипуляция ставками процента в рамках проводимой жесткой финансовой политики. Здесь интересно отметить, что процесс, который по логике неоклассиков и монетаристов предназначен для борьбы с инфляцией (высокие ставки процентов), напротив, приводит к повышению стоимости кредита, перекладываемого на потребителя с помощью ценового механизма, и тем самым стимулирует инфляционный рост цен [Дубянский, 2015].

Сказанное свидетельствует о том, что природа инфляции коренится в социальном конфликте по поводу распределения и перераспределения произведенного национального продукта. Социально-экономическими условиями такого конфликта выступают определяемые сложившимися экономическими и институциональными структурами неравные возможности различных эко-

номических агентов, социальных групп и стран, связанные с доступностью произведенного национального продукта. В рамках такого подхода инфляция предстает структурным явлением, первопричиной которого выступает социальный конфликт по поводу распределения произведенного общественного продукта. На этот основной источник инфляции накладываются другие причины, усиливающие или, наоборот, ослабляющие ее проявления, среди которых можно выделить ряд наиболее важных: эмиссия денег, государственный долг, дефицит бюджета, инфляционные ожидания, цикличность экономики, политика государства и крупных корпораций.

Таким образом, в отличие от общепринятых в настоящее время определений инфляции как долгосрочной тенденции повышения общего уровня цен, сопровождающегося обесценением национальной денежной единицы, с позиции конфликтной теории инфляцию можно представить как *процесс проявления в латентной или открытой форме массовых распределительных и перераспределительных конфликтов (между различными социальными слоями общества, между институтами государства и обществом, а также между национальными государствами) относительно доли в национальном доходе, общественном или мировом богатстве, выражением которых является диспропорциональное, неравномерное и долговременное повышение цен, сопровождающееся обесценением денежных единиц* [Протасов, 2015].

Дальнейший теоретический анализ выявленных длинных ценовых волн показал, что они связаны, с одной стороны, с распределительной природой инфляции, а с другой — с историческим развитием и последовательной сменой специфических режимов накопления капитала (или системных циклов накопления), концепцию которых в 1994 г. предложил Дж. Арриги [Arrighi, 1994]. Согласно взглядам Дж. Арриги, каждый системный цикл накопления (далее — СЦН) состоит из двух фаз: фазы материальной экспансии, когда накопление осуществляется посредством расширения производства и торговли; фазы финансовой экспансии, когда накопление капитала происходит путем реинвестирования прибыли компаний в финансовые инструменты (рис. 9).

Рассмотрение длинных волн инфляции с позиции концепции СЦН не бесспорно, и связано это прежде всего с тем, что системные циклы являются реконструкцией истории зарождения и эволюции капитализма в Европе, в то время как инфляционные волны наблюдались и в докапиталистические эпохи.

Вместе с тем смена хозяйственных систем всегда сопровождалась коренной ломкой социальных, экономических и политических структур, что не могло не приводить не только к изменениям самих механизмов воспроизводства инфляционных процессов, но и к изменениям их роли в соответствующих социально-экономических системах.

В этом смысле отличие инфляции в докапиталистические эпохи от инфляции эпохи капитализма заключается в том, что если раньше она играла роль стихийного способа ликвидации частных внутренних дисбалансов си-

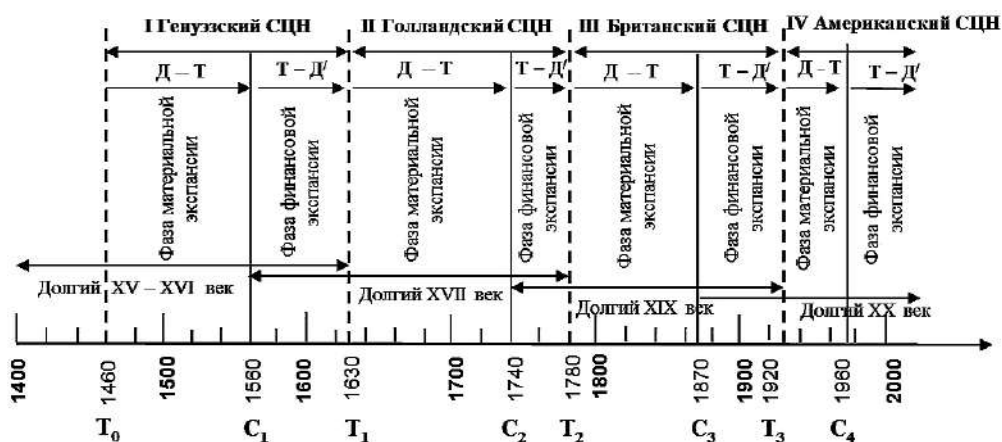

Рис. 9. Схема системных циклов накопления Дж. Арриги (источник: [Арриги, 2006, с. 282])

стемы, то в современных условиях, сохраняя это свойство, превратилась не только в инструмент сознательного регулирования экономического развития, но и в специфический инструмент ведущих сил накопления капитала, обеспечивающий контроль над рынками и политикой государств.

Концепция СЦН базируется на новом прочтении известной формулы К. Маркса: $D - T - D'$, которая первоначально отражала логику движения индивидуальных капиталов, а в трактовке Дж. Арриги стала представлять закономерности исторического развития капитализма вообще, как мир-системы. В частности, «денежный капитал (Д) означает ликвидность, гибкость, свободу выбора, товарный капитал (Т) означает капитал, вложенный в особую комбинацию производства — потребления с целью получения прибыли, D' означает расширение ликвидности, гибкости и свободы выбора» [Арриги, 2006, с. 43].

Важной методологической особенностью подхода Дж. Арриги с точки зрения объяснения длинноволновой динамики инфляции является выделение им закономерного чередования двух фаз в историческом движении капитала и стратегиях его накопления: *фазы материальной экспансии* капитала, которая соответствует первой части марксовской формулы ($D - T$), и *фазы финансовой экспансии*, соответствующей второй части формулы ($T - D'$).

В фазе материальной экспансии денежный капитал (Д) приводит в движение растущую массу товаров (Т), включая превращенную в товар рабочую силу и природные ресурсы. В фазе финансовой экспансии по мере роста торгового и промышленного оборота усиливается конкуренция между центрами накопления капитала, которая ведет к сокращению нормы прибыли на вложенный капитал. В результате возросшая в фазе материальной экспансии масса денежного капитала (D') освобождается от своей товарной формы, и накопление осуществляется через финансовые сделки по сокращенной формуле ($D - D'$).

Начало и продолжение каждой финансовой экспансии одновременно означает начало завершающей стадии жизненного цикла того или иного доминирующего режима накопления. Дж. Арриги выделяет четыре СЦН, названия которых соответствуют государствам, где сосредоточивались ведущие силы накопления капитала той или иной эпохи: генуэзский СЦН XV — начала XVII в., голландский СЦН конца XVI — третьей четверти XVIII в., британский СЦН второй половины XVIII — начала XX в. и американский СЦН, который начался в 30-х гг. XX в. и, вероятно, завершается на фазе финансовой экспансии, которую мы наблюдаем сегодня.

Последовательная смена СЦН образует так называемые *долгие века*, теоретическая конструкция которых играет роль основной единицы измерения исторического времени в развитии капитализма и демонстрирует взаимное пересечение СЦН, когда в фазах финансовой экспансии каждого предыдущего СЦН зарождаются организационные структуры власти и накопления нового СЦН. Периоды смены СЦН означают крах сформировавшихся сетей власти и деловых кругов каждого данного СЦН (терминальный кризис) и их замещение зародившимися в фазе финансовой экспансии новыми организационными структурами (на рис. 9 они обозначены T_0, T_1, T_2, T_3). Фазовые переходы от стратегий накопления за счет роста торговли и производства к стратегиям накопления за счет преимущественно финансовых операций в рамках каждого СЦН сопровождались системными (сигнальными) кризисами, свидетельствовавшими об исчерпаемости потенциала роста прибыли за счет развития торговли и производства (на рис. 9 они обозначены C_1, C_2, C_3, C_4). Фаза финансовой экспансии одновременно является подготовительной фазой для начала нового СЦН, когда капитал, накопленный в ликвидной форме, устремляется в виде инвестиций в производство и торговлю, как только возникают выгодные условия для получения еще большей прибыли.

Дж. Арриги скептически относится к взаимосвязи между длинными ценовыми флуктуациями и СЦН. Однако сопоставительный анализ обнаруженных нами волн инфляции и СЦН позволяет обнаружить интересные совпадения в их динамике (рис. 10). Во-первых, все финансовые экспансии вписываются во временные рамки инфляционных волн, за исключением финансовой экспансии в британском СЦН, которая началась примерно на четверть века раньше третьей волны инфляции. Во-вторых, все последовательные смены СЦН сопровождались соответствующими им волнами инфляции. Наконец, в-третьих, в окрестностях сигнальных и терминальных кризисов в каждом СЦН обнаруживаются сильные ценовые колебания, наблюдаемые как в динамике мировой инфляции, так и в динамике инфляции в отдельных странах.

Взаимные пересечения инфляционных волн с этапами смены СЦН не случайны, они носят вполне закономерный характер хотя бы уже потому, что своеобразие механизмов инфляции определяется ее системным характером и тем типом хозяйства (и, соответственно, режимом накопления), который

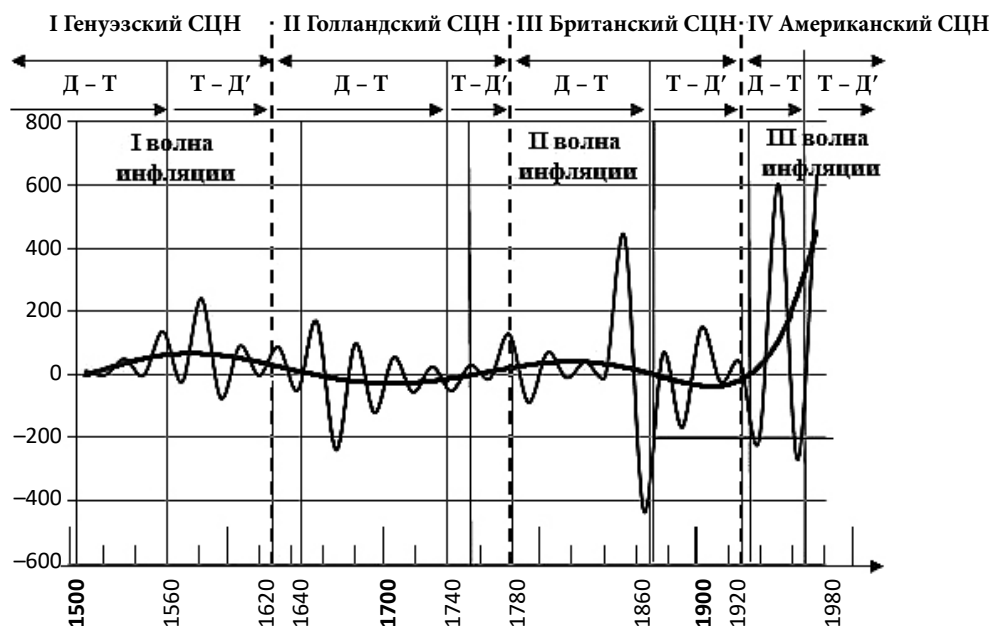

Рис. 10. Волны инфляции в Англии (1500–2000-е гг.) и системные циклы накопления капитала (схема составлена на основе рис. 6 и 9, дополнена расчетами автора статьи)

реализуется на каждом конкретном историческом этапе развития общества. Таким образом, долгосрочное снижение темпов инфляции в мире на современном этапе — это проявление закономерного повторения аналогичных исторически сложившихся траекторий ценовой динамики в ходе развития структур и способов накопления капитала.

Механизм связи длинных волн инфляции с СЦН основан на использовании ведущими структурами накопления капитала (крупнейшими предпринимательскими организациями) в ходе конкурентной борьбы распределительных свойств инфляции в своих интересах.

Так, в фазах материальных экспансий каждого СЦН, когда накопление капитала и рост прибыли обеспечиваются путем реинвестирования прибыли в расширение торговли и производства, а сбыту товаров ни что не препятствует, т.е. наблюдается сбалансированный рост совокупного спроса и предложения, условий для роста напряженности распределительных конфликтов и, соответственно, для ускорения инфляции нет. Конкуренция в этих фазах циклов, когда прибыль на вложенный капитал растет, по сути, не является конкуренцией; она выступает способом регулирования отношений между крупнейшими центрами накопления капитала, поскольку они «на деле сотрудничают друг с другом в поддержании торговой экспансии, от которой все они получают выгоду и в которой прибыльность каждого центра является условием прибыльности всех центров» [Арриги, 2006, с. 296].

Однако с течением времени использование стратегий накопления капитала за счет реинвестирования растущей массы прибыли в новые объекты и каналы торговли перестает обеспечивать требуемую норму прибыли. Прибыль начинает сокращаться в результате перенакопления капитала, и фаза материальной экспансии приходит к логическому завершению.

В финале материальной экспансии перенакопление капитала приводит к резкому обострению конкуренции, когда крупнейшие игроки на рынке начинают вторгаться «в сферы деятельности друг друга», а сама конкуренция «превращается из игры с положительной суммой в игру с нулевой или даже отрицательной суммой» [Арриги, 2006, с. 296]. Другими словами, капиталистические организации, несущие убытки, начинают выдавливать конкурентов из бизнеса, создавая монополистические союзы, ценовые сговоры и другие организационные структуры рынков, с помощью которых они стремятся ограничить проникновение конкурирующих компаний на рынки и обеспечить регулирование цен в сторону их повышения в попытке избежать убытков. Такая «братоубийственная война», связанная с попыткой взвалить убытки на своих бывших партнеров, принимает форму тотального распределительного конфликта, раскручивающего инфляционную спираль.

Падение прибыли на заключительном этапе фазы материальной экспансии приводит к переключению стратегии накопления капитала за счет расширения финансовых операций и переходу к завершению жизненного цикла соответствующего режима накопления — фазе финансовой экспансии. В этой фазе происходит разделение стратегии накопления капитала на две «идеально-типические ветви» [Арриги, 2006, с. 299]: 1) соответствующую логике материальной экспансии и 2) соответствующую логике финансовой экспансии.

Колебания между двумя указанными стратегиями заставляют держателей крупных капиталов изобретать новые финансовые схемы, инструменты и соответствующие им организационные структуры ради сохранения и приумножения прибыли, что обуславливает нестабильность экономических систем и усиление амплитуды колебаний инфляции.

Вместе с тем рост финансового сектора в рамках фаз финансовой экспансии каждого из перечисленных выше циклов накопления приводил к ослаблению распределительных конфликтов в сферах торговли и производства, что оказывало понижающее давление на долгосрочные ценовые тренды. Таким образом, смена СЦН в историческом развитии капитализма определяла соответствующие последовательные изменения в долгосрочной ценовой динамике от волн ускорения инфляции к волнам ее замедления, а в отдельные исторические периоды — к волнам дефляции.

Данный анализ позволяет лучше понять причины современной смены долгосрочных трендов инфляции в большинстве стран мира и перехода их экономик в режим дезинфляционного (или, возможно, дефляционного) функционирования. Если следовать описанной выше логике смены СЦН и свя-

занных с ними длинных инфляционных волн, то фаза материальной экспансии современного американского СЦН завершилась чередой сигнальных кризисов в мировой экономике 1973–1975 гг. и 1979–1981 гг. С середины 1980-х гг. развитые страны во главе с ведущими центрами накопления в США вступили в завершающую фазу финансовой экспансии американского СЦН. В середине 1990-х гг. к ним присоединились страны с переходной экономикой, в которых рыночные реформы с конца 1970-х до середины 1990-х гг. сопровождались системными кризисами и гиперинфляционными шоками.

Кроме того, сегодня все более отчетливо проявляются контуры нового СЦН с центром в Азии и, скорее всего, в Китае. Формирование нового центра накопления капитала означает вступление мировой экономики в очередную фазу материальной экспансии с низкими уровнями инфляции и положительными разрывами выпуска (*output gap*) в отдельные периоды, когда фактический ВВП будет превышать его потенциальный (долгосрочный) уровень.

Таким образом, развитие инфляционных процессов в современной экономике России находится под непосредственным воздействием глобальных сдвигов в динамике мировой инфляции. Как было показано в начале статьи, понижательная динамика цен в российской экономике совпадает с общемировой тенденцией. Однако отличительными чертами российской инфляции являются: 1) ее относительно высокий уровень по сравнению с развитыми странами; 2) достаточно сильный размах амплитуды ее изменений. Причины замедления инфляции в России в 2000-х — начале 2010-х гг. кроются не только и не столько в активных антиинфляционных регулятивных мерах со стороны Центрального банка, сколько в фундаментальных факторах, замедляющих инфляцию во всей мировой экономике, в частности в формировании нового СЦН и вступлении мировой экономики в новую фазу материальной экспансии. Учитывая достаточно сильную интеграцию российской экономики в мирохозяйственные связи, можно ожидать, что в обозримом будущем этот фактор долгосрочного развития инфляционных процессов в России станет одним из наиболее значимых.

Вместе с тем в краткосрочной перспективе по-прежнему не перестанут действовать общеизвестные факторы, ускоряющие российскую инфляцию: рост тарифов естественных монополий; слабая институциональная среда, связанная с низким уровнем развития конкуренции; неэффективность бюджетных расходов; коррупция; высокая степень зависимости экономики от сырьевых рынков.

Список литературы

Аглиетта М., Сапир Ж. Инфляция и дефицит в переходный период // Денежные и финансовые проблемы переходного периода в России: российско-французский диалог. М., 1995. С. 44–101.

- Аникин А. В. История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта. М., 2009.
- Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.
- Афанасьев В. «Неомарксизм» против рабочего класса // Вопросы экономики. 1982. № 9. С. 71–81.
- Головнин М. Ю. Теоретические подходы к проведению денежно-кредитной политики в условиях финансовой глобализации // Вопросы экономики. 2009. № 4. С. 42–58.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Циклы, кризисы, ловушки современной мир-системы. М., 2012.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или Распространение «Японской болезни» // Век глобализации. 2014. № 2. С. 14–31.
- Дубянский А. Н. Формирование эффективной денежной системы в России: исторические примеры и возможные варианты организации // Oikonomos. Journal of Social Market Economy. 2015. No. 2 (3). P. 78–91.
- Протасов А. Ю. Циклическая динамика инфляции в экономике СССР: исторические тренды и распределительные конфликты // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 73–78.
- Рейнхарт К. Р., Рогофф К. С. На этот раз все будет иначе. Механизмы финансовых кризисов восемь столетий одни и те же / пер. с англ. Д. Стороженко. М., 2012.
- Allen C. R., Unger W. R. Global Commodity Prices Database. 2019. URL: <http://www.gcpdb.info/maps.html> (дата обращения: 30.01.2019).
- Arrighi G. The long twentieth century: money, power, and the origins of our times. London, 1994.
- Calderon C., Schmidt-Hebbel K. What Drives Inflation in the World? // Central Bank of Chile Working Papers. 2008. No. 491. P. 138–171.
- Fischer H. D. The Great Wave: Price Revolutions and the Rhythm of History. Oxford; New York, 1996.
- Goldthorpe J. H., Llewellyn C., Payne C. Social mobility and class structure in modern Britain. 2nd ed. Oxford, 1987.
- Gordon D. M. Capital-Labor Conflict and the Productivity Slowdown // The American Economic Review. 1981. May. Vol. 71, no. 2. P. 30–35.
- Mitchell D. R. Abstract of British historical statistics. Cambridge, 1962.
- Rosenberg S., Weisskopf T. E. A Conflict Theory Approach to Inflation in the Postwar U. S. Economy // The American Economic Review. 1981. May. Vol. 71, no. 2. P. 42–47.

С. Ю. Румянцева

Специфика современной фазы длинной волны экономического развития Н. Д. Кондратьева

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Румянцева С. Ю. Специфика современной фазы длинной волны экономического развития Н. Д. Кондратьева // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономики (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 237–266.

В статье рассматриваются методологический подход Н. Д. Кондратьева и его актуальность при определении современных тенденций развития мировой и российской экономики. Анализируются роль монетарных, информационных, ресурсных факторов в порождении длинных волн и специфика этих волн в современный период. Показано, как их развитие влияет на стимулы к внедрению инноваций в современной России. Проведенный эмпирический анализ позволяет показать, что в России в фазе спада длинной волны в результате применяемых методов регулирования агрегата М2 складывается ситуация инфляционных ожиданий на потребительском рынке и дефляционных тенденций в сфере образования цен на продукцию жизнеобеспечивающих отраслей экономики страны, таких как машиностроение. Это существенно тормозит инновационный процесс.

Ключевые слова: Н. Д. Кондратьев, длинные волны, динамика цен, инфляция, дефляция, инновации, энергетика, монетизация экономики, либерализм, патернализм.

1. Введение и постановка проблемы. Современное состояние теории экономической динамики требует развития теории экономической конъюнктуры и эндогенного обоснования причин экономических циклов. Экономическая конъюнктура состоит из множества циклов разной продолжительности, связанных между собой цепочками нелинейных обратных связей.

Так как при исследовании многоциклической конъюнктуры стоит задача выявления периодов, пригодных для осуществления экономических (инновационных) интервенций, необходимо уточнить состав процессов, входящих в более общее понятие экономической динамики. Эти процессы могут быть представлены (вслед за определением Н. Д. Кондратьева) как кумулятивные или потоковые.

Практический смысл подобного разделения состоит в том, что в реальной экономической динамике качественные проявления экономических циклов (например, технологические уклады, описываемые академиком С. Ю. Глазьевым [Глазьев, 1993]) и количественное их выражение (например, в динамике цен или иных финансовых показателей экономических циклов) могут не совпадать, но сосуществуют. Это особенно важно при разработке теории длинных волн,

поскольку именно на ее основе научное сообщество России строит прогнозы и предлагает стратегии экономического развития [Глазьев, 2012].

Модель экономической динамики Н.Д. Кондратьева как единство потоковых и кумулятивных процессов представляется в данном контексте наиболее подходящим аналитическим инструментом. Любое явление экономической динамики в соответствии с этой моделью может быть раскрыто как последовательная смена жизненных циклов, отражающая эволюцию структуры экономики, которая соответствует колебаниям обратимых потоковых показателей уровня экономической активности и представляет собой движение экономической конъюнктуры. При этом взаимосвязь между причиной и следствием в ходе экономического движения не является односторонней. Декодируя конъюнктуру, субъекты хозяйствования отнюдь не всегда оказываются в состоянии предвидеть будущие долгосрочные тенденции. Тем не менее они строят стратегию своего развития на основе полученных сигналов, формируя таким образом будущие тренды. Иначе говоря, в явлении экономической динамики следствие может оказывать обратное влияние на порождающую его причину.

Постижение закономерностей этого движения имеет и сугубо практическое измерение, позволяя выявлять объекты для управляющих воздействий, которые выступают не следствием, а причиной экономических колебаний. Понятно, что воздействие на причину способствует успешной реализации целей воздействия по сравнению с воздействием на симптом (следствие) [Румянцева, 2017].

Если автоматический механизм преодоления депрессии экономического цикла и существует в ряде развитых стран, то этот автоматизм, вероятнее всего, нельзя распространять как общую модель на все страны мировой экономики. Имеется высокая вероятность того, что для ряда государств, не относящихся к числу развитых, существуют достаточно высокие входные барьеры при их попытках самостоятельно преодолеть депрессии собственных экономических циклов автоматическим путем, постулируемым в теории. Есть основания полагать, что автоматический механизм шумпетерианского преодоления депрессии за счет активности предпринимателей или меншевской концепции депрессии как триггера для кластера базисных инноваций в современных постиндустриальных условиях изменился. В большинстве новых индустриальных стран наблюдается тенденция усиления роли государства в экономике, в частности в стимулировании научно-технического прогресса [Сарыгулов, 2011; Богомолов и др., 2016].

В ряде стран сформировались основы национальных инновационных систем [Голиченко, 2013; Самоволева, 2015]. Увеличились возможности государства в связи с внедрением систем прогрессивного налогообложения, позволяющего перераспределять национальное богатство в пользу социально значимых проектов [Клинов, 2015, с. 125]. В связи с усилением роли государ-

ства в экономике некоторые циклообразующие тенденции мирового экономического развития были серьезно нарушены. В частности, это проявилось еще в XX в. при проведении на национальном уровне в развитых государствах антициклической налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, которая устранила дефляционные тренды на фазах спадов экономических циклов.

Деформации осуществления механизма длинных циклов в XX в. привели к исчезновению дефляции в фазе спада четвертой длинной волны, что обусловило бедный инновациями характер протекания всей пятой длинной волны. Фактически в фазе подъема пятой длинной волны с 1994 г. не произошло существенной трансформации технико-экономической парадигмы: главной отраслью, на основе которой развивалась промышленность, как и в четвертой длинной волне, осталась отрасль производства полупроводников. Фактически базисными инновациями пятой длинной волны стали развитие сети Интернет, которая зародилась в четвертой длинной волне в фазе эмбрионального развития, если использовать терминологию С. Ю. Глазьева, развитие мобильной связи и всемерное проникновение цифровых технологий во все сферы жизни общества. Решение же, в частности, экологических проблем было недооценено бизнесом и перенесено в лучшем случае на фазу подъема шестой длинной волны.

На сокращение интенсивности научно-технического прогресса в восходящей волне пятого кондратьевского цикла обращает внимание и В. Г. Клинов, связывая это явление с включением в мирохозяйственный процесс развивающихся стран, ростом безработицы и усилением неравенства в распределении доходов в развитых странах [Клинов, 2016]. На наш взгляд, недостаток инновационной активности в пятой длинной волне и преобладание фиктивного капитала над реальным были также связаны с ситуацией информационного пата, вызванного перманентной инфляцией даже в фазе спада четвертой длинной волны, что породило предпочтения бизнеса относительно виртуальных активов в ущерб реальным инвестициям.

При превращении тенденции дефляции в тенденцию дезинфляции, т. е. простого замедления темпов инфляционного процесса, в фазе спада экономического цикла пропадают основы для массового сворачивания неэффективных производств и возникают тенденции к чрезмерному разрастанию фиктивного капитала.

Вопрос о том, каков характер современных трендов в США и России (инфляционный или дефляционный), становится ключевым как для диагностики длинной волны, так и для выработки инструментов макроэкономического регулирования.

Шквал внедрений новейших технологий в мультимедийной и телекоммуникационной индустриях, собственно, и означал инновационный прорыв пятой длинной волны. Следующий шанс для инновационного прорыва открылся в фазе депрессии ритма Кузнеца 2008 г., когда в экономической литературе возникла идея о необходимости наноэволюции и других компонентов

шестого технологического уклада¹. Тем не менее соответствующие технологии еще не вызрели в чисто технологическом плане до стадии их внедрения, о чем свидетельствует гипотеза В. М. Полтеровича об инновационной паузе [Полтерович, 2009]. Таким образом, время для инновационного рывка, который можно было бы осуществить вдоль этой волны, сдвигается в обозримое будущее — приблизительно к 2020–2025 гг.

Каковы же сегодня шансы на внедрение новейших технологий шестого технологического уклада — наноиндустрии, медицинских технологий, фотографии — тех базисных инноваций, которые по классификации технико-экономических парадигм и технологических укладов должны образовать ядро обновленной технико-экономической парадигмы экономики? Есть ли условия для действия закономерности «депрессии как триггера для кластера базисных инноваций», описанной Г. Меншем?

Такой анализ можно провести на основе выделения ключевых длинноволновых факторов-тенденций [Румянцева, 2003; 2017], рассмотрев по крайней мере некоторые из них для пятой длинной волны в США и России.

2. Информационный фактор-тенденция в четвертой и пятой длинных волнах. Перефразируя математическое определение количества информации Шеннона применительно к циклической динамике, можно сказать, что *темпы изменения цен прямо пропорциональны темпу роста количества информации в экономической системе*. Другими словами, информационная функция цены реализуется лишь тогда, когда улучшение качества и расширение ассортимента продукции сопровождаются ростом цен на нее, провоцируя дальнейшее расширение производства, а достижение предела улучшений качества и насыщение рынка вызывают падение цен, которое, в свою очередь, стимулирует сворачивание неэффективных форм организации бизнеса.

Верхняя и нижняя поворотные точки цикла в этом случае представляют собой своеобразный информационный провал, в котором цены (либо чрезмерно высокие на пике, не отражающие ни реального качества продукции, ни потребности в ней общества, либо чрезмерно низкие в спаде, демонстрирующие убыточность всякого производства) перестают играть роль носителя информации. В таком случае информация, особенно эксклюзивная, представляющая собой знание определенных ноу-хау или знание о реальном финансовом положении конкурента, превращается в тот фактор, который определяет направление движения системы. По этой причине в периоды ценовых информационных провалов информация может стать товаром.

¹ Можно согласиться с утверждением о том, что в конце XX — начале XXI в. часть базисной инновационной активности передается от цикла Кондратьева к циклу Кузнеца при ускорении научно-технического прогресса. Однако само это ускорение является спорным и требует отдельного изучения с учетом сложившихся в последнее десятилетие реалий.

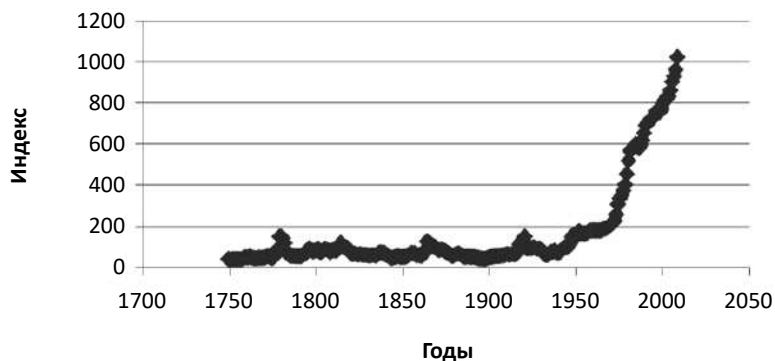

Рис. 1. Инфляционно-дефляционный механизм экономических циклов в XX–XXI вв.: динамика индекса оптовых цен в США в 1749–2008 гг. (%) (за базовый взят 1926 год; рассчитано по: Historical Statistics of the United States. Washington, 1975. P. 198–202; Statistical Abstract of the United States. Washington, 1987. P. 456–471; 1990. P. 476–477; 1995. P. 492–493; 500–503; 2001. Tab. 698; 2006. Tab. 712; 2008. Tab. 713; 2010. Tab. 721)

Информационно-ценовой длинноволновый процесс заметен на рис. 1, 2 и 3, где представлен индекс оптовых цен в США в период 1749–2010 гг. На рис. 2 дана общая динамика цен, показывающая циклические колебания в период 1740–1960 гг., слабо заметные из-за масштаба данных.

В период 1960–2010 гг. наблюдается перманентный инфляционный рост, характеризующий ситуацию информационно пата, когда цены не отражали реальных характеристик развития экономики и посылали экономическим агентам ошибочные информационные сигналы.

Сама же длинноволновая закономерность в ценах как носителях информации заметна на рис. 2, где видно, что колебания цен в период 1740–1960 гг. отнюдь не были слабыми и отражали настоящие циклические процессы.

Если же взять темпы прироста индекса цен в период 1950–2010 гг., то на этом графике (рис. 3) заметна четкая длинноволновая закономерность четвертой и пятой волн, выражающаяся в подъеме вплоть до 1980 г., дальнейшем спаде в период 1980–1987 гг., и следующем относительно слабом и неравномерном подъеме вплоть до 2010 г.

На рис. 4 представлены исходные данные по индексу потребительских цен на основании статистики *Bloomberg*, которые показывают резкий ценовой провал в период около кризиса 2008 г. с дальнейшим ростом вплоть до 2011 г. и последующим снижением к 2015 г.

На рис. 5 представлены данные по другому источнику за тот же период, где с 2008 г. наблюдается дефляционная тенденция, говорящая о фазе спада пятой длинной волны.

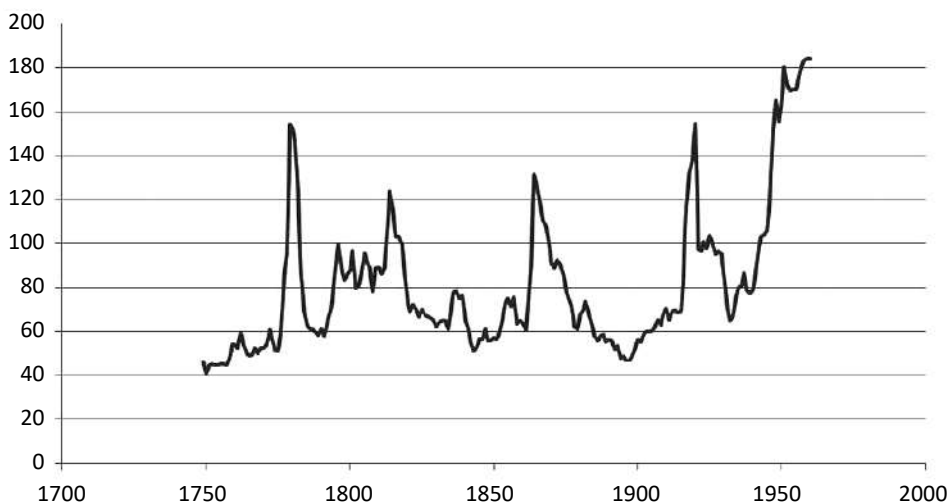

Рис. 2. Абсолютная динамика индекса оптовых цен в США в 1749–1960 гг. (%) (за базовый взят 1926 г.; рассчитано по: Historical Statistics of the United States. Washington, 1975. P. 198–202; Statistical Abstract of the United States. Washington, 1987. P. 456–471; 1990. P. 476–477; 1995. P. 492–493; 500–503; 2001. Tab. 698; 2006. Tab. 712; 2008. Tab. 713; 2010. Tab. 721)

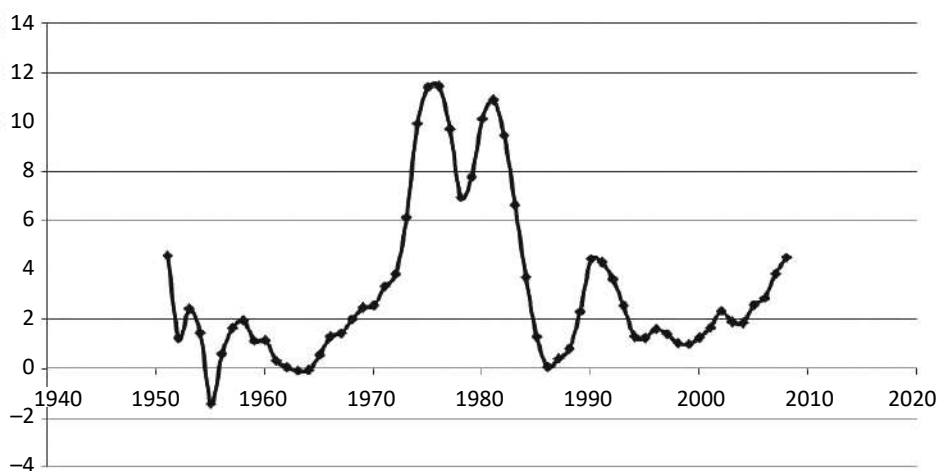

Рис. 3. Темп прироста индекса оптовых цен в США в 1950–2010 гг., сглаженный четырехлетней скользящей средней (%) (за базовый взят 1926 г.; рассчитано по: Historical Statistics of the United States. Washington, 1975. P. 198–202; Statistical Abstract of the United States. Washington, 1987. P. 456–471; 1990. P. 476–477; 1995. P. 492–493; 500–503; 2001. Tab. 698; 2006. Tab. 712; 2008. Tab. 713; 2010. Tab. 721)

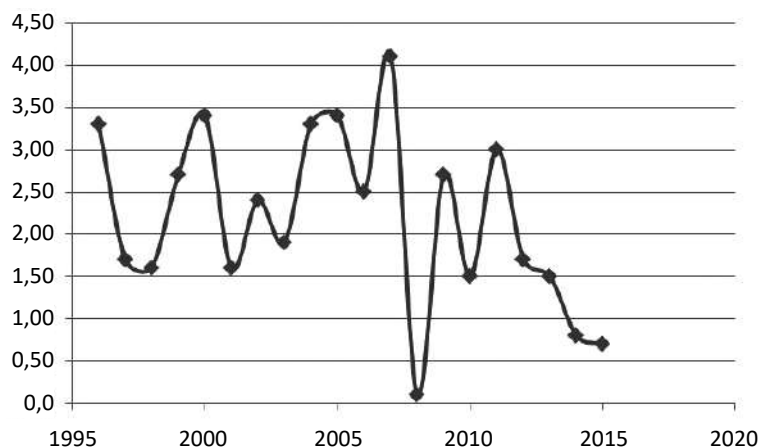

Рис. 4. Индекс потребительских цен США в 1996–2015 гг. (%) (составлено автором по материалам: Bloomberg, Bureau of Labour Statistics. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 22.07.2016))

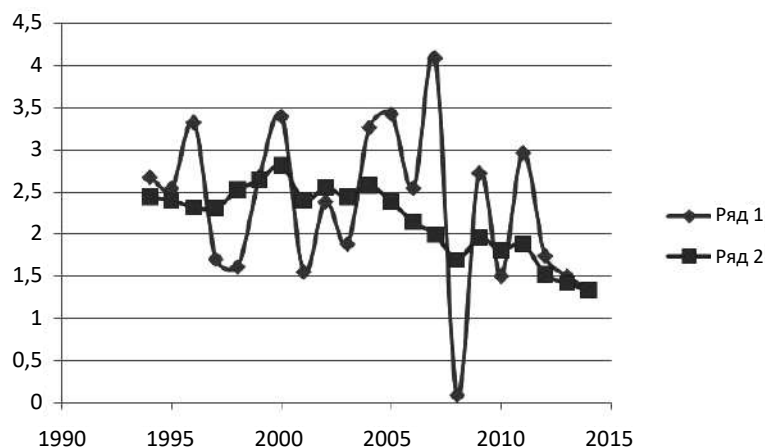

Рис. 5. Индекс потребительских цен США (ряд 1) и восьмилетняя скользящая средняя (ряд 2) (%) (рассчитано по: <https://www.statbureau.org/ru/united-states/inflation-tables> (дата обращения: 23.07.2016))

Длинноволновая динамика до четвертой длинной волны проявлялась в колебаниях абсолютных значений ценовых показателей, продемонстрированных еще Кондратьевым для периода 1790–1923 гг. По этой причине процесс-поток информационного фактора-тенденции можно представить в виде последовательности сменяющих друг друга периодов роста информации (фазы роста и спада) и периодов информационных провалов (верхняя и нижняя поворотные точки).

Вернувшись к рис. 1, выскажем предположение, что со второй половины четвертой длинной волны в экономике США наблюдался перманентный информационный провал, который можно назвать информационным патом [Румянцева, 2000]. Информационный пат затушевывал реальные перспективы бизнеса, делая более привлекательными финансовые инвестиции, а не инвестиции в реальный сектор экономики. По этой причине допустимо предположить, что в четвертой длинной волне информационный фактор-тенденция существенно исказился, причем таким образом, что он дал более широкое поле влияния для финансового фактора-тенденции в формировании длинных волн, тормозя процесс внедрения базисных технологий. В указанный период и выросли обширные созвездия деривативов финансового сектора, обусловившие глубину кризиса 2008 г. Этот процесс был не внезапным и не столько связанным с ипотечным кризисом в США, который имеет вторичный характер, сколько с ростом производных финансовых инструментов на протяжении всей понижательной фазы длинной волны, начиная с 1983 г., когда некоторым небанковским финансовым учреждениям разрешили заниматься банковской деятельностью [Кох, 1993], вплоть до окончательной отмены закона Гласса — Стиголла в 1999 г., в самом начале пятой длинной волны. Именно поэтому вся первая половина пятой длинной волны, с самого начала ее существования определенная Ю.М.Осиповым как «финансомика» [Осипов, 2001], характеризовалась доминированием финансового капитала. При «финансомике» приоритет отдается инвестициям в спекулятивные финансовые активы, а не в активы реального сектора экономики. Этот факт обусловил слабость инновационных процессов пятой длинной волны, ее невысокую амплитуду, а также глубину и системный характер кризиса 2007–2008 гг.

Во время депрессии четвертой длинной волны дефляции не было, но современная фаза спада пятой длинной волны характеризуется относительными дефляционными тенденциями, в том числе в связи с частичным возвращением руководства США к основным положениям закона Гласса — Стиголла в 2011 г.

Можно сделать предположение, что четвертая длинная волна с ее депрессивной инфляцией выступала исключением из длинноволновой закономерности в связи со стремительным ростом научно-технического прогресса и расширением рынков сбыта. Пятая длинная волна такой стремительности уже не имела, поэтому в течение ее спада замечались некоторые симптомы дефляции.

Что касается России, то здесь можно отметить, сопоставив рис. 6 (индекс цен производителей промышленной продукции) и рис. 13 (сокращение темпов роста денежной массы), что при сокращении темпов роста денежной массы со 120 % в 2010 г. до 110 % в 2015 г. в России наблюдается сокращение и индекса цен производителей с 120 % в 2010 г. до 110,7 % в 2015 г., а с 2008 г. этот показатель вырос на 17,7 % (с 93 % до 107,7 %) при темпах роста денежной массы в 2008 и 2014 гг. — кризисных годах для экономики России — на уровне 100 %

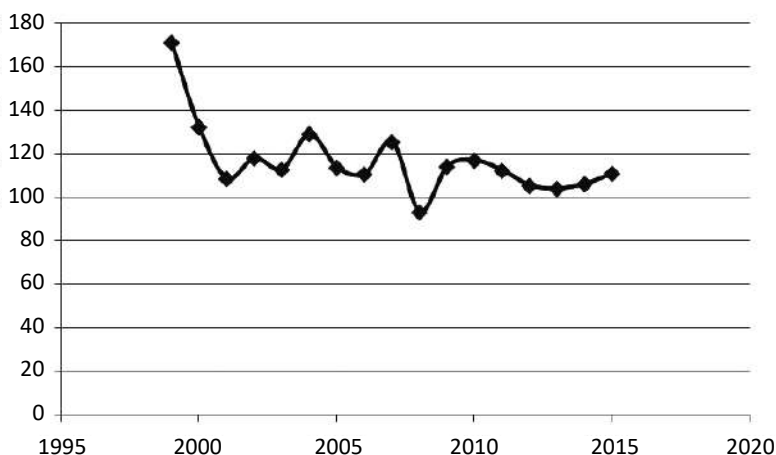

Рис. 6. Индекс цен производителей промышленной продукции в России в 1999–2015 гг. (в % к предыдущему периоду) (составлено автором по материалам: Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 11.10.2018))

с увеличением до 110 % в 2015 г., когда и темп роста денежной массы вырос до 110 %. Это говорит о том, в России на протяжении всей пятой длинной волны наблюдалась дезинфляция, вызываемая действиями Центрального банка РФ.

При этом индекс потребительской уверенности снижался за исключением 2015–2016 гг. на протяжении всего периода с 2011 до начала 2018 г.; это говорит о том, что на потребительском рынке сохраняются инфляционные ожидания (рис. 7).

Что же касается индекса оптовых цен РФ, то он показывает в нашей стране классическую длинноволновую закономерность: растет в периоды подъема длинных волн и сокращается в периоды спада с резким падением до отрицательных дефляционных значений в точке мирового кризиса 2008 г., что объясняется обрушением цен на основной внешнеторговый товар РФ (рис. 8).

На протяжении всей фазы спада пятой длинной волны наблюдается тенденция к снижению среднегодовых значений цен производителей с небольшим подъемом летом 2018 г., который значительно ниже исходных значений 2011 г. (рис. 9). Это значит, что в глубине материи российской экономики проявляется длинноволновая дефляция на рынке инвестиционных товаров, сужая инвестиционный спрос и соответственно сокращая спрос на кредиты со стороны реального сектора, поскольку чем больше должник отдает в период дефляции, тем больше он оказывается должен [Fisher, 1933], если смотреть на этот вопрос с макроэкономических позиций. Поэтому ценовая динамика на инвестиционном рынке пока не способствует оживлению экономики.

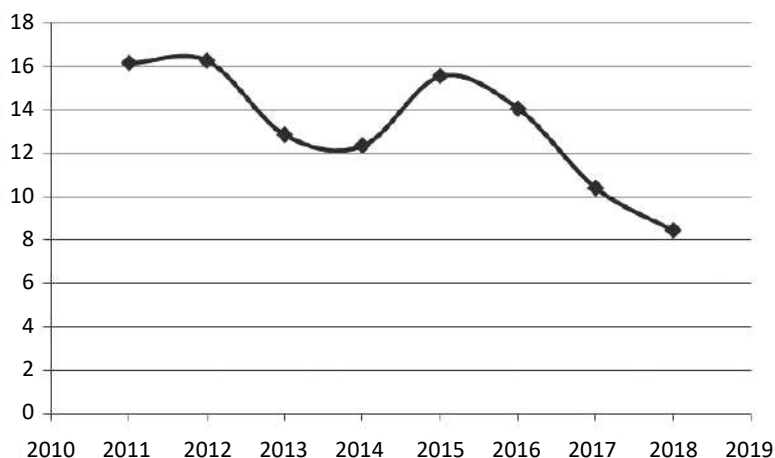

Рис. 7. Среднегодовой индекс потребительской уверенности в России в 2011–2018 гг. (%) (составлено автором по материалам: Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 10.05.2018))

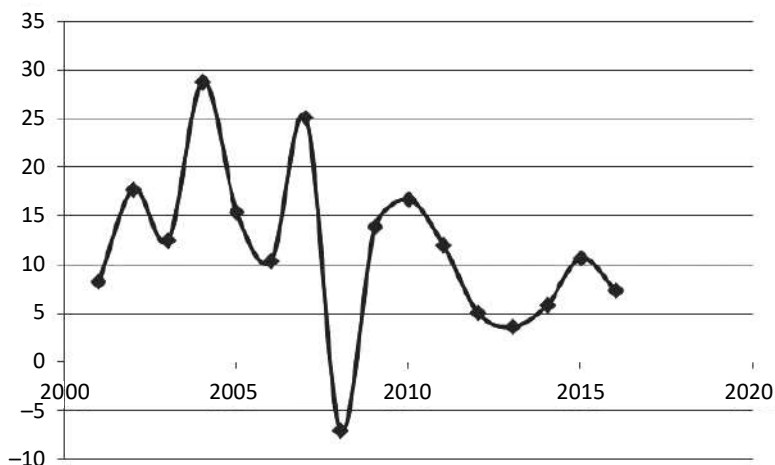

Рис. 8. Индекс оптовых цен в России в 2001–2016 гг. (%) (составлено автором по материалам: Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 20.06.2018); Федеральная служба государственной статистики РФ)

3. ВВП, два типа длинных циклов и монетизация экономики. Длинноволновая депрессия между четвертой и пятой длинными волнами в США наблюдается в 1992 г., затем начинается мировой финансовый кризис 2008 г., отмеченный снижением темпов прироста ВВП США до -3% в указанном году. После этого восстановилась тенденция роста. Продолжительность выделенного цикла составляет 18 лет, поэтому его можно определить как первый ритм Кузнецца в паре циклов экономического роста в пределах одной длинной волны

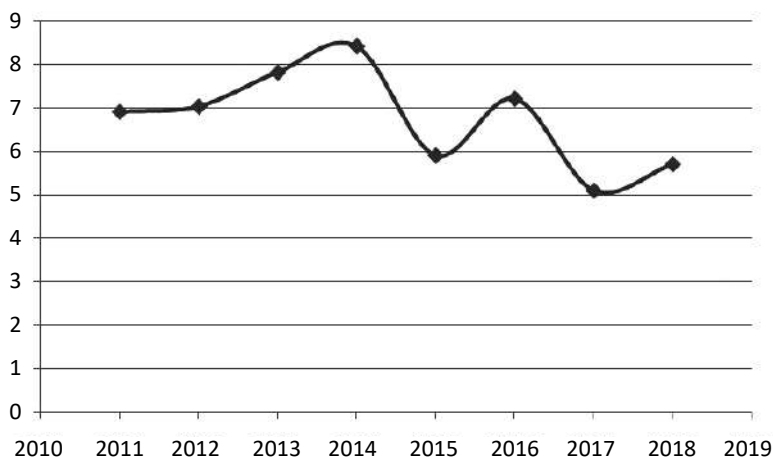

Рис. 9 Среднегодовые значения цен производителей в России в 2011–2018 гг. (% прироста) (составлено автором по материалам: Bloomberg, URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 20.06.2018); Федеральная служба государственной статистики РФ)

(инвестиционный), который сменяется с 2008 г. вторым ритмом Кузнеца (потребительским), подъем которого наблюдается до настоящего времени. Таким образом, подтверждается схема Б.Берри о наличии двух циклов Кузнеца в рамках одной длинной волны [Berry, 1991, p. 127] (рис. 10).

В России пятая длинная волна развивается под воздействием как внешних факторов рецессии, так и внутренних проблем, связанных с недостаточной индустриализацией основных отраслей промышленности и внешнеполитическими факторами. На рис. 11 показана динамика темпов роста ВВП России в 1999–2015 гг., демонстрирующая падение после 2010 г. Это может быть связано как с неблагоприятной внешнеполитической обстановкой, так и с отсутствием в экономическом механизме России внутренне обусловленного механизма взаимодействия между длинной волной и ритмом Кузнеца, что требует дополнительной проверки.

Что касается финансовых факторов длинноволнового развития (финансово-кредитного фактора-тенденции), то найти достаточно длительный временной ряд данных удалось только по денежному агрегату М4 (денежный агрегат L по методологии *Statistical Abstract of the United States*). Этот ряд данных был представлен в системе *Bloomberg* на основе данных Центра финансовой стабильности США (рис. 12).

Кумулятивный процесс в структуре длинноволнового механизма денежной массы США претерпел существенные искажения, связанные прежде всего с самой эволюцией денежной массы, ее сложной структурой, часть которой составляют деривативы финансового сектора, порождающие системный риск, чего не наблюдается в других странах.

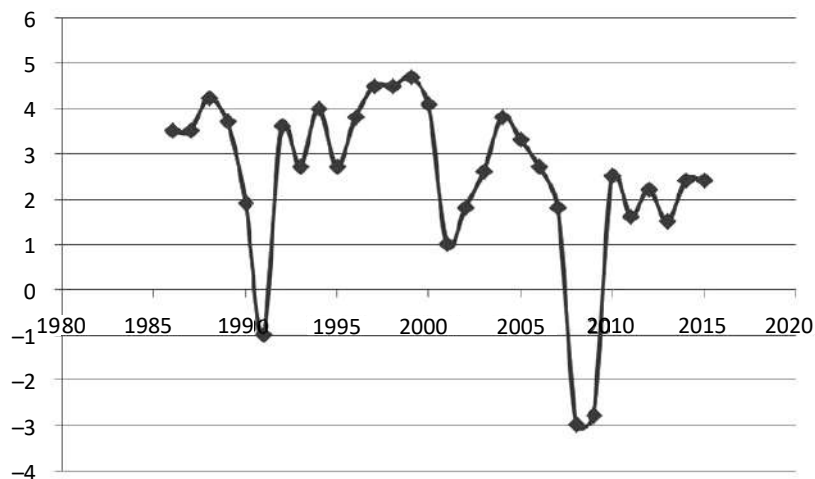

Рис. 10. Темпы прироста ВВП США в 1986–2015 гг. (%) (составлено автором по материалам: Bloomberg, Conference Board. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 20.06.2018))

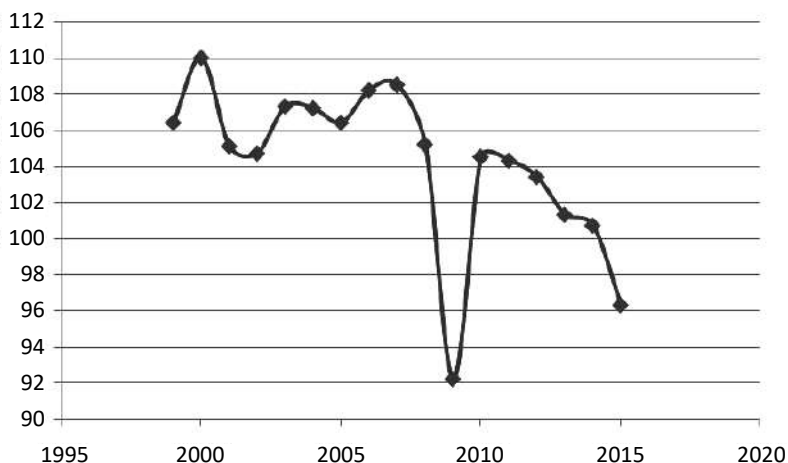

Рис. 11. Темп роста ВВП России в 1999–2015 гг. (%) (составлено автором по материалам: Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 20.06.2018); Федеральная служба государственной статистики РФ)

В отличие от США, в России в период 1999–2015 гг., т.е. на протяжении пятой длинной волны, темпы роста денежной массы с 2000 по 2015 г. показывают общую тенденцию спада. В 2000–2007 гг., во время повышательной фазы пятой длинной волны, темпы роста были постоянными (рис. 13), показав резкий провал в период около кризисного 2008 г. и затем после небольшого подъема в 2011 г. сменившись тенденцией относительного снижения.

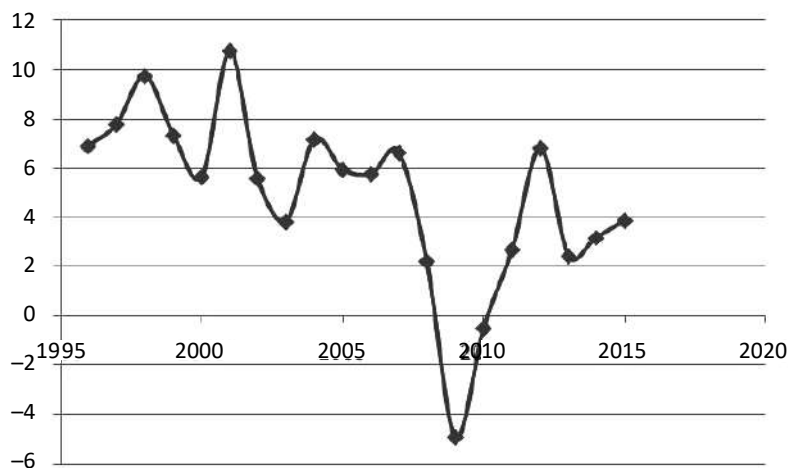

Рис. 12. Темпы прироста денежного агрегата М4 в США в 1996–2015 гг. (%)
(составлено автором по материалам: Bloomberg, Center for Financial Stability.
URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 28.07.2016))

Отношение М2 к ВВП показывает тенденцию роста с небольшим провалом в 2008 г. при сокращении самого показателя ВВП в 2010–2015 гг. (рис. 13). Причем рост отношения денежной массы к ВВП имеет четкую логистическую закономерность, выходя на уровень насыщения — плато-фазу — в 2010–2015 гг., стабилизируясь на уровне 40 %.

Это может говорить о том, что длинноволновая закономерность в России в показателях денежной массы имеет более классическое проявление, чем в США, но остается открытым вопрос о том, имеет ли эта закономерность внутренне обусловленный характер или она вызвана, что более вероятно, недостаточной развитостью финансового сектора в России, который не столь богат деривативами и в котором фактически отсутствуют денежные агрегаты М3 и М4. Падение темпов роста М2 может быть также вызвано действиями Центрального банка РФ, нацеленными на снижение инфляции, поскольку они исходят из того, что инфляция в России является денежным феноменом, что может быть предметом отдельной дискуссии². Такая динамика М2 в России может говорить о большей внутренней устойчивости экономики нашей страны к системным рискам финансового характера, порождаемым внутри страны. Однако эта устойчивость «съедается» включенностью страны в систему мирохозяйственных связей, из-за чего ее экономическое состояние во многом зависит от процессов, происходящих в США. Тем не менее симптомы

² Например, Н. П. Горидько и Р. М. Нижегородцев опровергают гипотезу о сжатии денежной массы как универсальном инструменте стабилизации денежного обращения [Горидько, Нижегородцев, 2013].

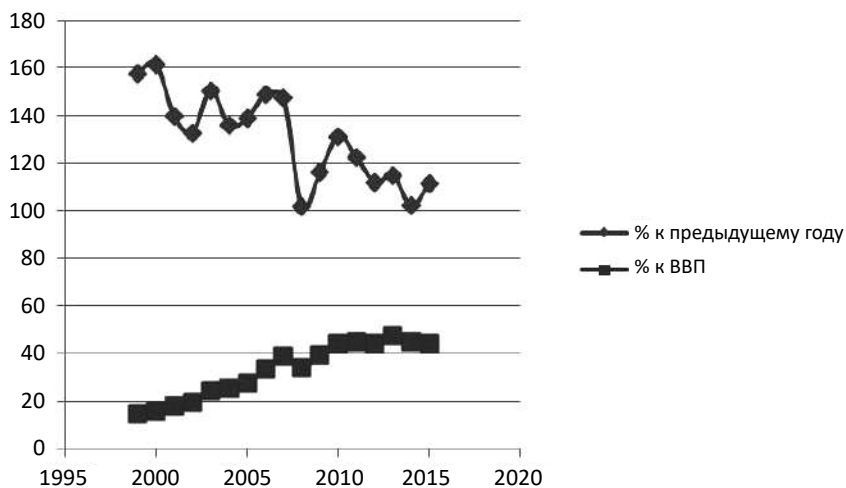

Рис. 13. Темпы роста денежного агрегата M2 в России в отношении к предыдущему году и доля M2 в ВВП России в 1999–2015 гг. (%) (составлено автором по материалам: Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 28.07.2016); Росстат)

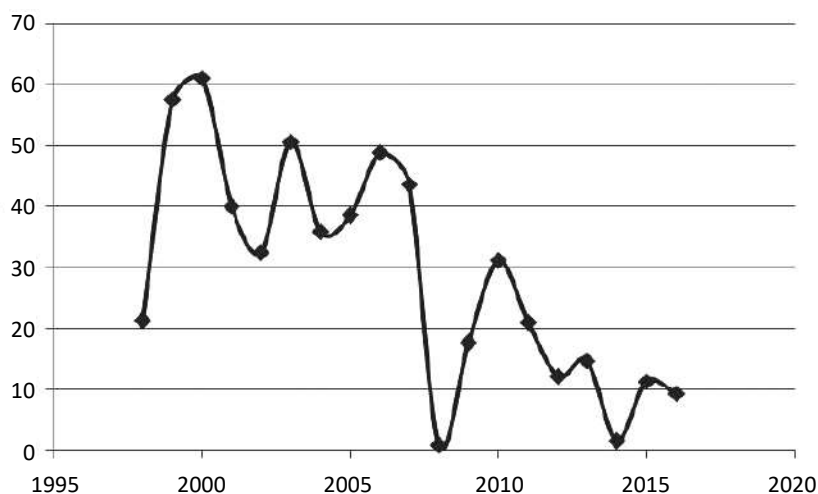

Рис. 14. Динамика M2 в России (в %) (составлено автором по материалам: Bloomberg, The Central Bank of the Russian Federation. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 20.06.2018))

длинноволновой рецессии в России в 2008–2015 гг. наблюдаются достаточно отчетливо в показателе денежной массы (рис. 14).

Если посмотреть на график экономического роста в России на протяжении 1997–2016 гг. (рис. 15), то можно заметить первый большой инвестиционный цикл Кузнеця 1999–2008 гг. и небольшой потребительский цикл Куз-

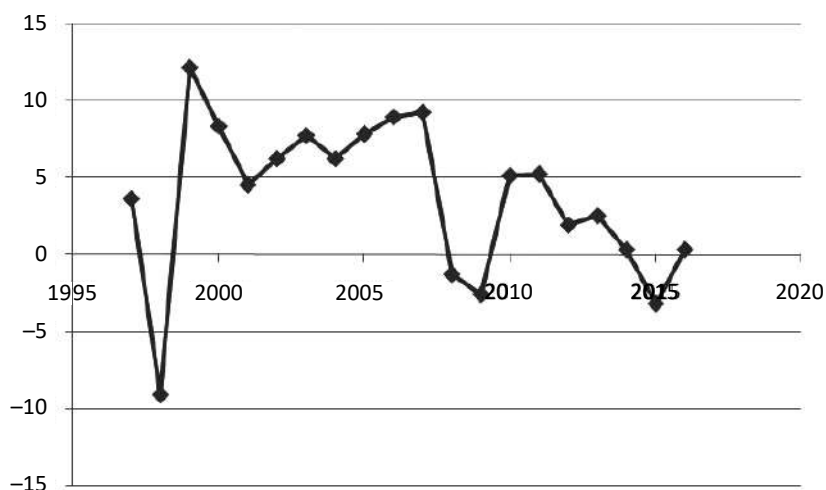

Рис. 15. Динамика ВВП России в 1997–2016 гг. в постоянных ценах 2008 г. (%) (составлено автором по материалам: Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 20.06.2018); Федеральная служба государственной статистики РФ)

неца 2008–2015 гг. с тенденцией к повышению показателя в 2016 г. Насколько устойчива эта тенденция и станет ли ее продолжением формирование шестой длинной волны в России — большой вопрос, особенно с учетом текущих геополитических проблем.

Заметим, что вся пятая длинная волна в российском M2 (см. рис. 14) отчетливо прослеживается на протяжении двух периодов: с 1998 г. до кризиса 2008 г. (с учетом того, что нет данных за 1994–1998 гг., время депрессии, когда должны были наблюдаться резкие скачки показателя) и с 2008 по 2016 г. Во второй период M2 показывал тенденцию восстановительного роста на протяжении двух лет — с 2008 по 2010 г., однако далее началось его неуклонное снижение. Доля M2 в ВВП растет (см. рис. 13), но недостаточными темпами, чтобы переломить тенденцию спада в экономике. Дело в том, что M2, в отличие от M4 (L), не содержит опасных элементов взаимного переплетения долговых инструментов финансового сектора. Поэтому его увеличение не грозит повальным увлечением инвестиций в финансовый сектор экономики и вполне может способствовать стабилизации и снижению процентной нагрузки на реальный сектор экономики. Этот факт недооценивается Центральным банком РФ, который продолжает проводить антиинфляционные меры в период, когда дефляция уже не на горизонте, а у порога.

В США складываются реальные предпосылки для освоения новейших базисных технологий. За счет снижения индекса цен преодолевается информационный пат и складываются условия низких цен на основные производственные ресурсы, необходимые для начала бизнеса, а за счет дальнейшего

развития денежной массы создаются новые инструменты финансирования инновационных проектов рыночными методами. В России же прямо противоположная ситуация: инструменты денежного рынка недоразвиты и нет инструментов рыночного финансирования инновационных проектов, что особенно опасно, когда основным источником финансирования инвестиционных проектов в России является банковский кредит. В условиях дефляции кредит на инвестиционные цели никто не возьмет, поскольку долг в абсолютном исчислении будет расти.

Как отмечает С. Ю. Глазьев, сокращение денежной массы было вызвано политикой таргетирования инфляции: «Объявив об отказе от таргетирования обменного курса и скачкообразно повысив процентные ставки, ЦБ усилил дефицит денег и сделал валютные спекуляции самым привлекательным видом деятельности в экономике. Инвестиционная активность в реальном секторе экономики резко снизилась, высвобождающиеся из него капиталы устремились в спекулятивную “воронку”» [Глазьев, 2015, с. 129]. В условиях снижения доступности кредита из-за повышения ставки рефинансирования предприятия предпочли повысить цены, сократив выпуск продукции [Глазьев, 2015, с. 130], что и объясняет противоположную динамику ВВП и инфляции в России. В таких условиях следовало бы не бороться с М2, как это делают денежные власти России, а стимулировать развитие М3 и М4, одновременно ограничивая институциональные причины инфляции, которые в России являются основными³.

С 2013–2015 гг., когда С. Ю. Глазьев писал процитированные выше строки, прошло достаточно времени, чтобы увидеть, что тренд, которого добился Центральный банк РФ, — дефляционный. Как ни иронично это звучит, длинноволновая закономерность в финансово-кредитном факторе-тенденции действует в России совершенно классическим образом: в период подъема растет инфляция, а в период спада наблюдается дефляция. Такую ситуацию можно объяснить запаздыванием реакции денежных властей на макроэкономические изменения, на ценовые тренды и на разнонаправленность ценовых реакций в инвестиционном и потребительском секторе. Подробное рассмотрение обозначенного вопроса требует дальнейшего отдельного исследования.

4. Патернализм или либерализм? В 2000–2008 гг. госрасходы РФ колебались на уровне 15–55 % прироста в год. После 2008 г. этот показатель стал неуклонно падать, снизившись с +40 до –15,6 % прироста в 2016 г. Первый период соответствует повышательной фазе длинной волны. Прирост расходов до +40 % в 2008 г. объясняется кризисом 2008 г., когда надо было срочно спасти предприятия, имеющие валютные долги, и операторов финансового сектора.

³ С. Ю. Глазьев предлагает для этого в целях подавления инфляционных ожиданий активизировать применение хорошо известных мер госрегулирования монопольно устанавливаемых цен, госстимулирования конкурентной среды и предупреждения государством монопольных злоупотреблений [Глазьев, 2013, с. 23].

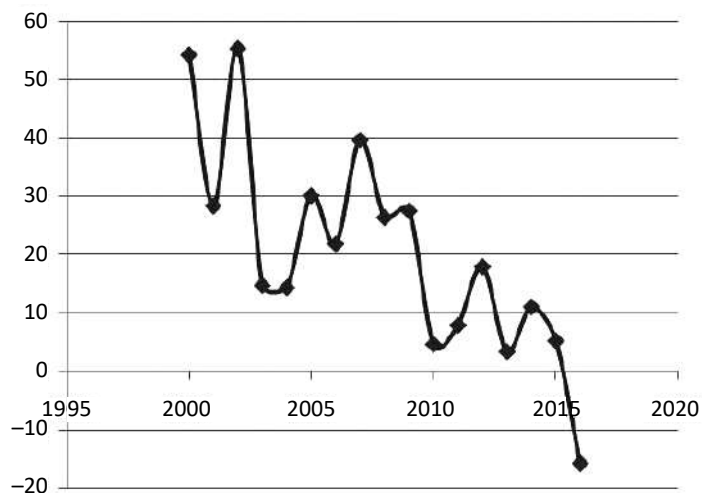

Рис. 16. Госрасходы и их динамика в России в 1997–2016 гг. (%)
(составлено автором по материалам: Bloomberg, Russia Federal Budget Cumulative Expenditures Russian Ministry of Finance.
URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 20.06.2018))

Во второй период — время понижательной фазы длинной волны — наблюдается неуклонная тенденция к снижению расходов государства (рис. 16).

Если посмотреть на опыт США в преодолении последствий негативных явлений рецессии, то мы увидим принципиально иную тенденцию. Так, в первой длинной волне до 1816 г. госрасходы США колебались в абсолютных величинах относительно отметки в 10 млн долл., в 1816–1851 гг., особенно после 1846 г., значение госрасходов резко выросло — до среднего значения в 20 млн долл. и 50 млн долл. в период 1846–1851 гг. Во второй длинной волне — в период роста экономики в 1851–1861 гг. — госрасходы колебались около отметки в 50 млн долл., затем резко выросли до 1,4 млрд долл. в период кризиса 1866 г. и всю понижательную фазу держались на среднем уровне в 400 млн долл. Этот же уровень поддерживался на протяжении всей повышательной фазы третьей длинной волны, сменившись пикообразным ростом до 20 млрд долл. в период кризиса, а затем держался на отметке 4 млрд долл., увеличившись до 8 млрд долл. во время депрессии 1929–1939 гг. С 1940 г. наблюдается небольшой всплеск в период Второй мировой войны, вслед за которым до кризиса 1970-х гг. госрасходы не превышали 200 млрд долл., затем последовал их плавный рост до 1600 млрд долл. в 1995 г., т.е. до конца четвертой длинной волны. Темпы прироста госрасходов несколько снизились в 1980–1990 гг. [Румянцева, 2003, с. 129–133].

США позволяли себе значительный дефицит госбюджета в периоды длинноволновых кризисов верхней поворотной точки и депрессий в нижней поворотной точке [Румянцева, 2003, с. 135–136]. По сути, кейнсианские реко-

мендации действовали еще до их обоснования Дж. М. Кейнсом в экономической истории США, что позволяло этой стране преодолевать тяжелые времена рецессий и депрессий и выходить на новые рынки с новым продуктом в период оживления. Правительство поддерживало своих производителей, что подтверждает статистика, а потому мифы о всесильной руке рынка упираются в факты реального стимулирования бизнеса со стороны государства в тяжелые времена. Некоторое сокращение темпов, но не абсолютных значений (!) прироста госрасходов наблюдалось лишь в понижительной фазе четвертой длинной волны, когда в ход пошла политика либерализации во всем мире. Однако это не коснулось динамики роста самого показателя. В пятой длинной волне динамика роста абсолютных значений госрасходов США показывает специфическую картину (рис. 17).

Во время депрессии между четвертой и пятой длинными волнами уровень госрасходов опять снизился, после чего произошел их мощный рост до 2006 г., т. е. на протяжении всей повышательной фазы пятой длинной волны. Показатель рухнул во время кризиса 2007 г., после чего, как и в прошлых длинных волнах, начался его постоянный рост. Специфика пятой длинной волны состоит в том, что госрасходы США росли и во время повышательной фазы, т. е. вполне отчетливо проявляется тенденция патернализма американских властей по отношению к своему национальному производству.

В динамике госрасходов ясно видна длинноволновая закономерность в первой — четвертой длинных волнах в США. В пятой длинной волне эта закономерность менее заметна, поскольку власти США применяли постулаты доктрины либерализма и к самим себе, что выразилось в ухудшении их экономической конкурентоспособности по сравнению, например, с Китаем, который по доле в создании мирового ВВП догнал США в 2008 г. [Акаев и др., 2011, с. 78–83] и продолжает проводить политику патернализма (конвергентной экономики, или интегрального общества) [Богомолов и др., 2016; Акаев, 2015].

В России доктрина либеральной экономики непосредственно сказалась на длинноволновой динамике финансовых показателей. Словно вспоминая теорию Л. фон Мизеса [Мизес, 2012], считавшего банки ответственными за перегрев экономики и предлагавшего бороться с фидуциарными средствами обращения путем денежных рестрикций, а на деле продолжая следовать указаниям Вашингтонского консенсуса о либерализации экономики и борьбе с инфляцией, Центральный банк РФ проводит рестрикционную политику, когда давно пора бороться с дефляцией в секторе спроса на инвестиционные товары.

5. Ресурсный фактор длинноволновой динамики и его особенности в пятой длинной волне. В связи со сказанным необходимо оценить возможные условия для массированного внедрения в ходе предстоящей депрессии 2020–2025 гг. пакета базисных технологий шестого технологического уклада в технологической и ресурсной сферах.

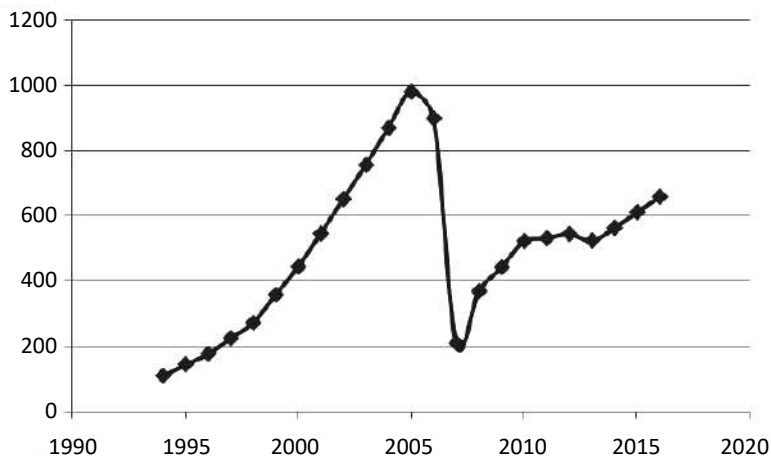

Рис. 17. Госрасходы США в 1994–2017 гг. (млрд долл.) (составлено автором по материалам: http://be5.biz/makroekonomika/government_consumption_expenditure/us.html#main (дата обращения: 25.09.2018))

В ресурсном факторе-тенденции и его влиянии на экономику наблюдается процесс запаздывания внедрения новых источников энергии. Можно было предполагать, что переход к экологически нейтральным и возобновляемым источникам энергии произойдет в период депрессии и начала оживления между четвертой и пятой длинными волнами, однако этого не произошло, в том числе по причинам разрастания роли финансово-кредитного фактора-тенденции и преимущественного внимания инвесторов к финансовой сфере. Можно ожидать, что переход к принципиально новым источникам энергии осуществится после окончания пятой длинной волны — после 2020–2025 гг., если позволит геополитическая ситуация.

На рис. 18 показан тренд производства нефти в США в 1900–2014 гг. в натуральных показателях, в которых длинноволновая закономерность проявляется слабо. Не высчитывая темпов прироста, тем не менее можно увидеть, что некоторая задержка в производстве этого энергоносителя произошла в период около кризиса 1929–1939 гг.; эта задержка станет более очевидной, если изменить масштаб данных; также заметен провал в 1982–2009 гг., когда США решили попридержать свои запасы. Это было субъективное решение американских властей, обусловленное риском исчерпания запасов и надеждой на извлечение ренты Хотеллинга в более благоприятных рыночных условиях, а также тем, что производство нефти подошло к технологическим пределам по издержкам. С открытием же технологии добычи сланцевой нефти ситуация изменилась, и с 2009 г. США наращивают добычу.

В то же время существует тенденция запаздывания динамики смены энергоносителей по отношению к ведущим показателям длинноволновой динамики

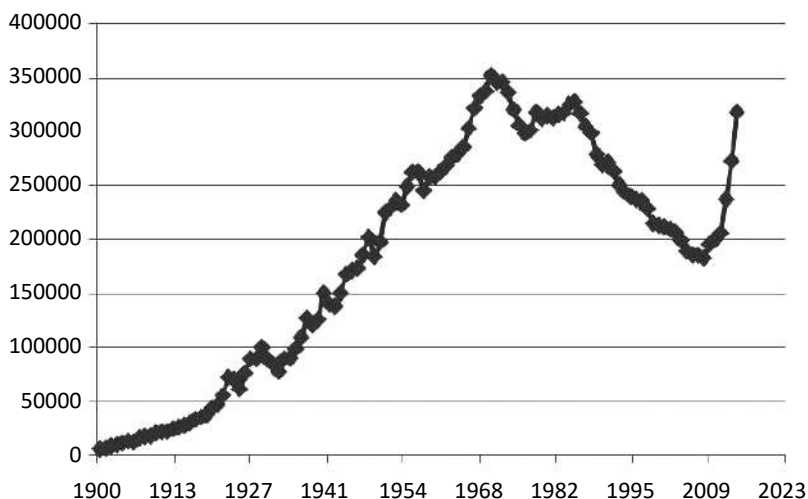

Рис. 18. Производство нефти в США в 1900–2014 гг. (британские термальные единицы) (рассчитано по: <http://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MCRFPUS1&f=A> (дата обращения: 05.04.2016))

приблизительно на 11–15 лет, что показывают расчеты долей отдельных энергоносителей в общем объеме энергопотребления, сделанные в долгосрочной перспективе еще Н. Накиценовичем в 1987 г. [Nakicenovic, 1987]. Отметим, что тренды производства и потребления практически совпадают, как показывают статистические данные [Румянцева, 2003, с. 161].

Пик добычи нефти в США пришелся на 1977–1986 гг., а вместо смены модели энергопотребления на новый источник произошла смена технологии добычи того же самого энергоносителя после 2009 г. Как показывает теория энергетических циклов с лагом к длинноволновой динамике на 12–15 лет, длинноволновая депрессия произошла между четвертой и пятой волнами около 1994–1999 гг. Угроза экологической катастрофы, продуцируемой сжиганием ископаемого топлива, как известно, отрицается властями США, вышедшими в 2017 г. из климатического соглашения в Париже. Смены модели энергопотребления не произошло. Вместо этого была осуществлена технологическая улучшающая процессная инновация в энергетической сфере, позволяющая получать сланцевую нефть и газ и блокирующая базисный инновационный прорыв в добыче и потреблении источников энергии.

Что же касается ценовой (потокосвой) составляющей длинноволнового ресурсного фактора-тенденции в пятой длинной волне, то здесь хорошим показателем могут выступить цены на бензин, график которых с 1975 г. в США приведен на рис. 19. Колебания в ценах в период энергетической бифуркации совпадают с динамикой добычи: цены сначала падают, а затем начинают расти вслед за ростом спроса на сланцевую нефть.

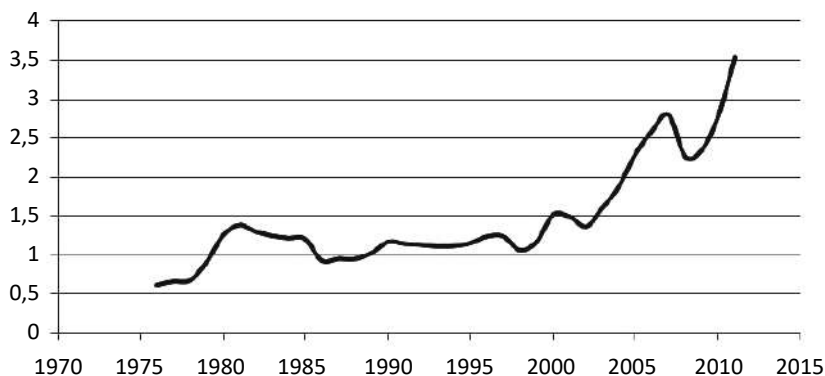

Рис. 19. Цены на бензин в США в 1976–2011 гг. (долл. за баррель) (составлено по: <http://www.eia.gov/totalenergy/data/monthly/#prices> (дата обращения: 15.03.2016))

В России же добыча полезных ископаемых в целом зависела от внешне-экономической конъюнктуры, резко снизилась в ответ на биржевой шок 2008 г., затем последовал небольшой период восстановительного роста, после чего наблюдается общая понижательная тенденция (рис. 20).

Шансы на смену модели энергопотребления в России парадоксальным образом могут реализоваться лишь тогда, когда остальной мир откажется от наших энергоносителей. Пока же энергоносители составляют существенную долю доходов государства, нисходящий тренд добычи энергоносителей отчасти можно объяснить вполне объективными факторами нехватки денег из-за неуклонного сокращения госрасходов (см. рис. 16).

Сокращение госрасходов, в свою очередь, снижает возможности финансирования науки в направлении поиска способов применения альтернативной энергетики. На основании этих данных можно сделать довольно пессимистический прогноз относительно технологического прорыва России в области энергодобычи и энергопотребления.

Что же касается еще одного возможного индикатора перехода к новым источникам энергии в шестой длинной волне, то в периоды перед сменой базовых энергоносителей наблюдалась высокая волатильность в ценах на них [Румянцева, 2003, с. 60–61]. Скачки в ценах на фьючерсные контракты по природному газу в период около 2009 г., показанные на рис. 21, отражают как неуверенность финансового сектора в будущем этого энергоносителя, так и его надежды на альтернативу.

Вопрос о том, произойдет ли переход к новым источникам энергии около 2035–2040 гг., т.е. через 11–15 лет после длинноволновой депрессии 2020–2025 гг., остается открытым и требует дальнейшего изучения и сравнительного исследования не только США и России, но и передовых стран Европы.

Все это говорит о том, что механизм длинных волн в конце XX — начале XXI в. претерпел существенные искажения, во многом нарушив автоматиче-

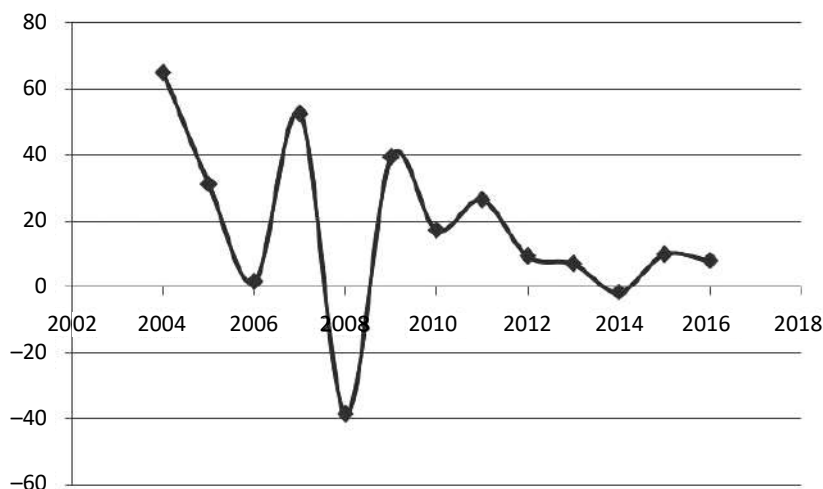

Рис. 20. Добыча полезных ископаемых в России (темпы роста, %) (составлено автором по материалам: Bloomberg, Federal Service of State Statistics. URL: <http://www.bloomberg.com> (дата обращения: 20.06.2018))

ский переход от спада к подъему. Вероятно, если страна хочет обеспечить себе экономическое лидерство в XXI в., требуется государственное регулирование инновационного процесса в технологической и ресурсной сферах. Это важно особенно потому, что автоматический механизм депрессии как триггера для кластера базисных инноваций Менша, скорее всего, перешел с уровня микроэкономики и конкуренции отдельных фирм на уровень глобальной экономики и государственной конкуренции.

Ключевым моментом искажения длинноволновой динамики в США является перманентный рост низколиквидной денежной массы [Румянцева, 2017, с. 123], который продолжается и в фазе спада, что влечет за собой такие искажения, как заикленность финансовой сферы экономики на саму себя и игнорирование потребностей реального сектора экономики. Безусловно, производные инструменты денежного рынка представляют собой активы, которые новые фирмы могут и должны использовать для рискованного финансирования своих новых проектов, что часто и происходит. Вместе с тем развитость денежной массы — это и риск ухода в спекулятивные инвестиции. Во взаимодействии с инновационным и финансово-кредитным факторами-тенденциями длинноволновой динамики данный процесс ведет к игнорированию бизнесом шансов, даваемых достижениями в области развития технологий и внедрения новых, альтернативных источников энергии. Двойственная ситуация рисков и шансов, даваемых макроэкономической системе денежным рынком, должна контролироваться системой национального стимулирования инновационного процесса в рамках национальной инновационной системы, что и происходит сегодня.

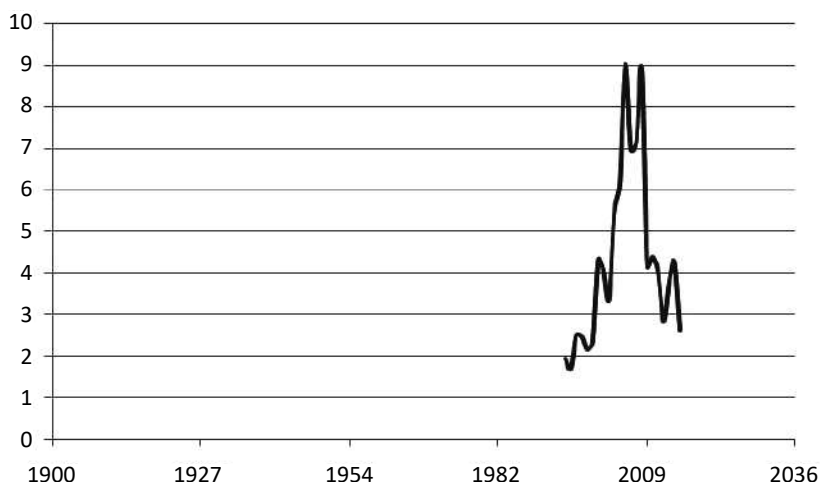

Рис. 21. Цены на фьючерсные контракты по природному газу в 1994–2015 гг. в США (долл. за миллион британских термальных единиц) (составлено по: URL: <http://www.eia.gov/dnav/ng/hist/rngc1a.htm> (дата обращения: 15.03.2016))

Еще до начала пятой длинной волны предполагалось, что она станет эрой технологий, основанных на возобновляемых источниках энергии. Однако перехода к новым источникам энергии вдоль фазы подъема пятой кондратьевской волны так и не произошло. Мировая экономика продолжала базироваться на ключевом энергоносителе — нефти, при продолжении тренда микропроцессорной и полупроводниковой промышленности, запущенных еще в четвертой длинной волне. Таким образом, искажения финансово-кредитного фактора-тенденции выступают в определенной мере тормозом технологического развития.

6. Инновационное развитие в пятой длинной волне и его ограничения.

Возможность базисного прорыва в конце четвертой волны была гораздо слабее, чем в предыдущих. Функция длинноволнового кризиса состоит в том, что в ходе его развертывания в экономической системе осуществляется выбор дальнейших траекторий развития. На пороге кризиса 1990-х гг. выбор мог быть сделан по крайней мере между двумя траекториями. Хозяйственный уклад пятой длинной волны мог быть основан на процессинге жизненного цикла телекоммуникационных технологий либо на траектории роста экологически чистых технологий. Степень радикальной инновационности второй траектории выше. Поэтому в силу «издержек внедрения» шансы оказались выше у первой траектории, уже освоенной в рамках микропроцессорного технологического уклада. Это означает, что депрессия 1990-х гг. и переход к фазе роста пятой волны не были столь острыми по сравнению с предыдущими периодами.

В настоящее время формируются зачатки перехода к шестому технологическому укладу, который должен произойти после преодоления депрессии

2020–2025 гг. Этот процесс будет облегчаться относительной дефляцией, наблюдаемой на макроэкономическом уровне. Возможно, произойдет отраслевое снижение цен и процентных ставок в результате возврата должниками денежных средств в финансовую систему в условиях невыгодности долгов при росте стоимости денежной единицы, что будет способствовать созданию стимулов для новых предприятий и открытию новых бизнесов. Вместе с тем продолжающееся нарастание в экономике США агрегатов низколиквидной денежной массы продолжит способствовать предпочтению спекулятивных инвестиций, а это один из механизмов торможения инновационного процесса и процесса перехода к альтернативной энергетике. Иначе говоря, в США на макроэкономическом уровне есть как стимулы, так и препятствия для перехода к технологиям нового технологического уклада. Речь пока идет не о продукции, а только о технологиях.

За период относительно слабого инновационного развития 1990–2008 гг., когда экономика приобрела преимущественно финансовый характер⁴ и развивалась в условиях инфляционного информационного пата, вызрели новые сферы технологий, которые как раз способны дозреть до стадии возможности их коммерческого внедрения после окончания пятой длинной волны. В России в условиях сокращения темпов роста денежной массы сужаются перспективы расширения производства, не хватает необходимых инструментов финансового рынка, которые лишь при их чрезмерном разрастании порождают (не)реальный капитализм, как назвал это состояние экономики В. Т. Рязанов [Рязанов, 2016]. Коэффициент монетизации вышел на уровень плато-фазы (см. рис. 11), это не порождает экономического роста и приводит к спаду (см. рис. 13).

Радикальность разрабатываемых ныне инноваций, связанных с внедрением нанотехнологий, задействует целый ряд отраслей будущего технологического облика экономики: прорывы в области медицины; улучшение качества жизни населения; 3D-технологии, сокращающие издержки природных ресурсов, и др. Все эти заделы могут быть реализованы в рамках конъюнктурной ниши, совмещающей подъем ритма Кузнецца 2010–2020 гг. и будущий подъем длинной волны 2025–2050 гг.

Оптимистичная картина темпов прироста ВВП США в 2010–2015 гг. не должна вводить в заблуждение относительно будущих перспектив экономиче-

⁴ Как отмечает В. Т. Рязанов, «фиктивный капитал не ограничился формами в виде традиционных ценных бумаг... и получил дальнейшее развитие. Возник новый его подкласс, связанный со стремительным распространением производных финансовых инструментов (деривативов)... Деривативы, еще более отдаляясь от реальных активов, на порядок расширяют масштабы фиктивного капитала, преодолевая национальные границы. В этом своем качестве он приобретает характер фиктивного капитала в чистом виде. И потенциальная опасность для экономического развития такова, что дала основание известному американскому инвестору У.Баффетту отнести деривативы к “финансовому оружию массового поражения”» [Рязанов, 2016, с. 75–76].

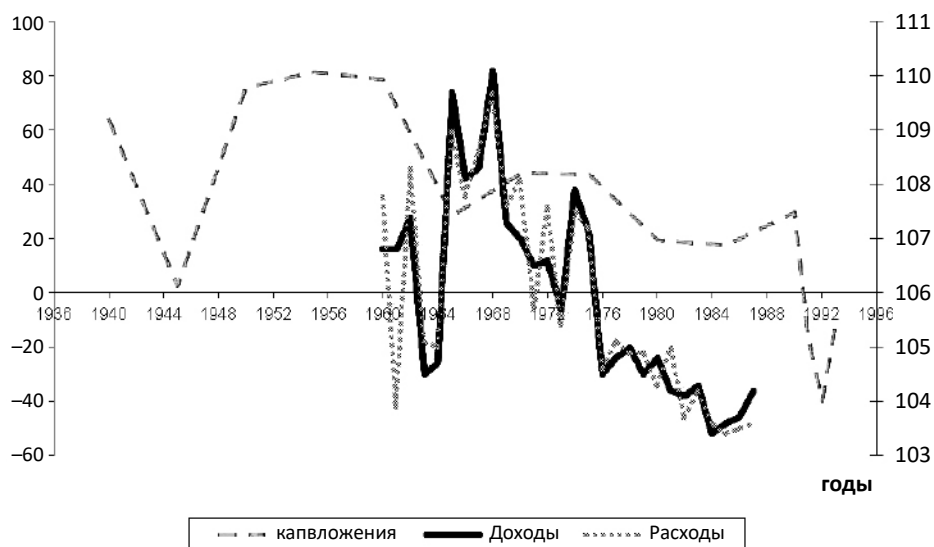

Рис. 22. Капиталовложения (темпы прироста, слева, %), расходы и доходы населения в СССР (темпы роста, справа, %) в 1940–1992 гг. (ежегодные изменения в процентах к предыдущему году) (рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 1994. С. 84–85; Российский статистический ежегодник. 2000. С. 546)

ского роста. В рамках цикла Кузнеца 2010–2025 гг. верхняя поворотная точка должна быть пройдена около 2018–2019 гг., что будет означать наступление очередного экономического кризиса, связанного уже с перепроизводством предметов потребления продукции пятого технологического уклада и полным насыщением рынков его продукцией.

Эндогенный цикл Кузнеца в динамике капиталовложений в СССР и огибающую его длинную волну можно обнаружить в статистике капиталовложений и доходов/расходов населения (рис. 22).

Данные на рис. 22 говорят о том, что в макроэкономических показателях доходов и расходов, которые в период социалистической экономики совпадали, просматривается длинная волна (сведения до 1961 г. недоступны). Данные же по капиталовложениям (доступны с 1940 г.) свидетельствуют о двух циклах Кузнеца: *инвестиционном* в 1944–1964 гг. и более низком *потребительском* с 1964 по 1992 г., когда и закончилась объединяющая эти два движения общая динамика доходов, отражающая длинную волну в экономике СССР.

Таким образом, в социалистической экономике существовали циклы обновления и перенакопления капитала, соответствующие логике цикла Кузнеца. Действовал общий длинноволновый тренд в динамике доходов и расходов населения. Современная длинноволновая динамика России преемственна по отношению к этим трендам. В этом можно видеть залог того, что при адекватных управляющих воздействиях в ходе текущей рецессии еще можно повернуть развитие к переходу на инновационную модель роста.

Причины длинных волн обнаруживаются далеко за пределами трендов ВВП, на основе которых изучается неравномерность их существования в мировой экономике. Они могут быть сведены к явлениям, обнаруживаемым в факторах длинноволновой динамики в связи с внедрением инноваций, в обновлении финансовой системы и ее институтов, в смене моделей ресурсопотребления, в технологиях получения информации и создания инфраструктурных объектов. Эти факторы надо принимать во внимание при разработке политики стимулирования выхода экономики на повышательные тренды экономической конъюнктуры, поскольку состав факторов длинноволновой динамики определяет совокупность сфер приложения управляющих усилий.

Приоритетной инвестиционной целью должно стать развитие высоких технологий, дополненное проработкой смены модели ресурсопотребления, развитием информационных технологий, изменением структуры денежной массы, преодолением институциональных причин инфляции. В России потребительская инфляция, вызванная олигопсонией торговых сетей и инфляционными ожиданиями населения, ничего общего не имеет с дефляцией на рынке инвестиционных товаров, где наблюдается тяжелая депрессия. Ведь именно отрасли, производящие основной капитал — машины и оборудование, при своем подъеме «вытаскивают» из коллапса всю экономическую систему, о чем писал еще М. И. Туган-Барановский [Туган-Барановский, 1894, с. 495–500]. Борьба с инфляцией монетарными методами убивает машиностроение, которое дает рабочие места, производит основную отечественную продукцию и является источником роста доходов населения, которые лишь потом тратятся на потребительском рынке. Регулировать рынок зарубежной продукции непосредственного потребления монетарными методами бессмысленно, поскольку в России он большей частью состоит из предметов неэластичного спроса. Отрасли машиностроения имеют высокий инновационный потенциал, поскольку это отрасли производства основного капитала, для которого надо создавать стимулы к переходу на новые технологии, а не душить его налогами и денежным голодом.

Как отмечает С. Ю. Глазьев, «в результате “подавления” немонетарной инфляции монетарными методами, путем стерилизации “избыточной” денежной массы и вывоза госдоходов за рубеж, налицо недофинансирование воспроизводства основного капитала» [Глазьев, 2013, с. 5]. В вопросе о сдерживании инфляции возникает определенная дилемма. Сокращение инфляции поддерживает и экономический рост, хотя стимулирует в основном внедрение инкрементальных инноваций. Дефляция же запускает механизмы сворачивания отживших форм бизнеса, способствуя банкротству должников, но за счет низких цен на основные производственные ресурсы одновременно помогает развитию новых форм бизнеса. Вместе с тем в условиях высокого уровня корпоративной задолженности и задолженности населения дефляция может оказаться неприемлемым фактором. Поэтому допускать дефляцию ради полной

перезагрузки экономических сил в стране нецелесообразно, необходимо идти по институциональному пути поддержки государственных и рыночных стимулов к внедрению инноваций на микроуровне.

Инновационную динамику России характеризуют следующие факты:

- с 2010 по 2014 г. затраты на технологические разработки выросли более чем в два раза — со 101 до 201,28 млрд руб.;
- к 2015 г. затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее — НИОКР) снизились до 186 млрд руб.;
- объем отгруженных товаров с инновационной составляющей в тот же период вырос в три раза — с 1,2 трлн руб. до 3,8 трлн руб.;
- удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность, снизился с 9,5 % в общем объеме организаций в 2010 г. до 9,3 % в 2015 г.;
- доля экологических инноваций снизилась с 6,1 % в 2010 г. до 2,1 % в 2015 г.;
- доля организационных инноваций снизилась с 3,4 % в 2010 до 2,5 % в 2015 г. [Румянцева, Коростышевская, Самылов, 2017, с. 28].

Обращает на себя внимание снижение числа инновационных организаций в России, и особенно тревожит сокращение числа экологических и организационных инноваций. Наблюдается снижение числа экологических инноваций, несмотря на изменения в Налоговом кодексе РФ, где в ст. 25.1, 25.2, 26 и 31 второй части прописано ужесточение экологического законодательства. Однако возникла противоречивая ситуация: по замыслу ужесточение экологических норм должно стимулировать фирмы к внедрению экологических инноваций и дать им возможность избежать повышения платы за загрязнение окружающей природной среды; на деле же макроэкономическая ситуация позволяет предприятиям лишь выживать, сокращая затраты на НИОКР. Внедряемая программа поддержки инноваций («Национальная технологическая инициатива») оказывает реальное содействие лишь начинающемуся бизнесу, существующие же предприятия в большинстве своем не получают государственной поддержки, оставаясь один на один с запретительным экологическим законодательством.

В России формально существует множество программ инновационного развития, но выполняются они в лучшем случае на 30–70 % [Korostyshevskaya, Rumyantseva, Samylov, 2017], что требует усиления участия государства в поддержке инновационного процесса.

Время рецессии длинной волны, переживаемое нами сегодня, — это время организационных инноваций. Как показывает история фирм, благополучно переживших рецессию, как правило, в следующей волне они выходят на высокие конкурентные позиции [Румянцева, 1999]. Это время, когда рушится

старая институциональная структура экономики и на смену ей приходит новая, облегчающая внедрение базисных инноваций [Перес, 2011]. В такой ситуации снижение числа совершаемых фирмами организационных инноваций отражает действие нежелательной тенденции в сфере организации российского предпринимательства, которое не только финансово, но и институционально оказывается в ловушке продолжения старой стратегии бизнеса, не способствующей внедрению базисных инноваций, соответствующих шестой длинной волне.

7. Заключение. Уходящая пятая длинная волна, как и все предшествующие волны, имела особую специфику, что выразилось прежде всего в возвращении дефляционных трендов в исследуемых странах во второй половине цикла. В США это было связано с возвращением к некоторым положениям закона Гласса — Стиголла, а в России — с антиинфляционной политикой Центрального банка РФ. Инфляционные ожидания потребителей конечной продукции в России сохраняются, что может вызвать парадокс существования инфляции на потребительских рынках, вызванный олигопсонией торговых сетей и реальной дефляцией в секторе производства инвестиционных товаров. Такие процессы повлекут за собой массовые банкротства несостоятельных должников.

Дефляция вызывается сокращением довольно безобидного денежного агрегата M2, не порождающего деривативов и не несущего угрозы системного кризиса и финансиализации экономики. Денежный голод предприятий реального сектора ставит их на грань выживания и не позволяет российским отраслям машиностроения и другим отраслям производства основного капитала внедрять базисные инновации. Национальная инновационная система России нацелена на содействие начинающемуся бизнесу, и это хорошо. Однако при сохранении тенденции деиндустриализации страны новейшие технологии, произведенные в стартапах, не найдут широкого применения. Требуется эффективная поддержка жизнеобеспечивающих отраслей российского народного хозяйства, чтобы новые технологии было к чему применять.

В мире сохраняется старая парадигма энергопотребления, смена которой в соответствии с закономерностями движения длинных волн в энергопотреблении может произойти около 2035–2040 г. Оставшегося времени достаточно, чтобы переключить доходы от нашей внешней торговли со старых отраслей на новую модель энергопотребления. Для этого требуется использовать ресурсы государственных финансов, как это делали США на протяжении всей своей истории в понижительных фазах длинных волн. Недостаточно только законодательно усиливать экологические требования, необходимы меры стимулирования инновационного процесса в существующих отраслях.

Вторая половина (спад) длинной волны — это время, требующее организационных и институциональных преобразований экономики, с тем чтобы в фазе депрессии и раннего оживления следующей волны могли быть осуществ-

влены инновации в технологиях и энергетике. Здоровый патернализм в понижательной фазе длинной волны — неперенное условие успеха.

Список литературы

- Акаев А. А., Румянцева С. Ю., Сарыгулов А. И., Соколов В. Н. Экономические циклы и экономический рост. СПб., 2011.
- Акаев А. А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции: математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. М., 2015.
- Богомолов О. Т., Водолазов Г. Г., Глазьев С. Ю., Глинкина С. П., Дашичев В. И., Куликова Н. В., Меньшиков С. М., Меньшикова Л. А., Пивоварова Э. П., Цаголов Г. Н. Новое интегральное общество: общетеоретические аспекты и мировая практика / под ред. Г. Н. Цаголова. М., 2016.
- Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.
- Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27–42.
- Глазьев С. Ю. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики // Российский экономический журнал. 2013. № 3. С. 3–36.
- Глазьев С. Ю. О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 124–135.
- Голиченко О. Г. Концепция национальной инновационной системы: истоки и перспективы развития // Региональные инновационные системы: анализ и прогнозирование динамики: мат-лы Шестнадцатых Друкеровских чтений / под ред. Р. М. Нижегородцева. Новочеркасск, 2013. С. 13–27.
- Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М. Модели зависимости темпов инфляции от объемов денежной массы: регрессионный анализ нелинейной динамики // Экономическая наука современной России. 2013. № 1. С. 39–46.
- Клинов В. Г. Проблемы системного регулирования капитализма в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 117–128.
- Клинов В. Г. Причины, формы проявления и последствия модификации большого цикла мировой экономики // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 6. С. 97–102.
- Кох Т. У. Управление банком. Уфа, 1993.
- Мизес Л. фон. Теория экономического цикла / пер. с англ. под ред. А. В. Куряева. Челябинск, 2012.
- Осипов Ю. М. Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / под ред. Ю. М. Осипова, В. Г. Белолипецкого, Е. С. Зотовой. М., 2001. С. 5–18.
- Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011.

- Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 4–22.
- Румянцева С. Ю. Стратегия фирмы в длинноволновом цикле // Вестник Санкт-Петербургского. Сер. 5. Экономика. 1999. Вып. 1. С. 204–218.
- Румянцева С. Ю. Парадокс информационного пата // Экономическая теория на пороге XXI века — 3 / под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М., 2000. С. 271–284.
- Румянцева С. Ю. Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. СПб., 2003.
- Румянцева С. Ю. Теория экономической динамики Н. Д. Кондратьева и современные длинноволновые процессы // Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М., 2017. С. 106–137.
- Румянцева С. Ю., Коростышевская Е. М., Самылов И. О. Институционально-организационные инновации для коммерциализации технологических разработок с учетом фазы экономического цикла // Управление инновациями — 2017: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2017 г. / под ред. Р. М. Нижегородцева, Н. П. Горидько. Новочеркасск, 2017. С. 26–30.
- Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016.
- Сарыгулов А. И. Структурная динамика макроэкономических систем. СПб., 2011.
- Самоволева С. А. Подходы к стимулированию акторов национальной инновационной системы // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2015. № 4. С. 51–57.
- Berry B. J. L. Long-Wave Rhythms in Economic Development and Political Behaviour. Baltimore; London, 1991.
- Туган-Барановский М. И. Промышленные кризисы в современной Англии. Их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894.
- Fisher I. The Debt-Deflation Theory of Great Depressions // *Econometrica*. 1933. October. Vol. 1, no. 4. P. 337–357.
- Korostyshevskaya E., Rumyantseva S., Samylov I. Determination and realization of scientific and technological priorities of Russia in the context of globalization // Globalization and its socio-economic consequences, 17th international scientific conference. University of Zilina. Proceedings. Part III. 4th–5th October 2017, Rajecke Teplice, Slovak Republic. P. 1044–1051. URL: <https://fpedas.uniza.sk/~ke/en/conference> (дата обращения: 12.01.2019).
- Nakicenovic N. Technological Substitution and Long Waves in the USA // The Long-Wave Debate / ed. by T. Vasko. Berlin, 1987. P. 76–102.

В. М. Остапенко

Макроэкономическая теория фискальной политики после Великой рецессии

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Остапенко В. М. Макроэкономическая теория фискальной политики после Великой рецессии // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 267–284.

В статье анализируется эволюция теоретических представлений о возможностях стабилизационной фискальной политики, обобщаются основные результаты эмпирических исследований мультипликативных эффектов, достигнутые в посткризисное десятилетие. Утверждается, что сама практика проведения антициклической политики в период Великой рецессии стимулировала возобновление интереса макроэкономистов к бюджетно-налоговой тематике. Показано, что в большинстве случаев мультипликаторы принимают положительные значения, что противоречит гипотезе о кейнсианских эффектах бюджетной консолидации. В то же время не существует однозначного ответа на вопрос об эффективности фискальной экспансии вне конкретного экономического контекста, так как без учета различий в фазах цикла величина мультипликаторов меньше единицы. Принципиальными моментами являются усиление мультипликативных эффектов на стадии кризиса по сравнению с фазой подъема, а также при невозможности использования процентного канала денежной политики. Сделан вывод о том, что теоретически достижимые стимулирующие механизмы рестриктивной фискальной политики в реальности зависят от некоторых вспомогательных условий и не могут служить основанием для проведения консолидации в период отрицательного разрыва выпуска и циклической безработицы. Кейнсианские эффекты на практике должны рассматриваться как положительная макроэкономическая экстерналия, но не как системное и устойчивое явление. В условиях рецессии процикличность бюджетной политики с высокой вероятностью приведет к усугублению спада.

Ключевые слова: фискальная политика, макроэкономическая политика, бюджетные мультипликаторы, стимулирующая бюджетная консолидация.

1. Введение. В течение десяти лет, прошедших с начала глобального экономического кризиса (Великой рецессии), экономисты анализируют его влияние на сферу макроэкономической политики. Предыдущие крупные мировые кризисы — Великая депрессия 1920-х гг. и стагфляция 1970-х гг. — привели к значительным изменениям в облике, содержании и приоритетах макроэкономических исследований и практики макроэкономического регулирования [Автономов, 2018; May, 2016, с. 341–361]. Великая депрессия стала одним из ключевых факторов кейнсианской революции, предопределив радикальное смещение исследовательских акцентов на поведение экономики в периоды нестабильности; особое внимание уделялось недостаточности совокупного спроса и обоснованию активной стабилизационной политики. В соответствии с логикой Кейнса и его первых последователей считалось, что именно бюд-

жетно-налоговое направление макроэкономической стабилизации обладает наибольшим потенциалом в преодолении кризисных явлений. В эпоху Великой инфляции 1970-х гг. началось частичное отторжение доминировавшей кейнсианской модели, которое возродило веру макроэкономистов в потенциал рыночного саморегулирования. Экономические циклы стали рассматриваться в лучшем случае как временное отклонение от долгосрочного оптимума (а в наиболее ортодоксальной трактовке — как полностью равновесное явление). В сфере макроэкономической политики произошло практически полное забвение кейнсианских идей, и основная нагрузка при проведении антициклических действий государства легла на плечи монетарных властей. На текущий момент по-прежнему нет ясного ответа на вопрос о том, приведет ли последний глобальный кризис к сдвигам аналогичного масштаба в макроэкономической теории и практике. Тем не менее десятилетняя годовщина кризиса — хороший повод осмыслить предварительные ответы на этот вопрос, по крайней мере в области макроэкономического регулирования.

Когда Великая рецессия стремительно распространилась по миру и процентные ставки центральных банков снизились примерно до нулевого уровня, правительства большинства стран, затронутых кризисом, приняли решение прибегнуть к агрессивному фискальному стимулированию, чтобы не допустить превращения рецессии в депрессию. Однако, как только сокращение ВВП и налоговых поступлений вызвало ухудшение бюджетной ситуации и начались волнения инвесторов по поводу неконтролируемого расширения суверенной долговой нагрузки, финансовые власти многих пострадавших стран свернули стимулирующие программы, перейдя к политике фискальной консолидации. Пытаясь оценить или спрогнозировать эффекты имплементации различных мер стимулирующей, а затем сдерживающей бюджетно-налоговой политики, и академические экономисты, и эксперты из правительственных структур обнаружили практически полное отсутствие современных исследований в этой области. Эмпирические работы отсутствовали по причине слабой актуальности и непопулярности темы (в соответствии с докризисными представлениями), а теоретической базой для принятия практических политических решений по-прежнему являлись кейнсианские разработки конца 1960-х гг. Ситуация развивалась быстро, и катализатором этого процесса стала сама практика фискального стимулирования в период Великой рецессии. Внимание большого числа макроэкономистов по всему миру оказалось привлечено к всестороннему анализу факторов, трансмиссионных механизмов и последствий различных режимов фискальной политики. Наконец-то эта область, долгое время находившаяся на периферии мейнстримной макроэкономической теории, вновь стала завоевывать популярность в научной среде. Глобальный кризис спровоцировал своего рода ренессанс в сфере макроэкономических исследований бюджетно-налоговой политики. В течение десяти лет, прошедших с начала кризиса, очевидный прогресс наблюдался как в те-

ории, так и в развитии эмпирических методов анализа фискальной политики [Ramey, 2018]. Цель настоящей статьи заключается в обобщении и систематизации ключевых результатов, полученных в макроэкономической теории фискальной политики после наступления Великой рецессии и под ее влиянием.

2. Место фискальной политики в докризисном теоретическом консенсусе. Сравнительно успешные результаты активной фискальной политики, рассматриваемой как воплощение кейнсианских рецептов в эпоху Великой депрессии, обусловили ее доминирование в практике проведения стабилизационных мероприятий в развитых странах на несколько десятилетий вперед, вплоть до 1970-х гг. [Рязанов, 2016, с. 268–272]. Сочетание теоретической критики кейнсианских принципов «точной настройки» экономики со стороны монетаристов и новых классиков и протекания масштабного структурного кризиса в ведущих странах привело к переоценке возможностей фискального стимулирования и появлению альтернативных концепций стабилизационной политики на неоклассической платформе. Модели новых классиков и реальных деловых циклов состояли из совершенно рациональных экономических агентов, взаимодействующих на конкурентных рынках, оптимальным образом реагирующих на любые изменения макроэкономической ситуации и не совершающих систематических ошибок. В силу этого окно возможностей для активной стабилизационной политики было практически устранено уже на уровне предпосылок [Landmann, 2014].

К концу 1990-х гг. в теории макроэкономической политики сложился определенный консенсус, зеркально противоположный кейнсианским представлениям, доминировавшим на первом этапе становления и развития макроэкономики. Если Кейнс и его последователи считали фискальную политику приоритетным направлением, а денежную политику — малоэффективным и слабо результативным, то с переходом к лукасианской теоретической парадигме кейнсианские рецепты подверглись жесткой критике [Lucas, Sargent, 1978; Taylor, 2000], приоритет был отдан монетарным мерам. Дискреционная бюджетная политика отныне рассматривалась в качестве сугубо вторичной и даже ненужной составляющей. Пальма первенства постепенно перешла к денежной политике, которая стала считаться наиболее адекватным направлением антициклической стабилизации, свидетельствуя об отождествлении макроэкономической и ценовой нестабильности и отказе от целенаправленного воздействия на реальный сектор экономики и занятость.

Вплоть до Великой рецессии монетарные инструменты признавались ключевым элементом стабилизационной политики. Такая консенсусная позиция поддерживалась в рамках теоретических моделей нового неоклассического синтеза, который, казалось бы, устранил все возможные методологические разногласия и навсегда оставил в прошлом разделение макроэкономистов на конкурирующие школы [Clarida, Gali, Gertler, 1999; Goodfriend, King, 1997]. Кейнсианские фискальные инструменты стали считаться ненужным отголо-

ском ушедшей эпохи. В теоретическом плане этому способствовали моделирование денежных правил и критика дискреционных мер бюджетно-налоговой политики, а на практике утвердился особый режим денежно-кредитного регулирования в виде инфляционного таргетирования.

Ключевые выводы нового синтеза для макроэкономической политики обобщены в статье Г. Мэнкью и М. Вейнцера, сформулировавших иерархию инструментов антициклического реагирования, которая выглядит следующим образом (в порядке снижения приоритетности):

- стандартные меры монетарной политики (влияние на процентные ставки путем операций на открытом рынке), которые могут наиболее эффективно использоваться при отсутствии проблемы достижения нижней границы процентных ставок;
- нестандартные меры монетарной политики (изменение размера и структуры баланса центрального банка);
- автоматическая фискальная политика (действие встроенных стабилизаторов);
- дискреционная фискальная политика как наименее желательный вариант [Mankiw, Weinzierl, 2011].

Согласно докризисному конвенциональному мнению макроэкономистов мейнстрима, обеспечение ценовой стабильности может способствовать сокращению волатильности темпов экономического роста и, следовательно, минимизации амплитуды циклических колебаний. Правильно выстроенная денежно-кредитная политика является лучшим инструментом достижения низких темпов роста цен, но важным условием для ее эффективности служит доверие экономических агентов к монетарным властям, ради завоевания которого их действия должны быть четкими, последовательными и предсказуемыми. Обращаясь к известной дилемме «правила против дискреционных решений», сторонники нового синтеза делают акцент на большей эффективности той денежной политики, которая следует определенным заранее объявленным правилам.

Далее представим основные положения согласованного взгляда на возможности активной фискальной политики, который преобладал в период, предшествовавший Великой рецессии:

- применение дискреционного фискального стимулирования является сугубо запасным и нежелательным вариантом в силу значительных временных лагов в имплементации, сложностей с определением четких временных горизонтов проведения стимулирующих программ и неясных критериев в выборе приоритетных направлений расхода бюджетных средств;
- даже если правительству удастся настроить верный временной интервал, дискреционное наращивание расходов будет либо абсолютно

неэффективным (так называемый рикардианский (неоклассический) взгляд), либо в лучшем случае ограниченно эффективным (из-за побочного воздействия на уровень процентных ставок и, как следствие, вытеснения частных инвестиций);

- основной стратегической задачей правительства должно быть поддержание долгосрочной фискальной устойчивости, что очень сильно ограничивает использование дискреционных инструментов;
- если правительство все же решится прибегнуть к фискальному стимулированию, необходимо, чтобы такое стимулирование было как можно более краткосрочным, достаточным лишь для поддержания экономики на плаву; активная денежная политика в идеале должна через снижение процентных ставок минимизировать негативные побочные эффекты бюджетной экспансии [Furman, 2016].

Посткризисное десятилетие во многом перевернуло такое представление о фискальной политике. Потенциал использования дискреционного фискального стимулирования для преодоления рецессии подвергся серьезной переоценке, чему способствовали резко изменившиеся макроэкономические условия и бум в сфере академических и прикладных исследований, касающихся последствий применения фискальной политики. Бюджетно-налоговый инструментарий стал восприниматься как неотъемлемое и, возможно, ключевое направление макроэкономической стабилизации. На наш взгляд, большое значение для изменения отношения к фискальной политике как объекту анализа имело появление целой серии эмпирических исследований, которые смогли если не сформировать новый консенсус, то, по крайней мере, расколоть и значительно пошатнуть казавшуюся незыблемой иерархию направлений макроэкономической стабилизации, разработанную в рамках нового неоклассического синтеза.

Текущее макроэкономическое положение многих стран требует переосмысления не только стабилизационного потенциала фискальной политики, но и ее влияния на государственный долг. Новейшие результаты исследований мультипликативных эффектов (т. е. воздействия фискального стимулирования на совокупный спрос, выпуск и занятость) продемонстрировали, что конечные последствия бюджетной экспансии очень сильно зависят от многих характеристик экономики и различаются в межстрановом разрезе. Макроэкономистам, изучающим развитые страны, еще предстоит выяснить, каким образом модифицируется понятие фискального пространства (*fiscal space*) и облегчается ли задача стабилизации высокой долговой нагрузки или ее сокращения в условиях перманентно низких процентных ставок, которые сегодня находятся в диапазоне ниже средних темпов экономического роста [Blanchard, Summers, 2017].

3. Бюджетные мультипликаторы: новые свидетельства. Наиболее важный вопрос, ответ на который интересует экономистов, участвующих

в дискуссиях об эффективности фискальной политики, звучит следующим образом: можно ли однозначно установить, как сильно изменится выпуск при росте государственных расходов на один рубль или снижении налоговых ставок на один процентный пункт? В отличие от учебной трактовки мультипликативных эффектов, современные научные работы доказывают, что не существует заданного раз и навсегда значения конкретного мультипликатора. И это, пожалуй, главный результат исследовательского бума в данной сфере.

Отправной точкой для теоретического рассмотрения эффектов фискальной политики служит модель кейнсианского креста, до сих пор встречающаяся в бакалаврских учебниках по макроэкономике. В соответствии с простейшей версией этой модели равновесный выпуск, как всегда в кейнсианском подходе, определяется величиной совокупного спроса, а мультипликатор государственных расходов является показателем, обратным к предельной склонности к сбережению. Поскольку налоги вводятся в модель только через воздействие на располагаемый доход, налоговый мультипликатор в абсолютном выражении меньше, чем мультипликатор расходов. Включение в кейнсианскую модель пропорционального налогообложения, предельной склонности к импорту и последующее соединение с равновесной моделью денежного рынка сокращают значения обоих видов мультипликатора по сравнению с вариантом закрытой экономики.

Неоклассическая модель с эндогенно определяемыми величинами предложения труда и запаса капитала также может генерировать аналогичные мультипликативные эффекты в ситуации рецессии, однако механизм радикально отличается от кейнсианской версии. Рост государственных расходов приводит к негативному эффекту богатства, так как правительство в условиях отсутствия жестких цен отвлекает производительные ресурсы из частного сектора. Возникший эффект богатства приводит к увеличению выпуска и занятости в силу того, что домохозяйства, чувствуя себя относительно беднее, увеличивают предложение труда. При этом на соответствующую величину снижается потребление, однако позитивное влияние расширения рабочей силы в неоклассической модели перевешивает такое сокращение. Изменение налоговых ставок в силу искажающих эффектов налогообложения также может иметь потенциально значимое влияние на экономику [Burnside, Eichenbaum, Fisher, 2004]. Таким образом, в отличие от простой кейнсианской модели, мультипликаторы в данном подходе зависят от процессов на стороне предложения, что согласуется с отправной точкой неоклассического макроэкономического анализа.

Наконец, наиболее продвинутые новокейнсианские модели динамического стохастического общего равновесия (*New Keynesian Dynamic Stochastic General Equilibrium models*, NK-DSGE) интегрируют в себе ключевые выводы кейнсианского и неоклассического подходов. Стандартная новокейнсианская модель репрезентативного агента (*Representative Agent New Keynesian model*,

RANK) с ограничениями на аккомодационную денежную политику продуцирует значения мультипликатора государственных расходов меньше единицы. В последнее десятилетие RANK-модели были расширены, и в них появилась возможность моделирования гетерогенных характеристик акторов. Модели с двумя различными репрезентативными агентами получили название TANK (*Two Agent New Keynesian model*), а модели с гетерогенными агентами — HANK (*Heterogenous Agent New Keynesian model*). В таких типах моделей поведение части потребителей задается как традиционно кейнсианское, не соответствующее гипотезе перманентного дохода. Эти агенты принимают решения в соответствии с эвристическими правилами (например, «правилом большого пальца»), немедленно пуская на текущее потребление весь полученный ими доход вне зависимости от того, увеличился ли он на временной или постоянной основе [Ramey, 2018]. В данном случае базовая макроэкономическая теория предсказывает увеличение предельной склонности к потреблению и более высокие значения мультипликаторов. Другим элементом современных новокейнсианских моделей, помимо гетерогенности акторов, является возможность достижения нулевой границы номинальных процентных ставок (в традиционной кейнсианской терминологии с некоторыми оговорками такой феномен можно назвать ловушкой ликвидности), что фактически обнуляет стимулирующие возможности монетарной политики. Включение этой характеристики также приводит к мультипликаторам, превышающим единицу.

Очевидно, что размер мультипликативных эффектов имеет ключевое значение для оценки эффективности фискальной политики. Если мультипликаторы меньше единицы (или даже меньше нуля, как следует из гипотезы о стимулирующей фискальной консолидации), то целесообразность бюджетно-налогового стимулирования может быть поставлена под сомнение. Когда значение мультипликаторов превышает единицу, это говорит о большом потенциале стимулирующей фискальной политики.

Чаще всего выделяют четыре основные группы методов анализа мультипликативных эффектов — в зависимости от способа выделения дискреционного роста или снижения бюджетных параметров: структурные модели (как правило, с кейнсианскими характеристиками), векторные авторегрессии (*Vector AutoRegression*, VAR-модели), динамические стохастические модели общего равновесия (DSGE-модели) и разнообразные эконометрические техники оценки одиночного уравнения. Обзор современных исследований можно найти в статьях [Остапенко, 2014; Gechert, 2015]. DSGE-методы оценки мультипликаторов можно разделить на две подгруппы: стандартные модели общего равновесия, выполненные строго в рамках подхода теории реальных деловых циклов; новокейнсианские построения, учитывающие рыночные несовершенства и негибкость ценового механизма. Иными словами, имеет смысл разграничивать собственно неоклассические (*Real Business Cycles*, RBC) и новокейнсианские (NK) DSGE-модели. RBC-DSGE-методика предполагает наличие

рикардианской эквивалентности, полностью конкурентных рынков труда, капитала и благ, возможность мгновенной номинальной (ценовой) подстройки и репрезентативных экономических агентов. Такие ортодоксальные предположения сегодня встречаются уже достаточно редко, но широко использовались в конце 1980–1990-х гг. Под влиянием исследований в духе новокейнсианских DSGE-моделей видоизменяются несколько исходных допущений неоклассического подхода. В первую очередь, речь идет о введении предпосылок, касающихся существования монополистической конкуренции, а также жестких цен и/или зарплат.

Первый вывод, который необходимо сделать, заключается в том, что единая неизменная величина мультипликатора, не зависящая от метода оценки, отсутствует. Проанализированные работы позволяют утверждать, что чаще всего значение однолетнего мультипликатора государственных расходов находится в диапазоне от 0,4 до 0,9, а налогового мультипликатора — от $|0,2|$ до $|0,5|$, что в целом согласуется, например, с выводами исследователей из Международного валютного фонда [Cottarelli, Gerson, Senhadji, 2014, p. 316].

Что касается мультипликативного механизма, применяемого к расходам, то наибольшие средние значения встречаются при использовании кейнсианских структурных моделей, а наименьшие — в трудах представителей RBC-DSGE-подхода. Такие результаты вполне соответствуют теоретическим положениям, которые отстаивают эти два лагеря. Мультипликатор в RBC-моделях в среднем значительно меньше единицы (0,41), практически все оценки находятся в диапазоне от $(-0,5)$ до $(+1,2)$. В новокейнсианских DSGE-моделях средняя величина мультипликатора превышает свое значение в RBC-среде (1,07). Структурные модели в духе «старого» кейнсианства, без впередсмотрящих ожиданий и оптимизирующих агентов, в среднем генерируют мультипликатор около 1,2. Мультипликатор государственных расходов в VAR-моделях, как правило, также положителен и находится в диапазоне от 0,13 до 2,5 — в зависимости от выбранного региона, периода оценки, типа анализируемого мультипликатора (пиковый, кумулятивный или импульсный) и способа идентификации параметров модели. Величина мультипликативных эффектов для налоговых инструментов в среднем ниже (без учета отрицательного знака) аналогичного параметра для государственных расходов [Mertens, Ravn, 2012], что согласуется с кейнсианскими предсказаниями.

Помимо того, что результаты оценивания сильно зависят от выбранной методологии, мультипликаторы не являются величинами, заданными раз и навсегда. В различных макроэкономических условиях одинаковые по уровню развития страны будут иметь разные мультипликаторы. В работе Э. Илзецки и соавторов продемонстрировано, что эффективность фискального стимулирования зависит от множества конкретных характеристик той национальной экономики, где оно применяется [Ilzetzki, Mendoza, Vegh, 2013]. Обобщим *ключевые факторы*, влияющие на величину бюджетных мультипликаторов.

Наличие встроенных фискальных стабилизаторов. Действие автоматических стабилизационных механизмов может снизить эффективность дискреционного стимулирования. Например, увеличение инфраструктурных государственных расходов усиливает экономический рост, в результате расширяется налоговая нагрузка и снижаются трансферты, и это приводит к меньшим значениям мультипликатора.

Степень открытости экономики. Страны с меньшим значением предельной склонности к импорту, как правило, имеют более высокие значения мультипликаторов [Barrell, Holland, Hurst, 2012]. Это происходит потому, что часть дополнительных совокупных расходов в результате фискального стимулирования превращается в утечки, направляясь на приобретение импортных товаров.

Режим обменного курса. В странах с гибким (рыночным) курсообразованием бюджетные мультипликаторы меньше по сравнению с мультипликаторами в странах с фиксированным (управляемым) курсом. Дело в том, что при свободном плавании курса национальной валюты центральный банк не реагирует на результаты фискального стимулирования (рост выпуска и процентных ставок), которые приводят к увеличению притока иностранного капитала, а следовательно, к удорожанию реального обменного курса и сокращению чистого экспорта. Таким образом, ограничивается потенциал расширения совокупного спроса. В условиях фиксированного валютного курса центральный банк в ответ на тенденцию к ревальвации расширил бы денежное предложение, что оставило бы значение курса неизменным, а экономика в целом перешла бы к новому равновесию — при более высоком уровне выпуска и прежнем уровне процентных ставок.

Тип фискального инструмента. Как отмечалось выше, государственные расходы должны иметь более значительные мультипликативные эффекты по сравнению с налогами, оказывая непосредственное прямое воздействие на совокупный спрос. При этом трансфертный компонент бюджетных расходов, как и снижение налоговых ставок, влияет на экономику через располагаемые доходы домохозяйств и эффект богатства, поэтому в большинстве работ при эмпирической оценке мультипликаторов госрасходов трансфертные выплаты исключаются из рассмотрения.

Время государственного долга. Рост бюджетных расходов в странах с высоким уровнем государственного долга может стать сигналом грядущей фискальной экономии в следующие периоды. Следовательно, ожидание роста налогов в будущем не приведет к масштабным стимулирующим эффектам, что может снизить величину мультипликатора практически до нуля. Вопрос о том, какой порог величины государственного долга является критическим для принятия отрицательного решения о дальнейшем стимулировании экономики, считается дискуссионным.

Реакция со стороны монетарной политики и наличие ловушки ликвидности. В ситуации, когда центральный банк не координирует свои действия с правительством, а, например, следует правилу Тейлора, в ответ на положительный шок фискальной политики, оказывающий повышающее давление на выпуск и инфляцию, он отреагирует увеличением номинальной процентной ставки, что отразится на величине мультипликатора в сторону его уменьшения. Если центральный банк использует денежное правило, когда правительство проводит бюджетную консолидацию, то сокращение номинальной ставки может демпфировать негативные эффекты рестриктивной фискальной политики. Если же центральный банк будет проводить аккомодационную монетарную политику, подстраиваясь под временное расширение совокупного спроса в результате роста бюджетного дефицита, и сохранять ключевую ставку на неизменном уровне, то эффективность стимулирующей фискальной политики должна быть достаточно высокой. Когда потенциал для снижения процентных ставок исчерпан, центральный банк сталкивается с проблемой нижней границы процентных ставок (*Zero Lower Bound, ZLB*), и экономика попадает в ловушку ликвидности. В подобной ситуации результативность фискального стимулирования и величина мультипликатора резко возрастают.

Фаза экономического цикла. Глобальный кризис 2008–2009 гг. и его вторая волна в еврозоне подтвердили кейнсианское предсказание относительно высокой эффективности бюджетно-налоговой политики при появлении свободных мощностей и незадействованной рабочей силы. Во многом это связано с меньшей вероятностью вытеснения частных потребительских и инвестиционных расходов в ситуации экономического кризиса. В условиях рецессии мультипликативные эффекты значительно превышают свой размер в нормальных условиях [Auerbach, Gorodnichenko, 2012].

Таким образом, при попытке оценивать и тем более прогнозировать результативность отдельных мер бюджетно-налоговой политики следует принимать во внимание перечисленные параметры. На наш взгляд, особый интерес представляет оценка мультипликативного эффекта стимулирующей фискальной политики в условиях достижения нижнего порога номинальных процентных ставок, когда традиционные монетарные рычаги воздействия на совокупный спрос теряют силу. Теоретические предсказания говорят о расширении коридора для применения бюджетного стимулирования в этом случае. Эффект вытеснения инвестиций может преобразоваться в эффект дополняемости: если номинальная ставка не изменяется, рост инфляционных ожиданий при увеличении госрасходов снижает реальную процентную ставку, «подталкивая» инвестиционные и потребительские расходы частного сектора. Получается, что значение бюджетного мультипликатора при ZLB должно превышать его величину при нормальном функционировании процентного канала денежной политики [Eggertson, Krugman, 2012].

Эмпирические исследования в целом подтверждают такой вывод. Как правило, при невозможности снижения процентной ставки центрального банка мультипликатор госрасходов превышает единицу, но разброс конкретных значений очень велик. Так, в одной из работ [Carlstrom, Fuerst, Paustian, 2013] показано, что в зависимости от периода действия стимулирующего режима фискальной политики, а также от выбора метода моделирования выхода монетарной политики из режима ZLB (стохастический или детерминистический выход) мультипликатор лежит в диапазоне от 1,09 до 4,90. Авторы статьи [Coenen et al., 2012], оценивая новокейнсианскую DSGE-модель на данных по США и европейским странам, получили значения мультипликатора госрасходов при ZLB от 1,4 до 2,6.

Более убедительно выглядят оценки мультипликативных эффектов в условиях ZLB на японских данных, так как это практически единственная страна, где нулевые ставки держатся в течение достаточно долгого времени для корректного оценивания временного ряда: с четвертого квартала 1995 г. по настоящий момент. В статье Миямото и соавторов используются квартальные данные по японской экономике с 1980 по 2014 г., и мультипликатор госрасходов в период ZLB составляет 1,5 [Miyamoto, Lan Nguyen, Sergeyev, 2018]. Аналогичная величина в ситуации отсутствия ZLB равна 0,6. Однако в случае Японии трудно отграничить влияние на мультипликатор нулевых процентных ставок от воздействия на него нисходящей фазы делового цикла и появления отрицательного разрыва выпуска. В целом для однозначных выводов о ответственности фискального стимулирования в условиях исчерпания потенциала денежной политики требуется создание общей теории взаимодействия бюджетного и монетарного направлений макроэкономической стабилизации.

К сожалению, макроэкономисты не имеют возможности проводить контролируемые рандомизированные эксперименты, поэтому текущие эмпирические оценки мультипликаторов, как правило, базируются на анализе временных рядов, нарративном методе выявления фискальных шоков или идентификации через естественные эксперименты. Специфика данных, используемых для получения оценок, зависит от конкретного исторического периода, что сильно ограничивает возможности для обобщения получаемых результатов и перенесения выводов на другие страны, временные диапазоны или экономические условия [Ramey, 2018]. Чтобы понимать, насколько полученное значение фискального мультипликатора подходит для прогнозирования последствий предполагаемых мер политики, требуется выяснить, насколько текущая макроэкономическая ситуация отличается от ситуации, имевшей место в период, к которому относится выборка, сгенерировавшая конкретную эмпирическую оценку. Соответственно, принимать решения на основе данных по мультипликаторам нужно с большой осторожностью, поскольку используемое в качестве ориентира конкретное значение могло быть получено при уникальном и часто неповторимом стечении факторов, каса-

ющихся страны, фазы цикла, режима обменного курса, степени открытости экономики и т. п.

Подводя итоги волны исследований фискальных мультипликаторов в посткризисное десятилетие, подчеркнем, что в среднем при отсутствии разграничения между данными, полученными в периоды спада и подъема, мультипликаторы в развитых странах положительные, но, как правило, немного меньше единицы. Это означает, что бюджетное стимулирование увеличивает выпуск и доходы, но вместе с тем вытесняет определенную долю частной инвестиционной активности. Однако более достоверны оценки мультипликаторов, принимающие во внимание стадию делового цикла и работоспособность инструментов центрального банка. В этом случае можно практически наверняка утверждать, что именно в кризисные периоды активная экспансионистская фискальная политика не является простым дополнением к мерам монетарной направленности, а служит самостоятельным и крайне мощным фактором макроэкономической стабилизации.

4. Существуют ли некейнсианские эффекты фискальной политики?

Преждевременное сворачивание бюджетно-налогового стимулирования в ведущих экономиках на фоне глобальной неустойчивости темпов посткризисного восстановления может рассматриваться как одна из ключевых характерных особенностей проведения фискальной политики в период Великой рецессии. За фазой активной бюджетной экспансии на первой стадии мирового кризиса 2008–2009 гг. последовал период консолидации (в первую очередь это относится к странам еврозоны). Такой переход к рестриктивному режиму макроэкономической политики основывался на том, что снижение бюджетных дефицитов в странах с наиболее высоким долговым бременем через механизм восстановления доверия инвесторов к рынкам и правительствам этих государств приведет к сокращению процентных ставок и стоимости обслуживания суверенных долгов. Нормализация государственных финансов, в свою очередь, окажет позитивное воздействие на экономический рост и поможет вырваться из долговой ловушки. Теоретическую поддержку имплементации консолидационных программ оказала так называемая гипотеза о стимулирующих (некейнсианских) эффектах рестриктивной фискальной политики. Данная теоретическая концепция постулирует возможность положительного влияния сокращения бюджетного дефицита на выпуск и занятость в краткосрочном периоде [Alesina et al., 2018]. Иными словами, в качестве эффективной антикризисной меры рассматривается не наращивание государственных расходов или снижение налогов, а, напротив, фискальное сжатие, что является противоположной позицией по отношению к традиционной кейнсианской трактовке. Фактически речь идет о проведении проциклической политики на фоне сохраняющегося отрицательного разрыва выпуска и высокого уровня безработицы.

Вопрос о том, насколько плодотворным может оказаться снижение бюджетного дефицита для развития экономики в ситуации спада, стал в по-

следнее десятилетие одним из наиболее обсуждаемых в области фискальной политики. В качестве предварительного вывода на текущий момент можно указать, что для появления стимулирующих эффектов рестриктивной политики должно соблюдаться немалое количество условий, как исключительно экономических, так и политических, и институциональных [House, Proebsting, Tesar, 2017]. Результаты бюджетных консолидаций критически зависят от трех факторов: дизайна консолидационного пакета (проводятся ли консолидации путем сокращения расходов или повышения налогов); фазы экономического цикла (начинаются ли консолидации в фазе рецессии или подъема); возможности поддержки экономики со стороны денежной политики (насколько далека ситуация от ZLB, чтобы центральный банк мог нивелировать негативные последствия фискального сжатия).

Конвенциональное мнение сегодня заключается в том, что ключевую роль играет выбор бюджетных позиций для проведения консолидации (в расходной или доходной части). Консолидация, основанная на повышении налогов, гораздо более болезненна с точки зрения потерь в выпуске [Alesina et al., 2018]. Кроме этого, для возникновения некейнсианских эффектов при проведении рестриктивной фискальной политики в фазе спада негативное воздействие на совокупный спрос со стороны бюджета должно компенсироваться смягчением монетарной политики и ослаблением реального валютного курса для поддержки экспорта. Также принципиальны и макроэкономические параметры в стране до и в процессе проведения консолидации (прежде всего — исходный уровень государственного долга и бюджетного дефицита). Пример греческой экономики последних восьми лет опровергает наличие стимулирующих эффектов в условиях высокой долговой нагрузки. Наконец, в упомянутой работе [Alesina et al., 2008] показано, что фискальная консолидация может быть успешнее, если она проводится недавно избранным правительством (на волне поддержки населения). При этом частые смены правительства ассоциируются с большими бюджетными дефицитами.

В целом для обоснованности масштабного применения фискального стимулирования или консолидации требуется проводить сравнительный анализ эмпирических исследований их последствий. Имплиcitно предполагаемые сторонниками гипотезы о некейнсианских эффектах отрицательные значения бюджетных мультипликаторов на практике встречаются крайне редко. Более того, результаты оценки мультипликаторов в периоды кризисов, как уже говорилось, свидетельствуют о значениях не просто положительных, но и значительно превышающих единицу.

Существует множество современных исследований, в которых концепция некейнсианских эффектов подвергается жесткой критике с теоретических позиций [Botta, 2016], а также эмпирически доказывается положительная роль государственных расходов для экономического роста как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Н. Багария и его коллеги продемонстрировали,

что в условиях макроэкономической нестабильности бюджетная консолидация не приводит к увеличению занятости и росту спроса [Bagaria, Holland, van Reenen, 2012]. На примере Великобритании они показали, что планы по масштабному сокращению бюджетного дефицита, приведенные в действие в ситуации неполного посткризисного восстановления (при сохранении дефляционного разрыва), ведут к сохранению высокого уровня безработицы и лишь незначительному улучшению темпов роста выпуска. Другие исследователи проанализировали макроэкономические эффекты государственных инвестиций в 17 странах Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) в 1985–2013 гг. и пришли к следующему выводу: рост бюджетных инвестиционных расходов увеличивает выпуск как в краткосрочном периоде (путем прямого воздействия на совокупный спрос), так и в долгосрочном (через воздействие на сторону предложения), способствует сокращению безработицы и ограниченно повышает уровень государственного долга [Abiad, Furceri, Topalova, 2015]. В условиях спада, по их мнению, эффективность бюджетных инвестиций возрастает. О. Бланшар и его коллеги на основе DSGE-модели открытой экономики показали, что рост госрасходов в странах ядра еврозоны, являвшихся главными сторонниками политики бюджетной экономии, привел бы к сильным положительным эффектам в периферийных странах, попавших в ловушку сочетания стагнации и критически низкого фискального пространства [Blanchard, Erceg, Linde, 2015].

А. Фатас и Л. Саммерс указывают на эффект гистерезиса в проведении бюджетной консолидации [Fatas, Summers, 2018]. Они констатируют, что консолидация на самом деле оказывает воздействие на ВВП на более длительном временном горизонте, чем традиционно предполагается в макроэкономической теории фискальной политики. Результаты работы подтверждают, что переход к сдерживающей политике оказывает не временное, а перманентное негативное воздействие на выпуск и занятость. Иными словами, консолидация в ответ на циклический спад может привести к структурным осложнениям. К смежным выводам приходят и другие авторы, изучающие последствия бюджетной консолидации в периоды устойчиво низких темпов роста и высокой безработицы, оценивая среднесрочные фискальные мультипликаторы в выборке из 17 стран ОЭСР [Dell'Erba, Koloskova, Poplawski-Ribeiro, 2018]. Они приходят к следующим выводам: снижение дефицита бюджета на 1 % ВВП приводит к 2 процентных пункта (п. п.) сокращения выпуска и 1,5 п. п. увеличения уровня безработицы.

Завершая разговор об эффектах рестриктивной фискальной политики, упомянем известное исследование О. Бланшара и Д. Лея [Blanchard, Leigh, 2013]. В нем авторы показали, что в период Великой рецессии (и особенно на раннем ее этапе) ошибки в прогнозах экономического роста, сделанных для разных стран Международным валютным фондом и другими международными организациями, сильно коррелировали с размером бюджетной консо-

лидации, проводившейся в этих странах. С определенными оговорками можно утверждать, что значения мультипликаторов, использовавшиеся для построения прогнозов, были сильно ниже фактических мультипликаторов, предопределивших негативное воздействие фискального сжатия.

Подводя итог, подчеркнем, что основной задачей рестриктивной бюджетной политики все же является сокращение относительной государственной долговой нагрузки. Именно по достижению этой цели необходимо судить о том, насколько успешным было ужесточение фискальных параметров. Возможное же возникновение стимулирующего воздействия на другие макроэкономические переменные (прежде всего частные инвестиции, потребление и занятость) и экономический рост следует, на наш взгляд, рассматривать как специфические положительные экстерналии, привязанные к конкретной ситуации. В реальной макроэкономической практике можно найти лишь единичные случаи проявления подобных экстерналий, поэтому гипотеза о стимулирующей консолидации не выглядит полноценной альтернативой кейнсианской трактовке задач и потенциала фискальной политики.

5. Заключение. За пределами данной работы в силу объективных ограничений оказались многие аспекты теории фискальной политики: роль бюджетных правил и автоматических стабилизаторов, фискальная девальвация, концепция нетрадиционной бюджетной политики и т. п. Однако освещенные в статье результаты эмпирических оценок мультипликаторов и промежуточные итоги дискуссии о некейнсианских эффектах позволяют составить общее представление о том, насколько активно развивалась эта область макроэкономики в период после Великой рецессии.

Общий вывод, который можно сделать, звучит так: бюджетно-налоговая политика жива! После нескольких десятилетий забвения и пребывания на отдаленной периферии макроэкономических исследований кейнсианские идеи вновь стали одной из наиболее горячих тем в экономических дискуссиях. Стали ли мы за время, прошедшее с начала последнего глобального кризиса, лучше понимать возможности наиболее эффективного применения фискального стимулирования? Ответ на этот вопрос видится положительным. Приведем несколько доказательств.

Во-первых, практически полное отсутствие отрицательных оценок бюджетных мультипликаторов и тот факт, что в ходе рецессии мультипликатор значительно превышает единицу, говорят о том, что в условиях спада дискреционная фискальная политика действительно является благом. Соответственно, решение правительств многих стран прибегнуть к массивному фискальному стимулированию в ходе Великой рецессии можно рассматривать как неизбежное и абсолютно верное.

Во-вторых, сегодня уже очевидно, что последствия бюджетных консолидаций крайне редко способны быть стимулирующими в краткосрочном периоде. Более того, это может произойти только при совпадении нескольких

важных дополнительных условий, связанных в первую очередь с выбором приоритетного направления фискального сжатия и возможностями компенсационного монетарного стимулирования. Даже среднесрочные планы проведения консолидации для сокращения государственного долга способны привести к эффекту гистерезиса и уменьшению структурных темпов роста. Поэтому до тех пор, пока индикаторы макроэкономической активности находятся ниже трендового уровня, политика снижения бюджетного дефицита должна быть выстроена крайне тщательно и претворяться в жизнь аккуратно и постепенно.

В-третьих, практика мирового кризиса показала, что существует риск достаточно быстрого исчерпания потенциала стандартной денежной политики, и без обращения к фискальным рычагам или при несвоевременном их использовании выход из рецессии сильно затягивается.

Помимо положительных краткосрочных эффектов, правильный выбор направлений расходования бюджетных средств может оказать и более долгосрочное позитивное воздействие на экономику. Полноценные многолетние программы бюджетных инвестиций в передовые технологии, исследования и разработки, инфраструктурные объекты и отрасли человеческого капитала способны в длительной перспективе привести к росту факторной производительности, и следовательно — к повышению потенциального ВВП. Такая политика может стать самофинансируемой в смысле расширения возможностей будущего экономического роста. И тогда осуществленное в текущем периоде увеличение расходов приведет не к повышению, а к снижению долговой нагрузки государства за счет запуска новых источников долгосрочного роста и снижения отношения долга к ВВП в будущем. Также нельзя недооценивать важность использования фискальных инструментов для снижения уровня социально-экономического неравенства. Правильные бюджетные инвестиции могут способствовать появлению новых высокооплачиваемых рабочих мест, что подстегнет общий рост заработных плат в экономике, снизит неравенство доходов и обеспечит правительству соответствующую политическую поддержку для параллельного осуществления структурных преобразований.

Список литературы

- Автономов В. С. Экономическая теория до и после Великой рецессии // Экономическая теория: триумф или кризис? / под ред. А. П. Заостровцева. СПб., 2018. С. 7–15.
- Мау В. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху глобальной турбулентности. М., 2016.
- Остапенко В. М. Бюджетные мультипликаторы: теория и эмпирические оценки // Экономика и предпринимательство. 2014. № 5, ч. 2. С. 127–134.
- Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016.

- Abiad A., Furceri D., Topalova P. The Macroeconomic Effects of Public Investment: Evidence from Advanced Economies // IMF Working Paper No. WP/15/95. May 2015.
- Alesina A., Tabellini G., Campante F.R. Why Is Fiscal Policy Often Procyclical? // Journal of the European Economic Association. 2008. Vol. 6, no. 5. P. 1006–1036.
- Alesina A., Azzalini G., Favero C., Giavazzi F., Miano A. Is it the “How” or the “When” that Matters in Fiscal Adjustments? // IMF Economic Review. 2018. Vol. 66, no. 1 (March). P. 144–188.
- Auerbach A. J., Gorodnichenko Y. Measuring the Output Responses to Fiscal Policy // American Economic Journal: Economic Policy. 2012. Vol. 4, no. 2. P. 1–27.
- Bagaria N., Holland D., van Reenen J. Fiscal Consolidation during a Depression // National Institute Economic Review. July 2012. No. 221. P. F42–F54.
- Barrell R., Holland D., Hurst I. Fiscal Consolidation: Part 2. Fiscal Multipliers and Fiscal Consolidations // OECD Economics Department Working Paper No. 933. February 2012.
- Blanchard O., Leigh D. Growth Forecast Errors and Fiscal Multipliers // IMF Working Paper No. WP/13/1. January 2013.
- Blanchard O., Erceg C. J., Linde J. Jump Starting the Euro Area Recovery: Would a Rise in Core Fiscal Spending Help the Periphery? // NBER Working Paper No. 21426. July 2015.
- Blanchard O., Summers L. Rethinking Stabilization Policy. Back to the Future / Paper prepared for the “Rethinking macroeconomic policy” conference at the Peterson Institute for International Economics, October 2017. URL: <https://piie.com/system/files/documents/blanchard-summers20171012paper.pdf> (дата обращения: 02.09.2018).
- Botta A. The Short- and Long-run Inconsistency of the Expansionary Austerity Theory: A Post-Keynesian/Evolutionist Critique // Levy Economics Institute of Bard College Working Paper No. 878. December 2016.
- Burnside C., Eichenbaum M., Fisher J. Fiscal Shocks and Their Consequences // Journal of Economic Theory. 2004. Vol. 115, no. 1. P. 89–117.
- Carlstrom C. T., Fuerst T. S., Paustian M. Policy Multipliers under an Interest Rate Peg of Deterministic versus Stochastic Duration // Bank of England Working Paper No. 475. June 2013.
- Clarida R., Gali J., Gertler M. The Science of Monetary Policy: A New Keynesian Perspective // Journal of Economic Literature. 1999. Vol. 37, no. 4. P. 1661–1707.
- Coenen G., Erceg C. J., Freedman C., Furceri D., Kumhof M., Lalonde R., Laxton D., Lindé J., Mourougane A., Muir D., Mursula S., de Resende C., Roberts J., Roeger W., Snudden S., Trabandt M., in 't Veld J. Effects of Fiscal Stimulus in Structural Models // American Economic Journal: Macroeconomics. 2012. Vol. 4, no. 1. P. 22–68.
- Cottarelli C., Gerson P., Senhadji A. (eds.) Post-Crisis Fiscal Policy. Cambridge, Mass; London, UK, 2014.
- Dell’Erba S., Koloskova K., Poplawski-Ribeiro M. Medium-Term Fiscal Multipliers during Protracted Economic Contractions // Journal of Macroeconomics. 2018. Vol. 56. P. 35–52.
- Eggertson G. B., Krugman P. Debt, Deleveraging and the Liquidity Trap: A Fisher-Minsky-Koo Approach // Quarterly Journal of Economics. 2012. Vol. 27, no. 3. P. 1469–1513.
- Fatas A., Summers L. The Permanent Effects of Fiscal Consolidations // Journal of International Economics. 2018. Vol. 112, iss. C. P. 238–250.

- Furman J.* The New View of Fiscal Policy and Its Application / Paper prepared for the conference on “Global Implications of Europe’s Redesign”. New York, October 2016. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/page/files/20161005_furman_suerf_fiscal_policy_cea.pdf (дата обращения: 30.08.2018).
- Gechert S.* What Fiscal Policy is Most Effective? A Meta-Regression Analysis // *Oxford Economic Papers*. 2015. Vol. 67, no. 3. P. 553–580.
- Goodfriend M., King R. C.* The New Neoclassical Synthesis and the Role of Monetary Policy // *Bernanke B. S., Rotemberg J. J. (eds.) NBER Macroeconomics Annual 1997*. Vol. 12. P. 231–296.
- House C. L., Proebsting C., Tesar L. L.* Austerity in the Aftermath of the Great Recession // *NBER Working Paper No. 23147*. February 2017.
- Ilzetzi E., Mendoza E. G., Vegh C. A.* How Big (Small?) are Fiscal Multipliers? // *Journal of Monetary Economics*. 2013. Vol. 60, no. 2. P. 239–254.
- Landmann O.* Short-Run Macro after the Crisis: The End of the “New” Neoclassical Synthesis? // *University of Freiburg Department of International Economic Policy Discussion Paper Series No. 27*. January 2014.
- Lucas R. E. (Jr.), Sargent T. J.* After Keynesian Macroeconomics // *After the Phillips Curve: Persistence of High Inflation and High Unemployment / Proceedings of The FRB of Boston Conference Series No. 19*. Boston, 1978. P. 49–72.
- Mankiw N. G., Weinzierl M.* An Exploration of Optimal Stabilization Policy // *Brookings Papers on Economic Activity*. Spring 2011. P. 209–272.
- Mertens K., Ravn M. O.* Empirical Evidence on the Aggregate Effects of Anticipated and Unanticipated US Tax Policy Shocks // *American Economic Journal: Economic Policy*. 2012. Vol. 4, no. 2. P. 145–181.
- Miyamoto W., Lan Nguyen T., Sergeyev D.* Government Spending Multipliers under the Zero Lower Bound: Evidence from Japan // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2018. Vol. 10, no. 3 (July). P. 247–277.
- Ramey V. A.* Ten Years after the Financial Crisis: What Have We Learned from the Renaissance in Fiscal Research? / Paper prepared for the NBER conference “Global Financial Crisis at 10”. July 2018. URL: http://papers.nber.org/conf_papers/f114472/f114472.pdf (дата обращения: 18.07.2018).
- Taylor J. B.* Reassessing Discretionary Fiscal Policy // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. Vol. 14, no. 3. P. 21–36.

А. А. Акинин, А. А. Шевелев

Социальный капитал и культура доверия: концептуальные рамки исследования¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Акинин А. А., Шевелев А. А. Социальный капитал и культура доверия: концептуальные рамки исследования // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 285–299.

В статье обоснованы необходимость и плодотворность использования концептуальных подходов социального конструктивизма при исследовании социального капитала и культуры доверия. Дана характеристика теории структуризации Э. Гидденса, структурно-генетического социоанализа П. Бурдьё и концепции спонтанной социализации Ф. Фукуямы. Уточнено определение социального капитала как сложной социокультурной системы и ценностно-нормативного комплекса, проанализированы ключевые условия и факторы его формирования, показана специфика становления культуры социального доверия в современной России.

Ключевые слова: социальный конструктивизм, теория структуризации, габитус, спонтанная социализация, социальный капитал, культура доверия, неформальные социальные сети.

Общественное доверие, нормы взаимности, структуры гражданской вовлеченности и плодотворное сотрудничество взаимно питают друг друга.

Роберт Патнэм

Введение. Анализ социального капитала и культуры доверия в контексте российских и мировых реалий необходимо предварить краткой характеристикой некоторых особенностей современного социально-гуманитарного дискурса, методологических сдвигов, происходящих в междисциплинарном и трансдисциплинарном взаимодействии социальных наук и все сильнее определяющих актуальную проблематику социогуманитарного знания. Речь идет в первую очередь о *конструктивизме* в социальной теории, который по-новому осмысливает роль общественного сознания, культуры, символических систем и коммуникации в построении социальной реальности и институциональных структур, задает концептуальные рамки и ракурсы исследования феномена социального доверия.

¹ Переработанный и дополненный вариант статьи: Акинин А. А., Шевелев А. А. Социальный капитал и культура доверия: концептуальные рамки исследования // Философия хозяйства. 2017. № 6. С. 22–42.

Знания человека о мире не есть результат простого отражения объективной реальности, они выступают *осмысленным видением* последней, а следовательно, комплексом символически опосредованных представлений, возникающих и укорененных в многообразных социальных и культурных практиках, формируемых дискурсивными (коммуникативными) взаимодействиями акторов. Поэтому речь должна идти не только о репрезентации объективного мира в сознании человека, но и об активном его *конструировании* деятельным субъектом, который выстраивает внутренне сложные и всегда культурно опосредованные образы реальности. Эти образы (картины) представляют собой результат социальных взаимодействий и практик во взаимопересекающихся сферах экономики, политики и культуры. При их формировании возможны две крайности: *постмодернистский релятивизм* («блуждание по смыслам»), порождаемый гиперактивностью креативного субъекта в игровом поле культуры, и *объективизм (наивный реализм)*, принижающий значение ценностно опосредованной субъектности и интенциональности, рассматривающий общественные отношения в отрыве от деятельности и качеств субъекта. В социальной реальности сложным образом взаимодействуют и переплетаются объективные структуры мира и культурно обусловленные способы его освоения. Более того, субъект активно структурирует, производит и воспроизводит социальную реальность. В этом процессе в полной мере задействованы его человеческие качества: когнитивные способности, мотивы действий, целеполагание, культурные (смыслообразующие) ценности. Именно в этом смысле человеческие сообщества (макросубъекты) выстраивают, *конструируют* социальную реальность, включающую сложно организованную систему социальных отношений и институтов (включая институты доверия).

По-видимому, в постнеклассической картине мира как *реализм*, так и *конструктивизм* должны быть соразмерны и сбалансированы. Они должны учитывать в комплексе как материальную и биологическую детерминацию познающего субъекта, так и объективные мыслительные формы его социальных отношений и практик, определяемые выдающимися учеными с помощью близких по смыслу понятий «коллективные представления» [Мосс, 2014, с. 384–385], «практическое сознание» [Гидденс, 2003] и «практический смысл» [Бурдье, 2001]².

1. Конструктивизм в современном социально-гуманитарном дискурсе.

В контексте конструктивистского подхода трудно переоценить значение те-

² Современная научная картина мира предполагает разработку и использование трансдисциплинарной (конвергентной и интегральной) методологии как комплексного теоретического и одновременно практически реализуемого подхода к познанию, конструированию и изменению сложных социоприродных, социокультурных и социально-экономических систем, обеспечивающего синтез науки и практического искусства, теоретического и практического разума [Шевелев, 2018].

ории структуризации Э.Гидденса, в центре внимания которой — структурирование социальных отношений в пространстве и во времени, выступающее результатом взаимодействия сложившейся социальной структуры с деятельностью конкретных индивидов [Гидденс, 2003, с.38]. В методологическом введении к одной из лучших книг, когда-либо написанных социологами-теоретиками, автор высказывает ряд интересных (для представителей всех социальных наук) соображений. Критически оценивая наследие Т.Парсонса, он утверждает неправомерность построения социальной теории в соответствии с теми же логическими принципами, которые характерны для естественно-научных дисциплин. Английский социолог отмечает, что большинство научных направлений, разрабатываемых европейскими социологами и вносящих новаторские вклады в развитие социальной теории, «придает особое значение живому, деятельному, активному и рефлексивному характеру человеческого поведения... Главную роль в деле разъяснения социальной жизни эти направления отводят языку и познавательным способностям. Словоупотребление встроено в определенные виды деятельности, характерные для нашей повседневной жизни, и в некотором смысле отчасти образуется благодаря им» [Гидденс, 2003, с.9]. Главной темой своего исследования ученый называет «значимость практического сознания», которое он отделяет от разума (дискурсивного сознания или рассуждений, совершаемых путем логических умозаключений) и бессознательного. При этом понятия социологической теории ставятся в неразрывную взаимосвязь с представлениями, относящимися к познавательным способностям субъектов (актеров). Институционализация социальных действий коллективно организованных субъектов характеризуется объективностью особого рода, включающей формирование общезначимых (легитимных) значений и укорененных в сознании паттернов. Следовательно, когнитивные механизмы (познавательные способности), социальные практики активно действующих субъектов и институциональные структуры в их реальном (инкорпорированном) бытии неразрывно и *внутренним образом* связаны друг с другом. «С виду второстепенные и несущественные правила поведения, условности и традиции повседневной социальной жизни оказываются фундаментальным каркасом социальной жизни, играют первостепенную роль в деле “укрощения” или обуздания источников подсознательной напряженности, которые в противном случае полностью поработили бы нас» [Гидденс, 2003, с.19]. Прочность такому каркасу придают общественное доверие и социальный капитал в целом, который уместно сравнить со своего рода композитным материалом или тканью социальной жизни.

Если следовать логике П.Бурдьё, изложенной им в лекции «Стратегии воспроизводства и способы господства» [Бурдьё, 2015, с.97–120], то социальное пространство формируется и воспроизводится посредством, с одной стороны, объективных структур упорядоченных отношений, детерминированных структурами распределения капиталов различных видов, а также ме-

ханизмами, обеспечивающими их воспроизводство, а с другой — диспозиций (предрасположенностей) агентов по отношению к процессу воспроизводства. Это два «динамических принципа» воспроизводства социального пространства: структуры распределения капитала и диспозиции агентов. Социальное пространство всегда актуально, его конфигурация образована структурой социальных позиций, социальными отношениями агентов, которые в аспекте их практик проявляют себя как взаимодействия сил. *Сам капитал рассматривается как силовая структура господства одних агентов над другими.*

Различные области, или подпространства, социального пространства образуют силовые поля (экономики, политики, культуры), все явления в которых подчиняются специфичным для конкретного поля регулярностям и структурам, а взаимодействия агентов (индивидуальных или групповых) определяются их позициями, отличающимися друг от друга властью и влиянием [Шматко, 2005, с. 569]. В оборот вводится понятие габитуса, т. е. системы устойчивых диспозиций, или *социально сконструированных когнитивных способностей и мотивирующих структур*. Габитусы являются продуктом истории и производят практики как индивидуальные, так и коллективные, на них основаны стратегии воспроизводства. Габитус, представая «в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени» [Бурдьё, 2001, с. 105]. П. Бурдьё отвергал узкий экономизм, рассматривая социальный мир как обладающий полиморфной структурой, которая образована структурой распределения капиталов различных типов и подтипов (экономического, социального, культурного, символического).

Приняв во внимание основные положения и понятийный аппарат структурной теории полей, можно с большой долей уверенности заключить, что специфика структурирования социального пространства в современной России в решающей степени определяется доминантностью властных отношений, абсолютным преобладанием политического поля над всеми другими (включая поле экономики). Поля рынков в результате всех постсоветских реформаций и трансформаций так и не превратились в автономные сферы конкурентных взаимодействий экономических агентов, преследующих свои частные интересы, находятся под определяющим воздействием поля иерархически выстроенной бюрократии. Политический и административный капиталы как ресурсы властвования, принуждения и регулирования вполне успешно конвертируются в капитал экономический. Распределение ресурсов в решающей степени обусловлено не соображениями экономической эффективности, а произвольными приоритетами бюрократии и верховной власти, устанавливаемыми в ходе неформальных согласований и, как правило, в закрытом порядке. Законодательный процесс, толкование законов (правоприменение), эксклюзивные льготы и привилегии, выгодные госконтракты, эпизодическое силовое

давление на представителей частного бизнеса имеют теневую, скрытую от внимания общественности сторону, всегда связанную с борьбой кланов за перераспределение ресурсов и присвоение рентных доходов. Это «порядок ограниченного доступа» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011], в котором политическая система манипулирует экономикой с целью создания рент, ограничивая доступ к ценным экономическим и политическим ресурсам, даруя эксклюзивные права-привилегии участникам доминирующей коалиции в обмен на их лояльность. Гражданская активность, наращивание социального капитала и формирование высокого уровня общественного доверия в такой системе затруднены, существует постоянный риск социальной дестабилизации.

Человек с рождения попадает в сети коммуникативных и социальных отношений. Однако по мере взросления, социализации и, наконец, второго «рождения» в пространстве культуры у него появляется шанс превратиться в субъекта социальной деятельности, которая преобразует мир, зачастую трансформируя его базовые основания. При этом речь не идет об индивидуалистическом и своевольном «я», поскольку признается главенствующая роль социально ответственного сообщества «мы», в котором отдельные личности только и могут получить свое признание и самореализацию. В таком сообществе формируются устойчивые отношения и нормы доверия, поначалу обусловленные принадлежностью к одной и той же этнической группе и/или религиозной культуре, а затем — и гражданской нации, в рамках которой они институционализируются посредством тех или иных систем права, включающих легальные механизмы обеспечения достоверности обязательств. Однако *ключевое значение всегда имеет спонтанная социализация или самоорганизация социальных акторов, формирующие культуру доверия*. Этот аспект отмечает Ф.Фукуяма (красноречиво воспевающий достоинства рыночной экономики и либеральной демократии): «Здоровая капиталистическая экономика — это экономика, в рамках которой общество располагает количеством социального капитала, достаточным для того, чтобы позволить самоорганизацию бизнеса, корпораций, сетевых структур и т.п.» [Фукуяма, 2004, с. 579]. Он пишет о «склонности к социализированности» (или «склонности к самоорганизации»), справедливо полагая, что указанная поведенческая характеристика социальных групп непосредственно обуславливает отношения сотрудничества и доверия, организацию устойчивых политических и бизнес-структур, наращивание социального капитала. Напротив, дефицит последнего неизбежно приводит к избыточному вмешательству государства в лице малокомпетентной бюрократии в те сферы социальной жизни, которые могли бы быть организованы более успешно автономными структурами экономики и гражданского общества.

2. Социальный капитал в российском измерении. Социальный капитал — это ресурс доверия, создаваемый комплексом устойчивых социальных связей, норм и ценностей. Он производится и накапливается в социальных

взаимодействиях, формирующих отношения взаимности, солидарности и сотрудничества, воплощается в специфическом ценностно-нормативном комплексе — институте доверия³. Социальный капитал является атрибутом социальной структуры, качественной характеристикой социальных отношений, а как сеть социальных связей — общим достоянием (коллективным капиталом) и способом организации коллективных действий. Он тесно связан с культурным капиталом, культурой доверия⁴. Таким образом, *социальный капитал как социокультурную систему образуют отношения (связи, сети), поведенческие нормы и специфическая форма сознания*. Перефразируя высказывание Э. Гидденса, можно сказать, что доверие (и социальный капитал в целом) является фундаментальным каркасом социальной жизни, играет первостепенную роль в деле обуздания источников подсознательной напряженности, которые в противном случае полностью поработили бы социальных акторов. Оно укоренено в общих схемах восприятия, оценивания и действия (или габитусах, по П. Бурдьё), возникает на основе склонности к спонтанной социализации или самоорганизации (Ф. Фукуяма). Выступая результатом спонтанной самоорганизации взаимодействующих акторов, доверие в то же время активно конструируется (проектируется, выстраивается, институционализируется) и предстает как социальная реальность особого рода.

Различают межличностное и институциональное доверие, характеризующее отношение к ключевым социальным институтам. Эмпирическое исследование ценностей и социального капитала россиян, проведенное в 2005 г. с помощью методики *World Values Survey*, свидетельствовало о том, что уровень межличностного доверия неизменно (с начала 1990-х гг.) находился на примерно одинаковом и весьма низком уровне. Так, лишь 22 % россиян считало, что большинству людей можно доверять. Уровень институционального доверия выше среднего характеризовал отношение к таким институтам, как общественные и международные организации, президент, церковь, образовательные учреждения. Россияне мало доверяли политическим партиям, прессе, милиции, местному правительству, региональному правительству, телевидению, армии, федеральному правительству, парламенту [Лебедева, Татарко, 2010, с. 26–27]. Социологические опросы последних лет фиксируют существенное улучшение отношения жителей страны к армии, однако почти

³ По утверждению Р. Патнэма, доверие — важнейший компонент социального капитала, «смазка» сотрудничества: «Чем выше уровень доверия внутри общины, тем больше вероятность сотрудничества. Последнее же, в свою очередь, питает доверие» [Патнэм, 1996, с. 212].

⁴ «Сети, нормы и доверие составляют “триаду социального капитала”... Все элементы триады связаны друг с другом: сети укрепляют доверие между участниками и способствуют распространению и укреплению просоциальных норм, а общность ценностей и взаимное доверие расширяют социальные сети и контакты» [Полищук, Меняшев, 2011, с. 48].

половина граждан не доверяет полиции. Каждый третий россиянин не видит необходимости в общественных организациях, а каждый пятый убежден, что их нужно лишить госфинансирования.

Интересно отметить, что на культурной карте мира, составленной на основе данных массовых опросов многолетнего социологического проекта *World Values Survey* и фиксирующей диапазон различий между традиционными и секулярно-рациональными ценностями (*Traditional / Secular-Rational Values*), Россия занимает достаточно высокую позицию и превосходит по степени рациональности значительную часть стран католической Европы, Латинскую Америку и исламский мир, в то время как на горизонтальной оси в диапазоне между ценностями выживания и самовыражения (*Survival-Self Expression Values*) она прочно обосновалась в области отрицательных значений ценностей выживания [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 99]. Все общероссийские социологические опросы до недавнего времени фиксировали устойчиво высокий рейтинг действующего президента и неизменно низкий уровень гражданской и политической активности. Большинство граждан составляют государственники (этатисты) — державники, выступающие за усиление державной мощи РФ. В то же время очевиден всеобщий запрос и главное требование к государству большинства граждан России — обеспечение социальной справедливости и равенства всех перед законом [Добрынина, 2014]. Характерно, что последний момент стал с недавних пор учитываться верховной властью, выражаясь в выборочных антикоррупционных репрессиях против высших должностных лиц некоторых субъектов РФ, а также руководителей государственных ведомств. Несомненно, такая практика (антиэлитной направленности) в российских условиях способствует росту доверия граждан к первому лицу государства.

Специфика модернизационных процессов в условиях долгосрочного ухудшения отношений, а по сути конфронтации («холодной войны 2.0»), с Западом будет во многом определяться мобилизационным сценарием развития (вариантом авторитарной модернизации), который неизбежно сделает более выраженными «самодержавные» черты правления, а также усилит роль силовых структур и военно-промышленного комплекса в системе власти. Это тем более вероятно, что в последние годы происходит превращение репрессий «в системный механизм кадрового обновления и поддержания относительной управленческой эффективности» [Петров, 2017а]. Однако подобного рода эволюция отнюдь не повышает эффективность системы государственной власти и не укрепляет ее целостность, так как межклановая борьба внутри элиты (как межведомственная, так и внутриведомственная), ведущаяся с использованием репрессий в качестве ее инструмента, приводит к деградации социального капитала и снижению уровня внутриэлитного доверия, сегментации и атомизации элиты, подрывает перспективу ее позитивной консолидации вокруг целей развития [Петров, 2017б].

Констатация того, что экономический строй России (как и социальный порядок в целом) обременен социальными аномалиями и патологиями, характерными как для сформировавшейся институциональной среды, так и для социально-экономических отношений, — необходимая предпосылка для проведения полноценных исследований российских реалий, осмысления системных ограничений, препятствующих формированию и накоплению социального капитала [Акинин, Шевелев, 2014]. Низкий уровень доверия между экономическими агентами (несформированность социального капитала), высокий уровень неопределенности бизнес-перспектив и связанных с ними рисков, отсутствие четко обозначенных на государственном уровне ориентиров развития делают практически невозможными сколько-нибудь стабильные и длительные контрактные отношения, что, в свою очередь, подрывает возможность долгосрочного планирования и инвестирования. Утрачено стратегическое видение, в который раз плохо продуманная политика (с характерными для нее непубличными механизмами принятия ключевых решений) довлеет над экономикой. Из взаимодействия обозначенных факторов возникает крайне неблагоприятный для экономического роста кумулятивный эффект блокировки назревших институциональных изменений, замораживающий социальную структуру и продлевающий существование неэффективных хозяйственных практик, в рамках которых фактически произошла институционализация оппортунистического поведения узкого слоя бенефициаров. Происходит опережающий рост доходов эксклюзивных («сословных») социальных групп, например топ-менеджеров крупнейших госкомпаний и представителей силовых структур, ограничивается и регулируется доступ к ценным экономическим ресурсам, распределяются среди представителей узкого круга избранных выгодные госконтракты. Одновременно процветает семейный бизнес чиновников и политиков, исправно действуют коррупционные механизмы. Ключевые социальные институты находятся под прессингом малокомпетентной бюрократии, которой верховная власть предоставила карт-бланш на секвестр социальных расходов. Относительное и абсолютное сокращение бюджетных расходов на социальную сферу, не рассматриваемых в качестве долгосрочных инвестиций в человеческий капитал, демонстрирует реальные приоритеты власти, ее подлинный (а не декларируемый) социальный выбор.

Так, российские граждане, не принадлежащие к привилегированным стратам, столкнулись в последние годы с ощутимым снижением качества и доступности услуг здравоохранения, что обусловлено хроническим недофинансированием и непрерывными «оптимизациями» этой сферы, оттоком квалифицированных кадров в ее платный сегмент. По сути, действующее Правительство РФ последовательно реализует рекомендации МВФ, следуя идеологической установке на сокращение сферы влияния государства в экономике, инициировав при этом повышение пенсионного возраста и налога на добавленную стоимость (иначе говоря, на потребление), принципиально от-

казываясь вводить прогрессивный налог на доходы сверхбогатых физических лиц и упустив возможность аккумулировать рентные доходы от продажи природных ресурсов в специальном фонде (по примеру Норвегии). Власть фактически компенсирует провалы в экономической политике за счет наименее обеспеченной категории граждан. В результате богатые становятся богаче, а бедные — беднее.

В основе новой экономической политики и конструктивного преобразования институционального порядка должны быть выбор оптимальной стратегии преодоления чрезмерного социально-экономического неравенства, создание условий для реализации принципов социальной справедливости и равенства возможностей. В то же время крайне опрометчиво педалировать тему борьбы с чрезмерным социально-экономическим неравенством в России, поскольку первоочередное значение имеет преодоление порождающих его причин. Ничем нельзя заменить осмысленную стратегию развития, четко сформулированные целевые приоритеты, новую индустриализацию, качественное и доступное образование, устранение провалов в областях здравоохранения и защиты прав детей, создание полноценной инновационной среды, приобщающей молодежь к творческой деятельности и формирующей предпринимательские таланты, — эти очевидные, но пока еще не решаемые задачи экономической политики, способствующие практической реализации принципа равенства возможностей для всех граждан. Не меньшее значение имеют формирование институциональных механизмов, минимизирующих и блокирующих проявления монополизма, недобросовестной конкуренции, семейно-кланового капитализма, создание полноценной конкурентной среды, по сути дела отсутствующей в современной России. Технологическая революция (роботизация, Интернет вещей, системы искусственного интеллекта) неизбежно приведет к трансформации структуры совокупной рабочей силы, сместит спрос на рынке труда в пользу высококвалифицированных работников, одновременно лишив занятости значительные контингенты персонала. Без активной политики занятости, радикальной реформации социальной сферы все это чревато усилением неравенства и труднопредсказуемыми негативными социальными последствиями.

Не самоочевидны как характер взаимосвязи экономического роста и неравенства, так и субъективное восприятие «справедливости» последнего. Люди придают большее значение не масштабам неравенства, а механизмам (источникам) его возникновения. В связи с этим важнее всего ранжировать по степени значимости факторы, определяющие динамику экономического неравенства в России, попытаться понять, какими из них можно управлять, сформировать такую институциональную среду, которая будет обеспечивать опережающий рост доходов от труда и предпринимательства, а не от капитала (финансово-спекулятивного и административного). Актуальной задачей является преодоление чрезмерного неравенства в оплате труда бюрократии бюджетной

сферы и лиц наемного труда, возникшего в последние годы, но никак не отразившегося на улучшении качества и результативности бюрократизированного менеджмента, переориентировавшегося исключительно на формальные показатели и международные рейтинги. Более конструктивная и социально ориентированная политика могла бы способствовать росту институционального доверия и наращиванию социального капитала в России.

3. Культура социального доверия. Абстракции «экономики» и «рынка» не принимают во внимание переплетение и взаимное проникновение экономического и неэкономического аспектов общественного воспроизводства, сложную целостность человеческих взаимодействий. Онтология экономической реальности должна учитывать первичность социальных взаимодействий по отношению к экономическим транзакциям, которые не существуют в чистом виде, всегда сочетаясь с культурой, социальными связями (сетями), внеэкономическими факторами. Так, социокультурные связи, *внутренне* присущие системе хозяйствования (ее организации), наполняют ее смыслами. Модель познания экономической реальности включает в себя репрезентацию как объективного, так и субъективного (точнее, субъектного) миров, в том числе экономического сознания и смыслообразующих ценностей. Экономика, интегрированная с социокультурными связями и ценностями, культурой социального доверия, превращается в осмысленное, базирующееся на отношениях сотрудничества хозяйствование [Шевелев, 2018].

Одно из множества приводимых в литературе определений доверия гласит: «Оказание доверия означает принятие залога на неопределенные и невозможные для контроля будущие рискованные действия других людей» [Штомпка, 2012, с. 94]. Доверие по-русски, обусловленное низким уровнем институциональной поддержки и доминированием личных связей, имеет свою специфику: «Доверие определяется россиянами как *уверенность в том, что кто-либо не нанесет вреда, поддержит эмоционально и сохранит частную информацию в секрете* (курсив Коновалова. — Авт.)» [Коновалов, 2017, с. 137]. Различают доверительные отношения двух типов: личные обязательства (*face-work commitments*) и безличные обязательства (*faceless commitments*). Последние связаны с верой в символические или экспертные системы, в совокупности называемые Э. Гидденсом «абстрактными системами» [Гидденс, 2011, с. 208]. Доверие всегда связано с риском неисполнения обязательств, который тем выше, чем более сложными и зачастую непредсказуемыми по результатам своего функционирования являются институционализированные системы, вызывающие доверие людей. Поэтому особое значение имеют механизмы обеспечения достоверности обязательств. Символические системы разного рода — от религии, правовой системы и национального государства до повседневных практик и неформальных социальных сетей — генерируют доверие в обществе и способствуют обеспечению достоверности обязательств. Центром этих систем выступает сам человек, главное богатство которого — его личностные

качества, а также многообразные социальные связи и отношения. В основе устойчивого социального доверия не могут быть исторически изжившие себя формы самоидентификации, однако *сформировавшиеся культурная и общегражданская идентичности (в их единстве) образуют прочный базис доверия.*

Будущее человека определяют в конечном счете не цифровые технологии, а он сам, его способность к культурному самоопределению, самоорганизации и сотрудничеству с себе подобными. *Ключевое значение будет иметь не искусственный интеллект, а коллективный разум взаимодействующих человеческих сообществ, поставивший под контроль технологические и социальные изменения и научившийся управлять ими* [Минделл, 2016, с. 16]. Важным элементом такого всеобъемлющего процесса должна стать культура доверия, которая выйдет за рамки отдельных локальных и национальных общностей и в отдаленной исторической перспективе обретет глобальное (транскультурное) измерение. Цифровая революция предоставляет для этого необходимые инструменты, которыми необходимо умело и ответственно пользоваться. Все более изощренные способы манипулирования общественным сознанием, задействованные малочисленными группами, имеющими особые интересы, обладающими ресурсами и властью, обусловят возникновение контркультур, предлагающих ценностные альтернативы господствующему и все более несправедливому социальному порядку, вызовут к жизни гибкие и эффективные способы самоорганизации посредством сетевых структур, гетерархий сотрудничества и солидарности. Смысл грядущих перемен заключается в том, что ничто в социальной жизни не предрешено и не детерминировано жестким образом новым технологическим базисом, который может стать всеобщей производительной силой, не ухудшающей, а существенно улучшающей условия жизни людей. В обозначенном контексте цифровая революция трансформируется в гуманитарно-технологическую, а *культура доверия превратится в стратегию и повседневную практику социального поведения*, которые потеснят и ограничат с помощью коммуникативной рациональности технологии манипуляций, экспансию бюрократии и господство обезличенных рыночных сил.

Вернувшись в настоящее время и обратившись к реалиям современной России, отметим, что все сказанное может представляться как нереализуемая утопия, поскольку происходит зримая деградация (инволюция) базовых цивилизационных структур. Тотальная виртуализация коммуникативного пространства, новые источники формирования сознания и все более эффективные способы манипулирования им, дополненные деструктивными реформациями в сфере образования, в конечном счете отчуждают новую генерацию россиян от полноценной гуманитарной культуры. «Накладываясь одна на другую, смысловые инновации не успевают закрепиться — ни в традиции, ни в ментальности. Отсюда кризис инноваций, дезонтологизация предмета, “расчеловечивание” человека, всепоглощающий релятивизм, вялость, фатализм и безразличие», — подмечает А. Пелипенко [Пелипенко, 2009, с. 323]. Трудно

не замечать, что охарактеризованный культурно-исторический сдвиг роковым образом затронул и Россию.

Становление культуры доверия в полиэтничной, разнوکультурной и многоконфессиональной стране, каковой является Россия, сопряжено с немалыми трудностями и противоречиями. Однако важно констатировать, что наличествуют исторически сложившиеся основания и культурные предпосылки, позволяющие разрешать противоречия оптимальными способами, предотвращая острые социальные конфликты. Формированию гражданской нации в России несомненно способствуют ее культурное своеобразие и все еще сохранившаяся — несмотря на отмеченные деструктивные процессы — *цивилизационная самодостаточность*. «Возможные конкурентные преимущества наших ценностей и культурных отличий в эпоху постматериализма: стремление к творческому самовыражению в труде, изобретательность, широта взглядов, принятие культурного многообразия, стремление к справедливости для всех, способность к высоким формам духовного опыта, непривязанность к материальному, возможность выработки модели управления, основанной на принципе справедливости, — опора на них позволит высвободить творческие начала национальной культуры» [Лебедева, Татарко, 2010, с. 33]. Разумеется, отмеченные авторами «конкурентные преимущества» могут быть реализованы лишь при ином качестве государственного управления и по-новому организованных способах коммуникации власти и общества. Как утверждал П. Бурдьё, в развитых обществах «государство вносит определяющий вклад в производство и воспроизводство инструментов построения социальной действительности. В качестве организующей структуры и регулирующей практики инстанции оно постоянно осуществляет деятельность по формированию устойчивых диспозиций с помощью разного рода принуждений, а также мыслительной и телесной дисциплины, навязываемой им в равной мере всем агентам» [Бурдьё, 2015, с. 243]. Понятно, что «мыслительная и телесная дисциплина» в рамках правового поля должна быть присуща также (и в первую очередь) представителям правящего класса. В то же время без фундаментальной трансформации государства и социального порядка в целом, которые сложились в России, формирования новых «инструментов построения социальной действительности» невозможны ни высокий уровень доверия, ни устойчивое развитие и поддержание долгосрочной социальной стабильности.

Государство и применяемые им инструменты построения социальной действительности должны учитывать всю сложность и противоречивость формирования индивидуальных и коллективных идентичностей в российском обществе, которое открылось миру в последние десятилетия и оказалось подвержено по-настоящему глобальным процессам в сфере культуры, протекающим под знаком все более тесных меж- и транскультурных взаимодействий на всех уровнях социума. «В условиях сверхразнообразия многие люди, — возможно, даже значительное большинство — более не ощущают себя носителями ка-

кой-то единой и цельной идентичности. Их приверженность определенной культуре может оказаться уже не столь однозначной и безапелляционной, а их поведение — не обязательно вытекающим из их ответов в опросных листах переписи населения» [Гидденс, 2015, с. 157]. Трудно переоценить степень недоверия к институтам государства, которое способно породить (и порождает в действительности) неосторожное вмешательство в сферу культуры (включая образование), в сложные процессы культурной коммуникации и самоопределения людей. Недоверие к коррумпированной бюрократии, отчужденность от власти значительной части граждан (и, что особенно важно, самой власти от последних) вызывают стойкое неприятие способов формирования и навязывания обществу символических матриц, в какой бы форме они ни выступали. Общее символическое поле никогда не сможет сформироваться при политике двойных стандартов, господстве социального лицемерия и лжи. В условиях глобализации инициатива и доминирование в формировании когнитивных структур перешла от государства, по инерции сохранившего приверженность избыточно силовым, охранительно-запретительным практикам воздействия на своих граждан, к иным производителям смыслов, распространяемых посредством социальных сетей (в том числе в режиме интерактивного общения). Сетевая культура не только плохо понимается и используется в проводимой политике, провоцируя лишь ущербные попытки зарегулировать эту сферу, ограничив сетевые свободы, ее роль явно недооценивается — как теоретиками, так и практиками — в формировании современной институциональной структуры, власти и социального пространства в целом [Кастельс, 2016, с. 466–467]. *Роль неформальных социальных сетей («неформальной социализации») во всех сферах жизни будет лишь возрастать.* Но уже сегодня бесспорна огромная роль социального капитала в технологическом развитии, которое невозможно представить без высокого качества человеческих взаимодействий, добросовестности и надежности партнерских отношений. Как отмечает Ф. Фукуяма, технологические сети в индустрии информационных технологий имеют этическое измерение, обусловленное культурой доверия, неформальными коммуникациями и практиками сотрудничества. Все это оптимизирует использование знаний и специальных навыков, повышает интегральную экономическую эффективность [Фукуяма, 2004, с. 284–289].

Заключение. Попытаемся дать конструктивную оценку перспектив развития России в аспекте условий и предпосылок наращивания социального капитала и становления культуры доверия. Полагаем, что оптимальный путь пролегает в русле формирования полноценных демократических институтов (пусть и с неизбежной российской спецификой), конкурентных политической и экономической систем, эволюционного изменения превалирующей модели власти (качества государства). Разумеется, это долгосрочная и труднореализуемая перспектива, связанная с возникновением новых социальных сил и влиятельной коалиции развития, выступающих драйверами позитивных изменений.

Облик (социальный ландшафт) России будет во многом определяться успешностью решения *двухединой задачи*: построения сильного и эффективного государства, реализующего четко артикулированные принципы социальной справедливости и защиты национальных интересов (с опорой на культурное своеобразие и цивилизационную самодостаточность); формирования полноценного гражданского общества, способного не только обуздать негативные проявления всесильного Левиафана, но и выступить инициатором позитивных перемен. *Упования на «революцию сверху» утопичны и малопродуктивны*. Достойное будущее страны способна обеспечить лишь синергия разумной силы государства (вооруженного осмысленной идеологией развития и проводящего разумную культурно-образовательную и социально ориентированную экономическую политику), гражданских инициатив, сосредоточенных в области социально-экономических инноваций, формирующихся в пространстве сетевых структур и организационных гетерархий, а также действенного участия бизнес-сообщества и интеллектуальной элиты в формировании общенациональной стратегии развития. *Культура доверия по своей сути дискурсивна и диалогична, основана на сотрудничестве разных социальных акторов, сочетании (согласовании) различных ценностей и институциональных матриц*. Для осуществления конструктивных институциональных изменений необходимо формирование социальных сил и движений, легитимацию которым обеспечивает не обладание экономическим капиталом и политической властью, а их способность превращать *правдивость* в политический фактор, производя тем самым «капитал легитимности» [Бек, 2007, с. 322]. Культура доверия произрастает и социальный капитал наращивается в тех сферах, в которых с социальных и политических процессов удастся сбросить покров лжи. «Социальный капитал подобен храповику, который легко идет в одну сторону и не идет в другую: он может быть легко растрочен действиями правительства, но его уже не удастся собрать обратно» [Фукуяма, 2004, с. 589]. Невозможно отстраивать страну и улучшать жизнь людей, находясь «над пропастью во лжи» и проводя политику, которая напрямую ведет к социальной катастрофе [Иноземцев, 2018, с. 203–246].

Таким образом, необходима фундаментальная трансформация сложившегося в России социального порядка, для осуществления которой невозможно ограничиться частичными и половинчатыми изменениям институционального дизайна. На наш взгляд, Россия не обречена и в будущем с регулярным постоянством попадать в роковую историческую колею демодернизаций и регресса. Однако для этого необходимо заложить основы становления консолидированного «общества доверия» на пути преодоления социальных аномалий и патологий, связанных с архаичной (досовременной) системой власти-собственности, неприемлемо высокими уровнями социально-экономического неравенства и бедности, разрастанием и проникновением во все сферы общественной жизни малокомпетентной бюрократии, деструктивными процессами в социальной и духовной сферах.

Список литературы

- Акинин А., Шевелев А. Дилеммы развития России в контексте институциональной экономической теории // *Философия хозяйства*. 2014. № 3 (93). С. 161–181.
- Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. М., 2007.
- Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.
- Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2015.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2003.
- Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.
- Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М., 2015.
- Добрынина Е. Кампания за компанию // *Российская газета*. 2014. 9 сент. № 6476.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011.
- Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М., 2018.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.
- Коновалов О. Спрятанная Россия. М., 2017.
- Лебедева Н., Татарко А. Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // *Journal Of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2010. Т. 2, № 1. С. 17–34.
- Минделл Д. Восстание машин отменяется! Мифы о роботизации. М., 2016.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2014.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
- Пелипенко А. Штрихи к портрету постсовременности // *Вопросы социальной теории*. 2009. Т. III, вып. 1 (3). С. 318–339.
- Петров Н. (2017а) Путинская перестройка // *Ведомости*. 2017. 23 авг. № 156.
- Петров Н. (2017б) Репрессии как контроль элиты // *Ведомости*. 2017. 30 авг. № 161.
- Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // *Вопросы экономики*. 2011. № 12. С. 46–65.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
- Шевелев А. Интегральный (трансдисциплинарный) подход в философии, политической экономике и институционализме // *Проблемы современной экономики*. 2018. № 3 (67). С. 58–62.
- Шматко Н. Социальное пространство Пьера Бурдьё // *Социальное пространство: поля и практики*. М.; СПб., 2005. С. 554–576.
- Штомика П. Доверие — основа общества. М., 2012.

О. И. Батистова

Основные направления деофшоризации российской экономики¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Батистова О. И. Основные направления деофшоризации российской экономики // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономики (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 300–314.

Для России начало 1990-х гг. ознаменовалось сменой типа экономической системы, ослаблением государственного контроля, социально-экономической нестабильностью и институциональным вакуумом. Это привело к значительным объемам легального и нелегального вывоза капитала из страны. Чаще всего российский капитал оседал в «налоговых гаванях», что предоставляло его владельцам ряд преимуществ в виде оптимизации налогообложения, конфиденциальности информации о конечных бенефициарах компаний и финансовых счетов, формирования удобной юридической базы для решения судебных споров. К концу первого десятилетия XXI в. масштабы оттока капитала стали представлять угрозу национальной безопасности, что потребовало принятия комплекса мер, направленных на деофшоризацию национальной экономики. В статье раскрываются ключевые приоритеты и пути деофшоризации российской экономики. Рассмотрены причины, способствующие оттоку капитала из страны, проанализированы масштабы использования офшорных схем российским бизнесом. Особое внимание уделено мерам, принимаемым на законодательном уровне, с целью борьбы с уклонением от уплаты налогов.

Ключевые слова: офшорная зона, отток капитала, сомнительные операции, паспорт сделки, деофшоризация российской экономики.

Введение. В последние 20 лет роль офшорного сектора в мировой экономике значительно возросла. Отток капиталов из высоконалоговых юрисдикций достиг беспрецедентных масштабов.

Перемещение денежных средств в офшорные финансовые центры вызывает обоснованное беспокойство у представителей органов государственного управления, межгосударственных и неправительственных организаций, мировой общественности в целом. Активная борьба с деятельностью офшорных зон ведется такими международными организациями, как: Международный валютный фонд (далее — МВФ); Организация Объединенных Наций (далее — ООН); Организация экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР), в рамках которой действует Глобальный форум по вопросам прозрачности и обмену информацией в целях налогообложения; Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (*Financial Action Task Force*, далее — ФАТФ); международная неправительственная организация *Tax Justice*

¹ Статья опубликована в: Экономика и предпринимательство. 2017. № 2, ч. 2. С. 38–45.

Network и др. Существенное противодействие офшорным зонам оказывают отдельные государства и их объединения, в частности США и страны Европейского союза. Российская Федерация также относится к группе стран, заинтересованных в ограничении влияния «налоговых гаваней».

Согласно оценкам *Tax Justice Network*, полученным на основе статистики Банка международных расчетов (*Bank for International Settlements*, BIS) и МВФ, сегодня на счетах в офшорных зонах хранится от 21 до 32 трлн долл., 47 % этих денежных средств принадлежит частным лицам, 53 % — корпорациям [Руйга, Шрейдер, 2015].

Российская экономика имеет офшоризированный характер. Большинство средних и крупных предприятий используют офшорные компании при построении своего бизнеса. Многие мелкие предприятия, и даже те, которые не занимаются международной торговлей, стремятся учредить компанию за рубежом, оформить на нее право интеллектуальной собственности, право собственности на основные средства и стать «международными» [Глазьев и др., 2013]. Это приводит к уменьшению налогооблагаемой базы и поступлений в государственный бюджет, сокращению ресурсов для выполнения социальных обязательств, тормозит рост экономики, увеличивает ее финансовую и корпоративную зависимость от заграницы, отрицательно сказывается на финансовых возможностях российских банковских учреждений, поскольку деньги оседают в иностранных кредитных институтах.

Поэтому антиофшорная борьба и дальнейшее развитие антиофшорного законодательства должны стать стратегическими ориентирами государственной экономической политики, направленной на повышение уровня жизни и благосостояния населения. Цель настоящей статьи состоит в раскрытии ключевых приоритетов и мер по деофшоризации российской экономики, что будет содействовать формированию благоприятных условий для улучшения ее макроэкономических показателей, реиндустриализации и переходу на высокотехнологичный тип развития.

В статье раскрываются основные причины, способствующие оттоку капитала из страны, анализируются масштабы использования офшорных схем в российском бизнесе, географическая и качественная структура иностранных инвестиций, поступающих в Россию и направляемых за рубеж, рассматриваются меры по деофшоризации экономики, принимаемые на законодательном уровне с целью борьбы с легальным и нелегальным вывозом денежных средств.

Среди российских и зарубежных ученых, исследующих различные аспекты деофшоризации, целесообразно выделить А. А. Артемьева, А. Е. Бабенко, С. А. Басову, С. Брю, С. Г. Буянского, Ю. П. Григорьеву, Дж. С. Хенри, Х. Зиберта, Я. Я. Иванову, Т. Ю. Лапину, Б. А. Хейфеца и др.

1. Исторические предпосылки использования офшорных схем российским бизнесом. В наиболее общем виде под офшорной зоной понимается государство (или часть его территории), предоставляющее в своих пределах

льготные условия для ведения бизнеса компаниям-нерезидентам [Буянский, Бабенко, Лапина, 2015].

Основными преимуществами офшорных юрисдикций являются: 1) более низкая ставка налогообложения или полное освобождение от уплаты налогов; 2) упрощенная процедура регистрации офшорной компании; 3) обеспечение конфиденциальности, анонимности ведения бизнеса и получаемых благодаря этому доходов; 4) гарантия надежной защиты активов в случае судебных разбирательств и посягательств на право собственности; 5) получение дополнительных выгод в виде дешевых кредитов и инвестиций, облегченного валютного контроля или его отсутствия.

У российского бизнеса практика использования офшоров и вывоза капиталов в «налоговые гавани» зародилась в начале 1990-х гг. при переходе от административно-командной к рыночной экономике и была обусловлена длительной политической и экономической нестабильностью, относительно слабой государственной властью. Отсутствие антиофшорного законодательства, пробелы в валютном и таможенном регулировании [Михайлов, 2015], а также дополнительные конкурентные преимущества, получаемые бизнесом посредством использования офшоров, создали благоприятные условия для утечки финансовых ресурсов из страны.

Указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР»² предоставил предпринимателям право ведения внешнеэкономической деятельности без специальной регистрации. Это привело к активизации легального и нелегального оттока капитала. За 1993–2003 гг. из России незаконным путем было вывезено приблизительно 300 млрд долл., а ежегодный вывоз капитала в 1990-е гг., по мнению ряда экспертов, составлял 20–30 млрд долл. [Чувахина, 2016].

Экспорт российского капитала осуществлялся в трех формах: 1) незаконный вывоз капитала, не очищенного от налогов или полученного преступным путем, вызванный необходимостью спрятаться подальше от страны происхождения, законы которой были нарушены; 2) вывоз законно полученных средств из-за низкого уровня доверия к социально-экономической обстановке, риска враждебных слияний и поглощений, высокой вероятности рейдерских захватов; 3) отток капитала, связанный со стремлением инвестирования за рубежом, создания там дочерних компаний и продвижением продукции отечественных производителей на мировых рынках [Русских, 2006].

Особенностью первых двух форм является то, что они не становятся источниками реальной прибыли для страны.

Значительная масса вывоза капитала, особенно незаконного, осуществлялась при помощи экспортно-импортных операций, в частности путем не-

² Здесь и далее нормативно-правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.12.2018).

возврата выручки за товары и услуги, предоставленные резидентами нерезидентам.

Введение базового документа валютного контроля — паспорта сделки, который оформляется поставщиком товаров в уполномоченном банке и содержит сведения о самом резиденте и его иностранном контрагенте, общей сумме сделки, валюте цены сделки, номере и дате оформления паспорта сделки (ст. 20 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»; далее — Закон № 173-ФЗ), — уменьшило бегство капиталов по этому каналу. До 2018 г. действовала Инструкция Центрального банка РФ от 04.06.2012 № 138-И, в соответствии с которой при заключении международных контрактов купли-продажи или оказании услуг на сумму свыше 50 тыс. долл. на российских юридических лиц и индивидуальных предпринимателей возлагалась обязанность оформлять паспорта сделок в банках.

Ужесточение контроля над экспортом привело к тому, что российский бизнес стал переводить денежные средства иностранным контрагентам в виде авансов по контрактам, которые заведомо не выполнялись. В ответ на это Банком России и Государственным таможенным комитетом была разработана инструкция, определяющая меры контроля за импортными операциями, что существенно сократило возможности оттока капитала по данной схеме. После дефолта 17 августа 1998 г. бегство капиталов усилилось. В качестве ответного шага Центральным банком был введен порядок резервирования рублевых депозитов в размере 100 % от суммы предоплаты за импортируемые товары. Депозиты на счетах уполномоченных банков сохранялись до момента получения документов о пересечении границы России иностранными товарами. Это положительно сказалось на состоянии платежного баланса страны [Русских, 2006].

Однако появились новые схемы вывоза капитала в виде: манипулирования внешнеторговыми ценами (завышения или занижения цен на экспортируемые и импортируемые товары) [Русских, 2006]; завышения процентных ставок по валютным кредитам, выдаваемым российским предприятиям нерезидентами; завышения стоимости контрактов по приобретению услуг, работ и объектов интеллектуальной собственности за рубежом; завышения показателей качества экспортируемых товаров и последующих выплат штрафов при несоответствии товара указанным в контракте характеристикам.

Яркой иллюстрацией использования подобных схем является дело российской горнодобывающей и металлургической компании «Мечел», руководство которой в 2008 г. подверглось резкой критике со стороны правительства. Компанию обвинили в продаже сырья за границу по ценам в два раза ниже внутренних и на 30–50 % ниже мировых. В швейцарскую налоговую гавань по заниженным ценам уходило порядка 80 % российского угля. В дальнейшем сырье перепродавалось конечным потребителям по рыночным ценам, а прибыль оседала на счетах офшорных компаний.

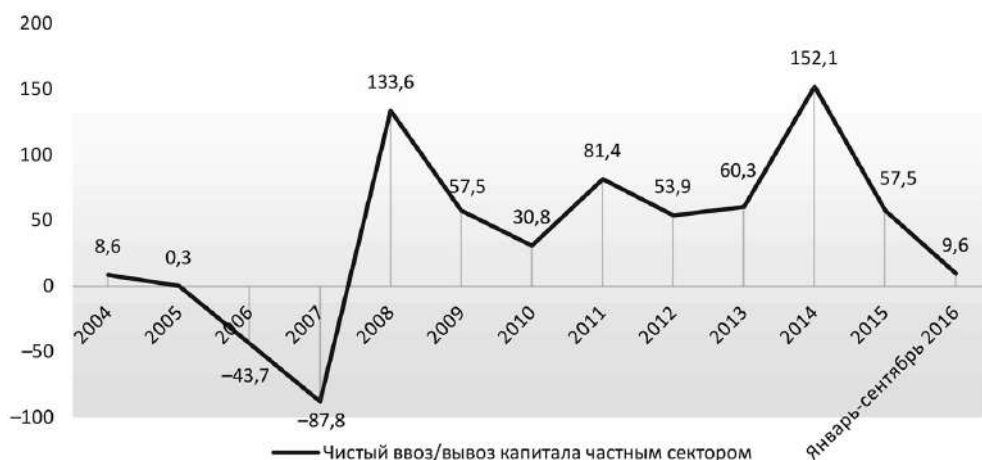

Рис. 1. Чистый ввоз (-) / вывоз (+) капитала частным сектором в 2004–2016 гг. (млрд долл.) (источник: Центральный банк РФ. Официальный сайт. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs> (дата обращения: 27.01.2017))

О масштабах оттока частного капитала из России отчетливо говорят данные Центрального банка о чистом ввозе/вывозе капитала частным сектором, представленные на рис. 1.

Двукратное снижение вывоза частного капитала в 2009 г. по сравнению с 2008 г. было следствием в первую очередь принятия Центральным банком решения в ноябре 2008 г. о необходимости введения контроля за движением денежных средств, выделяемых государством банковскому сектору для поддержания его деятельности в кризисных условиях. В результате банки столкнулись с ограничением возможности свободной конвертации рублевых средств в иностранную валюту. Отмена ограничений по размеру зарубежных валютных активов 1 июля 2009 г. привела уже в июле того же года к выводу 30 крупнейшими российскими банками в иностранные активы свыше 75 % своих валютных средств с беспроцентных счетов Банка России [Чувахина, 2016].

Уменьшение оттока капитала за границу в 2015–2016 гг., по мнению президента Центра стратегических коммуникаций Д. Абзалова, было вызвано естественными причинами, а именно ограничениями по предоставлению кредитов на американском и европейском направлениях, а также тем фактом, что значительная часть корпоративного долга была отдана в 2014 и 2013 гг., а новые кредиты не были получены ввиду санкций. Соответственно, отток капиталов, в котором более половины составляли эти выплаты, снизился [Ремизов, 2016]. Резкое падение цен на нефть на мировом рынке также сократило объемы денежных средств для вывода за рубеж. Уменьшение оттока капитала

свидетельствует о некотором оздоровлении ситуации в экономике, о принятии правительством комплекса мер, направленных на деофшоризацию. Но одновременно наблюдается снижение объема притока прямых иностранных инвестиций в Российскую Федерацию.

Сегодня в России нет каких-либо значимых рестрикций для осуществления валютных операций между резидентами и нерезидентами. Некоторые ограничения действуют только с целью предупреждения сокращения валютных запасов государства. В частности, в ст. 11 Закона № 173-ФЗ сделки по приобретению или продаже иностранной валюты, а также чеков в такой валюте могут проводиться только через банки, уполномоченные на совершение валютных операций.

По данным исследования, проведенного специально для *Tax Justice Network*, на конец 2012 г. из России было выведено в офшоры 798 млрд долл., а к концу 2014 г. эта сумма составила приблизительно 1,3 трлн долл. В среднем отток капиталов в офшорные финансовые центры из развивающихся стран рос на 8 % ежегодно, а для России этот показатель достиг 9 %, что обусловлено опасениями вероятной политической и экономической нестабильности [Надыкто, 2016].

Таким образом, основными причинами бегства капиталов и ухода российского бизнеса в офшоры были: стремление скрыть доходы от налогообложения, неудовлетворительная защита прав собственности, несовершенная судебная система, плохой инвестиционный климат, отсутствие доверия к национальной валюте, неразвитость фондового рынка и др.

2. Оценка масштабов офшоризации национальной экономики. Сегодня за границами Российской Федерации продолжают совершаться сделки, разрешаются судебные споры, размещаются акции, регистрируется собственность [Глазьев и др., 2013]. Большинство частных компаний в нашей стране контролируется холдингами, а последние зарегистрированы в зоне функционирования офшорных юрисдикций [Григорьева, 2014].

Ежегодный рейтинг «РБК 500» за 2015 г., в котором представлены 500 крупнейших компаний РФ по выручке, показывает, что большинство компаний имеют не офшорную, а российскую регистрацию. Но если исключить из рейтинга госкомпании, картина становится совсем другой. В России зарегистрировано 239 компаний из 500 (47,8 %). В их число входят 87 государственных компаний, которые не имеют права выбирать зарубежную юрисдикцию. Таким образом, только 152 частные компании из 239 выбрали Россию. В то же время 183 частные компании зарегистрированы в иностранных юрисдикциях и 38 компаний имеют зарубежную регистрацию через «компании-оболочки», например *Yandex N. V.*, *United Company Rusal*. Еще 40 компаний не раскрыли место своей регистрации. Окончательное соотношение для частных компаний выглядит как 152 : 222 не в пользу России. Наиболее востребованной юрисдикцией для российского бизнеса остается Республика Кипр, лидирующая

с огромным отрывом от ближайших конкурентов — Нидерландов и Британских Виргинских островов (БВО) [Игуменов, 2015].

Согласно данным *World Investment Report — 2016*, которые публикует Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в 2015 г. Кипр занимал первое место по объему накопленных прямых иностранных инвестиций в Российскую Федерацию — 92 млрд долл. За ним следовали Нидерланды и Багамские острова (36 и 21 млрд долл. соответственно).

Более подробная информация об объеме накопленных прямых иностранных инвестиций в Российскую Федерацию из стран мира представлена на рис. 2.

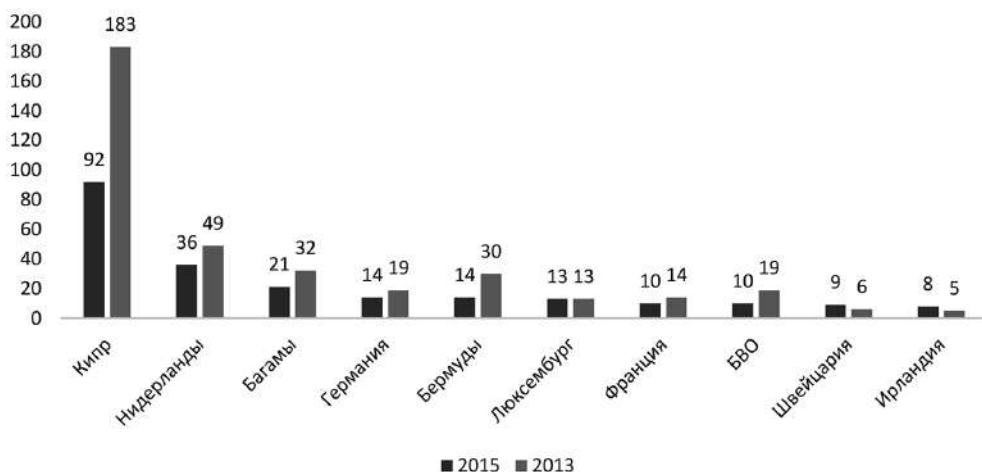

Рис. 2. Топ-10 стран по объему накопленных прямых иностранных инвестиций в РФ в 2013 и 2015 гг. (млрд долл.) (источник: [World Investment Report..., 2016])

Данные отчета показывают, что бо́льшая часть накопленных прямых иностранных инвестиций в Россию по состоянию на 2015 г. приходится на государства, относящиеся к «налоговым гаваням».

Похожая картина наблюдается и в отношении накопленных за рубежом прямых иностранных инвестиций из Российской Федерации (рис. 3). В 2015 г. Республика Кипр лидировала по объему накопленных прямых иностранных инвестиций (96 млрд долл.), на втором и третьем местах располагались Британские Виргинские острова (38 млрд долл.) и Нидерланды (37 млрд долл.).

По мнению экспертов, иностранные инвестиции в Россию из Кипра, Нидерландов и Британских Виргинских островов не могут быть объяснены традиционными теориями международного движения капитала [Исследование: в российской коррупции..., 2013].

Как ни парадоксально, в основном тот капитал, который поступает в Россию в качестве иностранных инвестиций, не иностранный, а российский

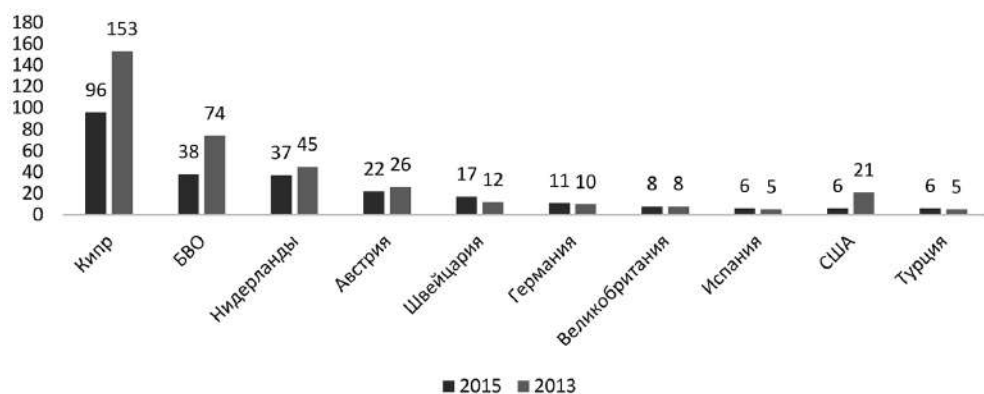

Рис. 3. Топ-10 стран — реципиентов прямых иностранных инвестиций из РФ в 2013 и 2015 гг. (млрд долл.) (источник: [World Investment Report..., 2016])

по источнику происхождения. Это тот капитал, который законным и незаконным образом вывозится финансовыми и нефинансовыми организациями за пределы российской юрисдикции, а затем, легализовавшись за рубежом, под видом иностранных инвестиций возвращается обратно, получая различные льготы, преференции и защиту от претензий российских правоохранительных органов [Ложные инвестиции в Россию, 2013]. Иными словами, большая часть инвестиций приходит в страну не в результате улучшения инвестиционного климата, а из-за неудовлетворенности условиями бизнеса в России. Предприниматели регистрируют свои компании в офшорных зонах и уже оттуда осуществляют инвестиции в национальную экономику [Григорьева, 2014].

Опрос 140 собственников и руководителей бизнеса, проведенный аудиторско-консалтинговой группой «Градиент-Альфа» в 2013 г., позволил прийти к выводу, что в России главной причиной использования офшоров является защита собственности, а не оптимизация налогообложения. Если западные компании выводят в офшоры прибыль, то российские — прибыль и активы. Крупные западные компании в основном создают в налоговых гаванях «дочек», а россияне там регистрируют материнские компании, которые владеют реальными российскими предприятиями [Оффшоры: новые правила..., 2013].

Изъятия в законодательстве, либерализация валютного контроля и регулирования способствовали вывозу колоссальных объемов финансовых ресурсов из страны, которые затем были репатриированы в Россию [Ложные инвестиции в Россию, 2013].

Исследование, проведенное экономистами П. Кархунен и С. Ледяевой из Университета Аалто (Хельсинки) и Дж. Уолли из Университета Западного Онтарио, показало, что за 20 лет россиянами было выведено и отмыто более 30 млрд долл. через кипрские офшоры. К 2013 г. от 30 до 50 % всех банковских депозитов на Кипре были российскими по источнику происхождения: 19 млрд

долл. средств бизнеса и частных лиц и 12 млрд долл. средств банков. Ученые проследили взаимосвязь между коррупцией и российскими инвестициями из Кипра и Британских Виргинских островов. Анализ 20 тыс. фирм с иностранным капиталом за период 1997–2011 гг. позволил выявить такие особенности: 70 % фирм с капиталом от «настоящих» иностранных инвесторов (Германии, США, Турции, Франции) функционировали в обрабатывающей промышленности и около 67 % — в сфере ремонта и торговли, в то время как 70 % фирм сектора недвижимости и 80 % фирм финансового сектора имели фиктивные инвестиции из России на Кипр и обратно. Эти данные отражают коррупционную составляющую инвестиций в недвижимость и финансовый сектор, которые часто связаны с отмыванием денег и взятками. Кроме того, инвесторы с Кипра и Британских Виргинских островов вели бизнес в более коррумпированных регионах России [Исследование: в российской коррупции..., 2013].

3. Анализ мер по деофшоризации российской экономики. Проблема злоупотребления офшорами была поднята В.Путиным еще в 2011 г. в связи с угрозой возникновения политической и экономической нестабильности в стране. Мощным толчком к деофшоризации российской экономики послужил кризис на Кипре, когда Евросоюз одним из условий предоставления финансовой помощи кипрскому правительству выдвинул требование введения крупного единовременного налога на банковские вклады.

До 2011 г. борьба с оттоком капиталов в офшорные зоны не имела систематического, комплексного характера. Она проявлялась в виде отдельных приказов, указаний Центрального банка и других нормативно-правовых актов органов государственного управления и контроля.

Так, Банк России в Указании от 07.08.2003 № 1317-У определил список государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим и/или не предусматривающих раскрытие и предоставление информации при проведении финансовых операций.

Центральный банк разделил все страны на три категории с целью дифференциации порядка установления корреспондентских отношений уполномоченных банков с банками-нерезидентами: 1) наиболее престижные юрисдикции (Ирландия, Кипр, Сингапур, Люксембург, Швейцария и др.); 2) классические офшоры (Багамы, Белиз, Британские Виргинские острова, Нидерландские Антилы, Дубай и др.); 3) наименее надежные офшорные юрисдикции (Андорра, Вануату, Лихтенштейн, Маршалловы острова и др.).

Приказом Минфина России от 13.11.2007 № 108Н также был обозначен «перечень налоговых гаваней», сделки с компаниями которых признаются контролируемыми и подлежат декларированию при превышении установленной Налоговым кодексом РФ (далее — НК РФ) суммы доходов за год. Российские организации, получающие дивиденды от компаний, зарегистрированных в государствах из черного списка Минфина, не могут применить налоговую ставку

0 %, в отличие от ряда случаев, предусмотренных п. 3 ст. 284 НК РФ. Льгота, установленная подп. 11 п. 1 ст. 251 НК РФ при получении имущества российской организацией безвозмездно, не применяется, если передающая имущество организация является иностранной и государство постоянного местонахождения передающей организации включено в черный список Минфина. В 2016 г. данный список насчитывал 41 государство.

Федеральная налоговая служба Российской Федерации (далее — ФНС РФ) ежегодно публикует черный список государств, не обеспечивающих обмен информацией для целей налогообложения с Россией. Прибыль контролируемой иностранной компании в некоторых случаях освобождается от налогообложения, но только если постоянным местонахождением такой компании является государство (территория), с которым Россия заключила международный договор по вопросам налогообложения, за исключением государств черного списка. В 2017 г. действует черный список стран, утв. Приказом ФНС РФ от 30.09.2016 № ММВ-7-17/527.

Принятие Федерального закона от 08.07.2011 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» существенно расширило круг лиц, которые являются взаимозависимыми. Сделки с резидентами офшорных зон стали приравниваться к сделкам между взаимозависимыми лицами и подвергаться особому контролю со стороны налоговых органов на предмет соответствия цены сделки рыночному уровню, в случае если сумма доходов по таким сделкам, совершенным с одним лицом за соответствующий календарный год, превышает 60 млн руб.

Важным шагом в области деофшоризации стало внесение изменений в Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», которые вступили в силу с июля 2013 г. В оборот было введено понятие «бенефициарный владелец» — физическое лицо, которое прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 % в капитале) клиентом — юридическим лицом или имеет возможность контролировать действия клиента. Теперь за организациями и индивидуальными предпринимателями закрепляется обязанность собирать и не реже чем раз в год обновлять информацию о своих клиентах — юридических и физических лицах [Моисеева, Богданова, 2014].

В 2014 г. был принят Федеральный закон от 24.11.2014 № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)». Данный закон (закон о деофшоризации) обязывает физических и юридических лиц уведомлять налоговые органы об участии в капитале иностранных компаний. Поправки и изменения в НК РФ создают механизм налогообложения прибыли офшорных компаний. Иностранные

компании и структуры расцениваются как контролируемые иностранные компании российского резидента (физического лица или компании) в случаях, если резидент: 1) владеет (прямо или косвенно) более 50 % в капитале в 2015 г. и более 25 % с 2016 г. (либо более 10 % с 2016 г., если компания более чем на 50 % в капитале принадлежит налоговым резидентам России); 2) оказывает или может оказывать в силу различных обстоятельств определяющее влияние на решения, принимаемые такой организацией в отношении распределения полученной прибыли [Иванова, Кореньков, 2015].

1 июля 2015 г. начал действовать закон об амнистии нелегального имущества и капиталов (Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), в соответствии с которым под амнистию попадают нарушения, совершенные до 1 января 2016 г. В данном случае речь идет о незаконном вывозе денежных средств за рубеж, уклонении от таможенных платежей, налогов и сборов, создании фирм-однодневок [Чувахина, 2016].

13 июля 2015 г. президентом РФ был подписан Федеральный закон № 227-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”», запрещающий государственные закупки у офшорных компаний, поскольку госзакупки являются проблемным местом в российской финансовой системе. Согласно докладу Счетной палаты 2014 г., которая проанализировала почти три сотни крупных контрактов общей стоимостью 1,3 трлн руб., 21 % этой суммы (272,4 млрд руб.) ушел в офшорные юрисдикции [Селезнев, 2015]. Теперь если комиссия по закупкам выявит, что участник конкурса на поставку товаров или услуг госорганам — офшорная компания, то он будет отстранен от участия в тендере [Путин подписал закон о..., 2015].

Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в РФ» также претерпел некоторые изменения, в соответствии с которыми уполномоченным экономическим операторам будет отказано в предоставлении специальных упрощений, если импортером товаров или субъектом финансовых операций будет являться компания, зарегистрированная в офшорной зоне [Буянский, Бабенко, Лапина, 2015].

В Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) произошло ужесточение ответственности за регистрацию фирм-однодневок. В ст. 173.1 установлены санкции за образование (создание, реорганизацию) юридического лица через подставных лиц, а также представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах.

Кроме того, было расширено понятие «подставное лицо». Подставными лицами стали считаться не только введенные в заблуждение лица, но и лица, данные о которых без их ведома были внесены в единый государственный реестр юридических лиц. В ст. 173.2 УК РФ предусматривается ответственность за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица.

В 2015 г. Россия присоединилась к Совместной конвенции Совета Европы и ОЭСР «О взаимной административной помощи по налоговым делам», которая существенно расширяет обмен информацией с иностранными государствами, в том числе офшорными юрисдикциями, дает возможность проводить одновременные налоговые проверки с иностранными коллегами и взыскивать налоговую задолженность за рубежом [Буянский, Бабенко, Лапина, 2015].

С 2018 г. Россия начнет автоматический обмен финансовой информацией (*Automatic Exchange of Financial Account Information, the AEOI Standard*) со 101 юрисдикцией, которые обязались внедрить единые стандарты отчетности для автоматического обмена финансовой информацией в 2017 и 2018 гг. под эгидой Глобального форума по вопросам прозрачности и обмену информацией в целях налогообложения [Tax Transparency..., 2016].

В результате комплекса принятых мер отток капитала по статье «Сомнительные операции», по данным Центрального банка РФ, заметно сократился (табл.).

Таблица. Отток капитала по статье «Сомнительные операции» платежного баланса РФ 2000–2016 гг. (млн долл.)

Годы	Сумма	Годы	Сумма	Годы	Сумма
2000	4834	2006	21302	2012	38816
2001	5866	2007	34497	2013	26504
2002	11524	2008	50635	2014	8607
2003	14837	2009	24559	2015	1490
2004	25030	2010	25904	2016 (январь — сентябрь)	531
2005	27535	2011	33263		

Источник: Центральный банк РФ. Официальный сайт. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs> (дата обращения: 27.01.2017).

В статье «Сомнительные операции» отражаются величина своевременно не полученной экспортной выручки, стоимость не поступивших товаров и услуг в счет переводов денежных средств по импортным контрактам, сумма переводов денежных средств за границу посредством фиктивных операций с ценными бумагами, предоставленными кредитами и на зарубежные счета.

Сокращение объема сомнительных операций во многом связано с зачисткой банковского сектора, а также с общим сокращением оттока капитала из России.

Принятие ряда законов и ужесточение ответственности за экономические правонарушения, а также глобальная борьба с офшорными юрисдикциями положительно сказались на состоянии российской экономики. С 2014 г. активизировалась ликвидация иностранных компаний и увеличился приток средств в Российскую Федерацию с Багамских и Бермудских островов. В 2015 г. он вырос до 5,2 млрд долл. и 1,9 млрд долл. (43 и 9%) соответственно. Большая часть инвестиций из этих стран связана с увеличением уставного капитала российских компаний [Базанова, Папченкова, 2016].

Одновременно наблюдается отток инвестиций в государства, традиционно использовавшиеся для транзита капитала: на Кипр, в Люксембург и Нидерланды. В 2015 г. на Кипр вернулось 7,2 млрд долл., а резиденты Люксембурга забрали из России 5,8 млрд долл.

В то же время отток капитала с Кипра, по мнению некоторых экспертов, связан с передачей активов от кипрских компаний в прямое владение российским бенефициарам [Базанова, Папченкова, 2016].

В декабре 2015 г. структура собственности холдинговой компании *Volga Group* была изменена. По данным «СПАРК-Интерфакса», Г. Тимченко стал собственником 99,99 % долей, которыми ранее владели кипрская *Volga Resources Ltd* и люксембургская *VRN Sarl*. В конце 2014 г. компания *USM Holdings*, принадлежащая А. Усманову и партнерам, перевела на российских «дочек» контрольные пакеты «Мегафона» и «Металлоинвеста», ранее находившихся в ее собственности. В феврале 2015 г. произошла реструктуризация активов группы компаний «Мать и дитя» (*MD Medical*). Компания стала налоговым резидентом России. До этого ее российские подразделения принадлежали кипрской *MD Medical Group Investments* [Базанова, Папченкова, 2016].

Выводы. Таким образом, антиофшорная борьба и совершенствование антиофшорного законодательства должны стать приоритетными направлениями деятельности государства по воспрепятствованию оттоку капиталов, полученных легальным и нелегальным путем. Угроза утраты контроля над стратегическими активами страны, существенные потери в бюджетной сфере от разнообразных схем налоговой оптимизации должны способствовать активизации усилий органов власти в борьбе с ограничением влияния «налоговых гаваней».

За последние годы в России была проделана большая работа и принят перечень важных законов, среди которых следует выделить законы: «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием принципов определения

цен для целей налогообложения», «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Немаловажную роль играют изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ относительно ужесточения наказания за регистрацию фирм-однодневок, поправки в Закон «О таможенном регулировании в РФ» и др.

Борьба с офшорами должна носить комплексный характер: сочетать как экономические, так и административные методы. Это и улучшение защиты права собственности в стране, и создание выгодных условий для репатриации капитала, и совершенствование инвестиционного климата, что будет содействовать притоку капиталов от «настоящих» инвесторов в реальный сектор экономики. Повышение эффективности налогового администрирования, установление более тесных контактов Федеральной налоговой службы и правоохранительных органов с целью взаимного обмена информацией, более четкая трактовка положений и законов, устранение «дыр» в законодательстве выступают необходимыми условиями деофшоризации национальной экономики. Усиление международного сотрудничества в области сопротивления анонимности ведения бизнеса в офшорных юрисдикциях, борьба за их прозрачность, снижение коррупции в стране, повышение уровня доверия к органам государственной власти, заключение договоров об устранении двойного налогообложения с государствами мира — ключевые факторы успешной политики деофшоризации.

Список литературы

- Базанова Е., Папченкова М. Российский бизнес покидает офшоры // Ведомости. 2016. Январь. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/27/642651-biznes-ofshori> (дата обращения: 20.01.2017).
- Буянский С. Г., Бабенко А. Е., Лапина Т. Ю. Деофшоризация российской экономики // Economics. 2015. № 1 (2). С. 77–83.
- Глазьев С. Ю., Стариков Н. В., Недошивин А. С., Петров Ю. А., Митяев Д. А. Деофшоризация российской экономики. Пути и меры // Экспертный доклад. Изборский клуб. 2013. URL: <http://dynacon.ru/content/articles/2700/#a4> (дата обращения: 27.01.2017).
- Григорьева Ю. П. Эффективные механизмы деофшоризации национальной экономики: зарубежный опыт и российская практика // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 4. С. 162–171.
- Иванова Я. Я., Кореньков С. И. Деофшоризация российской экономики в современных условиях // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 9-7. С. 50–54.
- Игуменов В. Торжество киприотизма: где зарегистрированы 500 крупнейших компаний страны // Нефть России. 2015. URL: <http://www.oilru.com/news/482243/> (дата обращения: 25.01.2017).

- Исследование: в российской коррупции виноват Кипр и его офшоры // Финмаркет. 2013. Февраль. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3375525> (дата обращения: 02.02.2017).
- Ложные инвестиции в Россию. 2013, октябрь. URL: <http://voprosik.net/lozhnye-investicii-v-rossiyu> (дата обращения: 03.02.2017).
- Михайлов С. В. Современные угрозы и механизмы обеспечения экономической безопасности российского предпринимательства в оффшорных зонах // Вопросы региональной экономики. 2015. Т. 24, № 3. С. 68–78.
- Моисеева Е. Ю., Богданова А. С. К вопросу о правовом регулировании оффшорных зон: новеллы российского законодательства // Достижения вузовской науки. 2014. № 12. С. 157–162.
- Надыкто О. Исследование выявило отток из России в офшоры \$ 1,3 трлн // РБК. 2016. Май. URL: <http://www.rbc.ru/economics/09/05/2016/572fc4839a79479bd682e3eb> (дата обращения: 15.01.2017).
- Оффшоры: новые правила игры в России и в мире // Градиент Альфа: Аудиторско-консалтинговая группа. 2013. Июнь. URL: <http://www.gradient-alpha.ru/offshory-novyye-pravila-igry-v-rossii-i-v-mire> (дата обращения: 18.01.2017).
- Путин подписал закон о запрете госзакупок в офшорах // Lenta.ru. 2015. Июнь. URL: <https://lenta.ru/news/2015/07/13/antioffshore/> (дата обращения: 05.02.2017).
- Ремизов Д. Отток капитала из России уменьшился: утекать больше нечему // Росбалт. 2016. Январь. URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2016/01/19/1481313.html> (дата обращения: 15.02.2017).
- Руйга И. Р., Шрейдер А. С. Международное и национальное регулирование офшорного бизнеса в условиях глобализации мировой экономики // Концепт. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/mezhdunarodnoe-i-natsionalnoe-regulirovanie-ofshornogo-biznesa-v-usloviyah-globalizatsii-mirovoy-ekonomiki> (дата обращения: 25.01.2017).
- Русских А. Ю. Вывоз национального капитала: актуальные вопросы современности // Проблемы современной экономики. 2006. № 3–4. С. 276–279.
- Селезнев М. Триллион за кордон. Как бюджетные деньги оседают в офшорах // Lenta.ru. 2015. Апрель. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/04/29/ourmoney2nauru> (дата обращения: 05.02.2017).
- Чувахина Л. Г. Факторы и условия нелегального вывоза капитала из России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-1. С. 305–314.
- Tax Transparency 2016. Report on Progress Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes // OECD. 2016. URL: <http://www.oecd.org/tax/transparency/GF-annual-report-2016.pdf> (дата обращения: 28.01.2017).
- World Investment Report 2016. Investor Nationality: Policy challenges. Geneva, 2016. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (дата обращения: 18.01.2017).

О. В. Вередюк

Безработица: риски и социальная поддержка в России¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Вередюк О. В. Безработица: риски и социальная поддержка в России // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 315–341.

Целью настоящей статьи является оценка влияния политики по поддержке безработных в России с точки зрения создания условий для их перехода к новым видам занятости, связанными со структурными изменениями, приводящими к экономическому росту, обеспечивающему создание рабочих мест. Проведен критический обзор основных параметров социальной поддержки безработных в России. На данных RLMS — HSE проведен анализ рисков, позволяющий обнаружить группы работников, имеющих более высокую вероятность стать безработными. Разница в уровнях безработицы была отнесена к нескольким факторам, среди которых пол, семейное положение, возраст, образование, профессия, местность проживания и получение пенсий и была проведена оценка относительного вклада каждого из данных факторов в риск безработицы. Установлено, что структура безработных в России аналогична той, которая наблюдается в других европейских странах. Среди безработных в основном молодые люди с низким уровнем образования, проживающие за пределами двух крупных городов. Показано, что существующая социальная поддержка безработных неадекватна как по охвату, так и по уровню.

Ключевые слова: безработица, рынок труда, риск безработицы, социальная политика, Россия.

Введение. Безработица — неизбежный результат функционирования современных экономик, но одновременно и разрушительный опыт для тех, кто встречается с ней². На поверхностном уровне безработица может восприниматься как несправедливая ситуация: если экономика распределяет определенный объем оплачиваемого труда среди основной части готового работать населения, то почему не у дел должна оставаться небольшая группа тех, кто ничего не получает? Результаты многих исследований показывают, что в наши дни некоторые виды безработицы играют важную роль в качестве временных состояний, которые могут содействовать переходу экономики на новый, более продуктивный уровень. Эта роль выполняется тем лучше, чем эффективнее

¹ Работа опубликована в: Занятость и экономический рост / ред.: К. А. Писсаридес, О. Л. Маргания, С. А. Белозеров. СПб., 2018. Гл. 11. С. 245–269.

² О воздействии безработицы на ощущение индивидом удовлетворенности жизнью см. подробнее в [Winkelmann, 2014].

политика государства по социальной и экономической поддержке безработных. Задача данной публикации состоит в оценке политики поддержки безработных в России: является ли она достаточной и ускоряет ли переход к более продуктивному состоянию экономики?

Самой большой проблемой при дизайне политики поддержки безработных оказывается поиск оптимального соотношения между *социальной необходимостью* обеспечить потерявшему работу достаточный доход, защищающий от бедности его и его семью, с одной стороны, и *экономической потребностью* создать стимулы к быстрому возвращению работника к производительной работе — с другой. В рамках усилий по поиску указанного баланса правительства предлагают два вида мер: *пассивную поддержку* дохода, которая, по существу, представляет собой трансферт дохода безработным гражданам на условиях минимальных требований к ним, и *активную поддержку*, также являющуюся трансфертом дохода, но в этом случае к бенефициару предъявляются определенные требования к активности по поиску работы, например прохождение курсов переподготовки.

Пассивная поддержка как тип социальной политики справедлива тем, что, компенсируя потерю дохода, финансируется за счет налогов на доходы тех, кому посчастливилось остаться на рынке труда. Однако ее недостаток состоит в том, что не создается достаточно стимулов для скорейшего возврата к работе того, кто ее потерял. Меры активной политики оказываются лучше для подобного рода стимулов, но, будучи, как правило, дорогостоящими и требующими тщательного мониторинга, они могут не достигать желаемых результатов.

Анализ политики поддержки безработных в России подтвердил ее недостаточность и низкую эффективность. Административные процедуры регистрации в качестве безработного для получения права на соответствующую поддержку слишком громоздки, что, учитывая низкий уровень финансовой поддержки, во многом обуславливает нежелание индивидов проходить регистрацию в принципе. В настоящей работе исследуются риски оказаться в числе безработных в России, определяется наиболее вероятный состав группы безработных и предлагается возможная эффективная социальная поддержка. Было установлено, что структура безработных в России близка к той, которая наблюдается в других странах. К числу безработных относятся в основном молодые люди с низким уровнем образования [OECD, 2011]. Общие подходы к оценке политики социальной поддержки безработных, пройдя множественную апробацию в разных странах, показали свою эффективность и положены нами в основу анализа соответствующей политики в России. Предложенные рекомендации базируются на современных достижениях экономической науки.

Обзор основных публикаций по рискам безработицы в России. Публикаций, посвященных безработице в России целом и разным ее аспектам в част-

ности, достаточно много³. Остановимся лишь на тех из них, которые представляют наибольший интерес применительно к рассматриваемой тематике.

В исследовательской практике распространена точка зрения о специфической модели российского рынка труда, основанная на обнаружении не характерного для рынков труда большинства европейских стран способа адаптации [Gimpelson, Kapeliushnikov, 2013]. Это служит одним из возможных объяснений относительно низкого уровня безработицы, который продолжает сохраняться в нашей стране.

Несмотря на сравнительно благополучную ситуацию с общими показателями безработицы, риски оказаться в группе безработных всегда имели место. Анализ этих рисков на отечественных данных, встречающийся в редких публикациях, происходил на уровне агрегированных состояний рынка труда (занятости, безработицы и экономической неактивности) и был основан на расчете вероятности перехода в состояние безработицы [Нанавян, 2007].

Что касается выявления отдельных факторов риска оказаться в состоянии безработицы, то на основе эмпирических оценок был обнаружен существенный пространственный эффект [Demidova, Marelli, Signorelli, 2013]. Он служит одним из объяснений различий в уровне безработицы в разных регионах России.

Некоторые факторы риска (выборочные характеристики) индивидов были выявлены при анализе продолжительности периодов безработицы в России, т. е. вероятности выхода из состояния безработицы. В число наиболее значимых из них вошли пол, возраст, уровень образования, место жительства (размер населенного пункта) [Grogan, Van den Berg, 2001; Nivorozhkin, 2006].

Оценка эффектов программ поддержки оказавшихся в состоянии безработицы пока недостаточно широко представлена в научной литературе, что может быть обусловлено нехваткой количественных данных. Имеющиеся оценки активных программ поддержки свидетельствуют о наличии положительного эффекта от них [Nivorozhkin, 2005].

В целом необходимо отметить дефицит эмпирических исследований риска безработицы в России, анализу которого будет посвящена основная часть данной публикации.

Условия получения безработными социальной поддержки. Основные услуги безработным гражданам предоставляются государственными службами занятости в регионах. К *общественным услугам (благам) со свободным доступом* относятся информационные услуги, такие как: банк вакансий, расписание ярмарок вакансий, профориентация, информация о ситуации на регистрируемом рынке труда, а также «рекомендательные письма» на вакансии

³ Так, в базе РИНЦ на 1 мая 2017 г. насчитывалось 282 статьи и монографии, посвященных безработице в России, из которых $\frac{2}{3}$ приходится на публикации после 2013 г. Это свидетельствует о росте интереса отечественных исследователей к проблематике безработицы в последние несколько лет.

из базы данных. Организация экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) классифицирует этот вид услуг как эффективный и недорогой. Он может принести пользу практически всем, кто испытывает сложности на рынке труда, поскольку, как правило, общедоступен и не требует предварительной регистрации.

Не имеющие работу лица, в случае если они соответствуют определенным критериям, имеют право на получение набора адресных пособий или программ, субсидируемых правительством. Некоторые из них доступны без регистрации, но основные, в частности пособие по безработице, требуют предварительной регистрации и официального получения статуса безработного. Помимо прямой выплаты в виде пособия по безработице, существует целый ряд поддерживающих программ, которые предлагают определенную денежную компенсацию — либо безусловную, либо обремененную необходимостью участия в той или иной программе. Как правило, зарегистрированные безработные получают пособие по безработице или другой целевой трансферт, например стипендию во время профессионального обучения, субсидию на переезд на работу в другую местность, оплату труда на общественных работах. Политика активной поддержки зарегистрированных безработных включает такие виды программ, как оплачиваемые общественные работы, субсидируемое профессиональное образование, субсидии на samozанятость и поддержку временной занятости.

Для получения права на пособие по безработице требуется первоначальная регистрация в местном центре занятости населения в целях помощи в поисках подходящей работы. Регистрация не допускает перемещения, т.е. если человек переезжает в другую местность, то ему необходимо вновь пройти регистрацию в центре занятости по новому месту жительства. После первоначальной регистрации у службы занятости есть короткий период (в настоящее время — 10 дней⁴), чтобы предложить «подходящую работу» для обратившегося к ней за помощью индивида.

Классификация работы как подходящей основывается на следующих критериях: профессиональные навыки, состояние здоровья, заработная плата на предыдущем месте работы, транспортная удаленность рабочего места от места жительства. Что касается заработной платы, то по общему правилу на новом месте работы ее размер не должен быть ниже либо средней заработной платы за последние три месяца на последнем месте работы, либо прожиточного минимума, в зависимости от того, что меньше⁵. Нельзя не отметить открыва-

⁴ Средневзвешенный период ожидания назначения пособия в странах G7 составляет 6 дней: 0 дней — в Германии, 3 дня — в Великобритании, 7 дней — в Италии, США, Франции, Японии и 14 дней — в Канаде [Tatsiramos, Van Ours, 2014].

⁵ Прожиточный минимум — ежемесячный минимальный уровень дохода, устанавливаемый на федеральном и региональном уровнях на основе потребительской корзи-

ющееся пространство для субъективных трактовок и действий со стороны лиц, принимающих решение о том, является ли работа в каждом конкретном случае «подходящей». Кроме того, для некоторых групп работников *любое* предложение службы занятости о работе считается «подходящим»⁶.

Если служба занятости не смогла сформировать предложение о подходящей работе для зарегистрировавшегося индивида или он рассмотрел два и более варианта, то происходит его регистрация в качестве безработного и он получает право на доступные пособия и программы поддержки⁷.

После регистрации в качестве безработного необходимо продолжать следовать требованиям службы занятости, иначе выплата пособия по безработице приостанавливается и/или индивид удаляется из реестра безработных. Снятие с учета может происходить в случае обнаружения мошенничества при регистрации или игнорирования дальнейших требований после нее. Однако основной отток из регистрации, по официальным данным, является результатом трудоустройства на новую работу⁸.

Важным фактором при характеристике некоторых программ поддержки безработных выступает *страховой стаж* — период, в течение которого работодатель отчисляет взносы в ряд социальных фондов, из которых затем происходит финансирование пособий. Ни один из этих фондов напрямую не связан с выплатами по безработице или какими-либо иными выплатами, имеющими отношение к рискам в сфере занятости⁹.

Программы поддержки безработных: основные характеристики. Законодательная база, регулирующая социальную поддержку безработных в нашей

ны — минимального стандарта благополучия. Он определяет черту бедности. Уровень федерального прожиточного минимума пересматривается ежеквартально.

⁶ Эти группы включают в себя тех, кто: впервые ищет работу; был вне рынка труда более года; имел сезонные работы; уволен дважды за нарушение дисциплины в течение года до безработицы; занимался индивидуальной предпринимательской деятельностью; был членом фермерского хозяйства; закончил обучение или отчислен с субсидируемых курсов профессиональной подготовки; зарегистрирован в службе занятости более 18 месяцев.

⁷ Регистрация в качестве безработного предполагает выполнение ряда иных административных требований, которые могут быть весьма обременительными для проверки.

⁸ Согласно данным Роструда за июль 2012 г., доля безработных, снятых с учета по причине трудоустройства, составила около 9 % от общей численности зарегистрированных безработных на начало периода. Это единственные данные, позволившие провести подобные расчеты. Общая доля снятых с учета (включая безработных и зарегистрированных в целях поиска подходящей работы) за тот же период достигла 30 %, а по данным за сентябрь 2017 г. — 26 %.

⁹ Есть три вида обязательных социальных страховых взносов, направляемых на выплату пенсий и пособий по нетрудоспособности, пособий по беременности и родам, а также на компенсацию медицинских расходов. Совокупный объем таких взносов со стороны работодателей по общему правилу составляет 34 % от фонда оплаты труда.

стране, основывается на нормативно-правовых документах федерального уровня, среди которых: Трудовой кодекс РФ (2001), Закон «О занятости населения в Российской Федерации» (1991) и государственная программа «Содействие занятости населения» (2014). Кроме того, существует ряд федеральных стандартов предоставления государственных услуг в этой области, а также законодательные акты регионального и муниципального уровней.

Представленные далее программы поддержки безработных характеризуются тем, что период нахождения безработного в программе входит в страховой стаж, необходимый для пенсионного обеспечения безработного, что является важной долгосрочной выгодой. Рассмотрим следующие *основные программы*:

- организация оплачиваемых общественных работ;
- субсидирование профессионального образования;
- субсидирование переезда в другую местность в поисках работы;
- оказание финансовой помощи;
- досрочный выход на пенсию;
- выплата пособия по безработице.

Оплачиваемые общественные работы организуются региональными органами власти, которые выбирают тип и объем таких работ. Зарегистрированные в качестве безработных имеют право участвовать в этой программе, однако приоритет отдается тем из них, кто не получил права на пособие по безработице и зарегистрирован в службе занятости более шести месяцев. Общественная работа — это работа, которая прямо или косвенно оплачивается правительством по ставке в размере не ниже величины регионального минимального размера оплаты труда (далее — МРОТ) в случае полной занятости¹⁰. Максимальная продолжительность оплачиваемых общественных работ соответствует максимальной продолжительности срочного трудового договора и в настоящее время составляет пять лет. Лица, участвующие в оплачиваемых общественных работах, включаются Росстатом в группу занятых.

В целом право на получение пособия по безработице сохраняется во время оплачиваемых общественных работ, хотя есть некоторые исключения. Например, для участников, впервые ищущих работу или зарегистрированных

¹⁰ На федеральном уровне МРОТ был введен в 1993 г. для всех работников, занятых полный рабочий день (не менее 40 часов в неделю). Он включает в себя все формы компенсации (заработную плату, надбавки, премии, региональные коэффициенты и т. п.). МРОТ облагается налогом на доходы по ставке в 13 %. Федеральный МРОТ устанавливается одновременно на всей территории страны на основании трехстороннего соглашения. Регионы имеют право устанавливать более высокий размер МРОТ, а также исключать некоторые группы работников из числа тех, кто может на него претендовать. Подобная практика привела к большим региональным различиям в уровне МРОТ.

в качестве безработных более 18 месяцев, общественные работы считаются подходящими и поэтому применяются правила и процедуры, соответствующие нормальной работе, а не временной программе общественных работ. Ввиду этих исключений некоторые граждане из числа зарегистрированных в качестве безработных теряют право на получение пособия по безработице во время оплачиваемых общественных работ, что отчасти объясняет разрыв между числом зарегистрированных безработных и теми, кто имеет право на получение пособия по безработице¹¹.

Субсидированное профессиональное образование доступно для тех зарегистрированных безработных, у которых отсутствуют навыки, необходимые для имеющейся работы. Человек снимается с регистрации в качестве безработного и теряет право на получение пособия, как только получает право на участие в этой программе. Приоритет для участия отдается некоторым группам зарегистрированных безработных, например инвалидам и тем, кто не имел работу в течение более шести месяцев. Субсидированное профессиональное образование сопровождается и другими выплатами, такими как компенсация транспортных расходов, если место обучения находится в другом населенном пункте, а в некоторых случаях выплачивается стипендия.

Относительно новой программой, введенной в 2011 г., является *субсидирование переезда в другую местность в поисках работы*. Она доступна для зарегистрированных в качестве безработных и членов их семей, при этом индивид снимается с регистрации, как только получает право участия в ней. Данная программа включает в себя такие формы финансовой поддержки, как компенсация транспортных расходов, арендной платы, а также единовременное пособие, размер которого и условия получения устанавливаются региональными органами власти.

Когда истекает период выплат пособия по безработице и индивид все еще остается без работы, он получает право на *финансовую помощь*. Финансовая помощь также доступна лицам, которые находятся на программе субсидируемой профессиональной подготовки, при условии хороших результатов в учебном процессе. Финансовая помощь устанавливается на уровне, не превышающем утвержденный минимальный размер пособия по безработице.

Зарегистрированные безработные, которые приближаются к пенсионному возрасту (на момент публикации это 60 лет — для мужчин и 55 лет — для женщин) и не могут найти работу, имеют право *досрочного выхода на пенсию* с пенсионной выплатой в полном объеме, но не ранее чем за два года до официального возраста, предоставляющего право на страховую пенсию по старости. Эти лица должны иметь страховой стаж: 25 лет — для мужчин и 20 лет — для женщин. Досрочная пенсия устанавливается в соответствии с общими прави-

¹¹ Расчеты по данным Росстата показывают, что пособие по безработице не получают по разным причинам около 15 % зарегистрированных безработных.

лами для страховой пенсии по старости. Ее максимальная продолжительность составляет два года, после чего может быть осуществлен переход к пенсии по старости, устанавливаемой на общих основаниях. Выплаты досрочной пенсии приостанавливаются, если человек находит работу, но восстанавливаются, как только он прекращает трудиться.

Трудовое законодательство выделяет особую категорию работников — «испытывающие трудности в поиске работы». В нее входят: инвалиды, молодые работники моложе 18 лет; пожилые работники, близкие к пенсионному возрасту; беженцы; одинокие родители и некоторые другие. Правительство гарантирует для этих групп работников дополнительные льготы и программы поддержки путем создания рабочих мест, а для лиц с ограниченными возможностями *квотируются места* в компаниях с численностью сотрудников более 35 человек, а также организуются специальные учебные программы и другие подобные инициативы.

Пособие по безработице является основным прямым трансфертом доходов для зарегистрированных в качестве безработных. По действующим правилам, продолжительность выплаты пособия составляет 12 месяцев в первом периоде, но этот срок может быть продлен, если индивид имеет соответствующий страховой стаж: более 25 лет — для мужчин и более 20 лет — для женщин¹². В таких случаях пособие по безработице продлевается на две недели за каждый дополнительный год сверх минимально требуемого периода страхования. Пособие по безработице выплачивается региональными органами, но финансируется за счет федерального правительства в форме трансфертов (субвенций). До 2001 г. выплата пособия и другие программы в области содействия занятости финансировались Государственным фондом занятости населения, который аккумулировал целевые страховые взносы от работодателей, но эта практика в настоящее время не работает (хотя периодически возобновляются дискуссии о введении целевых взносов на страхование рисков потери работы).

Пособие по безработице не относится к общедоступным благам. В общем случае право на него имеет безработный, уволенный по причинам, не связанным с неправомерными действиями с его стороны, работавший в режиме полного рабочего дня в течение по крайней мере 26 недель в году, предшествовавшим безработице. Размер пособия рассчитывается как определенный процент от средней заработной платы за последние три месяца на последнем месте работы, но не может быть выше, чем установленный законом максимальный уровень, умноженный на районный коэффициент¹³. Впервые оказавшиеся на

¹² Средневзвешенный максимальный период выплаты пособия в странах G7 составляет 15 месяцев: 36 месяцев — во Франции, 24 — в Германии, 12 — в Италии, около 11 — в Канаде и Японии, 6,5 — в Великобритании и США [Tatsiramos, Van Ours, 2014].

¹³ Данные коэффициенты применяются для расчета выплат тем безработным, кто был занят в местностях с особыми климатическими условиями. Максимальное значение коэффициента составляет 2.

рынке труда, вернувшиеся после длительного (более года) перерыва, а также работники, не отвечающие критериям для получения пособия по безработице, по общему правилу имеют право на пособие в усеченном размере — на установленном законом минимальном уровне, умноженном на размер районного коэффициента. Продолжительность выплаты пособия по безработице в этих случаях в два раза короче обычной.

Общая архитектура правил выплат пособия по безработице, действующих в России, приведена в табл. 1.

Таблица 1. Правила выплат пособия по безработице в России, 2017 г.

Количество месяцев выплаты, начиная с первой	Максимальная доля утраченного заработка, замещаемая пособием, %*
3 или меньше	75
4–7	60
8–12	45
13–24	На минимальном уровне

* Размер пособия должен быть в пределах минимального и максимального уровней (в 2017 г. это 850 и 4900 руб. соответственно), устанавливаемых Правительством РФ, с поправкой на размер районного коэффициента.

Эти унифицированные в настоящее время для всех регионов правила изменялись несколько раз. Так, до 2000 г. максимальный размер пособия по безработице был ограничен средней заработной платой в регионе, а в период с 2000 по 2005 г. — величиной регионального прожиточного минимума. С 2005 г. максимальный размер пособия по безработице ежегодно устанавливается федеральным правительством. Несмотря на возможность изменять минимальный и максимальный уровень, с 2009 г. по настоящий 2018 г. федеральное правительство сохраняет их неизменными в номинальном выражении — 850 и 4900 руб. соответственно. Как и государственные пенсии, пособие по безработице не облагается налогом, но, в отличие от первых, оно официально не подлежит индексации на уровень цен. С учетом инфляции и роста заработной платы с 2009 г. реальная стоимость социального трансферта в виде пособия по безработице существенно снизилась. Кумулятивно за период с 2009 по 2016 г. цены (на основе индекса потребительских цен) выросли на 66 %, а средняя номинальная заработная плата — на 79 %.

В адрес тех лиц, кто не отвечает на предложение службы занятости о работе или регулярно не отчитывается перед ней, применяются санкции в форме сокращения размера пособия по безработице на 25 %.

Помимо рассмотренных выше основных программ поддержки безработных, к *регулярным программам* можно отнести: создание временных ра-

бочих мест для некоторых возрастных групп безработных (14–18 и 18–20 лет), ярмарки вакансий, социальную адаптацию безработных, поддержку занятости, профессиональную ориентацию. Также можно выделить группу *дополнительных программ*, направленных на снижение напряженности на рынке труда. Одна их часть действует на всей территории России, другая — только в отдельных субъектах страны, отнесенных к группе «территорий с напряженной ситуацией на рынке труда». Примером программы, действующей во всех субъектах России, является программа по содействию трудоустройству незанятых инвалидов на оборудованные (оснащенные) для них рабочие места. К распространяемым на отдельные субъекты страны относятся программы по: опережающему профессиональному обучению и стажировке находящихся под риском увольнения; стажировке выпускников учреждений профессионального образования; стимулированию работодателей к замещению свободных рабочих мест безработными; содействию трудоустройству безработных граждан на дополнительные рабочие места, созданные безработными; содействию трудоустройству в других субъектах России проживающих в Северо-Кавказском федеральном округе.

С 2012 г. программы активной политики поддержки безработных финансируются из средств бюджетов регионов. В условиях существенных различий в финансовых возможностях регионов очевидна разница в степени реализации ими рассмотренных выше активных программ. Выплата пособий по безработице сохраняется из федерального бюджета через соответствующие субвенции регионам.

Размер пособия по безработице как относительная величина. Размер пособия по безработице можно сопоставить с *чертой бедности* (одним из ее вариантов), определяемой как сумма денежных средств, необходимых для покупки потребительской корзины товаров и услуг, т.е. прожиточным минимумом. Так, во втором квартале 2017 г. прожиточный минимум для трудоспособного населения был установлен на уровне 11 163 руб.; максимальный и минимальный размеры пособия по безработице — 4900 руб. и 850 руб. соответственно. Таким образом, соотношение максимального пособия по безработице и прожиточного минимума составило 44 %, а минимального пособия и прожиточного минимума — менее 8 %. Значительная доля зарегистрированных безработных (около 48 %), по данным Роструда, получает пособие в минимальном размере. Основной причиной падения относительных размеров пособия является то, что номинальные значения пособия по безработице остаются неизменными с 2009 г., тогда как величина прожиточного минимума индексировалась в связи с инфляцией.

Кроме того, размер пособия по безработице можно соотнести с МРОТ. Так, размер максимального пособия по безработице на конец 2017 г. составил 63 % от федерального МРОТ. Это относительно высокое соотношение в большей

степени связано с очень низким уровнем федерального МРОТ (около 70 % от черты бедности), чем со щедростью самого пособия по безработице.

Такой уровень социальной поддержки чрезвычайно низок и обрекает безработных на доход значительно ниже черты бедности. В государственной программе «Содействие занятости населения», рассчитанной до 2020 г., заявлено, что с 2015 г. размер максимального пособия по безработице в России должен соответствовать прожиточному минимуму — иными словами, положение безработных, получающих максимальную поддержку, не должно быть ниже уровня черты бедности. Однако достичь этого пока не удалось.

МРОТ и прожиточный минимум являются расчетными величинами, основанными на методиках, плохо учитывающих реальную рыночную ситуацию. В связи с этим правомерно сопоставить величину пособия по безработице со средней заработной платой, естественным образом складывающейся на рынке труда. В середине 2017 г. размер максимального пособия по безработице соответствовал 12 % от средней номинальной заработной платы в стране. По данным Роструда, пособие по безработице в максимальном размере получают около 35 % зарегистрированных безработных.

В целом существует слабая связь между величиной пособия по безработице и средней заработной платой индивида на последнем месте работы. Продолжительность общего периода работы, а также периода, в течение которого выплачивались обязательные страховые взносы, также не имеют практически никакого влияния на размер пособия. Таким образом, нынешняя система пособий по безработице слабо дифференцирована в отношении работников с разным уровнем дохода и приносит относительно больше выгод низкооплачиваемым работникам с низкой квалификацией, чем другим работникам.

Современный дизайн системы пособия по безработице, когда уровень пособия низок и слабо дифференцирован, может быть воспринят как пример практической реализации концепции минимального стандарта благосостояния. Однако так полагать было бы ошибкой, поскольку данная концепция исходит из общественно приемлемого минимального уровня дохода, а размер пособия на уровне ниже прожиточного минимума, очевидно, таковым не может считаться.

Структура и риски безработицы в России. Знание основных параметров системы социальной поддержки безработных (если речь идет о пособии по безработице, то это его доступность, уровень и продолжительность выплат) необходимо для адекватной оценки эффекта ее влияния на рынок труда. Важно также понимать особенности безработицы, складывающейся на конкретном рынке труда, характер и факторы распределения рисков ее распространения среди групп населения.

Прежде чем провести анализ соответствующих рисков, дадим общую оценку масштабов безработицы в России с акцентом на востребованность социальной поддержки при потере работы.

Регистрация в органах службы занятости происходит добровольно, но из предыдущего обсуждения ясно следует, что она является необходимым условием для получения большей поддержки, чем информационные услуги. Таким образом, численность зарегистрировавшихся безработных — это хороший показатель того, насколько безработные верят в то, что служба занятости может помочь им вырваться из бедности и найти работу. В этом смысле репрезентативным является сравнение ряда данных по безработным, основанных на подходах МОТ и ОЭСР, а также данных Росстата о численности безработных, зарегистрированных службой занятости. На рис. 1 приведены две серии данных, касающихся безработных: одна из них отражает численность безработных в соответствии со стандартным подходом МОТ/ОЭСР, основанным на опросах, вторая — динамику численности зарегистрированных безработных.

Рис. 1. Общая численность безработных и численность зарегистрированных безработных в России, 1995–2015 гг., тыс. чел. (источники: OECD. Employment and Labour Market Statistics. URL: http://proxy.library.spbu.ru:2184/employment/data/oecd-employment-and-labour-market-statistics_ifs-data-en (дата обращения: 12.12.2018); Росстат. Российский статистический ежегодник. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 12.12.2018))

На рис. 2 представлены данные о зарегистрированных безработных, а именно об их доле в общей численности безработных, а также о доле зарегистрированных безработных, получающих пособие по безработице.

В последние годы только около четверти безработных регистрируются в службе занятости, причем доля тех из них, кто получает трансферт в виде пособия по безработице, составляет немногим более 80 %. Кроме того, после периода, когда показатели количества регистраций и численности получающих пособие были относительно стабильны, с 2009 г. значения этих показателей снижаются (рис. 2). Очевиден малый охват безработных процедурой ре-

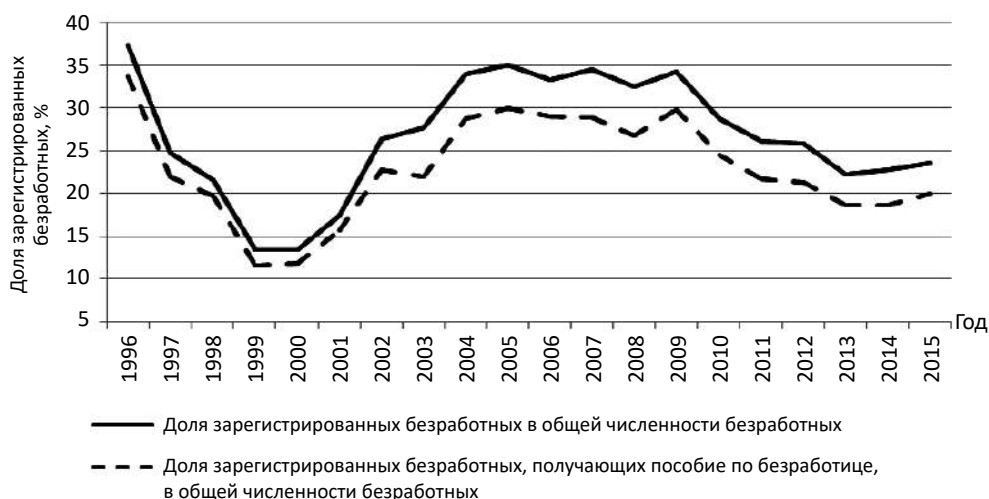

Рис. 2. Зарегистрированные безработные и получающие пособие по безработице в России, 1996–2015 гг., % (источник: Росстат. Российский статистический ежегодник. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 12.12.2018))

гистрации¹⁴, что может объясняться ее сложностями, а также ограниченными возможностями программ поддержки (низкий уровень пособий и недостаточная доступность программ). Возможно, что те 20 % безработных, которые зарегистрировались, но не получают пособия по безработице, могут извлекать выгоду из участия в других программах поддержки. Работники, которые не регистрируются, получают доступ только к части услуг, предлагаемых службой занятости, и, конечно, не к финансовой компенсации.

Перейдем теперь непосредственно к анализу распространенности безработицы и вероятности того, что потерявший работу будет зарегистрирован, следуя подходу Писсаридеса и Уодсворта [Pissarides, Wadsworth, 1992]. Источником данных в нашем случае выступает Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS — HSE)¹⁵. Он представляет собой серию из 24 волн национальных репрезентативных обследований, которые начались в 1992 г. и предназначены для мониторинга последствий влияния российских реформ на здоровье и благосостояние домашних

¹⁴ Хотя методы сбора данных не дают таких гарантий, можно предположить, что зарегистрированные в качестве безработных также входят в число безработных по определению МОТ.

¹⁵ RLMS — HSE проводится НИУ «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 10.12.2018)).

хозяйств и физических лиц в России. Сведения содержат информацию о занятых и безработных индивидах, достаточную для целей исследования. Необходимые данные Росстата в открытом доступе отсутствуют.

Для анализа были взяты репрезентативные данные волн за 2009 г. (18 волн) и 2013 г. (22 волны), собранные в осенне-зимний период. В 2009 г. на рынке труда наблюдалась острая фаза экономического кризиса и уровень общей безработицы, согласно данным Росстата, достигал 8,3 %. 2013 г. выделен как наиболее близкий ко времени исследования год с низким официальным уровнем общей безработицы в 5,5 % до начала фазы разворачивания новой финансово-экономической нестабильности в России. В результате были сформированы две выборки, включающие наблюдения по респондентам в возрасте от 15 до 72 лет, входящим в состав рабочей силы, т.е. относящимся к занятым или безработным. Классификация респондента как безработного основана на общем подходе МОТ, применяемом также Росстатом. Согласно этому подходу, безработным считается индивид в возрасте от 15 до 72 лет, который в рассматриваемом периоде одновременно удовлетворял трем критериям:

- не имел работы (доходного занятия);
- занимался поиском работы;
- был готов приступить к работе.

Выборка 2009 г. содержит данные по 4796 индивидам (4364 занятым и 432 безработным, в том числе 153 зарегистрированы в службе занятости), 2013 г. — 7714 опрошенных (7239 занятым и 475 безработным, в том числе 154 зарегистрированы в службе занятости). Несмотря на малый размер выборок, уровень безработицы близок к официальным данным: 8,2 % — в 2009 г. и 6,2 % — в 2013 г.

Цель анализа состоит в том, чтобы выявить связь между выборочными характеристиками (факторами риска) каждого индивида и вероятностью (большей/меньшей) того, что он окажется в состоянии безработицы, по сравнению с контрольной группой. Для этого была использована логит-регрессия зависимости фиктивной качественной переменной y , отражающей состояние безработицы (где 1 соответствует безработице общей (или зарегистрированной) и 0 — занятости (или незарегистрированной безработице)), а также β -коэффициенты для определения вклада каждого фактора на вероятность оказаться в состоянии безработицы. Оцениваемая логит-регрессия имеет вид:

$$\text{logit}(p_{ij}) \equiv \ln\left(\frac{p_{ij}(y = 1)}{1 - p_{ij}(y = 1)}\right) = \alpha + \beta X_i,$$

где β — вектор оцениваемых коэффициентов, рассчитанных с использованием метода максимального правдоподобия; p_{ij} — вероятность индивида i с набором характеристик X_i (факторов риска) оказаться в состоянии j (т.е. безработицы).

Вероятность безработицы может быть определена следующим образом:

$$p_{ij}(y = 1) = \frac{1}{1 + e^{-(\alpha + \beta X_i)}} = \frac{1}{1 + \exp(-(\alpha + \beta X_i))}.$$

Предельное влияние каждой переменной на вероятность безработицы было найдено по формуле:

$$\frac{dp_{ij}(y = 1)}{dX_i} = p_{ij}(1 - p_{ij})\beta.$$

В табл. 2 представлены результаты логистической регрессии, с помощью которой была проведена оценка рисков общей безработицы по сравнению с занятостью; в табл. 3 — зарегистрированной безработицы по сравнению с незарегистрированной за 2009 и 2013 гг. в России.

Независимыми переменными, выбранными в качестве факторов риска безработицы (общей и зарегистрированной), выступают *индивидуальные характеристики и характеристики окружающей среды*. К первым относятся такие переменные, как: пол, возраст, семейный статус, наличие несовершеннолетних детей, национальность, страна рождения, уровень образования, профессиональная группа, изменение места жительства (населенного пункта) за последние четыре года, получение пенсии, индекс массы тела; ко вторым — место проживания (федеральный округ), численность населения местности проживания респондента.

Отдельные переменные могут составлять группы. Так, группа переменных, связанных с образованием, включает общее, среднее профессиональное и высшее образование; группа переменных в зависимости от видов профессий по ISCO-88¹⁶ включает неквалифицированных рабочих (НКР), квалифицированных рабочих ручного труда (КРРТ), квалифицированных рабочих неручного труда (КРНРТ), работников сферы услуг (РСУ), офисных служащих и служащих по обслуживанию клиентов (ОС), специалистов среднего уровня квалификации и чиновников (ССУК), специалистов высшего уровня квалификации (СВУК), законодателей, крупных чиновников, руководителей высшего и среднего звена (ЗЧР). Наконец, выделены следующие федеральные округа: Центральный (ЦФО), Северо-Западный (СЗФО), Приволжский (ПФО), Дальневосточный (ДВФО), Южный (ЮФО), Уральский (УФО), Сибирский (СФО) и Северо-Кавказский (СКФО). Все переменные в модели являются фиктивными и принимают значение 1 или 0.

¹⁶ ISCO-88. International Standard Codes of Occupations, Geneva: International Labor Office, 1988. URL: <http://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco88/index.htm> (дата обращения: 11.11.2016).

Таблица 2. Риски общей безработицы в России, 2009 и 2013 гг. (логит-регрессия)*

Фактор риска	Выборочное среднее значение фактора		Расчетное значение фактора	
	2009	2013	2009	2013
Пол				
Женщины	0,549	0,530	-0,200**	-0,197**
Возраст, лет				
15–19	0,021	0,009	1,434**	0,738**
20–24	0,112	0,087	0,534**	0,217
25–34	0,227	0,262	0,196	-0,026
50–64	0,257	0,261	-0,179	0,055
65–72	0,025	0,019	-0,934**	0,477
Семейное положение				
Холост / не замужем	0,444	0,433	0,271**	0,285**
Наличие детей				
Есть дети младше 18 лет	0,373	0,414	-0,231**	-0,144
Национальность				
Не русский	0,135	0,129	0,610**	0,550**
Место рождения				
Россия	0,880	0,916	-0,276**	-0,004
Переезд в другую местность за последние четыре года				
Да	0,046	0,056	0,286	0,556**
Уровень образования				
Профессиональное	0,573	0,535	-0,450**	-0,368**
Высшее	0,266	0,307	-0,244	-0,470**
Профессиональная группа				
КРРТ	0,132	0,121	-0,687**	-0,443**
КРНРТ	0,150	0,157	-0,789**	-0,373**
PCY	0,133	0,120	-0,189	-0,056
OC	0,056	0,055	-0,843**	0,075
CCYK	0,162	0,187	-2,304**	-0,218
CBYK	0,164	0,166	-1,815**	-0,470**
ЗЧР	0,043	0,060	-0,799**	-0,364

Окончание табл. 2

Фактор риска	Выборочное среднее значение фактора		Расчетное значение фактора	
	2009	2013	2009	2013
Населенный пункт, численность населения				
Свыше 3500, но менее 1 000 000	0,565	0,574	–0,194**	–0,187**
свыше 1 000 000 (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	0,070	0,078	–0,478**	–0,223
Москва или Санкт-Петербург	0,129	0,113	0,443**	0,454**
Федеральный округ				
СЗФО	0,115	0,104	–0,663**	–0,498**
ВФО	0,210	0,213	–0,155	–0,475**
ДФО	0,049	0,050	0,310	0,515**
ЮФО	0,096	0,105	–0,908**	–0,200
УФО	0,084	0,069	0,500**	0,076
СФО	0,105	0,134	0,424**	0,424**
СКФО	0,057	0,059	1,641**	1,097**
Наличие пенсии				
Есть	0,171	0,157	0,004	–0,484**
Индекс массы тела				
30 и выше (ожирение)	0,189	0,212	–0,240**	–0,374**
Количество наблюдений	4499	7323		
Зависимая переменная	0,090	0,062		
Точка пересечения			–1,281**	–2,407**

Составлено по: RLMS — HSE. URL: <http://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 22.04.2017).

* Логит-регрессия рассчитана при условии, что 1 = безработный, 0 = занятый;

** Значимость на уровне $p < 0,1$.

В табл. 2 и 3 расчетные значения оценок сделаны по отношению к базовому уровню. Так, для женщин сравнение происходит относительно мужчин; для возрастных групп базовой группой является группа в лиц в возрасте 35–49 лет; для холостых/незамужних — женатые/замужние; для имеющих детей в возрасте до 18 лет — лица без совершеннолетних детей; для не русских — русские; для рожденных в России — рожденные за ее пределами; для переехавших на другое место жительства — те, чье место жительства оставалось прежним в течение последних четыре лет; для уровня образования ба-

Таблица 3. Риски зарегистрированной безработицы в России, 2009 и 2013 гг. (логит-регрессия)*

Фактор риска	Выборочное среднее значение фактора		Расчетное значение фактора	
	2009	2013	2009	2013
Пол				
Женщины	0,549	0,530	0,153	0,338**
Возраст, лет				
15–19	0,021	0,009	–0,144	–0,725
20–24	0,112	0,087	0,161	–1,162**
25–34	0,227	0,262	0,026	–0,462**
50–64	0,257	0,261	0,312	0,077
65–72	0,025	0,019	–	–
Семейное положение				
Холост / не замужем	0,444	0,433	0,159	–0,240
Наличие детей				
Есть дети младше 18 лет	0,373	0,414	–0,204	–0,264
Национальность				
Не русский	0,135	0,129	1,222**	1,194**
Место рождения				
Россия	0,880	0,916	–0,417**	0,862**
Переезд в другую местность за последние четыре года				
Да	0,046	0,056	–0,586	–0,202
Уровень образования				
Профессиональное	0,573	0,535	–0,599**	–0,557**
Высшее	0,266	0,307	–0,102	–0,640**
Профессиональная группа				
КРРТ	0,132	0,121	0,122	–0,358
КРНРТ	0,150	0,157	0,599**	–0,710**
PCY	0,133	0,120	0,928**	–1,309**
OC	0,056	0,055	–1,771**	0,108
CCYK	0,162	0,187	1,082**	–0,398

Окончание табл. 3

Фактор риска	Выборочное среднее значение фактора		Расчетное значение фактора	
	2009	2013	2009	2013
СВУК	0,164	0,166	0,936**	-0,494
ЗЧР	0,043	0,060	2,477**	0,928**
Населенный пункт, численность населения				
Свыше 3500, но менее 1 000 000	0,565	0,574	-0,325**	-0,428**
Свыше 1 000 000 (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	0,070	0,078	-0,975**	-1,271**
Москва или Санкт-Петербург	0,129	0,113	-0,148	-1,030**
Федеральный округ				
СЗФО	0,115	0,104	0,122	-0,181
ВФО	0,210	0,213	0,599**	0,019
ДФО	0,049	0,050	0,928**	1,401**
ЮФО	0,096	0,105	-1,771**	-0,612
УФО	0,084	0,069	1,082**	0,580
СФО	0,105	0,134	0,935**	-0,085
СКФО	0,057	0,059	2,477**	1,780**
Наличие пенсии				
Есть	0,171	0,157	-	-1,745**
Индекс массы тела				
30 и выше (ожирение)	0,189	0,212	0,046	0,079
Количество наблюдений				
Зависимая переменная	0,090	0,062		
Точка пересечения			-3,031**	-4,148**

Составлено по: RLMS — HSE. URL: <http://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 22.04.2017).

* Логит-регрессия рассчитана при условии, что 1 = зарегистрированный безработный, 0 = незарегистрированный безработный;

** Значимость на уровне $p < 0,1$.

зовым являлось общее образование; для профессиональных групп — неквалифицированные рабочие; для населенного пункта по численности жителей — сельская местность (т. е. не более 3500 чел.); для федеральных округов — ЦФО; для получающих пенсию — те, кто не получает никакой пенсии; для страдающих ожирением — те, чей индекс массы тела не превышает 30 единиц.

Результаты логистического регрессионного анализа, представленные в табл. 2 и 3, можно интерпретировать следующим образом. Положительная (отрицательная) оценка коэффициента при переменной свидетельствует о том, что индивид с соответствующей характеристикой с большей (меньшей) вероятностью оказывается в состоянии общей или зарегистрированной безработицы по сравнению с тем, у кого данная характеристика отсутствует, и при прочих равных¹⁷. Более высокий (низкий) коэффициент при переменной указывает на ее относительно более высокий (низкий) вклад в вероятность индивида оказаться в состоянии общей или зарегистрированной безработицы. При этом сопоставления оценок коэффициентов корректны только внутри отдельной группы/подгруппы или между одинаковыми группами/подгруппами.

Развернутый анализ результатов вряд ли возможен в рамках настоящего исследования. Приведем лишь несколько примеров интерпретации данных таблиц. Так, согласно полученным данным, молодежь в возрасте от 15 до 19 лет и в кризисном 2009 г., и в относительно стабильном 2013 г. имела наибольшую вероятность оказаться в группе безработных, но при этом наименьшую вероятность стать зарегистрированными безработными, чем индивиды других возрастных групп.

Переезд в другую местность не дает гарантий трудоустройства. Вероятность оказаться в состоянии безработицы, согласно полученным результатам, у тех респондентов, которые недавно предприняли переезд, выше по сравнению с теми, кто такого переезда не совершал.

Согласно полученным результатам, высокий уровень образования снижает риски наступления безработицы. Лица, имеющие среднее и высшее профессиональное образование, также с меньшей вероятностью окажутся среди зарегистрированных безработных. Все это соответствует выводам специальных исследований по данным в других странах [Dustmann, Glitz, Vogel, 2010; Riddell, Song, 2011]. Наличие квалификации также снижает вероятность безработицы. В условиях кризиса 2009 г. профессионалы и технические специалисты имели более высокие шансы сохранить рабочее место.

Регионами с повышенным риском безработицы в 2009 и 2013 гг. оставались Северо-Кавказский, Дальневосточный, Сибирский и Уральский федеральные округа.

Интересно отметить два результата, требующие дополнительного анализа, особенно с учетом высокой статистической значимости полученных коэффициентов. Первый из них связан с обнаружением более высоких рисков безработицы в Москве и Санкт-Петербурге по сравнению с другими местностями, классифицированными по общей численности проживающих. Вторым результатом предполагает возможную связь вероятности потери работы с индексом массы тела.

¹⁷ Содержательная интерпретация коэффициентов при переменных не имеет смысла.

Вклад каждого из рассмотренных факторов в вероятность оказаться в состоянии безработицы и зарегистрированной безработицы соответственно продемонстрирован в табл. 4 и 5.

Таблица 4. Объясняющие факторы риска и общая безработица, 2009 и 2013 гг.*

Фактор риска	Доля в выборке, %		Общий уровень безработицы, %		Дифференциал, связанный с фактором риска	
	2009	2013	2009	2013	2009	2013
Пол						
Женщины	54,9	53,0	7,7	5,6	-1,4	-0,9
Мужчины	45,1	47,0	10,6	6,8	-	-
Возраст, лет						
15-19	2,1	0,9	36,9	29,4	14,5	4,5
20-24	11,2	8,7	15,4	12,6	4,1	1,1
25-34	22,7	26,2	9,3	6,4	1,3	-0,1
35-49	35,8	36,2	7,7	5,3	-	-
50-64	25,7	26,1	6,0	4,3	-1,1	0,3
65-72	2,5	1,9	3,4	4,7	-4,4	2,6
Семейное положение						
Холост / не замужем	44,4	43,3	11,8	8,2	1,8	1,4
Женат / замужем	55,6	56,7	6,9	4,6	-	-
Наличие детей						
Дети младше 18 лет	37,3	41,4	7,6	4,9	-1,6	-0,7
Без несовершеннолетних	62,7	58,6	9,9	7,1	-	-
Национальность						
Не русский	13,5	12,9	19,5	12,4	4,2	2,6
Русский	86,5	87,1	7,4	5,2	-	-
Место рождения						
Россия	88,0	91,6	8,6	6,2	-1,9	-0,0
Иное	12,0	8,4	12,6	6,1	-	-
Переезд в другую местность за последние четыре года						
Да	4,6	5,6	10,0	10,5	1,9	2,6

Продолжение табл. 4

Фактор риска	Доля в выборке, %		Общий уровень безработицы, %		Дифференциал, связанный с фактором риска	
	2009	2013	2009	2013	2009	2013
Нет	95,4	94,4	9,0	5,9	–	–
Уровень образования						
Общее	16,1	15,8	20,8	11,9	–	–
Профессиональное	57,3	53,5	7,5	5,3	–3,3	
Высшее	26,6	30,7	5,1	4,7	–1,9	
Профессиональная группа						
НКР	16,0	13,4	20,7	7,2	–	–
КРРТ	13,2	12,1	9,4	4,8	–6,6	–2,1
КРНРТ	15,0	15,7	8,0	4,9	–7,3	–1,8
РСУ	13,3	12,0	13,8	6,2	–2,1	–0,3
ОС	5,6	5,5	7,9	6,8	–7,7	0,4
ССУК	16,2	18,7	2,1	4,5	–13,7	–1,1
СВУК	16,4	16,6	2,9	3,4	–12,4	–2,2
ЗЧР	4,3	6,0	6,3	3,7	–7,4	–1,8
Населенный пункт, численность населения						
Сельская местность	23,6	23,5	13,2	7,8	–	–
Свыше 3500, но менее 1 000 000 человек	56,5	57,4	7,5	5,6	–1,3	–0,9
Свыше 1 000 000 человек (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	7,0	7,8	5,9	3,3	–3,0	–1,0
Москва или Санкт-Петербург	12,9	11,3	9,6	7,6	3,7	2,7
Федеральный округ						
ЦФО	28,4	26,6	8,2	5,9	–	–
СЗФО	11,5	10,4	4,7	3,8	–3,4	–1,9
ВФО	21,0	21,3	5,8	3,2	–1,0	–1,9
ДФО	4,9	5,0	9,7	7,7	2,2	2,9
ЮФО	9,6	10,5	,5	4,3	–4,3	–0,8

Окончание табл. 4

Фактор риска	Доля в выборке, %		Общий уровень безработицы, %		Дифференциал, связанный с фактором риска	
	2009	2013	2009	2013	2009	2013
УФО	8,4	6,9	10,5	4,9	3,9	0,4
СФО	10,5	13,4	10,5	7,0	3,2	2,3
СКФО	5,7	5,9	37,6	23,8	18,4	7,9
Наличие пенсии						
Есть пенсия	17,1	15,7	5,4	3,5	0,0	-2,9
Нет	82,9	84,3	9,8	6,7	-	-
Индекс массы тела						
30 и выше (ожирение)	18,9	21,2	5,4	3,7	-1,6	-0,9
Нет ожирения	81,1	78,8	9,8	6,9	-	-

Составлено по: RLMS — HSE. URL: <http://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 22.04.2017).

* Рассчитано при условии, что 1 = безработный, 0 = занятый.

В табл. 4 и 5 объясненная факторами риска разница в уровне безработицы привязана к соответствующим базовым значениям фактора, указанным для табл. 2 и 3.

Таблица 5. Объясняющие факторы риска и зарегистрированная безработица, 2009 и 2013 гг.*

Фактор риска	Уровень зарегистрированной безработицы, %		Дифференциал, связанный с фактором риска	
	2009	2013	2009	2013
Пол				
Женщины	3,1	2,2	0,4	0,5
Мужчины	3,3	1,8	-	-
Возраст, лет				
15–19	3,9	4,4	-0,4	-1,0
20–24	4,5	1,9	0,5	-1,3
25–34	3,7	1,9	0,1	-0,7
35–49	3,5	2,5	-	-

Продолжение табл. 5

Фактор риска	Уровень зарегистрированной безработицы, %		Дифференциал, связанный с фактором риска	
	2009	2013	2009	2013
50–64	2,0	1,5	0,9	0,1
65–72	0,0	0,0	н/р	н/р
Семейное положение				
Холост / Не замужем	3,5	2,1	0,5	–0,4
Женат / Замужем	3,0	2,0	–	–
Наличие детей				
Дети младше 18 лет	3,6	1,8	–0,1	–0,4
Без несовершеннолетних	3,0	2,2	–	–
Национальность				
Не русский	13,6	8,3	3,5	1,8
Русский	1,6	1,0	–	–
Место рождения				
Россия	2,8	2,1	–1,2	1,3
Иное	6,5	0,8	–	–
Переезд в другую местность за последние четыре года				
Да	1,4	1,4	–1,7	–0,3
Нет	3,3	2,0	–	–
Уровень образования				
Общее	9,1	4,9	–	–
Профессиональное	2,1	1,5	–1,8	–1,0
Высшее	1,9	1,4	–0,4	–1,1
Профессиональная группа				
НКР	8,7	2,5	–	–
КРРТ	2,5	1,8	–2,9	–0,6
КРНРТ	3,1	1,3	–2,8	–1,1
PCY	4,2	1,0	–1,0	–1,7
OC	2,6	2,6	–3,3	0,2

Окончание табл. 5

Фактор риска	Уровень зарегистрированной безработицы, %		Дифференциал, связанный с фактором риска	
	2009	2013	2009	2013
ССУК	0,6	1,2	-6,0	-0,7
СВУК	1,1	1,2	-5,0	-0,8
ЗЧР	1,0	0,7	2,6	-1,3
Населенный пункт, численность населения				
Сельская местность	6,7	4,0	-	-
Свыше 3500, но менее 1 000 000 человек	2,4	1,7	-1,0	-0,7
Свыше 1 000 000 человек (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	1,2	0,5	-2,5	-1,6
Москва или Санкт-Петербург	1,1	0,4	-0,5	-1,4
Федеральный округ				
ЦФО	1,0	0,8	-	-
СЗФО	1,3	0,6	0,2	-0,2
ВФО	1,8	1,0	1,2	0,0
ДФО	3,4	3,9	2,2	2,8
ЮФО	0,4	0,5	-1,3	-0,5
УФО	2,7	1,5	2,7	0,8
СФО	2,8	0,8	2,2	-0,1
СКФО	28,8	17,8	12,0	4,3
Наличие пенсии				
Есть пенсия	0,0	0,3	-	-2,6
Нет	3,9	2,3	-	-
Индекс массы тела				
30 и выше (ожирение)	2,1	1,6	0,1	0,1
Нет ожирения	3,5	2,1	-	-

Составлено по: RLMS — HSE. URL: <http://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 22.04.2017).

* Рассчитано при условии, что 1 = зарегистрированный безработный, 0 = безработный.

Интерпретировать полученные результаты можно таким образом: например, согласно данным табл. 4, разница в общем уровне безработицы между мужчинами и женщинами в 2013 г. составила 1,2 % (6,8 % — 5,6 %), из которых 0,9 % объяснялись фактором гендера, а 0,3 % — другими факторами. Как видно из табл. 5, разница в уровнях зарегистрированной безработицы между молодежью в возрасте 20–24 года и группой лиц 35–49 лет в кризисном 2009 г. достигала 1,0 % (4,5 % — 3,5 %), из них 0,5 % обуславливались фактором возраста и столько же — другими факторами.

Заключение. На основе регрессионного анализа микроданных по индивидам в настоящей работе представлена оценка вероятности их нахождения в состоянии безработицы в зависимости от набора характеристик (факторов риска). Базой для исследования стали данные RLMS — HSE за 2009 и 2013 гг. По ряду характеристик выявлены группы лиц, подверженные относительно большему риску оказаться в состоянии безработицы, среди которых особое место занимает молодежь.

Кроме того, проведен анализ вклада отдельно взятых факторов риска в вероятность оказаться безработным и зарегистрированным безработным, причем к наиболее значимым их них отнесены: гендер и семейное положение, возраст, уровень образования, профессиональная группа, федеральный округ и пенсионный статус. Таким образом, установлена неравномерность распределения рисков безработицы и специфические факторы, повышающие вероятность оказаться в данной ситуации.

В целом относительно низкий уровень пособия, наблюдаемый в России, стимулирует безработных на быстрый поиск работы, но не создает предпосылки для того, чтобы приблизить результат поиска к его оптимуму. Неэффективная система социальной поддержки безработных лишает экономику временной буферной зоны, необходимой для эффективных процессов реструктуризации экономики и перехода к новому технологическому укладу.

Изучение безработицы следует продолжить на более длительных временных интервалах, что позволит выявить долгосрочные закономерности в факторах риска ее распространения. Отдельного внимания исследователей требует анализ влияния на уровень, масштабы и качество социальной поддержки безработных недавно произошедшего перехода к финансированию программ активной поддержки безработных за счет средств региональных бюджетов.

На макроуровне следует глубже проанализировать предложение о повышении зависимости уровня социальной поддержки безработных от их страхового стажа, в том числе в контексте возможного внедрения института универсального базового дохода. Помимо прочего, это вызвано необходимостью учитывать новые риски безработицы, связанные с разворачивающейся технологической трансформацией и ростом неустойчивости (прекаризации) в сфере занятости.

Список литературы

- Нанавян А. М. Безработица в России: риски и экономические последствия // Экономическая наука современной России. 2007. № 4. С. 70–78.
- Demidova O., Marelli E., Signorelli M. Spatial Effects on the Youth Unemployment Rate // *Eastern European Economics*. 2013. Vol. 51, iss. 5. P. 94–124.
- Dustmann C., Glitz A., Vogel T. Employment, wages, and the economic cycle: Differences between immigrants and natives // *European Economic Review*. 2010. Vol. 54, no. 1. P. 1–17.
- Gimpelson V., Kapeliushnikov R. Labor Market Adjustment: is Russia Different? // *The Oxford Handbook of the Russian Economy* / eds M. Alekseev, Sh. Weber. 2013. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199759927.001.0001/oxfordhb-9780199759927-e-012> (дата обращения: 14.03.2018).
- Grogan L., Van den Berg G. J. The Duration of Unemployment in Russia // *Journal of Population Economics*. 2001. Vol. 14, iss. 3. P. 549–568.
- Nivorozhkin A. New Estimates of the Risk and Duration of Registered Unemployment in Urban Russia // *International Journal of Manpower*. 2006. Vol. 27, iss. 3. P. 274–289.
- Nivorozhkin A. An Evaluation of Government-Sponsored Vocational Training Programmes for the Unemployed in Urban Russia // *Cambridge Journal of Economics*. 2005. Vol. 29, iss. 6. P. 1053–1072.
- OECD Employment Outlook 2011. OECD Publishing. 2011. URL: http://proxy.library.spbu.ru:2083/10.1787/empl_outlook-2011-en (дата обращения: 03.02.2016).
- Pissarides C. A., Wadsworth J. Unemployment Risks // *Understanding Unemployment* / ed. by E. McLaughlin. London, 1992. P. 58–79.
- Riddell W. C., Song X. The impact of education on unemployment incidence and re-employment success: Evidence from the U.S. labour market // *Labour Economics*. 2011. Vol. 18, iss. 4. P. 453–463.
- Tatsiramos K., Van Ours J. C. Labor Market Effects of Unemployment Insurance Design // *Journal of Economic Surveys*. 2014. Vol. 28, no. 2. P. 284–311.
- Winkelmann R. Unemployment and happiness // *IZA World of Labor*. 2014. Iss. 94. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/125321/1/iza-wol-094.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).

В. А. Базжина

Развитие института посредничества на рынке труда

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Базжина В. А. Развитие института посредничества на рынке труда // Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ / под ред. В. Т. Рязанова. СПб., 2019. С. 342–351.

В статье приведена классификация видов посредников на современном рынке труда, описана история трудового посредничества в Российской Федерации, выявлена институциональная роль рекрутинговых агентств как посредников, способствующих удовлетворению спроса на труд. Проведен ретроспективный анализ отношения международных общественных организаций к платному посредничеству на рынке труда, определены тенденции развития института трудового посредничества под влиянием четвертой промышленной революции.

Ключевые слова: институт, рынок труда, рекрутинг, государственная служба занятости, аллокация человеческого капитала.

Введение. Согласно институциональному подходу, механизм функционирования рынка труда, а также равновесные и неравновесные состояния зависят от ряда неэкономических факторов, в том числе от наличия и активности коммерческих (частных) и государственных посредников на рынке труда. Основная роль посредников — снижение асимметрии информации на рынке труда, включающей информацию о вакансиях и лицах, ищущих работу (соискателях). Подобная информация, как правило, имеет унифицированный характер и сводится к сведениям о должностных обязанностях и требованиях к уровню квалификации будущих сотрудников; иногда в нее включаются требования к личностным качествам, также указывается примерный размер заработной платы. В первичную информацию входят сведения (обычно в виде резюме) о персональных данных, о желаемой вакансии или должности, об образовании и повышении квалификации, опыте работы (в случае наличия), в том числе приводится перечень организаций, в которых работал соискатель, указываются сроки работы, должностные обязанности и другие данные, которые соискатель считает нужным показать работодателю.

Перечисленные сведения носят поверхностный, формальный характер и включают минимальную информацию как о предлагаемых условиях и содержании труда, так и о трудовом потенциале соискателей. Именно поэтому наличие посредников на рынке труда позволяет минимизировать риск ошибки при найме нового сотрудника или при выборе работы [Рынок труда, 2018].

Первые посредники на рынке труда появились в 1989–1991 гг. в связи с открытием тогда еще в СССР представительств иностранных компаний. После принятия Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в РФ»¹ (далее — Закон о занятости населения) было определено понятие «безработный», началась история деятельности государственных структур, поддерживающих социальную политику в области содействия занятости, стал развиваться рынок частных посредников в трудовой сфере [Базжина, 20076].

Классификация посредников на рынке труда. Посредников на рынке труда условно можно разделить на три типа: 1) посредники в области трудоустройства для физических лиц; 2) информационные площадки, одновременно специализирующиеся на трудоустройстве и подборе персонала; 3) посредники в области подбора персонала для юридических лиц.

Для посредников *первого типа* закрытие вакансии не является основным направлением деятельности, их основная задача — помощь безработному в поисках работы. Как правило, такая помощь оказывается на безвозмездной основе государственными структурами в области содействия занятости. В некоторых странах государственные службы занятости относительно автономны, в других странах они интегрированы непосредственно в министерство труда. В последнем случае службы занятости жестко связаны с системой государственного управления, решение об их статусе и организации зависит от тех полномочий, которые им дает правительство, а их расходы финансируются исключительно из доходов государства.

В Российской Федерации государственная служба занятости имеет следующую структуру: в ведении Министерства труда и социальной защиты находится Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим ряд функций. В частности, Роструд отвечает за оказание государственных услуг в сфере содействия занятости населения и защиты от безработицы непосредственно или через свои территориальные органы во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями (Положение о Федеральной службе по труду и занятости в ред. Постановления Правительства РФ от 27.12.2014 № 1581).

Государственная служба занятости субъекта РФ выполняет следующие основные функции:

- 1) осуществляет деятельность через местные (районные) агентства и центры занятости (например, в Санкт-Петербурге действуют 18 агентств занятости);
- 2) осуществляет процедуру установления граждан безработными;

¹ Здесь и далее нормативно-правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.12.2018).

- 3) содействует трудоустройству граждан, т. е. предлагает согласно Закону о занятости населения подходящую работу из имеющихся в наличии вакансий с учетом образования и опыта безработного, территориального расположения потенциального работодателя и т. д.;
- 4) оказывает консультационные услуги юридического характера, а также социально-психологическую помощь безработным;
- 5) оказывает особую поддержку в трудоустройстве социально не защищенным категориям граждан: учащимся, выпускникам учебных заведений без опыта работы, молодым матерям, родителям из многодетных семей, инвалидам и др.;
- 6) отправляет гражданина на обучение и переобучение в случае отсутствия образования или его не востребоованности на рынке труда;
- 7) способствует началу организации собственного дела, т. е. стимулирует предпринимательскую активность населения за счет обучения основам предпринимательства и выделения субсидий на открытие бизнеса.

Все услуги государственной службы занятости оказываются населению на безвозмездной основе. В качестве неосновной деятельности государственная служба занятости бесплатно участвует в закрытии вакансий предприятий и организаций.

В качестве посредников, ориентированных на поиск работы, выступают также:

- частные агентства по трудоустройству (практически изжили себя, показав свою неэффективность в связи с развитием информационных технологий);
- отделы (службы) практик и трудоустройства в вузах и других учебных заведениях и др.

Второй тип посредников — информационные площадки — не дает никаких гарантий участникам рынка труда; основная задача таких площадок — предоставление информации об открытых вакансиях и соискателях, ищущих работу. К такого рода посредникам относятся средства массовой информации общего и специализированного характера, а также значительное количество площадок в сети Интернет. В связи с развитием цифровой экономики поиск персонала становится полностью автоматизированным, вплоть до автоматического первичного общения с соискателями (с использованием ботов). Доски объявлений, специализированные *job*-сайты, социальные сети, контекстная и таргетированная реклама предоставляют соискателям широкий спектр возможностей получить информацию о спросе на труд.

Активнее всего в настоящее время используются специализированные интернет-сайты по подбору персонала и поиску работы. Научно-технический

прогресс не стоит на месте, ежегодно меняется функционал сайтов как для соискателей, так и для работодателей. Как правило, с работодателей снимается плата и за размещение информации о вакансиях, и за возможность просмотра базы резюме в конкретных регионах. Прослеживается корреляция между стоимостью услуги доступа к сайту и уровнем надежности: чем дороже услуга, тем больше достоверной информации об участниках рынка труда.

Для соискателей размещение резюме обычно бесплатно, но некоторые сайты могут предложить дополнительные услуги на платной основе (например, ограничение доступа конкретных работодателей к резюме и т. д.).

Посредники *третьего типа*, специализирующиеся в области подбора персонала, ориентируются в своей деятельности на закрытие вакансий предприятий и организаций на контрактной основе, т. е. на основании гражданско-правового характера оказания услуг. Как правило, этим занимаются частные коммерческие кадровые агентства (агентства по подбору персонала, рекрутинговые агентства) [Рынок труда, 2018].

Рекрутинг (рекрутмент) (англ. *recruiting, recruitment* — вербовка, набор новобранцев, пополнение рядов) — подбор персонала, т. е. бизнес-процесс, отвечающий за удовлетворение потребностей компаний-работодателей в работниках определенного квалификационного уровня, необходимого для выполнения трудовых действий, обеспечения трудового процесса, достижения целей компании. Институциональная роль рекрутинговых агентств в рыночной экономике заключается в распределении конкурентоспособных работников среди конкурентоспособных компаний-работодателей. Иными словами, с их помощью осуществляется содействие эффективной аллокации человеческого капитала. С точки зрения бизнеса рекрутинг — это выведение непрофильной управленческой функции за пределы компании, т. е. аутсорсинг [Базжина, 2009].

Данный вид услуг базируется на двух информационных аспектах. Рекрутинговые агентства, с одной стороны, концентрируют в своих базах данных уникальный набор информации о соискателях (причем как работающих, так и ищущих работу), включая оценки по собственным методикам, а с другой — профессионально консультируют и работодателей, и соискателей. Именно второй частью деятельности на сегодняшний момент рекрутинговые агентства отличаются от информационных посредников на рынке труда, работающих на цифровых платформах. Получается, что рекрутинговое агентство не только собирает и обрабатывает информацию, но и анализирует ее, производя собственный информационный продукт.

Рекрутинг имеет положительный внешний эффект, увеличивая степень удовлетворения соискателей и работодателей: работодатель с помощью специально подобранного для его компании персонала быстрее достигает тактических и стратегических целей, минимизируя издержки и максимизируя прибыль. Соответственно повышается уровень заработной платы высокоэффективных

сотрудников, увеличивается их покупательская способность. Соискатели же, являясь, по сути, ресурсом для оказания услуги, получают предложения о работе с лучшими условиями, в том числе для самореализации [Базжина, 2007а].

Существует несколько технологий работы рекрутинговых агентств (массовый подбор, подбор персонала «под ключ», хэдхантинг и т. д.), однако схема взаимодействия с заказчиком примерно одинаковая, она варьируется в зависимости от сложности заказа, редкости требующегося специалиста, а также скорости закрытия вакансии.

Все издержки на поиск и подбор персонала несет рекрутинговое агентство, а компания-заказчик компенсирует их в форме гонорара. Согласно морально-этическому кодексу профессиональных объединений консультантов по подбору персонала, все услуги для соискателей бесплатны, т. е. их трудоустройство — побочный эффект, а не основная цель деятельности. В отличие от государственной службы занятости, рекрутинговые агентства заинтересованы в работающих на данный момент соискателях, желающих сменить место работы. Безработные с продолжительным перерывом в работе, по распространенному мнению, не являются конкурентоспособными кандидатами, так как велика вероятность того, что они теряют квалификацию в динамично развивающихся условиях ведения экономической деятельности.

В зависимости от размера и специализации рекрутинговые агентства могут быть как агентствами общего профиля, так и узкоспециализированными (например, подбор IT-специалистов, массовый подбор сотрудников для ритейл-компаний, подбор команды для круизных лайнеров и т. д.). В большинстве случаев заказчиком выступает юридическое лицо; исключение составляет подбор домашнего персонала (няни, гувернантки, домработницы и т. д.), где заказчиком является домохозяйство.

Посредниками, ориентированными на подбор персонала, также могут быть: профессиональные сообщества (ассоциации, союзы, т. е. общественные объединения юридических лиц); профессиональные интернет-сообщества (специализированные порталы, площадки для обсуждения вопросов, связанных с конкретной профессиональной областью, и т. д.); корпоративные сайты и др. [Базжина, 2007б; Рынок труда, 2018].

Международные общественные организации и платное трудовое посредничество. В масштабе мировой экономики институт платного трудового посредничества впервые получил правовое оформление в 1919 г. на первой сессии Международной конференции труда Международной организации труда² (далее — МОТ). Принятые на этой сессии Конвенция № 2³ и Рекомен-

² Официальный сайт Международной организации труда. URL: <http://www.ilo.org/global/lang-en/index.htm> (дата обращения: 10.12.2018).

³ Конвенции МОТ. URL: <https://web.archive.org/web/20090330220729/http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/convdisp1.htm> (дата обращения: 10.12.2018).

дация № 1⁴ предлагали два основных способа облегчения последствий безработицы: трудовое посредничество и страхование на случай безработицы. Задача сводилась к повсеместной организации контор трудового посредничества под эгидой государства. С принятием этих актов многие страны впоследствии придали трудовой посреднической деятельности статус государственного закона и начали централизованно координировать предложения о трудовой посреднической деятельности. Исходя из существовавшей в то время необходимости бороться со злоупотреблениями, Конвенция выступала против платного трудового посредничества. Она допускала наличие бесплатных и частных контор по трудовому посредничеству при условии, что они подчиняются государственному законодательству и их деятельность согласовывается с деятельностью государственных служб занятости. В 1919 г. сама идея платных контор трудового посредничества вызывала негативное отношение у авторов названных нормативных актов. Последующие же документы МОТ начинают проявлять гибкость в этом вопросе.

Первые нормативные акты МОТ устанавливают важный принцип: представители работников и нанимателей участвуют в деятельности контор трудового посредничества. Это участие гарантировало прежде всего защиту от злоупотреблений и махинаций, возможных на плохо организованном рынке. Участие работников в паритетных или трехсторонних контрольных комиссиях, предусмотренное Конвенцией № 2, не позволяло конторам трудового посредничества, идущим на поводу у некоторых работодателей, увольнять бастующих работников, предлагать плохо оплачиваемую работу или же плохие условия труда.

Проблема платного трудового посредничества вновь была рассмотрена Международной организацией труда в 1933 г. Принятые в том году Конвенция № 34 и Рекомендация № 42⁵ в общих чертах остаются верны принципу бесплатного трудового посредничества, но вместе с тем сильно смягчают формулировку о недопустимости платных контор. Рекомендация признает, что закрытие платных контор трудового посредничества для некоторых профессий во многих странах может стать источником проблем, если бесплатные государственные конторы не смогут полностью заменить частные. Этот документ признает важную роль некоторых контор, специализирующихся на определенных профессиях. Он призывает государственные службы занятости следовать их примеру, признавая, что ликвидировать частные конторы можно будет только тогда, когда подобные государственные службы смогут гарантировать такое же качество оказываемых услуг. Принцип последовательной ликвидации

⁴ Рекомендация МОТ № 1 «Рекомендация о безработице». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901875593> (дата обращения: 10.12.2018).

⁵ Рекомендация МОТ № 42 «О бюро занятости». URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=21564 (дата обращения: 10.12.2018).

частных контор по трудовому найму ляжет в основу многочисленных споров и публикаций, посвященных необходимой координации возможного сосуществования частного и государственного трудового посредничества. Эти дискуссии приведут через 16 лет к пересмотру Конвенции № 34.

В середине XX в. сформировалась четкая тенденция переоценки роли платного трудового посредничества в экономике. Большинство экономистов (как теоретиков, так и практиков) пришло к выводу о целесообразности рекрутингового бизнеса, но осуществляемого под жестким контролем государства. В 1946 г. принята Конвенция № 96 МОТ, которая предлагает государствам два варианта политики в отношении контор платного трудового посредничества: либо их последовательную ликвидацию, либо контроль над ними. В первом варианте ликвидация возможна только в случае наличия государственных контор трудового найма, способных оказать те же услуги, во втором — прямо допускается соседство государственных контор и частных заведений, открытых не с целью обогащения; в этом случае нормативным актом предусматривается обязательное их подчинение официальным регламентациям и контролю.

Принятие Конвенции № 96 не разрешило коренным образом вопроса о платном трудовом посредничестве, и еще более полувека в МОТ продолжались дебаты между нанимателями, поддерживавшими сосуществование обеих форм трудового посредничества, и работниками, выступавшими против. Практический опыт также не позволял прийти к определенному решению. Например, в некоторых странах убедились, что платное трудовое посредничество стимулирует государственные службы занятости, будучи их конкурентом. В других странах, напротив, пришли к выводу, что законы рынка толкают платные конторы трудового посредничества к неблагоприятной деятельности, пресечь которую официальные системы контроля не в состоянии [Рикка, 1993].

К концу XX в. обозначились принципиальные сдвиги в общественном мнении и мнении государств в связи с платным трудовым посредничеством. Мировой опыт доказал, что опасения по поводу значительных негативных последствий предпринимательской активности в столь тонкой сфере общественной жизни, как социально-трудовая сфера, оказались в целом необоснованными. Рекрутинг стал популярным и уважаемым видом деятельности в большинстве развитых стран. Описанные сдвиги в общественной системе ценностей отразила Конвенция № 181 «Частные агентства занятости», принятая на 85-й сессии Международной конфедерации труда в Женеве 17 июня 1997 г. В ней признается, что частные рекрутинговые агентства могут способствовать эффективному функционированию рынка труда, поощряется сотрудничество между частными и государственными службами занятости. В целом в Конвенции уделено большое внимание вопросам координации деятельности посредников на рынке труда, отмечается необходимость такой ко-

ординации при решении проблем занятости в странах с развитой рыночной экономикой.

Международные общественные организации рассматривают ценность посредничества на рынке труда с точки зрения стабилизации ситуации в обществе, ведь зачастую они могут нивелировать элементы структурной безработицы, когда количество вакансий и число безработных примерно равны, но они не соответствуют друг другу по уровню квалификации и другим профессиональным характеристикам. Консультации от службы занятости в общественном секторе, карьерное консультирование частных лиц в коммерческом секторе позволяют отправлять ищущих работу на переподготовку, способствующую получению востребованных компетенций, и направлять их карьерную траекторию в перспективное русло [Базжина, 20076].

Четвертая промышленная революция и перспективы развития института посредничества на рынке труда. В связи с развитием и активным применением автоматизации и роботизации в процессе производства товаров и услуг, а также Интернета вещей, применяемого в том числе в быту, у человека высвобождается и рабочее время, и время досуга. Еще Кейнс предсказывал, что наступит время, когда человеку будет достаточно трех часов в день, т.е. 15-часовой рабочей недели, для удовлетворения своих трудовых амбиций при значительном времени досуга [Кейнс, 1931].

Досуга стало больше, за счет изменения потребностей люди меняют потребительское поведение. Здоровый образ жизни, духовное развитие, хобби творческого характера, путешествия (в том числе ретриты), поиск смыслов становятся новым трендом. Все это вызвано уменьшением эволюционной борьбы за выживание и, как следствие, ростом времени на осмысление. В результате формируются новые подходы к управлению производственными процессами, например появляются бирюзовые организации, наблюдается более тесное взаимное сотрудничество между людьми [Laloux, 2017].

Появление понятий «коллаборативная экономика», «экономика по требованию» [Шваб, 2016] отражает изменение отношения потребителей к накоплению и потреблению. Зачастую совместное потребление становится более выгодным, чем единоличное владение теми или иными благами. Прорывы в здравоохранении положительно влияют на продолжительность жизни, приводя к так называемому старению населения, что, в свою очередь, трансформирует потребительские запросы граждан.

Работодатели все чаще используют «человеческое облако», т.е. ситуацию, при которой профессиональная деятельность разбивается на точные задания и конкретные проекты, выносимые в виртуальное пространство, в облако конкретных готовых исполнителей со всего мира [Шваб, 2016]. Риск автоматизации профессий, требующих социальных и творческих навыков, в частности принятия решений в условиях неопределенности, и разработка новаторских идей могут привести к трансформации данной сферы. Тем не менее способ-

ность работников к постоянной адаптации и усвоению новых навыков и подходов в разнообразных контекстах останется ключевой.

Технологии повышают эффективность, и люди хотят не просто быть частью процесса, а заниматься осмысленной профессиональной деятельностью. Интерес представляет не только баланс работы и личной жизни, но и гармоничная интеграция [Шваб, 2016].

В качестве нового тренда управления персоналом распространяется концепция *talentism* (ориентации на высококвалифицированные кадры). Фактором конкурентоспособности становятся личные способности сотрудников — доминирующая форма стратегического преимущества. Гибкие иерархии, новые способы измерения профессиональных результатов и вознаграждения позволяют повысить эффективность. Потенциал маневренности будет определяться как мотивацией сотрудников и коммуникацией, так и установкой бизнес-приоритетов и управлением физическими активами.

Эффективность аллокации человеческого капитала, будучи институциональным следствием рекрутинговой деятельности, заключается не только в факте трудоустройства, но и в оптимальном сочетании самореализации работника, оплаты и условий труда. В связи с развитием цифровых технологий меняется подход людей к работе и работодателей к предложению труда. Развитие гибких форм занятости, телекоммуникационных способов взаимодействия, нестандартных форм организации рабочего пространства — все это вызывает потребность работодателя в использовании «человеческого облака» [Шваб, 2016], когда под конкретный проект подбирается уникальная команда для удаленного, но совместного взаимодействия и решения конкретных производственных задач. При этом роль посредников на рынке труда с развитием новых технологий сохраняется и, возможно, в большей степени задействует цифровые формы. Процесс подбора автоматизируется, становится возможным проведение удаленных способов оценки кандидатов, особенно если они и далее будут работать удаленно. Тем не менее, несмотря на блокчейн и другие возможности цифровой эпохи, информация на рынке труда остается асимметричной, а компании стремятся минимизировать издержки на подбор персонала путем передачи данной функции на аутсорсинг, чтобы сконцентрировать усилия на основном виде экономической деятельности.

Вывод. За счет посредников на рынке труда осуществляется снижение асимметрии информации об условиях труда и компетенциях потенциальных кандидатов на вакансии как на уровне индивидуального подхода в подборе персонала и трудоустройстве, так и на уровне расширения возможностей предоставления информации. Эволюция форм и видов занятости, а также другие прорывные изменения, несомненно, вызовут ответную эволюцию посредничества в данной области.

Список литературы

- Базжина В. А. Институциональные условия эффективной аллокации человеческого капитала // Человеческий капитал в глобальной экономике: сб. науч. трудов / под ред. Б. В. Корнейчука, В. А. Леванкова. СПб., 2009. С. 9–12.
- Базжина В. А. (2007а) Предпосылки формирования координационного механизма на рынке рекрутинговых услуг // Экономические институты информационного общества: сб. науч. трудов / под ред. Б. В. Корнейчука. СПб., 2007. С. 177–181.
- Базжина В. А. (2007б) Формирование механизмов координации деятельности субъектов рынка рекрутинговых услуг: дис. ... канд. эконом. наук. СПб., 2007.
- Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков [1931] / пер. с англ. и послесл. Д. Шестакова // Экономический портал. URL: <http://institutiones.com/personalities/1198-ekonomicheskie-vozmozhnosti-nashih-vnukov.html> (дата обращения: 12.12.2018).
- Рикка С. Служба занятости: природа, назначение, функционирование. М., 1993.
- Рынок труда: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. Е. Б. Яковлевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016.
- Laloux F. Reinventing Organizations. Nelson Parker, 2017.

Книги **Издательства СПбГУ** можно
ЗАКАЗАТЬ
на сайте издательства: **publishing.spbu.ru**
в интернет-магазинах: **ozon.ru**; **bookvoed.ru**; **URSS.ru**

ПРИБРЕСТИ
в книжных магазинах **СПбГУ Дом университетской книги**

Менделеевская линия, д. 5
6-я линия В. О., д. 15
Университетская наб., д. 11

А также в магазинах
Санкт-Петербурга: Сеть книжных магазинов «Буквоед»
Санкт-Петербургский Дом книги, Невский пр., д. 28
«Подписные издания», Литейный пр., д. 57
Москвы: «Библио-Глобус», ул. Мясницкая, д. 6/3
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., д. 12/27
Перми: «Пиотровский», ул. Ленина, д. 54

Научное издание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ПУТЬ В 200 ЛЕТ

Сборник статей, посвященный 200-летию
кафедры политической экономии
(экономической теории) СПбГУ

Редакторы *И. М. Кудрявина, Н. С. Лосев*
Корректоры *Е. В. Величина, А. С. Яшина*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*
Обложка *Е. Р. Куныгина*

Подписано в печать 18.02.2019. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 28,6. Плановый тираж 500 экз. (1-й завод — 155 экз.). Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.